ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ и ВОРЫ.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.

1868.

ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.
1868.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе **Н. И. КОСТОМАРОВА.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.
1868.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Избраніе Шуйскаго въ цари.—Ограниченіе царской власти.—Царскія грамоты.—Объясненія съ Мнишками и польскими послами.—Царское вѣнчаніе.

19 мая, когда еще тѣло Димитрія лежало на площади, Шуйскій собралъ бояръ, своихъ единомышленниковъ, и говорилъ:

«Мы совершили единодушно подвигъ праведный, честный, полезный и спасительный для земли; еслибъ только Богу угодно было, чтобъ меньше крови пролилось! Богъ, который земныя царства раздаетъ, кому хощетъ, благословилъ наше умышленіе. Теперь, когда вора больше нѣтъ па свѣтѣ и русскіе люди избавились отъ обольщенія чернокнижника и бѣсоугодника, который всѣмъ намъ отвелъ глаза, — теперь нужно выбирать новаго царя. Родъ нашихъ государей пресѣкся, и надобно намъ поискать въ московскомъ государствѣ человѣка знатной породы, прилежнаго въ святой восточной вѣрѣ, во всемъ благочестиваго,—чтобъ онъ держалъ невозбранно наши обычаи, чтобъ сіялъ добро-

дѣтелями, подобающими для престола, былъ бы опытенъ и не юнъ, поставлялъ бы царское величіе не въ роскоши и не въ пышности, а въ правдѣ и воздержаніи, не казну бы свою умножалъ, а берегъ бы людское достояніе наравнѣ съ казеннымъ или собственнымъ царскимъ. Вы, можетъ быть, скажете, что такого человѣка не найти намъ. Но добрый земскій человѣкъ долженъ хотѣть наилучшаго государя, чтобъ онъ по крайности казался такимъ для своихъ подвластныхъ *)».

Шуйскій описывалъ такія качества, какими самъ славился. Онъ былъ не молодъ и опытенъ, бережливъ до скупости, и уничтоженіемъ Димитрія доказывалъ свое благочестіе и преданность вѣрѣ и русскимъ старымъ обычаямъ. Бояре сказали, что есть такой человѣкъ въ русской землѣ только одинъ — князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Шуйскій, какъ водится, для виду поломался и согласился.

Бояре и думные люди пригласили властей. Приказали зазвонить въ колоколъ, чтобъ собрался на площадь народъ. Поляки, оставшіеся въ живыхъ, перепугались, услышавши звонъ; они думали: вѣрно москвитяне собираются перебить насъ всѣхъ остальныхъ. И не прежде отошло у нихъ отъ сердца, какъ узнали, въ чемъ дѣло. По однимъ извѣстіямъ, это было 19, по другимъ — 20 мая.

Пока выжидали на площадь архіерея и бояре стали на лобномъ мѣстѣ — народу бѣжало не мало. Но площадь около лобнаго мѣста предварительно заняли соумышленники Шуйскаго, сотники и пятидесятники войска, подговоренные прежде торговые люди и вообще участники въ воз-

*) De Thou, XIV, стр. 499—500. — Хотя эти слова приводятся такимъ историкомъ, какъ де-Ту, который никогда не былъ на мѣстѣ описываемыхъ событій, но въ нихъ такъ вѣрно отразился характеръ Василія Шуйскаго, что, по нашему мнѣнію, онъ долженъ былъ получить о нихъ свѣдѣніе отъ лицъ, стоявшихъ весьма близко къ событіямъ того времени.

станіи противъ Димитрія; вѣроятно, были тамъ и преступники, которые выпущены были изъ тюремъ въ день убійства.

Бояре начали говорить:

«Бывшій патріархъ, Игнатій, былъ слугою и потаковникомъ разстриги. Неподобаетъ ему оставаться на патріаршествѣ, и надобно намъ избрать на соборную апостольскую церковь патріарха».

То былъ только хитрый приступъ! Хотѣли говорить собственно о царѣ, а начали о патріархѣ.

Тогда изъ толпы заговорили:

— Напередъ патріарха, пусть изберется царь на царство, а потомъ уже патріаршеское избраніе произвольно будетъ учинить великому государю.

Другіе сказали:

— Разослать во всѣ города Московскаго государства грамоты, чтобъ изо всѣхъ городовъ съѣзжались въ Москву выборные люди для царскаго обиранія.

— Для чего выборныхъ людей собирать и ждать!—подхватили третьи.—Невозможно намъ оставаться безъ царя. Благородный князь, Василій Ивановичъ Шуйскій, избавилъ насъ, при Божіей помощи, отъ прелести вражьей и отъ власти богопроклятаго еретика, разстриги; онъ едва было не пострадалъ отъ сего плотояднаго медвѣдя; онъ живота своего не щадилъ за избавленіе Московскаго царствія. Пусть онъ будетъ царемъ нашимъ! Онъ отрасль благороднаго корени царскаго! Родъ его отъ Александра Невскаго! Да вручится ему царство россійскаго скипетродержавія!.

Тогда поднялись голоса:

— Пусть царствуетъ надъ нами благовѣрный князь Василій Ивановичъ! Онъ избавилъ насъ отъ пагубы, отъ мерзкаго еретика Гришки Отрепьева *).

---

*) Рукоп. Филар. 3.

Приверженцы Шуйскаго говорили, что народа было множество; но лѣтописцы, передающіе современныя извѣстія, указываютъ, что Шуйскій былъ избранъ не народомъ, а только соумышленниками.

Съ лобнаго мѣста повели новаго царя въ церковь. И тамъ сказалъ князь Василій Ивановичъ:

«По Божію изволенію и по вашему хотѣнію, я избранъ на престолъ Московскаго государства, и нареченъ отъ всѣхъ царемъ. Еще при царѣ Борисѣ, и послѣ него, я принималъ отъ многихъ обиды и оскорбленія, неправды и гоненія. Я цѣлую крестъ вамъ на томъ, что не стану никому мстить за мимошедшее, и не стану никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора».

Это было условлено заранѣе боярами, которымъ, разумѣется, было пріятно ограничить самодержавную власть государя. Но тутъ же оказались голоса, противные этому нововведенію. «Никогда не творилось у насъ такого,—говорили иные,—не затѣвать новаго государства!» Конечно, Василію было пріятнѣе послушать этого совѣта; но онъ здѣсь былъ боярское твореніе. Отступили бы отъ него бояре—и онъ бы остался безпомощенъ. Онъ не могъ поступать противъ воли бояръ. Василій не послушался тогда оберегателей самодержавія; цѣловалъ крестъ на томъ, чтобъ ему безъ боярскаго приговора не предавать никого смерти, не отнимать вотчинъ и имуществъ у братьевъ и дѣтей осужденныхъ, а у гостей и торговыхъ людей — лавокъ и дворовъ. Такъ какъ при Борисѣ доносничество стало всѣмъ ненавистно, то Василій Ивановичъ обѣщался не слушать ложныхъ доводовъ, но сыскивать накрѣпко и ставить доносителей съ очей на очи, а кто на кого солжетъ, того казнить.

Послѣ того какъ Василій Ивановичъ произнесъ эту присягу, по составленной крестоцѣловальной записи, присяга-

ли всѣ присутствующіе, также по крестоцѣловальной записи, служить и прямить государю, его царицѣ, и дѣтямъ, когда они будутъ, — и не учинить имъ никакого лиха ни зельемъ, ни кореньемъ.

Тотчасъ была отправлена во всѣ предѣлы Россійскаго государства грамата, сообщающая русскому народу, что праведнымъ судомъ Божіимъ, за грѣхи всего христіанства, богоотступникъ, еретикъ, чернокнижникъ, Гришка Отрепьевъ, назвавшись царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ, прельстилъ московскихъ людей, былъ на московскомъ престолѣ, и хотѣлъ попрать христіанскую вѣру и учинить латинскую и лютерскую. Но Богъ объявилъ людямъ его воровство, и онъ кончилъ жизнь свою злымъ способомъ. Сообщалось во всеобщее свѣдѣніе русскому народу, что у него въ хоромахъ найдены грамоты ссылочныя, воровскія, съ Польшею и Литвою и съ папою: видно изъ нихъ, что папа присылалъ къ нему, для утвержденія въ вѣрѣ законника монаха, который, вмѣстѣ съ Гришкою, также принялъ смерть отъ людей православныхъ. Сверхъ того оповѣщалось граматою, будто полякъ, жившій при Гришкѣ, объявилъ, что воръ, разстрига, намѣревался везти пушечный нарядъ за городъ, якобы для стрѣльбы, — созвать туда бояръ, дворянъ и всякаго званія людей, и въ тоже время приказалъ быть тамъ литовскимъ людямъ въ вооруженіи съ копьями и пищалями: на видъ для воинской потѣхи, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы всѣхъ бояръ, думныхъ людей и большихъ дворянъ побить. И было росписано у него, кому кого убивать; и была у нихъ дума потомъ захватить Москву и раздарить воеводѣ Сендомирскому и его роднѣ города на Руси, чтобы, такимъ способомъ, можно было насильно приводить православныхъ людей въ латинскую и лютерскую вѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что нѣкто Золотой-Квашнинъ, измѣнившій царю Ивану Васильевичу и

уѣхавшій въ Литву, сказывалъ, что Гришка поступился воеводѣ Сендомирскому дать многіе города, а королю польскому отдавалъ Смоленскую и Сѣверскую земли. Въ заключеніе, грамата извѣщала, что совершился выборъ новаго царя всѣмъ Московскимъ государствомъ. Духовные— митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ; бояре, окольничьи дворяне, приказные люди, стольники, стряпчіе, дѣти боярскіе, гости торговые и всякіе люди Московскаго государства били челомъ князю Василію Ивановичу Шуйскому, чтобы онъ былъ царемъ и великимъ княземъ, по степени прародителей отъ Рюрика и отъ Александра Невскаго, отъ котораго происходили предки князя Василія, правившіе суздальскимъ удѣльнымъ княженіемъ. Предписывалось въ каждомъ городѣ собрать людей всякаго чина и званія, и духовныхъ и свѣтскихъ, — прочитать эту грамату,—и они всѣ должны цѣловать крестъ, по крестоцѣловальной граматѣ, и въ продолженіе трехъ дней слѣдовало служить молебны съ колокольнымъ звономъ *).

Эта грамата такъ писалась, чтобы въ каждомъ городѣ обмануть русскихъ людей. Вездѣ тогда могли ложно думать, что всѣ города, исключая того, куда присылался полученный списокъ граматы, участвовали въ выборѣ новаго царя. Въ одномъ городѣ могли подумать, что хоть изъ него выборныхъ въ Москву, какъ всѣмъ имъ извѣстно, не посылали, но дворяне и дѣти боярскіе этого города и уѣзда его, бывшіе въ службѣ, находились въ Москвѣ, и ихъ слово могло пойти за весь городъ и уѣздъ; въ другомъ — можно было поставить дѣло такъ, что, какъ бы случайно, — только этого города людямъ не пришлось быть на избраніи: не идти же одному городу противъ всей русской земли; и очевидно, такому городу, не заявивши

*) Собр. гр. II, 304.

своего голоса при избраніи, оставалось только спокойно присоединить свое желаніе къ общей волѣ другихъ городовъ, земель, волостей и уѣздовъ.

Разомъ съ царскою граматою разослана была грамата отъ бояръ такого же содержанія. Бояре увѣряли народъ, что они всѣ, и другихъ званій люди, дѣйствительно били челомъ Василію Ивановичу принять престолъ, и избрали его московскимъ царемъ *).

Для рѣшительнаго увѣренія русскаго народа въ томъ, что бывшій царь былъ Гришка, а не Димитрій, разослана была на другой день, послѣ этихъ граматъ, грамата отъ имени царицы-инокини Мароы. Она извѣщала, что тотъ, который царствовалъ и взялъ дѣвку латинской вѣры изъ Польши, не крестивъ ее, вѣнчался съ нею, помазалъ мvромъ и на царство вѣнчалъ, чтобы учинить въ Россійскомъ государствѣ лютерскую и латинскую вѣру и всѣхъ отвести отъ Бога, — не сынъ ея, а богоотступникъ, еретикъ, Гришка-разстрига. «А мой сынъ Димитрій Ивановичъ (говорила грамата отъ имени Мароы) убитъ въ Угличѣ передо мною и передъ моими братьями, и теперь лежитъ въ Угличѣ. Это извѣстно боярамъ и дворянамъ. А когда этотъ воръ, называясь ложно царевичемъ, колдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, за мною долгое время не посылалъ, а прислалъ ко мнѣ своихъ совѣтниковъ, и велѣлъ беречь, чтобъ ко мнѣ никто не приходилъ и никто со мной не разговаривалъ. И когда онъ велѣлъ насъ привезти въ Москву, то былъ на встрѣчѣ у насъ одинъ и не велѣлъ къ намъ пускать ни бояръ, ни другихъ какихъ людей, — и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобы мы его не обличали, угрожалъ и намъ, и всему роду нашему смертнымъ убійствомъ. Онъ посадилъ меня въ монастырь, приставилъ за мной своихъ совѣтни-

*) Собр. г. гр. II, 300.

ковъ, чтобы оберегать меня, и я не смѣла объявить въ народѣ его воровство, а объявила боярамъ и дворянамъ, и всѣмъ людямъ тайно». Въ заключеніе, вдовствующая царица возвѣщала, что, послѣ достойной казни вора-разстриги, князь Василій Ивановичъ Шуйскій принялъ престолъ выборомъ всего Московскаго государства, и что она, царица, вмѣстѣ съ другими, била ему челомъ о принятіи царства.

Слушавшіе грамату должны были вообразить себѣ, что Марѳа принимаетъ участіе въ правительствѣ: грамата эта кончалась обѣщаніемъ жалованья свыше прежняго отъ царя Ивана Васильевича и отъ ней, царицы Марѳы *). Въ какой степени уважалъ царь Василій мать Димитрія — показываетъ просьба ея, обращенная, уже по низложеніи Шуйскаго, къ польскому королю: тамъ инокиня Марѳа жалуется, что Шуйскій даже не кормилъ ее, какъ слѣдуетъ.

По способу изложенія, эта грамата могла бы, кажется произвести впечатлѣніе обратное тому, какого домогался Василій, по крайней мѣрѣ между тѣми, которые случайно видѣли прошедшія событія поближе. Царица говорила, что называвшій себя Димитріемъ, по своемъ пріѣздѣ въ Москву, видѣлся съ ней въ первый разъ безъ свидѣтелей: тогда какъ чуть не вся Москва выходила смотрѣть на трогательное зрѣлище свиданія сына съ матерью. Въ граматѣ говорилось, что разстрига угрожалъ царицѣ смертью, и Марѳа отъ страха признала его сыномъ; тогда какъ, по здравому разсудку, было явно, что не онъ могъ ей угрожать, а она ему, и отъ нея зависѣла его участь и царство. Стоило только Димитріевой матери объявить, что онъ не сынъ ея, и все обольщеніе исчезло бы мгновенно. Въ граматѣ говорилось, что разстрига присылалъ за нею своихъ совѣтниковъ, тогда какъ въ Москвѣ извѣстно было, что за ней ѣздилъ Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, человѣкъ близкій къ

*) Собр. гос. гр. II, 306.

Василію, человѣкъ рода его, который со вступленія на престолъ не только не былъ сосланъ какъ сообщникъ разстриги, но входилъ въ силу. Въ граматѣ царица объявляла, что разстрига содержалъ ее тайно, никого не допускалъ къ ней; тамъ же говорилось, что она объявляла о его воровствѣ боярамъ и думнымъ людямъ и всякимъ людямъ; слѣдовательно, она содержалась такъ, что могла видѣться со многими. Одно такое противорѣчіе этой граматы самой себѣ, казалось, должно было лишить ее довѣрія. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Марѳа дала согласіе на такую грамату, или она была писана безъ ея согласія. Но видно было, что новый царь не боялся явной лжи и обмана: иначе, онъ самъ не надѣялся бы, что его признаютъ въ новомъ достоинствѣ, послѣ того какъ онъ самъ, при Борисѣ, производя слѣдствіе надъ убитымъ Димитріемъ, показалъ, что Димитрій убилъ самъ себя, — потомъ, при вступленіи названнаго Димитрія, поклонился ему какъ законному царю и заявлялъ, что, вмѣсто Димитрія, убитъ поповъ сынъ, а настоящій Димитрій живъ и вступаетъ на царство; — послѣ того, наконецъ, какъ онъ, по возвращеніи своемъ изъ ссылки, былъ близкимъ человѣкомъ у разстриги. Теперь, послѣ смерти того, кого онъ призналъ настоящимъ, онъ заявлялъ, что оба прежнія его показанія были ложью, и представлялъ русскому народу новымъ, уже третьимъ способомъ это запутанное дѣло: что Борисъ приказалъ убить малолѣтняго царевича, и что царевичъ дѣйствительно былъ убитъ по этому повелѣнію.

Послѣ разсылки граматъ, отправились въ Угличъ: митрополитъ Ростовскій Филаретъ, Астраханскій епископъ Ѳеодосій *), два архимандрита: Спасскій и Андроніевскій,

*) По житію его видно, что онъ не былъ тогда при открытіи мощей, но, ѣдучи изъ Астрахани въ Москву, умеръ на дорогѣ въ Царицынѣ.

бояре: Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Петръ Никитичъ Шереметевъ и двое Нагихъ —Григорій Өедоровичъ, братъ царицы, и Андрей Александровичъ. Они должны были перенести мощи царевича Димитрія изъ Углича въ Москву.

Въ ожиданіи мощей, новое правительство расправлялось съ поляками. Марина осталась во дворцѣ подъ стражею; съ нею дозволили видѣться воеводѣ. Въ самый страшный день погрома поляковъ, бояре предоставили ему вмѣстѣ съ дочерью поплакать о превратностяхъ судьбы своей. Изъ дома во дворецъ, изъ дворца въ домъ его провожали и охраняла отъ толпы, которая, какъ только завидѣла, что Мнишекъ выходитъ изъ дома, бросилась было на него не съ добрымъ духомъ. Когда онъ возвращался отъ дочери, москвичи заглядывали ему въ глаза, любовались его униженнымъ высокомѣріемъ и показывали тѣлодвиженіями свое торжество. Съ тѣхъ поръ Марина оставалась во дворцѣ, по однимъ извѣстіямъ, до среды *), по другимъ — до пятницы слѣдующей недѣли. Въ эти дни Шуйскій приказалъ ей доставлять кушанье отъ воеводы, потому что она не могла ѣсть отъ того стола, который готовился во дворцѣ. Ея собственный поваръ погибъ въ субботу вмѣстѣ съ музыкантами. Наконецъ, бояре, посовѣтовавшись между собою, рѣшили, что ее надобно отпустить къ отцу, но воспользовавшись случаемъ, чтобы взять съ нея и съ отца за тѣ издержки, которыя, ради ихъ, такъ щедро расточалъ покойный царь изъ казны. Пришли къ Маринѣ отъ царя и бояръ и говорили:

«Мужъ твой, Гришка Отрепьевъ, воръ, измѣнникъ и прелестникъ, обманулъ насъ всѣхъ, назвавшись Димитріемъ; но ты, дочь сендомирскаго воеводы, знала его въ Польшѣ, и завѣдомо было тебѣ, что онъ воръ, а не прямой царе-

*) Monum. Hist. Russ. 178.

вичъ; и ты за него вышла замужъ! Теперь, если ты хочешь быть на волѣ и идти къ своему отцу, то отдай и вороти все, что воръ тебѣ пересылалъ въ Польшу и давалъ въ Москвѣ».

Марина указала имъ на свои драгоцѣнности, украшенія, одежды и сказала:

— Вотъ мои платья, ожерелья, камни, жемчугъ, цѣпи, браслеты. Вы можете взять все; оставьте мнѣ только одно ночное платье, въ которомъ бы я могла уйти къ отцу. Я готова вамъ заплатить и за то, что проѣла у васъ съ моими людьми.

— Мы съ тебя за проѣсть ничего не беремъ, — сказали москвичи, -- а ты верни намъ 55,000 рублей за все, что воръ переслалъ тебѣ въ Польшу.

— Не только то, что мнѣ прислали — отвѣчала Марина — но еще много и своего я поратила на путешествіе сюда, чтобъ было честнѣе вашему государю и вамъ всѣмъ московскимъ людямъ. У меня ничего болѣе нѣтъ, кромѣ того, что я отдаю вамъ и что вы можете взять. Отпустите меня на свовобу, съ отцомъ моимъ: умоляю васъ, — и мы вышлемъ вамъ все изъ Польши, что вы требуете *).

По извѣстію Петрея, москвичи не прежде ее отпустили къ отцу, какъ поговоривши съ воеводою объ этомъ. Они потребовали денегъ въ вознагражденіе за потраченное Димитріемъ. Изъ расписки, представленной впослѣдствіи Мнишкомъ, видно, что у него взяли тогда наличными десять тысячъ рублей (что составило 33,333½ злотыхъ польскихъ). Но, сверхъ того, у него позабирали лошадей, кареты, драгоцѣнности и вино, котораго онъ привезъ съ собою въ большомъ количествѣ; одного венгерскаго оставалось тогда тридцать бочекъ; видно было, что Мнишекъ

*) Petr. 196.

собирался порядочно угоститься и весело пожить въ чужой землѣ *). Мнишекъ, отдавая деньги и все свое имущество, умолялъ, чтобъ его отпустили въ Польшу.

Москвичи сказали: «еще рано тебя выпускать, а дочь твою къ тебѣ отпустимъ.»

— Возьмите деньги и все, что у меня есть, только отпустите ко мнѣ дочь съ ея охмистриною и съ придворными дамами **).

Въ дневникахъ польскихъ нѣтъ этого извѣстія; достовѣрно однако то, что Марина, обобранная до-чиста, отправилась къ отцу въ одномъ платьѣ. На другой день, какъ будто на посмѣяніе, прислали ей пустые сундуки. Съ нею переѣхали дамы, но не всѣ; нѣкоторыя были разобраны боярами и содержались у нихъ въ домахъ подъ надзоромъ ихъ женъ.

Воевода, чувствовавши себя еще недавно на верху блаженства, отъ того что дочь его царица, и теперь принималъ ее съ церемонными поклонами, титуловалъ царицей и предпочиталъ выражать свою любовь болѣе знаками уваженія къ ея царскому достоинству, чѣмъ теплымъ сочувствіемъ отца къ несчастной дочери. Съ нею сидѣли въ неволѣ соотечественницы, въ нищетѣ, въ униженіи, чуть не въ однихъ рубашкахъ, и то оставленныхъ имъ изъ жалости, и многія горячо оплакивали мужьевъ, погибшихъ въ страшный день народной кары. Марина казалась несчастнѣе всѣхъ ихъ. Недавнее царственное величіе, радость родныхъ, поклоненіе подданныхъ, пышность двора, надежды молодой счастливой жизни — все разбилось въ одинъ мигъ, все исчезло какъ сонъ! Изъ вѣнчанной повелительницы народа, который такъ недавно встрѣчалъ ее съ восклицаніями, принялъ на престолъ своихъ владыкъ,

*) Собр. г. гр. II, 333.
**) Petr. ibid.

стала она теперь невольницею; и въ устахъ прежнихъ подданныхъ честное имя царской супруги замѣнилось позорнымъ именемъ вдовы обманщика, подлой соучастницы его преступленія. «Она и потому была несчастнѣе другихъ вдовъ, говоритъ современникъ *), что ей не дозволено было послѣ недолгихъ дней любви, принять послѣднее дыханіе супруга, не дозволено было ей даже похоронить его и оплакать. Но всего ужаснѣе было то, что, находясь подъ надзоромъ враговъ его, она должна была сносить ихъ грубыя рѣчи — видѣть ихъ радость о своемъ горѣ. Всегда на виду у нихъ, она не смѣла предаться своей горести, чтобъ не дать своимъ злодѣямъ повода къ удовольствію. Эта женщина прошла тогда тяжелую школу! Марина вооружилась твердостію духа, закалилась волею. «Я царица, говорила она, и останусь царицею!» И на перекоръ своему низверженію, своему униженію, она укрѣпилась въ одной мысли — остаться царицею и мстить за свое поруганіе, за порчу своей жизни.»

Съ Мнишками оставалось 230 человѣкъ свиты, а съ прислугою было всего около 300 человѣкъ. Значительная часть поляковъ, кромѣ важнѣйшихъ пановъ, родственниковъ Мнишка и посольской свиты, выслана изъ Москвы въ Польшу. Они пошли пѣшкомъ на скудномъ пропитаніи. Съ ними отправились и ограбленные иноземные купцы, пріѣхавшіе наживаться въ московской землѣ. Остальныхъ поляковъ велѣно было размѣстить по дворамъ и отпускать имъ на содержаніе отъ царскихъ щедротъ. Когда приставы для этого потребовали тѣхъ поляковъ, которые во время рѣзни укрылись на посольскій дворъ,—они слезно просили пословъ не отпускать ихъ отъ себя. Москвичи говорили имъ: «не бойтесь ничего; все миновалось! Царь будетъ

*) Iuno Petricii, 135.

вамъ давать съѣстные припасы и жалованье деньгами.» — «Мы, отвѣчали поляки, лучше будемъ питаться крохами отъ посольскаго стола, нежели кормиться отъ московскаго обилія и брать жалованье отъ вашего царя». Согласился идти за приставами одинъ панъ Тарло, и съ нимъ поступили хорошо; ему дали помѣщеніе и двѣсти рублей на платье. Тогда многіе москвичи, хозяева дворовъ, гдѣ размѣстили поляковъ, принимали ихъ съ состраданіемъ, давали имъ платье, деньги, кормили и поили ихъ. Большая часть жителей столицы не участвовала въ избіеніи гостей, и неодобряла страшнаго утра прошедшей субботы; даже многіе изъ тѣхъ, что въ первомъ порывѣ бросились бить Литву, услыша отъ бояръ, будто Литва собирается извести государя и бояръ, раскаялись въ своей опрометчивости, когда узнали, что Литва не собиралась бить государя и бояръ, а убили государя бояре сами.

Послы требовали объясненія и отпуска. Имъ сказали, что ихъ допустятъ къ царской рукѣ въ слѣдующее воскресенье и послѣ того они поѣдутъ себѣ въ свою землю. Послы ожидали съ нетерпѣніемъ дня, чтобъ скорѣе уѣхать изъ края, внушавшаго имъ ужасъ.

Въ воскресенье ихъ не позвали, какъ было обѣщано. Въ этотъ же день Москва зашумѣла. Цѣлую недѣлю жители столицы были въ какомъ-то чаду, также точно, какъ и вся московская земля, получивши вѣсть о переворотѣ. Очень многіе не могли придти въ себя и разсудить, что̀ это за дивныя дѣла дѣлаются и что это такое творятъ бояре съ землею? Недавно былъ на престолѣ царь Димитрій Ивановичъ; его чудесному спасенію радовалась вся земля московская, жилъ онъ и здравствовалъ; сомнѣнія въ его дѣйствительности, если и были прежде, то уже исчезли, когда родная мать признала его сыномъ, а бояре, близкіе къ царскому дому, увѣряли, что это Димитрій настоя-

щій, и сами служили ему уже вотъ около года. Теперь вдругъ читается въ церквахъ, что это былъ разстрига, еретикъ Гришка Отрепьевъ; его убиваютъ безъ всякаго суда, трупъ его валяется изуродованный и искаженный на поруганіе уличнымъ гулякамъ, и новый выбирается царь, будто бы волею всей земли, а въ Москву не съѣзжалась земля русская, и сами москвичи не видали, какъ это вдругъ сдѣлалось, и не подавали своего согласія.

Вотъ въ воскресенье, 20-го числа, стекается много народа на Красную площадь. Кто убилъ царя? кто выбралъ новаго? кричатъ, требуютъ объясненія. Думные люди, пособники Шуйскаго, стали грудью за свое созданіе, вышли на лобное мѣсто и обѣщали народу представить явныя улики, что бывшій на престолѣ дѣйствительно воръ и обманщикъ, разстрига, еретикъ, и хотѣлъ истребить православную вѣру. Послѣ того они говорили: «вотъ Господь Богъ открываетъ свою благодать, являетъ мощи новаго чудотворца Димитрія царевича. Его святое тѣло въ Угличѣ исцѣленія подаетъ одержимымъ различными болѣзнями, во увѣреніе всѣмъ православнымъ христіанамъ, и многіе о чудесахъ его свидѣтельствовали и извѣщали на соборѣ. Явленіе новыхъ мощей было важно для русскаго народа. Онъ не привыкъ подвергать сомнѣнію такія происшествія, которыя церковь ему указывала за явленіе Божіей благодати. Извѣстіе о томъ, что мощи скоро перевезутъ въ Москву, поразило толпу, и она согласилась ждать указанія свыше, которое должно успокоить совѣсть.

Впрочемъ, москвичи должны были, размысливши, почувствовать, что, домогаясь власти, новый царь искусно сдѣлалъ Москву невольною участницею своихъ домогательствъ. Когда онъ съ боярами истребилъ Димитрія, Москва уничтожала поляковъ, за которыхъ, главнымъ образомъ, какъ выставлялось народу, Димитрій возбудилъ

противъ себя необходимость убить его. Не всѣ умерщвляли поляковъ, но послѣ совершившагося дѣла разобрать было невозможно: кто тутъ прилагалъ руки, и кто былъ въ сторонѣ? Истребленіе поляковъ въ Москвѣ угрожало возможностію мести отъ Сигизмунда и отъ всей польской націи. Поляки не станутъ разбирать, кто здѣсь былъ виновенъ, а будутъ считать виновною всю Москву, даже все Московское государство. Такъ, свергнуть Шуйскаго было трудно, не смотря на то, что съ перваго взгляда могло казаться легко. Его выбрали бояре и толпа приверженцевъ; а чтобы покуситься на его сверженіе, нужно было имѣть на виду претендента и притомъ высокаго происхожденія, или прежде чѣмъ нибудь уже пріобрѣвшаго любовь московскаго народа. Изъ лицъ высокаго рода, выше Шуйскаго былъ Мстиславскій. Но этотъ не предпріимчивый и не честолюбивый, вообще очень ограниченный по уму и способностямъ бояринъ, заранѣе говорилъ, что если его станутъ просить въ цари, то онъ пострижется въ монахи. Поневолѣ Москвѣ приходилось терпѣть то, что произошло.

Послы ждали и досадовали, что ихъ не зовутъ. Въ понедѣльникъ, второй посолъ отправился къ Димитрію Шуйскому узнать: что это значитъ, что ихъ обѣщали звать и не позвали?

Во вторникъ, 26 числа, пригласили ихъ во дворецъ въ отвѣтную палату. Они тамъ увидѣли Мстиславскаго, братьевъ Шуйскихъ: Димитрія и Ивана, Ивана Никитича Романова, трехъ братьевъ Голицыныхъ, Татищева, брата царицы Марѳы Нагого и еще нѣсколькихъ другихъ. Лица были знакомыя, такъ недавно признававшія Димитрія; нѣкоторыя изъ нихъ были облагодѣтельствованы имъ, возвращены изъ заточенія; одинъ изъ нихъ недавно увѣрялъ всѣхъ, что бывшій царь ему племянникъ, другой—что онъ ему двоюродный братъ, а теперь они проповѣдуютъ вмѣстѣ съ дру-

гими, что онъ обманщикъ. Какъ измѣнились лица, такъ мѣнилась вся обстановка. Исчезла прежняя веселость, прежняя пышность! Не виднѣлись болѣе радостныя, сіяющія довольствомъ лица. Всѣ глядѣли какъ-то смутно, какъ будто бы сошлись они на похороны; не пестрѣли алебардщики и стрѣльцы въ нарядныхъ одеждахъ; не вѣяло прежней свободой въ обращеніи, не раздавалась музыка, не пѣлись пѣсни. И Кремль, и дворецъ— все приняло суровый характеръ, даже казались суровѣе, чѣмъ прежде были. Шуйскій былъ скупъ, и все кругомъ его какъ будто проникалось качествомъ новаго властелина. Бояре сухо указали мѣста посламъ королевскимъ. Послы сѣли. Бояре усѣлись. Мстиславскій, первый въ думѣ, развернулъ бумагу и сталъ читать. Онъ помянулъ событія прошедшаго времени, сказалъ про убійство настоящаго Димитрія, гласно приписалъ его Борису. Онъ вспомнилъ о перемиріи, установленномъ на 20 лѣтъ и утвержденномъ обоюдною граматою; и потомъ говорилъ Мстиславскій такъ: «по дьяволскому умышленію, Гришка Отрепьевъ, б......ъ сынъ, чернецъ, діаконъ, воръ, впалъ въ чернокнижіе, и за то осужденный отъ святѣйшаго отца патріарха убѣжалъ въ государство вашего короля, назвался княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, царевичемъ, былъ у Сигизмунда, короля вашего. И мы, бояре русскіе, услышали объ этомъ въ Москвѣ и посылали къ сенаторамъ вашимъ литовскимъ съ граматою Смирнова-Отрепьева, родного дядю этого вора, чтобъ онъ обличилъ его и показалъ бы передъ вашими сенаторами, что это не настоящій Димитрій, какимъ онъ себя сказывалъ. Потомъ патріархъ и архіереи наши посылали къ архіепископамъ и епископамъ вашимъ о томъ же самомъ. Но король Жигимонтъ и паны и рада не приняли нашего извѣстія, забыли договоръ, который утвердили присягою: чтобы никакому непріятелю

нашему не помогать ни казною, ни людьми. Когда этотъ воръ, съ людьми польскаго короля, прибылъ въ землю Сѣверскую, чернь, люди неразумные, тотчасъ ему повѣрили, сдавали города, вязали воеводъ. А потомъ, Божіимъ судомъ, царя Бориса смерть постигла. И этотъ воръ сѣлъ на столицѣ Московскаго государства, — хотѣлъ насъ всѣхъ погубить и вѣру нашу христіанскую истребить. А съ воеводою Сендомирскимъ пришло много людей, жолнѣровъ, народа вашего, и чинили они великія насилія и оскорбленія русскимъ людямъ Царица, мать истиннаго Димитрія, которую воръ называлъ своею матерью, хотя съ перваго раза, отъ страха, и признала его сыномъ, но потомъ тайно объявила намъ, что онъ воръ. И мы, не терпя такого вора надъ собою, убили его, а чернь наша, негодуя на вашихъ людей за насильства, кокорыя они чинили, безъ нашего вѣдома бросилась на нихъ, и такъ случилось великое кровопролитіе. А вся эта смута началась отъ вашего короля и отъ васъ пановъ рады: вы нарушили крестное цѣлованіе и мирное постановленіе. Теперь, Божіимъ милосердіемъ, и по согласію всего духовнаго чина, и бояръ, и дворянъ, и всѣхъ людей, учиненъ царемъ русскимъ Василій Ивановичъ Шуйскій. И онъ, государь милостивый и мудрый, жалѣетъ о толикомъ кровопролитіи, и всѣхъ вашихъ молодшихъ людей, которые остались въ большомъ числѣ, со всѣми ихъ имуществами, приказалъ проводить за границу Московскаго государства. Все это мы вамъ посламъ объявляемъ, чтобъ вы знали неправду короля вашего, и всего государства вашего, что вы поступаете не по-христіански».

Выслушавши это, послы переглянулись между собою, отошли въ сторону и говорили шопотомъ. Потомъ Гонсѣвскій, знавшій по русски, говорилъ длинную рѣчь... «Если Сигизмундъ король, сказалъ онъ между прочимъ, принялъ къ себѣ изгнанника — этимъ онъ не нарушилъ мирнаго до-

говора. И варвары не отказываютъ въ убѣжищѣ гонимымъ и просящимъ пріюта. Можно указать много примѣровъ, что люди частные, убѣгая изъ отечества по нуждѣ и отъ страха, собирали рати, получали пособія, воевали противъ своихъ недруговъ, и отъ этого не нарушалась дружба и союзъ между государствами. Борисъ принялъ же къ себѣ Густава, сына короля шведскаго Эрика, въ то самое время, когда Сигизмундъ воевалъ съ Швеціею, и не отпустилъ его отъ себя, хоть его просили объ этомъ черезъ посольства. Ни король нашъ, ни люди его не вѣрили сначала разсказамъ этого человѣка, пока не пришли ваши люди — нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ разныхъ городовъ, — и всѣ они увѣряли, что этотъ человѣкъ настоящій Димитрій Ивановичъ, и потому король далъ изгнанному милостыню, и паны, изъ христіанскаго милосердія, давали ему милостыню. Вѣдь и вы, какъ христіане, тоже даете убогимъ милостыню». Гонсѣвскій увѣрялъ, что Сендомирскій воевода «проводилъ названнаго Димитрія съ немногими людьми и воротился по королевскому приказанію». Какъ только король получилъ отъ Бориса посольство черезъ Постника Огарева, тотчасъ приказалъ ему воротиться. Гонсѣвскій увѣрялъ, будто подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ совсѣмъ не было поляковъ. Вообще Гонсѣвскій старался поставить дѣло такъ, чтобъ казалось, будто вовсе не помощію поляковъ овладѣлъ престоломъ разстрига, а сами русскіе возвели его. «Не всѣ ли вы и князь Шуйскій, нынѣшній государь, и другіе пріѣзжали къ нему въ Тулу, признавали государемъ, присягали, а потомъ привели въ столицу и вѣнчали на царство?—говорилъ Гонсѣвскій. Не вы ли сами, и тѣ, которые бывали отъ васъ въ посольствѣ, твердили, что не нашъ народъ посадилъ вамъ государя на столицѣ, а вы сами его добровольно признали?... Были мы со всѣми вами на переговорахъ, а не слыхали ни отъ кого, чтобъ онъ не былъ

настоящій Димитрій. Даже если кто нибудь изъ людей нашего народа заявлялъ сомнѣніе, такъ вы нашихъ увѣряли, что онъ истинный государь вашъ. Теперь, послѣ этихъ увѣреній и присяги, вы убили его. За что же винить короля и Рѣчь Посполитую?... Во всемъ ваша вина. Мы не споримъ противъ убійства и не жалѣемъ этого человѣка. Сами видѣли, съ какимъ высокомѣріемъ онъ съ нами обращался, какъ требовалъ необычнаго императорскаго титула, какъ не хотѣлъ принимать граматы отъ короля. Намъ жаль только многихъ почтенныхъ людей, которые вовсе не спорили съ вами за этого человѣка и не стерегли его особы. Вы ихъ перебили, перемучили, разграбили достояніе; да еще вы же насъ и вините, будто мы перемиріе нарушили! Вы говорите, что виновата чернь въ кровопролитіи; мы такъ думаемъ, что вы захотите наказать виновныхъ, и принимаемъ ваше извиненіе, приписуемъ настоящій несчастный случай грѣхамъ нашимъ и Божіему попущенію; отпустите же съ нами воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ остальныхъ поляковъ, оставшихся живыми, со всѣми ихъ имуществами. А мы, прибывши къ его величеству королю, будемъ стараться о продолженіи мира на вѣчныя времена. Если же вы насъ, не по обычаю христіанскому, задержите и оскорбите этимъ короля и Рѣчь Посполитую, Корону польскую и великое Княжество Литовское, тогда уже трудно будетъ вамъ на чернь ссылаться, и случившееся пролитіе невинной крови братій нашихъ останется не на черни, а на вашемъ настоящемъ государѣ и на васъ, думныхъ боярахъ. Изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго ни для вашего, ни для нашего народа».

Бояре выслушали находчивый и ловкій отвѣтъ, въ которомъ была и ложь, напримѣръ, что Димитрій остался вовсе безъ поляковъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Бояре только переглядывались другъ съ другомъ. Потомъ Ми-

хайло Татищевъ началъ говорить почти тоже, что Мстиславскій, и послы отвѣчали Татищеву почти тоже, что уже прежде говорили. Наконецъ, Татищевъ, какъ будто со злости, повернулъ рѣчь на посторонній предметъ и сталъ посламъ колоть глаза тѣмъ, что теперь ихъ государству плохо — внутри безпорядки, а извнѣ съ одной стороны татары нападаютъ, а съ другой шведы.

На это замѣчаніе Гонсѣвскій, между прочимъ, сказалъ: «Мы не знаемъ о внутреннихъ нашихъ безпорядкахъ, о которыхъ вы говорите, и не думаемъ, чтобы они были. Правда, мы люди свободные, привыкли говорить свободно, охранять права вольности и свободу народную. Но это нельзя считать безпорядкомъ; хоть бы и случились въ нашемъ отечествѣ какія нибудь недоразумѣнія, какъ между людьми бываетъ, то въ польскомъ и литовскомъ народѣ достанетъ на столько доблести, чтобы каждый пожертвовалъ своими частными выгодами для отечества, — и если теперь осмѣлится оскорбить насъ посторонній непріятель, то наши легко между собой согласятся и не дозволять чужеземцамъ посягать на свободу и вольность нашу.»

Бояре замѣтили Татищеву, что онъ не кстати завелъ объ этомъ рѣчь. Наконецъ, Мстиславскій сказалъ:

«Все это сдѣлалось за грѣхи наши. Воръ этотъ и насъ, и васъ обманулъ. Вотъ, Михайло Нагой, родной братъ старой царицы; онъ назвалъ себя его дядею — спросите его! Онъ вамъ скажетъ, что это былъ вовсе не Димитрій; настоящій Димитрій въ Угличѣ; за его тѣломъ поѣхалъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ съ архіереями; они привезутъ его и похоронятъ между предками его. А ваше слово объ отпускѣ вашемъ и всѣхъ польскихъ людей мы доложимъ великому государю и дадимъ вамъ отвѣтъ.»

Послы просили позволенія повидаться съ воеводой, — имъ этого не дозволили. Когда возвращались изъ дворца, то

увидали Мнишка, Марину и другихъ у оконъ, смотрѣли одинъ на другаго, а поговорить не могли.

Черезъ два дня бояре позвали Мнишка, для объясненія. На него напустились бояре, называли его виновникомъ смуты, упрекали его, будто поляки съ нимъ вмѣстѣ умышляли овладѣть Москвою, говорили, что ему слѣдовало бы испытать такую же участь, какую испыталъ разстрига, его зять.

Мнишекъ отвѣчалъ рѣзко: «я не набивался съ своею дочерью. Вы всѣ согласились на ея бракъ! Вы прислали къ намъ посольство просить мою дочь за вашего царя! Вы увѣряли, что онъ настоящій наслѣдственный государь вашъ. Ваши письма цѣлы; они у короля въ Польшѣ. Съ какою же совѣстью вы говорите, будто мы васъ обманули? Вы обманули насъ, а не мы васъ! Полагаясь на ваше слово, на письма, на крестное цѣлованіе, мы пріѣхали къ вамъ какъ братья и друзья, а вы поступили съ нами какъ съ злѣйшими врагами. Мы довѣрились вамъ безъ всякой хитрости; мы помѣстились не толпами, а разсѣялись по разнымъ улицамъ. Мы бы этого не сдѣлали, еслибъ у насъ было что нибудь дурное на умѣ! А у васъ былъ медъ на устахъ и горькая желчь въ сердцѣ. Устами вы насъ привѣтствовали, а въ сердцѣ помышляли, какъ бы насъ передушить, какъ послѣ и оказалось. Сколько теперь останется въ Польшѣ злополучныхъ вдовъ и сиротъ! Когда онѣ узнаютъ объ этомъ, то денно и нощно будутъ взывать къ Богу, плакать и призывать отмщеніе за эту неслыханную бойню. Какъ же вы теперь будете отвѣчать передъ Всемогущимъ Богомъ! Какая слава пойдетъ о васъ по чужимъ землямъ! Если Димитрій, какъ вы теперь говорите, былъ не настоящій царевичъ, а обманщикъ, то казните виновныхъ въ этомъ, а не другихъ. Развѣ не могли вы схватить Димитрія, какъ вы его прежде называли, или Гришку разстригу, какъ вы его теперь называете,

безъ нашей крови и безъ убійства нашихъ братій? Но пусть уже терпимъ мы — я и дочь моя — за то, что довѣрились вашимъ просьбамъ, приглашеніямъ, посольствамъ, обѣщаніямъ и крестному цѣлованію вашему! а друзья и ближніе наши — чѣмъ заслужили это? Чѣмъ виноваты музыканты, пѣсенники и купцы, которые привезли къ вамъ товары? За что погибли невинно женщины и дѣвицы? Еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы обнимали насъ, угощали насъ, а теперь насъ обобрали, держите хуже чѣмъ плѣнныхъ и не пускаете домой. Мы не воевать къ вамъ съѣхались, а на свадьбу! Есть Богъ на небесахъ: Онъ праведенъ и ревнивъ къ отмщенію! Онъ не оставитъ безъ наказанія убійства, и взыщетъ на дѣтяхъ вашихъ въ будущее время!»

На это бояре изложили вины убитаго царя противъ русскихъ обычаевъ, выставили на видъ его коварные замыслы и сказали Мнишку:

«Былъ бы твой зять благодаренъ за то, что его возвели на такую высоту, и любилъ бы насъ, и довѣрялъ больше намъ, чѣмъ иноземцамъ и полякамъ, такъ этого съ нимъ не было бы, хоть онъ и не истинный былъ сынъ Ивана Васильевича — онъ самъ зналъ это хорошо! Мы думали, что при немъ будетъ лучше, что мы черезъ него возвысимся и процвѣтемъ, а онъ насъ сдѣлалъ послѣдними — ни во что поставилъ! Онъ жилъ по иноземному обычаю и насъ заставлялъ тоже дѣлать, а намъ это было не любо. Чтобы не было большой бѣды и не сталось пролитія крови, и чтобы нашу православную христіанскую вѣру сохранить, мы его убили. А вы, поляки, вели себя гордо и безчинно; безчестили нашихъ женъ и дочерей,—по улицамъ и распутьямъ чинили насильства и безчинства—били, кололи, сѣкли, поносили, ругались, толкали нашихъ, плевали на нашихъ, и черезъ то огорчили сердца множества людей нашихъ, при-

вели ихъ въ гнѣвъ и ярость, такъ что мы никакими мѣрами не могли укротить народа и запретить ему. Мы не радуемся тому, что въ смутѣ погибли напрасно и невинные люди; но нельзя же насъ винить за то, что сдѣлала яростная чернь, — никакой человѣкъ укротить ее не можетъ, когда она начнетъ своевольничать. А что ты говоришь про женщинъ и дочерей вашихъ людей, такъ имъ лучше у нашихъ женъ и дочерей, чѣмъ твоей дочери у тебя. Мы съ тебя, воевода, хотимъ взыскать все, что зять твой пересылалъ тебѣ и твоей дочери въ Польшу. Сколько было жемчугу, камней и всякаго узорочья — все это онъ взялъ изъ нашей казны, и ты намъ долженъ все воротить. Да еще дай намъ, воевода, крестное цѣлованіе, что ты и другіе изъ твоего рода не станете мстить за то, что избили вашихъ ближнихъ, и приложите стараніе помирить насъ съ королемъ.»

— Все, что мой покойный зять, убитый государь вашъ, посылалъ моей дочери, возлюбленной невѣстѣ, — говорилъ воевода, — все это вы у ней взяли; отняли даже и то приданое, что мы ей дали, и отпустили ее ко мнѣ въ одномъ ночномъ платьѣ. Все это знаете вы сами, и видѣли: что у нашихъ пропало во время замѣшательства, все это вашимъ женамъ досталось. И вы, ограбивши насъ и обобравши, хотите еще съ голыхъ сорвать, когда у насъ едва рубашки на тѣлѣ остались. Я вамъ все отдалъ въ своей крайней нуждѣ! Это были мои собственныя деньги, а вашего и гроша за мной не осталось — больше ничего не могу дать. Я за себя готовъ дать крестное цѣлованіе, что не буду мстить за нехристіанское и безчеловѣчное избіеніе нашихъ соотечественниковъ. А за короля моего не могу обѣщать—я не ровня ему! Онъ мой государь и повелитель. Какъ могу я съ нимъ равняться и договариваться?

Съ него сняли допросъ. Спрашивали, какъ явился въ

Польшѣ человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, и для чего воевода принялъ его и провожалъ въ Московское государство, и для чего король давалъ ему деньги. Мнишекъ показалъ, что ему извѣстно, что этотъ человѣкъ явился прежде всего въ Кіевѣ въ монашескомъ одѣяніи, потомъ былъ у воеводы кіевскаго Константина Острожскаго, и тамъ не объявилъ о себѣ, а потомъ пришелъ къ Адаму Вишневецкому, гдѣ и разсказалъ, что онъ сынъ Ивана Васильевича, что его спасъ докторъ въ Угличѣ, положивъ на его мѣсто другаго ребенка, а его отдалъ на воспитаніе къ сыну боярскому, который посовѣтовалъ ему скрыться между чернецами. Князь Адамъ Вишневецкій повезъ его къ брату своему Константину въ Жаложицы, гдѣ его призналъ истиннымъ Димитріемъ пріѣхавшій въ Жаложицы слуга литовскаго канцлера Петровскій, будто бы служившій въ Угличѣ и видѣвшій знаки на тѣлѣ царевича; а ѣдучи къ королю съ нимъ, князь Константинъ Вишневецкій завезъ его въ Самборъ и тамъ призналъ его царевичемъ слуга воеводы, пойманный подъ Псковомъ, находившійся въ Москвѣ въ неволѣ и видѣвшій царевича въ младенчествѣ. Всѣмъ казалось тогда это вѣроятно: и самому королю, и сенаторамъ. Деньги ему давалъ король и паны въ видѣ милостыни. Самъ онъ воевода провожалъ его въ Московское государство съ дозволенія короля и рѣшился на это съ тѣмъ, чтобы испытать: точно ли онъ царевичъ. Еслибъ кто нибудь изъ московскихъ сенаторовъ отозвался съ противнымъ на границѣ, онъ бы его оставилъ *).

— Ты остаешься здѣсь—сказали потомъ бояре—и другіе паны останутся, пока мы увидимъ и узнаемъ, какъ можно будетъ сойтись съ королемъ, а ты долженъ уплатить, чего недостаетъ въ нашей казнѣ.

*) Соб. г. гр. II, 293—296.

— Пусть будетъ воля Бога обо мнѣ—сказалъ воевода—я принимаю крестъ, который онъ далъ мнѣ, и буду все терпѣть, что бы вы со мной ни дѣлали. Больше того, сколько вамъ Богъ попускаетъ, вы не можете мнѣ сдѣлать!

Его отвели снова въ его помѣщеніе и оставили подъ стражей [1]).

Шуйскій продолжалъ упрочивать свою власть и позорить память бывшаго царя. 30 мая (по свидѣтельству видѣвшаго эту сцену голландскаго купца), на лобномъ мѣстѣ всенародно показывали настоящую семью того, кто, какъ говорили, ложно выдавалъ себя за Димитрія. Купецъ говоритъ, что тутъ были: отецъ, мать и братья Гришки Отрепьева. По другому извѣстію, была только тутъ женщина простаго званія, которую выдавали за мать убитаго, и мужчина, называвшійся его братомъ [2]). Вѣроятно отца не показывали, потому что отца Григорія Отрепьева считали тогда уже не бывшимъ на свѣтѣ. «Я видѣлъ собственными глазами—говоритъ голландецъ—какъ они цѣловали крестъ и клялись, что бывшій царь — ихъ кровный Григорій Отрепьевъ [3])». Тогда говорили, что разстрига посылалъ въ Галичъ и всѣхъ своихъ свойственниковъ, числомъ до шестидесяти, велѣлъ посадить въ тюрьму. О Григорьѣ Отрепьевѣ, какъ видно изъ современныхъ дѣлъ [4]), распространили на Руси въ то время такое свѣдѣніе. Онъ былъ родомъ изъ Галича, сынъ боярскій. Отца его Богдана когда-то зарѣзалъ литвинъ въ нѣмецкой слободѣ. Молодой Григорій впалъ въ крайнюю бѣдность и служилъ въ холопахъ у Романовыхъ, а потомъ у Бориса Черкасскаго, и, надѣлавши какихъ-то преступленій (заворовавшись), ушелъ

---

1) Russov. 53—57.

2) Vid. 28.—Московск. рѣзня. The report of a bloody massacre.

3) The report of a bl. mas.

4) Польск. Дѣл. Арх. ин. дѣлъ № 26.

и постригся въ чернецы въ Спасоевфиміевскій монастырь въ Суздалѣ. Потомъ онъ скоро ушелъ и оттуда, и перешелъ въ Галичъ на родину, въ монастырь св. Іоанна Предтечи. И тамъ не жилъ онъ долго, ходилъ изъ монастыря въ монастырь и пришелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ былъ чернецомъ его дѣдъ Замятня Отрепьевъ. Архимандритъ Пафнутій принялъ его ради нищеты и сиротства и посвятилъ въ діаконы. Въ діаконскомъ чинѣ пробылъ онъ въ Чудовѣ годъ. Патріархъ Іовъ бралъ его къ себѣ во дворъ для переписки книгъ (для книжнаго письма). Григорій прилежно занимался чтеніемъ лѣтописей, и въ патріаршемъ дворѣ пріпаровился ко всему и обо всемъ распрашивалъ, что въ послѣдствіи пригодилось ему для обмана. Между тѣмъ, не ограничиваясь чтеніемъ бытописаній, Григорій впалъ въ еретичество, началъ заниматься чернокнижествомъ, свелъ знакомство съ бѣсами. Его хотѣли поймать, а онъ убѣжалъ вмѣстѣ съ двумя монахами, Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ, въ Литву. Такъ оповѣстили народу. Тогда съ лобнаго мѣста было объявлено десять преступленій убитаго царя: они были изложены въ грамотѣ, которая впослѣдствіи была разослана по Россіи. Что касается до того монаха, который прибылъ съ этимъ царемъ, и всѣмъ, показывая себя, назывался Гришкою Отрепьевымъ—о немъ сохранились разныя извѣстія. Одни говорятъ, что царь Димитрій за буйство и пьянство сослалъ его въ Ярославль, и тамъ, послѣ смерти Димитрія, онъ продолжалъ увѣрять всѣхъ, что Гришка Отрепьевъ дѣйствительно онъ, а никакъ не тотъ, который царствовалъ подъ именемъ Димитрія. Шуйскій спровадилъ куда-то этого опаснаго человѣка *). По другому извѣстію **), этотъ мо-

*) Margeret.

**) Is. Mass. 102.

нахъ, послѣ смерти Димитрія, сознался, что онъ не Гришка, а былъ подкупленъ разстригою и принялъ на себя имя Гришки. Впослѣдствіи одни говорили, что онъ былъ Леонидъ, инокъ Крыпецкаго монастыря, другіе—что онъ былъ инокъ Пименъ. Но по свидѣтельству современника *), въ то время мало вѣрили, чтобъ Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ: мнѣніе это сложилось уже впослѣдствіи. Тогда, напротивъ, изъ тѣхъ, которые не признавали въ немъ истиннаго Димитрія, охотнѣе соглашались вѣрить, что онъ былъ воплощенный бѣсъ, а тѣ, которые размышляли объ этомъ болѣе, считали его полякомъ, котораго подготовили іезуиты, научили по-русски и послали скитаться въ видѣ калѣки и нищаго по московской землѣ и узнать ея исторію и ея быть, а потомъ, когда онъ воротился въ Польшу, они, съ благословенія папы, пустили его играть роль Димитрія, работая такимъ образомъ для своихъ видовъ – ввести въ Московскомъ государствѣ латинство; но объявлять такимъ образомъ всенародно было невозможно: во первыхъ, не было на то никакихъ доказательствъ, а во вторыхъ, чтобы увѣрить народъ, что онъ былъ отнюдь не истинный Димитрій, надобно было непремѣнно назвать его какимъ нибудь другимъ именемъ; безъ того всякій вправѣ былъ возразить— если вы сами не знаете, кто онъ, то значитъ, не знаете, что онъ не Димитрій.

Черезъ день, послѣ чтенія на площади повѣсти о преступленіяхъ Гришки, царь Василій Ивановичъ вѣнчался на царство обычнымъ порядкомъ. Обрядъ царственнаго вѣнчанія совершалъ новгородскій митрополитъ Исидоръ, и въ привѣтственной рѣчи сказалъ: «Нынѣ тобою, богоизбранный государь, благочестіе обновляется, и православная христіанская вѣра просвѣщается, и святыя божіи церкви

*) Ibid

отъ еретическихъ соблазнъ освобождаются. И великій царскій престолъ пріемлетъ тобою украшеніе благочестія *)».

Царь спѣшилъ совершить обрядъ и не сталъ дожидаться новаго патріарха: обрядъ укрѣплялъ его въ царскомъ достоинствѣ. Шуйскій былъ до скаредности скупъ и здѣсь не измѣнилъ своему качеству. Онъ совершилъ свое вѣнчаніе съ возможно малыми издержками. Физіономія новаго царя представляла контрастъ съ прежнимъ. Это былъ старичекъ лѣтъ за пятьдесятъ, толстый, лысый, подслѣповатый, съ красными глазами, съ рѣдкою бородой, съ лукавымъ взглядомъ и съ выраженіемъ лица, не располагающимъ къ довѣрію и сочувствію. Было полезно дать для народа какой нибудь праздникъ, чтобы занять его воображеніе. Народъ привыкъ въ послѣднее время къ шумнымъ и блестящимъ празднествамъ. Если многимъ не нравился московскій характеръ разстригиной веселости, то все-таки веселые праздники тѣшили народъ, когда они отправлялись по-русски.

II.

Перенесеніе мощей царевича Димитрія.—Окружная грамата.—Новый патріархъ.—Объясненіе съ польскими послами и задержаніе ихъ.

Черезъ день послѣ вѣнчанія, 3-го іюня, наступило большое торжество: прибыли мощи Димитрія царевича. Царь со всѣми архіереями и архимандритами, съ огромнымъ числомъ духовенства, съ боярами и думными людьми встрѣчалъ ихъ за Каменнымъ-городомъ. Съ нимъ рядомъ всенародно шла инокиня Мареа, мать Димитрія, потверждая своимъ присутствіемъ и дѣйствительность мощей, и лож-

*) А. А. Э. II. 105.

ность того, кого называли прежде Димитріемъ. Современникъ очевидецъ разсказываетъ, что многіе, не довѣряя истинѣ всего, что выдавалъ Шуйскій, остервенились на него до того, что хотѣли убить его каменьями, когда онъ выѣхалъ за городъ встрѣтить мощи Димитрія *). Мощи внесли въ Архангельскій соборъ и поставили на мѣстѣ, на которомъ имъ слѣдовало почивать въ грядущіе вѣка на поклоненіе благочестивымъ. Тогда царица Мареа, если буквально вѣрить граматѣ, написанной отъ Шуйскаго всему народу русскому **),—передъ всѣмъ народомъ громко сказала:

«Я виновата передъ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, Василіемъ Ивановичемъ, всея Руси, и передъ освященнымъ соборомъ, и передъ всѣми людьми Московскаго государства и всея Руси; а больше виновата передъ новымъ мученикомъ—передъ сыномъ моимъ царевичемъ Дмитріемъ. Терпѣла я вору, разстригѣ, лютому еретику и чернокнижнику, не объявляла его долго; а много крови христіанской отъ него богоотступника лилось, и раззореніе христіанской вѣрѣ хотѣло учиниться; а дѣлалось это отъ бѣдности моей, потому что, когда убили моего сына Димитрія царевича, по Бориса Годунова велѣнью, меня держали послѣ того въ великой нужѣ, и весь родъ мой былъ разосланъ по дальнѣйшимъ городамъ, и жили всѣ въ конечной злой нужѣ,—такъ я, по грѣхамъ, обрадовалась, что отъ великой и нестерпимой нужи освобождена, и вскорѣ не извѣстила. А какъ онъ со мной видѣлся, и онъ запретилъ мнѣ злымъ запрещеніемъ, чтобъ я не говорила ни съ кѣмъ. Помилуйте меня, государь и весь народъ московскій, и простите! чтобъ я не была въ грѣхѣ и въ проклятствѣ отъ всего міра».

*) Маржер. 102.

**) А. Э. II. 111.

Царь сказалъ, что для великаго государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича, и для благовѣрнаго страстотерпца, царевича Димитрія, честныхъ его и многоцѣлебныхъ мощей, прощаетъ царицу инокиню Мароу, и проситъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и весь освященный соборъ, чтобы они съ нимъ вкупѣ о царицѣ Мароѣ молили Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, чтобы Богъ показалъ свою милость и освободилъ душу ея отъ грѣховъ.

Разсказывали тогда, что когда въ Угличѣ открыли мощи Димитрія, то, какъ всегда бывало при подобныхъ событіяхъ, весь храмъ наполнился неизреченнаго благоуханія. Мощи были цѣлы, ничѣмъ нерушимы, а въ иныхъ мѣстахъ часть землѣ отдана; на лицѣ и на головѣ, цѣлы рыжеватые волосы; оставалось ожерельице, низанное жемчугомъ съ пуговками; въ лѣвой рукѣ была ширинка, шитая золотомъ и серебромъ. Тѣло его было въ саванѣ, а сверху покрыто кафтанцемъ камчатнымъ на бѣльихъ хребтахъ съ нашивкою изъ серебра, пополамъ съ золотомъ,—все было цѣло. Только на сапожкахъ носки подошвъ отстали, а въ рукѣ у него нашли горсть орѣховъ; говорили, когда его убили, то онъ въ то время игралъ орѣшками, и эти орѣшки облились кровью, и для того ихъ положили съ нимъ во гробъ. У гроба его происходили исцѣленія еще въ Угличѣ, а какъ привезли мощи въ Москву—въ первый день исцѣлилось тринадцать человѣкъ, а на другой день двѣнадцать *).

Полякамъ, бывшимъ въ Москвѣ, конечно, не по вкусу приходилось открытіе мощей Димитрія. Находились однако и русскіе, которые не вѣрили имъ и распускали дурные толки объ этомъ. Начали говорить, что «нашли мальчика

*) А. А. Э. II. 111—11.

десяти лѣтъ стрѣлецкаго сына, по имени Ромашка, заплатили за него отцу большія деньги, убили и положили въ Угличѣ на мѣсто Димитрія,—и распустили молву въ народѣ, будто у тѣла Димитрія дѣлаются чудеса, что исцѣленія совершаются;—это одинъ подлогъ: эти плуты приходятъ и притворяются, будто они больны были и выздоровѣли, поклонившись мощамъ».

Послѣ привезенія мощей, двѣ недѣли происходили чудеса и исцѣленія; и какъ совершится какое нибудь исцѣленіе—по всей Москвѣ раздается звонъ, и люди потому знаютъ, что Димитрій царевичъ, новоявленный угодникъ, сотворилъ чудо. По одному извѣстію, случилось, что введенный во храмъ одинъ больной умеръ. Это объяснили его безвѣріемъ. Иностранцы протестанты спрашивали у сидѣвшихъ около церкви увѣчныхъ и слѣпыхъ—что же васъ не исцѣляетъ царевичъ? «По маловѣрію нашему»—отвѣчали страдальцы.—«Богъ чрезъ ангела своего объявляетъ нашимъ архіереямъ и попамъ, кого онъ удостоитъ исцѣлить». Иноземцы удивлялись находчивости этихъ людей и крѣпости вѣры православныхъ, непонятной для ихъ протестанскаго свободомыслія *).

Черезъ два дня по открытіи мощей послана была еще одна окружная грамата во всѣ города русскіе: въ ней извѣщалось объ явленіи угодника, о покаяніи Мароы, и излагались вины признаннаго обманщикомъ царя, называвшаго себя Димитріемъ. Онъ прельстилъ Польшу, Литву и Московское государство волшебствомъ и сдѣлался царемъ; предалъ смерти многихъ православныхъ христіанъ, которые его обличали, понялъ за себя дочь Сендомирскаго воеводы и, не крестивъ ее, вѣнчался съ нею; приводилъ въ церковь съ оружіемъ иновѣрцевъ, отнималъ у москвичей

*) Is. Mass. 109.

женъ, хотѣлъ до основанія разрушить Московское государство и попрать святую вѣру, хотѣлъ раззорить церкви и устроить костелы. Въ обличеніе его дѣлъ посылались во всенародное свѣдѣніе копіи съ договора съ Мнишками, гдѣ обманщикъ отдавалъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ; разослано извѣстіе о томъ, что Сендомирскій воевода говорилъ, что разстрига писалъ къ нему изъ Москвы и отдавалъ городъ Смоленскъ и Сѣверскую область. Говорилось, будто самъ Сендомирскій воевода сознался предъ боярами, будто онъ узналъ впослѣдствіи, что зять его не настоящій Димитрій, и отъ тоски заболѣлъ,—и все это сталось за то, что они злоумышляли о раздѣленіи христіанской вѣры.

Разосланы были копіи съ найденныхъ у Димитрія писемъ папы и римско-католическихъ прелатовъ, показывающія, что папа считалъ его принявшимъ латинскую вѣру и согласнымъ ввести ее въ Россію. Но ничто, кажется, не могло столько ужаснуть народа, какъ показаніе, будто бы, братьевъ Бучинскихъ, служившихъ у Димитрія. Они, какъ говорила грамата, сознавались, что въ пятницу, наканунѣ своей смерти, разстрига говорилъ съ Вишневецкимъ такъ: «Время мнѣ утвердить свое государство и распространить вѣру римскаго костела, а начальное дѣло будетъ побить бояръ; а если мнѣ не перебить бояръ, то они меня самого убьютъ».—«Если ты побьешь бояръ, то на тебя всей землей станутъ»,—сказалъ Вишневецкій. «Я умыслилъ вотъ какъ—сказалъ Гришка—вывести нарядъ за городъ для потѣхи, а въ воскресенье велю туда выѣхать воеводѣ Сендомирскому, и тебѣ, и старостѣ Саноцкому, и Домарацкому, и всѣмъ полякамъ и литвѣ въ доспѣхахъ и съ оружіемъ, а я выѣду съ боярами и дворянами; и когда начнутъ изъ наряда стрѣлять—въ тѣ поры я велю полякамъ ударить на бояръ и дворянъ и побивать ихъ. Я уже указалъ, кому убивать бояръ: князя Ѳедора Мстиславскаго

убьетъ Михайло Ратомскій, а Шуйскихъ побьютъ Тарло да Стадницкіе; и другихъ бояръ я распредѣлилъ убить—человѣкъ двадцать; а когда ихъ побьютъ, тогда во всемъ будетъ моя воля». Гришка надѣялся, что народъ тогда будетъ покоренъ ему. Бучинскій замѣтилъ: «если ты побьешь бояръ, кто у тебя будетъ въ царствѣ уряжать и сидѣть въ приказахъ?»—«У меня—сказалъ Гришка—все умышлено, все готово,—будутъ править царствомъ: воевода Сендомирскій, Тарло, Стадницкіе, да ты, Вишневецкій, и иные ваши пріятели, да еще пошлю въ Польшу и въ Литву. Тогда мнѣ будетъ надежно, и государство мое будетъ безъ опасенія, и я скоро всѣхъ приведу въ римскую вѣру. Я уже видѣлъ тому примѣры; кого безвинно убить велю—никто за того слова не молвитъ *).» Таково было показаніе, которое выставляли отъ Бучинскихъ. Дѣйствительно ли такъ говорили Бучинскіе—неизвѣстно; но одного изъ братьевъ Бучинскихъ утромъ 17 мая вытащили изъ кустарника **), и могло быть, что онъ для спасенія жизни говорилъ о мертвомъ то, что боярамъ было угодно. Такимъ образомъ, убійство разстриги выставлялось предъ рускимъ народомъ дѣломъ крайней и поспѣшной необходимости, единственнымъ средствомъ отвратить грядущее ниспроверженіе вѣры, разореніе государства и подчиненіе рускаго народа иноземцамъ.

Новый царь хотѣлъ, чтобъ всѣ эти событія были извѣстны для его оправданія и за предѣлами Московскаго государства. Онъ отправилъ (вѣроятно чрезъ англійскую компанію) къ англійскому королю Іакову I письмо, гдѣ подробно разсказывалъ о всемъ случившемся въ Московскомъ государствѣ, извѣщалъ о своемъ воцареніи и изъявлялъ

---

*) А. А. Э. II. 101.

**) Is Mass. 98

желаніе находиться съ Англіей въ такихъ же дружескихъ сношеніяхъ, въ какихъ были прежніе цари. Во время смуты, англичанъ не посмѣли тронуть москвичи наравнѣ съ другими иноземцами. Шуйскій ихъ выгородилъ заранѣе. Этого мало. По ихъ просьбамъ, Бучинскій, не смотря на свою близость къ Димитрію, остался въ живыхъ. Шуйскій, передъ англичанами-протестантами, ненавистниками католичества, старался выставить, что главная вина убитаго царя была связь съ папою и іезуитами и явное желаніе насильно вводить папизмъ въ Московскомъ государствѣ *). Новый царь отправилъ гонца въ Крымъ извѣстить, что разстрига, который оскорбилъ крымскаго царя и затѣвалъ войну съ Крымомъ, былъ воръ, обманщикъ и достойно наказанъ по дѣламъ своимъ, а новый московскій государь желаетъ съ крымскимъ жить въ дружбѣ и мирѣ **).

Шуйскій думалъ, что этимъ всѣмъ онъ уничтожитъ въ народѣ сочувствіе и сожалѣніе объ убитомъ царѣ и расположитъ русскій народъ быть ему послушнымъ, Онъ удалилъ изъ Москвы въ ссылку людей, которые были искренно привержены къ разстригѣ, не прилагали рукъ къ перевороту и могли быть новому царю опасны. Богданъ Бѣльскій былъ сосланъ въ Казань, Аѳанасій Власьевъ — въ Уфу, князь Рубецъ-Мосальскій — въ Корелу. Другихъ онъ тоже разослалъ по воеводствамъ на службу, чтобъ только удалить ихъ изъ Москвы и отъ своей особы; у иныхъ отнималъ помѣстья и вотчины. Такъ говорятъ лѣтописцы ***). Шуйскій тотчасъ же забылъ свое обѣщаніе, и началъ мстить людямъ, которые ему грубили.

Новоизбранный патріархъ былъ прежній митрополитъ ка-

*) Milt. 60—62.
**) Is. Mass. 89.
***) Хроногр. Арх. комм.

занскій Гермогенъ, ревнитель старины, ненавистникъ иноземщины, которому разстрига оказалъ нерасположеніе за то, что онъ возставалъ противъ его брака и требовалъ крестить Марину. Ничего не было естественнѣе, какъ избрать такого патріарха. Но онъ не пользовался тогда всеобщимъ добрымъ мнѣніемъ. Говорили, что во-время-оно своей молодости онъ былъ въ донскихъ казакахъ, не хвалили его поведеніе послѣ того, какъ онъ, вступивъ въ духовное званіе, былъ попомъ въ Казани. Въ архіерейскомъ санѣ онъ показывалъ высокомѣріе, былъ вообще злаго нрава, чрезвычайно суровъ и жестокъ, окружалъ себя дурными и злыми людьми и черезъ нихъ дѣлалъ много несправедливостей. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ безпрестанно досаждалъ царю, чтобъ выказать свое достоинство. И патріархъ, и царь любили равно слушать сплетни и наушничества; поднялся прежній обычай доносничества *).... Шуйскій вновѣ однако не смѣлъ посягать явно на казни и убійства. Онъ еще не укрѣпился и еще не былъ самодержавенъ. Верховная власть въ сущности находилась въ рукахъ бояръ.

Надобно было чѣмъ нибудь рѣшить съ поляками. Шуйскій и бояре разсуждали, что если поляки приводили разстригу и король Сигизмундъ благопріятствовалъ ему, то теперь могутъ подавно воспользоваться случаемъ избіенія своихъ подданныхъ. Правда, было извѣстно въ Москвѣ, что въ Польшѣ въ то время былъ рокошъ, возстаніе противъ королевской власти. Но дѣло московское легко могло стать дѣломъ оскорбленія всей польской націи, — и поляки могли прекратить свои домашнія недоразумѣнія для того, чтобы обратиться на Москву дружно. Не даромъ послы объясняли боярамъ, что поляки легко востановляютъ нарушенный у себя порядокъ, коль скоро имъ угро-

*) Хроногр. Арх. Ком.

жаетъ внѣшняя сила. Злоба москвичей къ папизму, насильственная смерть священника въ Москвѣ во время богослуженія, могли вызывать въ Польшѣ религіозную ненависть противъ Московскаго государства. Поэтому правительство сочло за лучшее держать у себя сколько возможно болѣе залоговъ на случай покушенія поляковъ. Рѣшили не выпускать не только пановъ, прибывшихъ съ Мариною, но даже пословъ, а для того сочли удобнымъ придраться къ нимъ, чтобъ оправдать себя отъ обѣщанія отпустить ихъ домой, даннаго имъ прежде.

Послы дожидались нѣсколько дней, что скажутъ на ихъ просьбу объ отпускѣ. Нѣсколько дней ихъ водили обѣщаніемъ, извинялись сначала торжествомъ царскаго вѣнчанія, а потомъ торжествомъ перенесенія мощей Димитрія. Дни шли за днями. У нихъ перемѣнили приставовъ: вмѣсто Волконскаго дали имъ Ивана Михайловича Воротынскаго и при немъ дьяка Дороѳея Брохну. Наконецъ, послы вышли изъ терпѣнія, послали боярамъ въ думу письмо, гдѣ снова просили себѣ отпуска, а прочимъ панамъ, своимъ соотечественникамъ, освобожденія... «Мы боимся—писали они — если безъ насъ государь вашъ пошлетъ своего посла въ Польшу, то какъ бы онъ не потерпѣлъ какихъ нибудь оскорбленій отъ людей, не знающихъ дѣла, но слышавшихъ, что ихъ братьевъ побили въ Москвѣ. Отсюда возникло бы еще большее недоумѣніе между вашимъ и нашимъ государями *).

Въ отвѣтъ на это заявленіе, прибылъ къ посламъ отъ боярской думы Михайло Игнатьевичъ Татищевъ и дьякъ Василій Телепневъ. Татищевъ показалъ имъ копію съ записи, данной Димитріемъ Мнишку на Новгородъ и Псковъ Маринѣ,—королевское письмо, гдѣ Сигизмундъ говоритъ,

*) Hist. Mon. Russ. II, 131.

что Димитрій сѣлъ на престолъ съ помощію польскаго короля и польскаго народа,—письма папы, кардинала и легата, гдѣ они уговариваютъ его строить въ Москвѣ, по своему обѣщанію, костелы. «Есть у насъ и еще много такихъ писемъ—сказалъ Татищевъ — царь ихъ отправляетъ къ королю со своими посланниками, Григоріемъ Константиновичемъ Волконскимъ и дьякомъ Андреемъ Ивановичемъ, а вы послы останетесь въ Россіи съ поляками, и подождете, пока возвратятся посланники съ отвѣтомъ короля.

— Вы себя только болѣе стыдите, чѣмъ намъ вредите— сказалъ Олесницкій. — Воевода рѣшился отдать дочь за него, когда его увѣрили, что онъ царевичъ Димитрій. Чтожъ тутъ удивительнаго, что отецъ хотѣлъ устроить дочь свою, какъ можно лучше? Отъ васъ зависѣло исполнить это или не исполнить. Вы сами не только соглашались отдать Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а еще признали ее государыней до коронаціи. Нечего удивляться и письмамъ святаго отца, легата и кардинала. Въ прежнихъ договорахъ между нашими государствами о взаимномъ мирѣ всегда ставилось условіе, чтобы людямъ русской вѣры служить въ Польшѣ и Литвѣ, вступать тамъ въ родство, пріобрѣтать имѣнія и въ нихъ строить церкви и исповѣдывать свою вѣру, а нашимъ людямъ въ Московскомъ государствѣ пріобрѣтать имѣнія и строить костелы; а также и въ главныхъ городахъ государства имѣть костелы для богослуженія. Святой отецъ, заботясь о вѣчномъ мирѣ между нами, чтобы невѣріе не распространялось, а христіанская вѣра возносилась, хотѣлъ властію своей освятить эти условія вѣчнаго мира между нами. Онъ тутъ не себѣ, а всему христіанству искалъ добра, и за это не слѣдуетъ гнѣваться, а должно вамъ благодарными ему быть. А что касается королевскаго письма, то вы сами, черезъ Аѳа-

насія Власьева и другихъ посланниковъ, приписывали королю возведеніе Димитрія и благодарили его; и королю не приходилось вести споровъ объ этомъ, а только оставалось согласиться съ вами. Стыдно, Михайло, говорить противъ самого себя! Все это дѣло велось вами, думными боярами, въ Москвѣ; вами началось, вами и нарушилось! Если же вы насъ, пословъ, задержите безъ всякой причины, если мы по неволѣ тутъ останемся, то значитъ, мы въ плѣну у васъ. Этого не дѣлается не только въ христіанскихъ царствахъ, но и у невѣрныхъ.»

Татищевъ удалился. Послы пришли въ уныніе, а Олесницкому сдѣлалось даже дурно. Съ тѣхъ поръ они увидѣли, что ихъ держатъ въ неволѣ. Дворъ окружили стрѣльцами, не позволяли выходить на улицу. Находясь въ тѣснотѣ, при многолюдствѣ, польскіе люди лишены были чистаго воздуха и боялись, во время дождя, проходить изъ избы до избы; имъ приходилось идти по колѣна въ грязи; не допускали ихъ видѣться и говорить съ единоземцами, которыхъ содержали подъ стражею въ разныхъ мѣстахъ столицы,—и не было имъ вѣсти изъ дому.

Вслѣдъ за тѣмъ, черезъ нѣсколько дней (18 іюня были они въ Смоленскѣ), отправились московскіе посланники въ Польшу. Это были прежніе пристава у польскихъ пословъ: князь Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ. Свита ихъ простиралась до пятидесяти человѣкъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Съ ними поѣхалъ изъ свиты содержимыхъ въ Москвѣ польскихъ пословъ Якубъ Борковскій съ двадцатью человѣками, да по два и по одному человѣку отъ задержанныхъ въ Москвѣ пановъ Мнишковъ, Вишневецкаго, троихъ Стадницкихъ (Мартына, Андрея и Матьяша) и Тарла. Тогда стали уходить изъ Москвы иностранцы, бывшіе на царской службѣ. Уже имъ при новомъ царѣ не было такъ выгодно и полезно,какъ при Димитріѣ. Они проси-

лись на родину и были отпускаемы. Это считали тогда необычнымъ дѣломъ. Ушло такимъ образомъ болѣе пятисотъ человѣкъ, а нѣкоторые, выступивши изъ службы Шуйскаго, остались въ Московскомъ государствѣ и поступили на службу къ его врагамъ *).

III.

Тревога въ Москвѣ. — Козни Молчанова и Шаховскаго. — Волненіе въ Сѣверской землѣ. — Слухи о Димитріѣ. — Ссылка поляковъ.

Не долго тѣшился Шуйскій безопасностью, которую упрочивалъ себѣ въ русской землѣ граматами, объясненіями и церемоніальными торжествами! Спустя нѣсколько дней поднялся мятежъ въ городѣ. Ночью, на воротахъ нѣкоторыхъ боярскихъ домовъ и тѣхъ дворовъ, гдѣ помѣщались поляки, появились надписи, гласившія, будто царь приказываетъ перебить и истребить всѣхъ живущихъ въ нихъ бояръ и иноземцевъ. Злоумышленники хотѣли низложить Шуйскаго и задумали употребить то самое средство, которое онъ употребилъ при погибели разстриги. Послѣ 17 мая, толпа черни, разжигаемая всякаго рода удальцами, разлакомилась на грабежъ и кровь. У многихъ чесались руки — сдѣлать снова какой нибудь кровавый праздникъ. Удалые ударили въ набатъ, пошелъ переполохъ по Москвѣ. Бояре на этотъ разъ кое-какъ утишили толпу. Черезъ нѣсколько дней потомъ, 15 іюня, въ воскресенье передъ обѣдней, опять зашумѣла Москва; заволновался народъ, пошли толки, будто царь будетъ говорить съ народомъ на лобномъ мѣстѣ. Москвичи на этотъ разъ, быть можетъ, надѣялись сдѣлать царю нѣсколько важныхъ вопросовъ. Царь шелъ изъ дворца къ обѣднѣ. И тутъ изъ-за кремлевскихъ стѣнъ

*) Mass. 106.

услышалъ онъ знакомый ему шумъ народнаго бунта. Василій, по собственному опыту, зная пріемы боярскихъ крамолъ, смекнулъ, что это не сама собою волнуется чернь, а подымаютъ ее бояре, тайные недруги его. Онъ обернулся къ окружавшимъ его думнымъ людямъ и спросилъ: «Что это? — кто изъ васъ волнуетъ народъ?» — Бояре говорили: «неизвѣстно, кто созываетъ народъ именемъ царскимъ.» У Шуйскаго навернулись слезы... Онъ сказалъ. «Зачѣмъ выдумываете разныя коварства? Коли я вамъ не любъ, я оставляю престолъ! Вы меня избрали, вы меня можете и низложить!» Онъ отдалъ свой царскій посохъ, снялъ шапку и продолжалъ: «Возьмите, и выбирайте себѣ, кого хотите!» И тотчасъ же, не дожидая, чтобы эту выходку приняли не въ шутку, Шуйскій опять взялъ посохъ, надѣлъ шапку и говорилъ: «Мнѣ уже надоѣли эти козни! Хотите умертвить, — умерщвляйте! Хотите перебить или, по крайней мѣрѣ, ограбить бояръ и иноземцевъ?.... Если вы меня признаете царемъ, то я требую казни виновнымъ!»

Стоявшіе около него сказали: «Мы, государь, цѣловали крестъ повиноваться тебѣ, и теперь хотимъ умирать за тебя! Наказывай виновныхъ, какъ знаешь!»

Уговорили народъ разойтись. Тогда схвачено было пять человѣкъ, которыхъ признали виновными въ возмущеніи; ихъ высѣкли кнутомъ и сослали.

Но все это, какъ говорится, были только цвѣтики; ягодки выростали въ Сѣверской землѣ. Въ числѣ лицъ, расположенныхъ къ разстригѣ, были: князь Григорій Шаховской и князь Андрей Телятевскій. Шуйскій принялъ за правило удалять такихъ на воеводства въ провинціи, думая этимъ устранить отъ себя смуту. Но такія мѣры часто способствуютъ появленію смутъ, такъ что нерасположенные къ государю люди, лишенные возможности возмущать столицу, гдѣ государь въ пору можетъ узнать объ опасности

и предупредить ее, возмущают области, откуда государю приносятся извѣстія тогда уже, когда дѣло заходитъ далеко. — Шаховской отправленъ въ Путивль, а Андрей Телятевскій — въ Черниговъ. Послѣдній, какъ видѣли мы, былъ сначала однимъ изъ упорныхъ противниковъ Димитрія, а потомъ, присягнувши ему, сдѣлался его приверженцемъ, и теперь готовъ былъ сдѣлаться его мстителемъ противъ Шуйскаго.

Когда Димитрія убили, Шаховской, во время всеобщей суматохи, похитилъ царскую печать. Шуйскій, тотчасъ по своемъ воцареніи, послалъ его въ Путивль. Не зная этого, Шаховской взялъ съ собою двухъ человѣкъ; одинъ изъ нихъ, какъ оказалось послѣ, былъ русскій, по прозвищу Молчановъ; другой — какой-то полякъ. Нѣкоторые говорятъ, что Шаховской съ этими лицами бѣжалъ изъ Москвы, но это ошибка. Изъ разрядныхъ книгъ видно, что онъ не бѣжалъ, а посланъ былъ царемъ на воеводство.

Дворянинъ Молчановъ былъ, какъ уже то говорено, изъ приближенныхъ покойнаго царя. При Борисѣ его обвиняли въ чернокнижествѣ; а потомъ его такъ отстегали кнутомъ, что у него на спинѣ, какъ увѣряли послы Шуйскаго въ Польшѣ, остались навсегда слѣды этого наказанія, — и по этимъ примѣтамъ можно было узнать его личность. Говорили, что разстрига держалъ его при себѣ ради чернокнижія, въ которомъ Молчановъ искусился.

Пріѣхавъ въ Серпуховъ, трое этихъ лицъ остановились у какой-то нѣмки, пообѣдали у ней и, прощаясь съ нею, Шаховской далъ ей цѣлую горсть денегъ и сказалъ: «Вотъ тебѣ, нѣмка, возьми! А когда мы назадъ воротимся, дадимъ еще больше, а ты смотри припасай хорошій медъ и водку!» — «А что вы за люди?» — спросила женщина. — «Я князь изъ Москвы, и объявляю тебѣ, что у тебя ѣлъ и пилъ царь. Его москвичи хотѣли убить, а онъ ушелъ и на

свое мѣсто оставилъ другаго. Москвичи убили этого другаго и думаютъ, что они убили царя.»

Переправляясь черезъ Оку, подъ тѣмъ же городомъ, они дали перевозчику шесть талеровъ на водку. Шаховской сказалъ: «ты знаешь, кто мы?»

— Не знаю, кто вы — сказалъ перевозчикъ.

— Молчи, братецъ! — сказалъ Шаховской таинственно. Видишь, вотъ этотъ молодой господинъ — это царь Димитрій Ивановичъ; ты царя перевозилъ! Его хотѣли убить, а Богъ его сохранилъ. Онъ ушелъ, и придетъ назадъ съ большимъ войскомъ, и сдѣлаетъ тебя большимъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ они разсказывали одно и тоже въ каждомъ городѣ, куда пріѣзжали, вплоть до самаго Путивля. Вѣсть о томъ, что Димитрій живъ, разошлась съ чрезвычайною быстротою; не прошло мѣсяца, и повсюду, куда они пріѣзжали, только и рѣчи было, что царь спасся, и что такой-то да другой видали его.

Въ Путивлѣ Молчановъ и полякъ разстались съ Шаховскимъ и отправились въ Самборъ къ женѣ Мнишка, мачихѣ Марины, разсказывать ей о случившемся и совѣтоваться съ нею и ея ближними: какъ устроить мщеніе Шуйскому и москвитянамъ, истребившимъ царя. А Шаховской, вступивши на воеводство, созвалъ въ Путивлѣ сходку и говорилъ:

«Измѣнникъ Шуйскій съ такими же измѣнниками, какъ самъ, сговорились убить нашего государя Димитрія Ивановича и перебили поляковъ, что находились въ Москвѣ. Но царя Богъ спасъ; онъ ушелъ изъ Москвы и теперь уѣхалъ въ Самборъ къ своей тещѣ, тамъ соберетъ онъ войско и придетъ снова. Постойте, братцы, за своего законнаго государя! Онъ приказалъ уговаривать и просить, чтобъ вы были ему вѣрны, какъ прежде. Помогите ему сотворить отмщеніе надъ злодѣями, невѣрными собаками! Онъ ихъ

такъ накажетъ, что и внуки, и правнуки помнить будутъ. Теперь вамъ и за себя надобно стоять! Шуйскій злобствуетъ на васъ за то, что вы первые признали Димитрія; утвердившись царемъ, онъ хочетъ васъ и всю Сѣверскую землю жестоко наказать! Подинмайтесь противъ него, а не то, — будетъ вамъ всѣмъ такое горе, какое было когда-то Новгороду при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Путивляне знали Димитрія и любили его, когда онъ проживалъ у нихъ въ городѣ. Всѣ съ жаромъ кричали:

« Пойдемъ на Шуйскаго за своего государя! »

Написали грамоты и разослали съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ по своему уѣзду. Побѣжали изъ Путивля гонцы въ сосѣдніе города съ тѣмъ же извѣстіемъ, съ такими же увѣщаніями, какими склонялъ путивлянъ Шаховской. Сѣверщинѣ волею-неволею приходилось ополчиться за Димитрія. Съ одной и съ другой стороны на этотъ край находила бѣда. Покорятся ли Шуйскому — Димитрій придетъ съ польскимъ войскомъ и будетъ наказывать русскихъ, которые отступились отъ него, и первая подвергнется карѣ Сѣверская земля! Не покорятся Шуйскому, но не станутъ ополчаться — придетъ рать изъ Москвы, и постигнетъ ихъ беззащитныхъ кара отъ Шуйскаго! Поэтому, вооруженіе Сѣверщины за Димитрія пошло быстро. Путивльскій уѣздъ былъ уже въ нѣсколько дней весь на военной ногѣ. Моравскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Ливны, Кромы, Бѣлгородъ, Осколъ, Елецъ — стали за Димитрія. Но главнымъ средоточіемъ сдѣлался Елецъ, потому что тутъ убитый царь назначилъ сборъ войска, намѣреваясь идти на татаръ. И туда уже успѣли собраться ратные люди... Въ однихъ городахъ воеводъ побили, другихъ бросили въ тюрьмы, а въ иныхъ сами они отложились отъ Шуйскаго. Предводителемъ возстанія избранъ былъ Истома Пашковъ, сынъ боярскій. Онъ писалъ грамоты во всѣ города, при-

глашалъ всѣхъ стоять за Димитрія и угрожалъ его местью всѣмъ тѣмъ, которые будутъ держаться стороны измѣнника Шуйскаго. Казаки дали знать на Донъ, и оттуда спѣшили на защиту царя, которому донцы такъ храбро и славно служили.

Царь сначала хотѣлъ подѣйствовать увѣщаніемъ и послалъ крутицкаго митрополита Пафнутія съ духовенствомъ. Но Пафнутій скоро увидѣлъ, что ничего не сдѣлаетъ, и удалился. Тогда вслѣдъ за ними двинулось войско подъ начальствомъ Ивана Михайловича Воротынскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ для увѣщанія послана была въ Елецъ грамата отъ инокини Маѳы. Мать Димитрія увѣряла, что сынъ ея Димитрій убитъ въ Угличѣ, теперь лежатъ его мощи въ Архангельскомъ соборѣ, а тотъ, который царствовалъ и былъ убитъ всенародно, не былъ ея сынъ. Грамату повезъ братъ ея Михайло Нагой. Граматы эти подѣйствовали плохо. Народъ твердилъ, что инокиня Марѳа говоритъ теперь такъ по неволѣ, потому что сама находится въ рукахъ Шуйскаго, а прежде при Димитріѣ она цѣлый годъ не то говорила. Не дѣйствовало въ пользу Шуйскаго даже открытіе св. мощей. Русскіе, наученные многими явными и тайными продѣлками Бориса, Шуйскаго и ихъ клевретовъ, и тутъ подозрѣвали обманъ. Имя Димитрія было такъ страшно, что Шуйскій, когда отправлялъ Воротынскаго съ товарищами къ Ельцу, то скрывалъ и отъ воиновъ, и отъ московскаго народа, противъ какого врага идетъ эта рать. По его приказанію распущена молва, будто пятьдесятъ тысячъ крымцевъ напали на украинскіе города. Ратные люди приблизились къ Ельцу, и только тогда узнали, что имъ приходится драться съ земляками. Началась стычка. Пашковъ легко разсѣялъ рать Шуйскаго. Она тотчасъ же сама разбѣжалась, какъ на нее наперли. Взятыхъ въ плѣнъ царскихъ ратниковъ били плетьми и казнили, а другихъ отсы-

лали въ Москву съ вѣстію. «Вы думали, б.....ы дѣти— кричали имъ мятежники—съ своимъ шубникомъ убить государя, людей его перебить и крови напиться! Потрескайте блиновъ, да попейте-ка лучше воды! Вотъ царь придетъ—проучитъ онъ васъ за кровопійство!»

Въ Москвѣ начали появляться подметныя письма, гдѣ увѣряли народъ, что Димитрій живъ и скоро придетъ, и уговаривали москвичей заранѣе низвергнуть Шуйскаго, а иначе царь будетъ казнить всю столицу. Въ Москвѣ не всѣ были увѣрены, что прежній царь дѣйствительно убитъ. Его трупъ былъ черезчуръ обезображенъ: знавшіе его близко не могли тогда узнать лица его, и теперь легко могли довѣрять молвѣ о его спасеніи. Начались въ Москвѣ зловѣщія толкованія. «Истинно—говорили многіе—на площади лежалъ не царь, а другой: волосы у него были длинные, а царь остригся передъ свадьбой. У царя была бородавка подъ носомъ, а у этого не видно было; да вотъ тѣ, что въ баню съ царемъ ходили, говорятъ, что у него было родимое пятно на правомъ боку, а этотъ голый лежалъ, и пятна не было на немъ, да и зубы у него и ногти черные— совсѣмъ не царскіе, а мужичьи.»—Эка!--возражали имъ— видали вы, какіе у него волосы были? Да онъ всегда въ шапкѣ ходилъ, ни передъ кѣмъ не ломалъ ее; а кто тамъ видалъ его родимое пятно да бѣлые зубы—нешто дѣвки, что въ баню ему водили, такъ имъ не до того было!»—«А зачѣмъ же его сожгли?» — говорили недовольные Шуйскимъ — «они бъ его нарочно такимъ составомъ помазать должны, чтобъ не портился, а то затѣмъ и сожгли, что ошиблись; не того убили, который царствовалъ.»—«Вотъ еще!» — возражали сторонники Шуйскаго — «чортъ бы сталъ пачкаться около такой гадости еретика? за тѣмъ сожгли, что ходить сталъ да морозъ зелень побилъ». Возмутители, приходившіе въ Москву, слонялись промежъ на-

роду, увѣряли, что царь Димитрій живъ: «не мы одни его видѣли, говорили они, а много людей съ нами было: истинно тотъ самый царь, и въ царскомъ вѣнцѣ, и со скипетромъ; царскій нарядъ онъ увезъ съ собой, и лошади его, какъ здѣсь ѣздилъ.» Ихъ ловили и былъ имъ одинъ конецъ — камень на шею и въ Москву-рѣку! и ни одинъ изъ нихъ не страшился и передъ смертью кричалъ, что умираетъ за истиннаго государя, и клялся, что онъ живъ. Тогда сочинилась такая сказка: будто Димитрій заранѣе узналъ, что противъ него заговоръ; былъ у него служитель, похожій на него; онъ его нарядилъ въ свое платье и приказалъ лечь на царскую постель: тотъ не понималъ, что это значитъ, и думалъ, что это какая нибудь шутка. На него наскочили убійцы: онъ закричалъ — я не Димитрій, я не Димитрій! А тѣ думали, что разстрига сознается въ своемъ воровствѣ, и убили его, а настоящій царь ушелъ заранѣе*).

Надобно было принять мѣры. Показалось опаснымъ оставлять поляковъ въ Москвѣ, особенно Марину и отца ея. До нихъ дошелъ слухъ, что Димитрій живъ: это было имъ очень пріятно. Они надѣялись, коль скоро этотъ Димитрій будетъ близко, народъ возстанетъ за него и ихъ освободитъ. Но въ то же время это было для нихъ и опасно. Тѣ изъ москвичей, которые не хотѣли Димитрія и считали вѣсть о его спасеніи польскою крамолою, — могли придти въ неистовство и побить плѣнныхъ пановъ. Носились слухи, будто кое-какіе знатные люди уговаривали за городомъ въ полѣ народную толпу побить поляковъ. Будетъ ли перевѣсъ на сторонѣ Димитрія, или станется напротивъ — въ томъ и въ другомъ случаѣ, казалось, нужнымъ удалить поляковъ изъ столицы.

Въ августѣ стали высылать пановъ съ ихъ дворами въ

---

*) Is. Mass. 109.

разныя мѣста. Прежде всѣхъ отвезли Вишневецкаго въ Кострому; туда же послали весь оршакъ Мнишкова сына, старосты Саноцкаго; за нимъ дней черезъ пятнадцать Тарлы были посланы въ Тверь; а еще нѣсколько дней спустя Стадницкіе, Нѣмоевскій и нѣкоторые другіе паны—въ Ростовъ. Послѣ нихъ дошла очередь и до Мнишковъ. Юрій Мнишекъ тогда уже не былъ въ Кремлѣ; его помѣстили въ домѣ Аѳанасія Власьева, отнятомъ у хозяина. 26 августа его повезли, вмѣстѣ съ царицею, въ Ярославль; туда же отправили и сына его, и брата Яна (старосту Красноставскаго), и племянника Павла (старосту Луховскаго).

IV

Болотниковъ.—Мятежъ въ украинныхъ городахъ.—Возмущеніе мордвы.—Волненіе въ Астрахани, Перми, Псковѣ. — Болотниковъ подходитъ къ Москвѣ.—Видѣніе.—Челобитная Варлаама.

Съ каждымъ днемъ приносили извѣстія, что Московское государство радуется спасенію Димитрія. Но самъ Димитрій не являлся. Молчановъ, которому сначала Шаховской думалъ дать эту роль, жилъ въ Самборѣ, называлъ себя Димитріемъ и смущалъ поляковъ. Конечно, сначала мало было такихъ простодушныхъ, чтобъ ему повѣрили. Но слухъ о жестокостяхъ въ Москвѣ до такой степени раздражилъ Польшу, что поляки готовы были потакать всякому обману, всякой продѣлкѣ, лишь бы она клонилась къ отмщенію за соотечественниковъ и къ низверженію Шуйскаго. Мачиха Марины держала у себя обманщика. Но явиться съ этою ролью въ Москву Молчановъ не осмѣливался. Его знали многіе; знали также и прежняго царя. Молчановъ, смуглый, съ покляпымъ носомъ, съ черными волосами, съ подстриженной бородой и нахмуренными бровями вовсе не

былъ похожъ на Димитрія. Одно сходство — у него была на лицѣ бородавка, но и та у Молчанова была не на томъ мѣстѣ лица, на какомъ у Димитрія. Но тутъ явился къ нему Иванъ Исаевичъ Болотниковъ, холопъ князя Телятевскаго. Маленькимъ попалъ онъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ туркамъ, работалъ въ оковахъ на турецкихъ галерахъ и былъ освобожденъ въ числѣ другихъ плѣнниковъ, по однимъ извѣстіямъ—венеціанцами, по другимъ—нѣмцами, а по освобожденіи привезенъ въ Венецію. Здѣсь онъ оставался нѣсколько времени и потомъ рѣшился возвратиться въ отечество чрезъ Польшу.

Этотъ бывалый человѣкъ, услыша, что въ Самборѣ живетъ Димитрій, прибылъ туда и сошелся съ Молчановымъ. Болотниковъ не видалъ никогда того, который царствовалъ подъ именемъ Димитрія, и, быть можетъ, вѣрилъ искренно, что передъ нимъ тотъ самый. Молчановъ замѣтилъ, что это человѣкъ предпріимчивый, живой и смѣтливый. Называя себя Димитріемъ, Молчановъ спрашивалъ его: «желаешь ли служить противъ измѣнниковъ, бояръ клятвопреступниковъ?» Болотниковъ отвѣчалъ: «Я готовъ за своего государя, во всякое время, принести животъ свой!»—«Ну, такъ вотъ тебѣ сабля, вотъ епанча съ моихъ плечъ и тридцать червонцевъ; больше у меня нѣтъ! Я дамъ письмо тебѣ; ты поѣдешь съ нимъ въ Путивль и отдашь моему воеводѣ, князю Шаховскому; онъ учинитъ тебя воеводой, и ты будешь воевать за меня противъ всѣхъ измѣнниковъ, на сколько Богъ поможетъ тебѣ.» Болотниковъ прибылъ въ Путивль съ письмомъ. Шаховской поручилъ ему отрядъ въ 12,000 человѣкъ. Болотниковъ отправился въ комарницкую волость и возвѣщалъ всѣмъ, что онъ самъ видѣлъ Димитрія, и Димитрій нарекъ его главнымъ воеводою.

Предводители отрядовъ, руководимые княземъ Шахов-

скимъ, начали возмущать боярскихъ людей противъ владѣльцевъ, крестьянъ противъ помѣщиковъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, безродныхъ противъ родовитыхъ, мелкихъ противъ большихъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ. Все дѣлалось именемъ Димитрія. Въ городахъ заволновались посадскіе люди, въ уѣздахъ—крестьяне; поднялись стрѣльцы и казаки. У дворянъ и дѣтей боярскихъ зашевелилась зависть къ высшимъ сословіямъ — стольникамъ, окольничьимъ, боярамъ; у мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ — къ богатымъ гостямъ. Пошла проповѣдь вольницы и словомъ, и дѣломъ: воеводъ и дьяковъ вязали и отправляли въ Путивль; холопы раззоряли дома господъ, дѣлили между собой ихъ имущество, убивали мужчинъ, женщинъ насиловали, дѣвицъ растлѣвали.... Въ Москвѣ умножались подметныя письма, призывавшія народъ возстать на Шуйскаго за истиннаго, законнаго государя Димитрія Ивановича. Шуйскій счелъ это дѣломъ дьяковъ и сталъ сличать руки, но не нашелъ виновнаго.

Посланъ былъ противъ Болотникова князь Юрій Трубецкой къ Кромамъ. Но какъ только послышалось, что идетъ Болотниковъ,—Юрій Трубецкой съ товарищами разсудили, что имъ не сладить съ Болотниковымъ, и отступили. Затѣмъ всѣ служилые люди этого отряда самовольно разошлись по домамъ *). Ясно было, что ратные не хотятъ служить Шуйскому.

Мятежъ охватилъ Московское государство чрезвычайно быстро, шелъ какъ пожаръ. Послѣ разбѣга войскъ Воротынскаго и Трубецкаго, городъ за городомъ возмущались. Въ Веневѣ, Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Калугѣ, Рузѣ, Можайскѣ, Орлѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ, провозгласили Димитрія. Дворяне Ляпуновы, братья Захаръ и Прокопій, тѣ

---

*) Ник. лѣт. 79.

самые, что поклонились со всею землею Димитрію подъ Кромами, теперь возмутили рязанскую землю. Съ ними, на челѣ рязанцевъ, стали противъ Шуйскаго вліятельные Сумбуловы. Возстали противъ него города тверскіе: Зубцовъ, Ржевъ, Старица; сама Тверь еще держалась: на жителей ея въ этомъ дѣлѣ имѣлъ вліяніе епископъ Θеоктистъ. Возмутился и городъ Владиміръ и вся земля его. Въ нижегородской землѣ боярскіе холопы и крестьяне, услыша призывъ Болотникова, поднялись на своихъ господъ, на все начальствующее. Возмутилась мордва, еще, по большей части, языческая: она тогда возъимѣла надежду освободиться отъ московской власти; составилось мордовское полчище, вооружилось луками и стрѣлами. Явились у нихъ предводители, поборники своенародности, выборные люди—Московъ и Воркадинъ *). Они осадили Нижній-Новгородъ, вмѣстѣ съ шайками холопей и крестьянъ. Арзамасъ, Алатырь отпали отъ Шуйскаго. На поволжьѣ возмутился Свіяжскъ. Въ Казани, какъ и въ Твери, удерживалъ власть Шуйскаго мѣстный архіерей митрополитъ Ефремъ. Богданъ Бѣльскій не присталъ къ измѣнѣ. Онъ зналъ хорошо, что того, кого онъ призналъ сыномъ Ивана Васильевича, не было на свѣтѣ, а новаго онъ не зналъ. Нерасположеніе къ Шуйскому, видно, не доходило у этого человѣка до того, чтобы рѣшиться на все, лишь бы ему повредить. Но въ далекой Астрахани, сосланный туда на воеводство, приверженецъ Димитрія, князь Хворостининъ, первый возмутилъ людей, и оттого-то въ этомъ краѣ возстаніе приняло иной характеръ, чѣмъ въ другихъ частяхъ русскаго міра. Вмѣсто того, чтобы люди незнатные ополчились на знатныхъ, тамъ люди мелкіе съ дьякомъ Карповымъ стали было за власть Шуйскаго. Но бояринъ Хворостининъ велѣлъ

---

*) Ник лѣт. 82.

сбросить съ раската дьяка Карпова и его пособниковъ, объявилъ царемъ Димитрія и приглашалъ ополчаться за спасеннаго государя не только русскихъ, но и ногаевъ. Въ отдаленной пермской землѣ пронеслась вѣсть о спасеніи Димитрія: пермичи не хотѣли давать ратныхъ людей Василію и пили чаши за здоровье Димитрія. Въ Великомъ Новѣгородѣ, хотя не было явнаго отпаденія отъ Шуйскаго, но и тамъ не могли собрать ратной силы. Во Псковѣ воевода Шереметевъ, хоть врагъ Шуйскаго, не измѣнялъ его дѣлу; но въ городѣ была сумятица. Шуйскій требовалъ со Пскова денежной подмоги; собрали 900 рублей и послали ихъ съ выборными. Но въ письмахъ, которыя повезли эти выборные, богатые гости написали объ нихъ, что они измѣнники, и по такимъ письмамъ этихъ выборныхъ чуть не побили въ Москвѣ; насилу заступились за нихъ псковскіе стрѣльцы, которыхъ находился тамъ цѣлый приказъ. Услышавши о бѣдѣ своихъ земляковъ, они всѣмъ приказомъ подали царю челобитную, увѣряли, что присланные псковскіе выборные вовсе не измѣнники, и поставляли за нихъ свои головы. Во Псковѣ Шереметевъ правилъ, какъ независимый государь, и собралъ ополченіе на имя царя Василія Шуйскаго, и вмѣстѣ съ дьякомъ Иваномъ Граматинымъ распоряжался произвольно достояніемъ жителей, давалъ и отнималъ помѣстья. Они своимъ своевольствомъ вооружили подчиненныхъ противъ себя и расположили ихъ противъ царя: творили они все царскимъ именемъ. Въ пригородахъ псковскихъ явилась измѣна: тамошніе стрѣльцы провозгласили Димитрія.

Разбѣжавшіеся ратные люди, ушедшіе каждый въ свою сторону, стали возмутителями, часто невольными, уже только потому, что разносили вѣсть объ успѣхахъ того, кто назывался спасеннымъ въ другой разъ Димитріемъ. Другіе умышленно волновали народъ, объявляя, что те-

перь настало время отплатить прежнимъ сильнымъ міра сего; что царь Димитрій на то идетъ, чтобы все перевернуть на Руси: богатые должны обнищать, нищіе обогатѣть; бояре станутъ мужиками, а холопи и мужики вознесутся въ боярство и будутъ править землею. Холопи и крестьяне соблазнялись этими подъущеніями, вооружались дубьемъ и косами и спѣшили въ полчище Болотникова. Съ этимъ полчищемъ онъ шелъ къ столицѣ. На дорогѣ примкнуло къ нему ополченіе Истомы Пашкова; съ нимъ соединился отрядъ вольницы, пришедшій изъ Литвы. Начальствовалъ имъ панъ Хмѣлевскій.

Отовсюду стекались къ Болотникову шайки. Только шедшей изъ Владимира не посчастливилось — князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій разсѣялъ ее. Серпуховъ сдался Болотникову. Въ Коломнѣ отважились сопротивляться. Напавшій на этотъ городъ Хмѣлевскій былъ отбитъ. Но потомъ коломенскіе стрѣльцы передались; городъ былъ взятъ и разграбленъ *). Полчище двинулось къ Москвѣ. Въ пятидесяти верстахъ отъ нея, близъ села Троицкаго, встрѣтила его еще одна рать московская подъ начальствомъ Мстиславскаго. Ратные не захотѣли биться и разошлись. Мстиславскій съ товарищами: Воротынскимъ, Голицынымъ, Нагимъ и Димитріемъ Шуйскимъ вернулись въ Москву. Болотниковъ гнался за ними и 22 октября сталъ въ селѣ Коломенскомъ, за 7 верстъ отъ столицы.

Положеніе Шуйскаго и его партіи было ужасное. Надобно было нравственно дѣйствовать на Москву.

И вотъ, двѣнадцатаго октября, когда уже слышали, что Болотникову сдается городъ за городомъ и онъ идетъ къ

*) Въ Коломнѣ были Иванъ Бутурлинъ и Семенъ Глѣбовъ. Потомъ присланы были Семенъ Прозоровскій и Василій Сукинъ. о они, послѣ пораженія Хмѣлевскаго, ушли въ Москву, а Бутурлина смѣнилъ царь Василій Ивановъ Пушкинымъ.

столицѣ, кто-то, вѣроятно, духовнаго званія, передъ царемъ и патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ объявилъ, что ему было видѣніе. «Молился я—говорилъ онъ—о мирѣ всего міра и лютыхъ на насъ нашедшихъ и легъ почивать, и вотъ въ полночь, слышу, звонятъ въ большой колоколъ, что сняли Борисовымъ повелѣніемъ, и говорю самъ себѣ: что это такое? Кажется, нѣтъ большаго праздника; открылъ я оконце; вижу: какъ будто день, такъ свѣтло; и думаю самъ себѣ — какъ же это ночь такъ скоро прошла? Анъ идетъ знакомый мой, я и спрашиваю его: что̀ это за звонъ? А онъ говоритъ—иди въ церковь Успенія Богородицы, тамъ тебѣ видѣніе преславное будетъ! Я грѣшный всталъ и пошелъ по улицамъ, и думаю: что̀ это значитъ—теперь осень и дождливая погода, а путь сухой? Пришелъ я къ церкви, вижу: неизреченный свѣтъ; и пришелъ я къ западнымъ дверямъ и поклонился до земли и всталъ; а врата церковныя отворены; и увидѣлъ я Господа Бога моего, сидящаго на престолѣ: кругомъ его ангелы; стоятъ одесную — надежда наша Заступница, а по лѣвую сторону—Предтеча Христовъ и лики святыхъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ отецъ; вижу я, Пресвятая Богородица кланяется до земли Богу и говоритъ: «Сыне мой и Боже мой! пощади люди своя, познавшіе тебе, истиннаго Бога, мене ради матери твоей; многіе изъ нихъ воспомянутъ грѣхи свои и хотятъ прійти въ покаяніе». А владыка и Господь мой говоритъ къ своей матери: «О мати моя вселюбезная! Смущаютъ они мнѣ злобами своими и лукавыми нравами; осквернили церковь мою праздными бесѣдами, мерзкіе обычаи отъ языкъ воспріяли, брады свои постригаютъ, содомскія дѣла творятъ и неправедный судъ судятъ, правыхъ насилуютъ, чужія имѣнія грабятъ!» Тогда надежда наша Заступница и Предтеча Христовъ и всѣ святые стали кланяться и молить Бога,

говорили: «помилуй, владыко, родъ христіанскій; они не будутъ такъ творить!» А Господь Богъ сказалъ: «не стужай мнѣ, мати, и ты, друже мой, Іоанне, и вси мои святые? Нѣтъ истины въ царяхъ и патріархахъ и во всемъ народѣ моемъ. Изыди, мати моя, отъ мѣста сего и вси святые съ тобою. Я предамъ ихъ кровопійцамъ и немилостивымъ разбойникамъ, да покаются малодушные и пріидутъ въ чувствіе, и тогда пощажу ихъ!...» Тогда кто-то подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «иди, угодниче Христовъ, повѣдай, что видѣлъ и слышалъ!»

Тогда патріархъ и освященный соборъ заповѣдали постъ, съ 14 до 19 октября, всѣмъ отъ мала до велика, не исключая младенцевъ; совершалось моленіе о избавленіи царствующаго града отъ злыхъ разбойниковъ и кровопійцъ, и народъ, пораженный этимъ нежданнымъ обрядомъ, со страхомъ ожидалъ чего-то ужаснаго и бѣжалъ въ церковь, забывая на время то, что волновало умъ его, и отдавая со смиреніемъ судьбу свою Богу и властямъ предержащимъ.

Къ этому времени относится появленіе и, вѣроятно, обнародованіе челобитной старца Варлаама, которая должна была увѣрить народъ, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ.

«Въ 110 году (1602) (говорится въ этой челобитной), въ великій постъ на второй недѣлѣ въ понедѣльникъ, шелъ я, старецъ Варлаамъ, въ Москвѣ Варварскимъ крестцомъ; позади меня шелъ молодой чернецъ. Онъ сотворилъ молитву, поклонился мнѣ и говорилъ: «Старецъ! изъ какой ты обители?» Я отвѣчалъ: «Постригся я по немощи и начало имѣю Пафнутьева монастыря Рождественскаго въ Боровскѣ». — «А какой на тебѣ чинъ? Ты крылошанинъ?» — спросилъ молодой чернецъ: — «какъ тебя зовутъ?» «Мое имя Варлаамъ. А ты какой обители и какой на тебѣ чинъ, и какъ тебѣ имя? — Онъ сказалъ: «жилъ я въ Чудовѣ мо-

настырѣ; чинъ имѣю діаконскій; зовутъ меня Григорій, а прозываюсь я Отрепьевъ». Я спросилъ: «что̀ тебѣ Замятня и Смирной Отрепьевы?» Онъ отвѣчалъ: «Замятня дѣдъ, а Смирной дядя». Я сказалъ: «Какое тебѣ дѣло до меня?» Онъ отвѣчалъ: «Я жилъ у архимандрита Пафнутія въ Чудовомъ монастырѣ и сложилъ похвалу московскимъ чудотворцамъ: Петру, Алексію и Іонѣ; и патріархъ Іовъ, видя мое досужество, началъ меня брать на царскую думу вездѣ съ собою, и я вошелъ въ славу великую. Но мнѣ не хочется славы и богатства земнаго; не только видѣть и слышать про то не хочу, а хочу скрыться изъ Москвы въ дальній монастырь. Есть монастырь въ Черниговѣ: пойдемъ въ этотъ монастырь». Я сказалъ: «когда ты жилъ у патріарха, такъ не привыкнуть тебѣ въ Черниговѣ. Слышалъ я: монастырь черниговскій—мѣстечко не великое». Молодой чернецъ сказалъ: «Я хочу въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь. Въ Печерскомъ монастырѣ многіе старцы души свои спасали». Я сказалъ: «читалъ я патерикъ печерскій». Отрепьевъ сказалъ: «поживемъ въ Печерскомъ монастырѣ, да пойдемъ до святаго града Іерусалима». Я сказалъ: «Печерскій монастырь за рубежемъ въ Литвѣ; не смѣть намъ ѣхать за рубежъ». Онъ сказалъ: «Государь московскій учинилъ миръ съ королемъ на двадцать лѣтъ; теперь все вольно и заставъ нѣтъ».—Я сказалъ: «Для душевнаго спасенія и для печерскихъ чудотворцевъ и для святыхъ града Іерусалима и гроба Господня пойдемъ».

«Вотъ, мы съ нимъ увѣрились по-христіански, чтобъ ѣхать намъ вмѣстѣ, и уговорились на завтрашній день сойтись въ иконномъ ряду, чтобъ вмѣстѣ ѣхать.

«На другой день, въ урочный часъ, мы сошлись въ иконномъ ряду. А у него приговоренъ ѣхать съ нимъ еще одинъ старецъ, именемъ Мисаилъ: въ мірѣ его звали Михайло Повадинъ, а я его зналъ у князя Ивана Ивановича Шуйскаго.

Вотъ мы пошли за Москву-рѣку и наняли подводы до Болхова и поѣхали; а изъ Болхова поѣхали до Карачева, а изъ Карачева до Новгорода-Сѣверскаго. Тутъ мы вошли въ Преображенскій монастырь, строитель Захарія Лихаревъ поставилъ насъ на клиросѣ; а Григорій, въ день Благовѣщенія, служилъ въ обѣднѣ за діакона и ходилъ за пречистою.

«Мы пробыли тамъ до третьей недѣли по пасхѣ. Тогда мы наняли вожа Ивашка Семенова, отставленнаго старца, и пошли на Стародубъ. Иванъ провелъ насъ въ кіевскую землю. Первый литовскій городъ намъ былъ Лоевъ; второй Черниговъ, а третій Кіевъ. Мы стали жить въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, и жили три недѣли. Послѣ того Гришка вздумалъ ѣхать ко князю Василію Острожскому и отпросился у архимандрита Елисея Плетенецкаго. Я извѣщалъ про него архимандрита и братію и говорилъ, что мы хотѣли идти въ Іерусалимъ, а онъ теперь хочетъ идти къ Острожскому. Онъ тамъ скинетъ съ себя иноческое платье и заворуется. Архимандритъ Елисей сказалъ: «здѣсь, въ Литвѣ, земля вольная; въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ такой и пребываетъ». Я просилъ у архимандрита, чтобъ далъ мнѣ сожительствовать въ Печерскомъ монастырѣ, но архимандритъ съ братіею не дозволили и сказали: «Четверо васъ пришло; четверо и подите отсюда». Пришли мы въ Острогъ, ко князю Василію Острожскому, а тотъ князь Василій Острожскій въ сущей христіанской вѣрѣ пребываваетъ. Мы у него перелѣтовали, а на осень меня и Мисаила князь отправилъ въ Дерманскій монастырь, а Гришка уѣхалъ въ Гощу къ пану Гойскому и тамъ скинулъ съ себя иноческое платье и сталъ учиться по-латыни, и по-польски, и по-лютерски. И сталъ Гришка отметникъ и законопреступникъ православной сущей христіанской вѣры. Я князю Острожскому говорилъ, чтобъ онъ взялъ изъ Гощи Гришку и

3*

велѣлъ, по прежнему, быть ему чернецомъ и діакономъ; а князь Острожскій сказалъ: «здѣсь земля вольная; въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ такой и пребываетъ. Сынъ мой Янушъ родился въ православной вѣрѣ, и принялъ латинскую; мнѣ его не унять. Да теперь и панъ Краковскій въ Гощѣ».

«Прозимовалъ Гришка въ Гощѣ, а на весну, послѣ великаго поста, онъ пропалъ безъ вѣсти и очутился въ Брагинѣ у князя Адама Вишневецкаго и назвался царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, и князь Адамъ повѣрилъ Гришкѣ и далъ ему колесницъ и лошадей. Князь Адамъ поѣхалъ изъ Брагина въ Вишневецъ и взялъ съ собою Гришку, и сталъ возить его по панамъ, по роднымъ своимъ, и вездѣ называлъ его царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ. Въ Вишневцѣ Гришка лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ великаго дня проводилъ его Адамъ до короля Сигизмунда и сказалъ королю, что онъ царевичъ Димитрій. Король его звалъ къ рукѣ, а Гришка сказалъ королю такъ: «слыхалъ ли ты про великаго князя московскаго Ивана Васильевича всея Руси самодержца, что былъ и грозенъ, и славенъ во многихъ ордахъ? Я сынъ его присный Димитрій Ивановичъ. Какъ судомъ Божіимъ не стало отца нашего на Россійскомъ государствѣ и остался царемъ братъ мой Θеодоръ, меня измѣнники послали въ Угличъ и присылали много разъ воровъ испортить или убить меня, но Богъ не восхотѣлъ исполнить злокозненнаго ихъ замысла и избавилъ меня невидимою силою, и много лѣтъ сохранялъ меня въ судьбахъ своихъ. Теперь же я пришелъ въ мужество и помышляю, съ Божіею помощею, идти на престолъ прародителей моихъ. Можно тебѣ разумѣть, милостивый король, если твой холопъ тебя или брата твоего или сына у тебя потеряетъ, каково тебѣ въ тѣ поры будетъ! Разумѣй посему, каково мнѣ теперь». Тогда передъ королемъ призна-

ли его княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ пять братьевъ Хрипуновыхъ, Петрушка человѣкъ Истомы Михнева, Ивашко Шварь, Ивашко вожь, да мужики посадскіе кіевляне.

«Гришка и Адамъ Вишневецкій отправились отъ короля въ Самборъ, а я королю про этого Гришку извѣщалъ, что онъ не царевичъ Димитрій, а чернецъ, зовутъ его Гришкой, а по прозвищу онъ Отрепьевъ, и ходилъ онъ со мною вмѣстѣ. А король и рáдные паны не вѣрили мнѣ и послали меня къ Гришкѣ въ Самборъ и къ воеводѣ Сендомирскому къ пану Юрію Мнишку, и написали обо мнѣ листъ. Какъ меня привезли въ Самборъ, Гришка велѣлъ съ меня снять иноческое платье, и бить, и мучить. Тогда говорилъ разстрига Гришка про меня и про сына боярскаго Якова Пыхачова, будто мы подосланы отъ царя Бориса, чтобъ убить его. Якова Пыхачова велѣлъ Гришка казнить смертію, а меня велѣлъ послѣ битья и мукъ заковать въ кандалы и бросить въ тюрьму. 15 августа Гришка пошелъ войною къ Москвѣ, а меня велѣлъ держать въ Самборѣ въ тюрьмѣ, и держали меня пять мѣсяцевъ, пока пани Мнишкова и дочь Марина не выпустили на свободу. Послѣ того, я былъ въ Кіевскомъ монастырѣ — а сентября 14, 114 года (1605), вышелъ я въ Смоленскъ; тамъ смоленскіе бояре повелѣли мнѣ жить въ Авраміевомъ монастырѣ».

Эта челобитная была распространена въ свое время, вошла во множество снимковъ послѣдующихъ редакцій хронографовъ и служила для исторіи важнѣйшимъ доказательствомъ, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ чернецъ Гришка Отрепьевъ. Но, всмотрѣвшись въ нее пристально, легко видѣть, какой это мутный и недостовѣрный источникъ. Здѣсь открываются несообразности:

1) Варлаамъ говоритъ, что онъ убѣжалъ съ Гришкою въ

7110 году, въ великій постъ (1602), а по извѣстіямъ, сообщеннымъ поляками, видно, что тотъ, кто назвалъ себя Димитріемъ, былъ въ Кіевѣ уже въ 7109 (т. е. съ сентября 1600 по сентябрь 1601 г.).

2) Варлаамъ разсказываетъ, что, проживавши въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ идти ко князю Острожскому. Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его, ибо, если онъ пойдетъ, то скинетъ съ себя иноческое платье, а потомъ, самъ пошелъ съ Гришкою въ Острогъ. Странно допустить, чтобъ Гришка отправился вмѣстѣ съ человѣкомъ, который на него доносилъ и наблюдалъ за нимъ. Невозможно допустить такую неосторожность въ отъявленномъ плутѣ.

3) Варлаамъ разсказываетъ, что Острожскій отослалъ его съ товарищемъ Мисаиломъ Повадинымъ въ Дерманскій монастырь, а Гришка ушелъ въ Гощу и потомъ, весною 1603 г., пропалъ безъ вѣсти, а вслѣдъ за тѣмъ очутился въ Брагинѣ во дворѣ Адама Вишневецкаго. Но изъ словъ самого Варлаама видно, что онъ, уѣхавши въ Дерманскій монастырь, не видалъ болѣе Гришки, слѣдовательно, если даже не сочинялъ своихъ извѣстій, то писалъ по слухамъ и соображеніемъ. Варлаамъ самъ себѣ противорѣчитъ, говоритъ, что Гришка изъ Гощи безъ вѣсти пропалъ, а потомъ, что онъ очутился у Вишневецкаго, гдѣ и назвался Димитріемъ. Но если Гришка безъ вѣсти пропалъ, то почему Варлаамъ узналъ, что тотъ, кто во дворѣ Адама Вишневецкаго назвался Димитріемъ, былъ знакомый ему Гришка? Онъ не говоритъ, чтобъ видѣлъ его лично тогда, какъ онъ назвался Димитріемъ; слѣдовательно, слыша, что кто-то назвался у Вишневецкаго Димитріемъ, онъ могъ только предположить, что это долженъ быть Гришка.

4) Мнишекъ, хорошо знавшій дѣло, на допросѣ, учинен-

номъ ему въ Москвѣ, объявилъ, что Адамъ Вишневецкій передалъ претендента брату Константину, и претендентъ жилъ въ Жаложицахъ, а не въ Вишневцѣ, какъ показываетъ Варлаамъ, потомъ пріѣхалъ въ Самборъ, и оттуда Мнишекъ съ Константиномъ Вишневецкимъ повезли его въ Краковъ къ королю, а Варлаамъ говоритъ, будто Адамъ Вишневецкій возилъ его въ Краковъ. Нѣтъ повода думать, чтобы Мнишекъ, въ этомъ мѣстѣ своего показанія, сказалъ неправду, потому что не было на то никакой причины. Слѣдовательно, Варлаамъ не зналъ близко обстоятельствъ дѣла, о которомъ говоритъ.

5) Варлаамъ приводитъ рѣчь, которую Гришка говорилъ Сигизмунду III. Но какимъ образомъ могъ Варлаамъ слышать эту рѣчь? Это приведеніе рѣчи въ такомъ подробномъ видѣ побуждаетъ подозрѣвать справедливость всей челобитной. Притомъ—называвшій себя Димитріемъ никакъ не могъ начинать своей рѣчи такъ: «слыхалъ ли ты король про царя Ивана Васильевича?» Это было бы со стороны претендента черезчуръ наивно.

6) Варлаамъ говоритъ, что онъ извѣщалъ короля о томъ, что называющій себя Димитріемъ есть Гришка Отрепьевъ. Но гдѣ, чрезъ кого, какимъ образомъ? объ этомъ онъ не говоритъ; а изъ его же челобитной видно, что онъ оставался въ Дерманскомъ монастырѣ. Отчего здѣсь такая недомолвка, когда о свиданіи своемъ съ Гришкою въ Москвѣ и о странствованіи съ нимъ вплоть до разлуки, случившейся тогда, когда Гришка уѣхалъ въ Гощу, Варлаамъ сообщаетъ очень подробно? Почему же онъ не говоритъ, какъ узналъ про самозванство Гришки, какъ выѣхалъ изъ Дерманскаго монастыря, какъ дошелъ до короля? Такое умолчаніе важнѣйшихъ обстоятельствъ, такая несоотвѣтственность въ способѣ изложенія челобитной сильно вредятъ ея достовѣрности.

7) Варлаамъ говоритъ, что признали Гришку за Димитрія братья Хрипуновы; но о дозволеніи братьямъ Хрипуновымъ возвратиться въ отечество просилъ Сигизмундъ Димитрія, уже царствовавшаго въ Москвѣ. Если бы Хрипуновы были въ числѣ первыхъ, признавшихъ названнаго Димитрія еще въ Краковѣ, то не предстояло бы необходимости просить за нихъ. Эту несообразность замѣтилъ еще Карамзинъ.

8) Варлаамъ говоритъ, что Гришка сына боярскаго Якова Пыхачева велѣлъ казнить, а его, Варлаама, заключить въ тюрьму, но оставляетъ неизвѣстнымъ, видалъ ли онъ тогда въ лицо того, кто названъ Димитріемъ. Здѣсь несообразность и невозможность: конечно, прежде всего Гришка, имѣя власть надъ обоими, казнилъ бы Варлаама, какъ человѣка, который хорошо зналъ его и могъ обличать.

9) Наконецъ, Варлаамъ говоритъ, что въ 1605 г. онъ прибылъ въ Смоленскъ. Это очевидная нелѣпость. Какъ могъ человѣкъ, обличавшій разстригу и за то пострадавшій, освободившись изъ тюрьмы, отправиться въ государство, гдѣ властвовалъ тотъ, кого онъ обличалъ и кому могъ быть вреденъ?

Замѣчательно противорѣчіе между челобитною Варлаама и грамотою патріарха Іова. Въ граматѣ патріаршей Варлаамъ названъ монахомъ Чудовскимъ, а въ челобитной онъ себя самъ называетъ постриженникомъ Пафнутьевскаго Боровскаго монастыря. Варлаамъ говоритъ, что Гришка прожилъ въ Кіевѣ всего три недѣли, ушелъ прочь изъ Кіева къ Острожскому, и когда онъ уходилъ къ Острожскому, то это считалось удаленіемъ изъ монастыря. А въ граматѣ Іова, по показанію Венедикта, — Гришка, живя въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, служилъ въ то время и у Острожскаго въ Кіевѣ, какъ Кіевскаго воеводы, и чрезъ это не разрывалъ своей связи съ Печерскимъ монастыремъ.

Варлаамъ говоритъ, что когда онъ сдѣлалъ извѣтъ, что Гришка хочетъ уйти къ Острожскому, архимандритъ сказалъ, что «здѣсь земля вольная, кто какъ хочетъ, въ такой вѣрѣ тотъ и требываетъ.» А въ показаніи Венедикта говорится, что тотъ же самый архимандритъ посылалъ достать Гришку; тогда онъ ушелъ не къ Острожскому, какъ показываетъ Варлаамъ, а къ запорожцамъ. Венедиктъ показываетъ, что Гришка пришелъ ко князю Адаму Вишневецкому отъ запорожцевъ. Варлаамъ показываетъ, что онъ туда пришелъ изъ Гощи. По граматѣ патріарха Іова, какой-то чернецъ Пименъ водилъ Гришку съ товарищами черезъ границу; Варлаамъ не зналъ Пимена, а знаетъ въ этомъ случаѣ иное лицо, какого-то Ивашку-вожа. Кто же изъ нихъ лгалъ?

Существуетъ документъ очень замѣчательный, свидѣтельствующій о дѣйствительномъ товариществѣ Григорія съ Варлаамомъ и Мисаиломъ. Это надпись на книгѣ Василія Великаго, хранящейся на Волынѣ въ Загоровскомъ монастырѣ, такого содержанія: «Лѣта отъ сотворенія міра 7110 мѣсяца августа въ 31 день, сію книгу Великаго Василія далъ намъ, Григорію съ братіею въ Варлаамомъ да Мисаиломъ: Константинъ Константиновичъ, нареченный во святомъ крещеніи Василій, Божіею милостію пресвѣтлое княже Острожское воевода кіевскій.» Подъ словомъ «Григорію» приписано *другой рукою*: «царевичу Московскому.» Само собою разумѣется, что приписку эту сдѣлалъ человѣкъ, знавшій, что того, кто царствовалъ въ Москвѣ, считали въ дѣйствительности Григоріемъ Отрепьевымъ, странствовавшимъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ, и, вѣроятно, съ наивною цѣлію показать видъ, какъ будто бы тотъ, кто писалъ надпись, сдѣлалъ и приписку, и, именуя себя царевичемъ Московскимъ Димитріемъ, писалъ себя въ тоже время и Григоріемъ. Приписка эта отнюдь не важна и

могла быть включена въ позднѣйшее время; важно только то, что надпись на книгѣ подтверждаетъ справедливость многоразличныхъ показаній, что Григорій Отрепьевъ, монахъ Чудова монастыря, дѣйствительно странствовалъ въ польской Украинѣ и проживалъ у Острожскаго вмѣстѣ съ монахами Варлаамомъ и Мисаиломъ. Но та же самая надпись на книгѣ ни мало не даетъ права признать, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ въ самомъ дѣлѣ бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ; напротивъ, при сличеніи этой надписи, по всѣмъ вѣроятіямъ, сдѣланной Отрепьевымъ, съ почеркомъ названаго царя Димитрія не оказывается сходства. Поэтому, ни челобитная Варлаама, ни надпись на книгѣ Василія Великаго не могутъ служить доказательствами, чтобъ названый царь Димитрій и Гришка Отрепьевъ были однимъ и тѣмъ же лицомъ.

V.

Объясненіе Болотникова съ москвичами.—Ослабленіе мятежа.—Дворяне оставляютъ Болотникова. — Пораженіе мятежниковъ. — Бѣгство Болотникова.—Перенесеніе тѣлъ Годуновыхъ. — Примиреніе патріарха Іова съ московскимъ народомъ.

Болотниковъ построилъ острогъ, укрѣпилъ его деревомъ и валомъ. Казаки, по своему обычаю, стали копать норы и подземные ходы. Отсюда Болотниковъ разсѣялъ грамоты по Москвѣ и по разнымъ городамъ, возбуждалъ бѣдныхъ и меньшихъ противъ сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ. «Вы всѣ (было имъ сказано) боярскіе холопи — побивайте своихъ бояръ, берите себѣ ихъ женъ и все достояніе ихъ — помѣстья и вотчины! Вы будете людьми знатными; и вы, которыхъ называли шпынями и безименными, убивайте гостей и торговыхъ богатыхъ людей, дѣлите между собой ихъ животы! Вы были послѣдніе — теперь

получите боярства, окольничества, воеводства *)! Цѣлуйте всѣ крестъ законному государю Димитрію Ивановичу!»

Москвичи послали къ Болотникову выборныхъ. «Вся Москва — говорили они — хочетъ, чтобы ты показалъ намъ Димитрія. Если въ самомъ дѣлѣ онъ живъ, — всѣ придутъ къ нему, упадутъ ему въ ноги и поцѣлуютъ крестъ служить ему и прямить во всемъ».

— Я самъ видѣлъ его въ Польшѣ — говорилъ Болотниковъ — своими глазами; онъ живъ и меня послалъ и назначилъ самъ своимъ воеводою. И вы его скоро увидите!

— А, можетъ быть, это другой?—сказали москвитяне. — Того, кто выдавалъ себя за Димитрія, убили въ Москвѣ **).

Съ тѣмъ ушли москвичи. Болотниковъ отправилъ посланца въ Путивль къ Шаховскому и писалъ ему: «посылай, князь, скорѣе въ Польшу, — пусть царь Димитрій ѣдетъ скорѣе! Я съ москвичами держалъ переговоры: они обѣщали поклониться ему, если онъ пріѣдетъ, и всѣ узнаютъ, что онъ тотъ самый, что былъ прежде. Не нужно ему войска, — пусть ѣдетъ самъ-другъ, — дѣло идетъ хорошо! Какъ только москвичи его увидятъ — тотчасъ же возьмутъ своихъ измѣнниковъ за шею и отдадутъ ему» ***).

Желанный и дѣйствительно любимый многими, Димитрій не являлся. Болотникову скоро приходилось увидѣть, что возбужденіе меньшихъ людей противъ большихъ было средство годное только на малое время. Оно дало ему силу; оно же подорвало его дѣло. Дворяне и дѣти боярскіе въ разныхъ городахъ, не зная достовѣрно, что тотъ, кого считали Димитріемъ, болѣе не существуетъ, возстали при его имени и готовы были идти за него, потому что онъ къ

*) А. Э. II. 123.

**) Petr. 209.

***) Petr. 209.—Buss.

нимъ былъ щедръ и милостивъ, потому что надѣялись наградъ за услуги, а теперь его именемъ поднимаютъ противъ нихъ слугъ, крестьянъ и холопей. Имъ приходилось теперь охранять свое достояніе, свои семьи и свою жизнь. Во многихъ городахъ цѣловали крестъ Димитрію и тотчасъ же начали каяться, когда къ нимъ врывались шайки бѣглыхъ, всякаго рода, и стали насиловать женщинъ, расхищать имущества. Современники говорятъ, что они не уважали даже святыни церквей, расхищали церковную утварь, обдирали образа, оскверняли Божіи храмы. Это извѣстіе правдоподобно. Тогда на Руси, не смотря на видимое оффиціальное благочестіе, было много такихъ, которыхъ только по имени можно было назвать христіанами. Они не знали ничего въ дѣлѣ вѣры, не ходили и въ церковь. Да въ полчищахъ, возставшихъ за Димитрія, было много и нехристіанъ — магометанъ и язычниковъ. Эти явленія должны были внезапно охолодить ревность къ Димитрію, охватившую разомъ почти всю Русь, и охоту помогать Шуйскому. Москва болѣе другихъ городовъ имѣла тогда поводовъ не поддаваться Болотникову. Въ Москвѣ жили бояре, окольничьи, дьяки, знатные люди, которыхъ Болотниковъ грозилъ перебить или обратить въ простолюдиновъ, а на мѣсто ихъ возвести безъименныхъ людей; въ Москвѣ жили зажиточные торговцы и промышленники, которыхъ дворы, лавки, деньги, — все это заранѣе отдавалось въ дѣлежъ неимущимъ, и все это дѣлалось именемъ Димитрія, и все это не похоже было на Димитрія, котораго знали, какъ покровителя промысловъ, торговли, зажиточности и роскоши.

Тутъ еще пособило Шуйскому и то, что шайки мятежниковъ пошли на Тверь. Тверской архіепископъ воодушевилъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, представилъ имъ, что на нихъ наступаютъ хищники; — и тѣ, вмѣстѣ съ посадскими

людьми, также дорожившими своимъ достояніемъ, отбили враговъ.

Въ нестройныхъ мужичьихъ мятежахъ всегда бываетъ такъ, что и малый успѣхъ привлекаетъ къ мятежу огромныя массы, и малая неудача отнимаетъ у нихъ духъ. Примѣръ Твери подѣйствовалъ на пригороды, привыкшіе, по преданію, слѣдовать главному городу земли. Зубцовъ, Ржевъ отпали отъ Димитрія. Въ ржевскомъ уѣздѣ составилось ополченіе изъ дѣтей боярскихъ; у нихъ начальникомъ былъ Колычевъ. Смоленскъ удерживалъ въ повиновеніи Шуйскому князь Куракинъ, — и смоленскіе дворяне и дѣти боярскіе ополчились, чтобъ идти на выручку Москвѣ. Примѣру ихъ послѣдовали пригороды мѣстной земли: Дорогобужъ, Вязьма, Серпейскъ, попробовавшіе, что̀ значитъ крестное цѣлованіе Димитрію. Можайскъ, прежде поднявшись за Димитрія, опять ударилъ челомъ Шуйскому. Двинская земля, Вологда, Ярославль, гдѣ вообще торговля избрала себѣ путь, и гдѣ, черезъ то, развилось благосостояніе — не поддались увѣщаніямъ Болотникова и отправили стрѣльцовъ для защиты Москвы противъ Болотникова. Когда пронеслась вѣсть, что Димитрій живъ, — вся русская земля готова была встрѣтить Димитрія и выдать ему на казнь новаго царя. Но когда, съ одной стороны, царь не показывался и начиналось сомнѣніе въ томъ, что онъ спасенъ; а съ другой стороны, именемъ Димитрія поставлено было кровавое знамя переворота русской земли вверхъ дномъ, то большая часть отступила назадъ и готова была лучше сносить власть Шуйскаго, лишь бы сохранить достояніе и порядокъ жизни.

Въ самомъ полчищѣ Болотникова сдѣлалось раздвоеніе. На одной сторонѣ стояли дворяне и дѣти боярскіе, на другой — холопи, казаки, бѣглые крестьяне — вообще самые мелкіе безъименные люди. У послѣднихъ главою былъ Бо-

лотниковъ, начальниками первыхъ были: Истома Пашковъ и братья Ляпуновы. Между Истомою и Болотниковымъ возникло личное соперничество. Истома твердилъ, что онъ избранъ былъ прежде воеводою, чѣмъ Болотниковъ; хвалился притомъ, что онъ былъ дворянинъ, а Болотниковъ холопскаго происхожденія. Болотниковъ съ гордостію говорилъ, что его самъ Димитрій сдѣлалъ своимъ военачальникомъ и онъ, какъ назначенный лично отъ царя, имѣетъ надъ всѣми первенство. Болотниковъ хотѣлъ власть Димитрія утвердить на одномъ черномъ народѣ. Истома и Ляпуновы, напротивъ, — хотѣли Димитрія такого, какимъ знали его на царствѣ. Вообще дворяне, находившіеся въ подмосковномъ полчищѣ во имя Димитрія, поставлены были въ противорѣчіе съ тѣмъ оборотомъ, какой приняло дѣло. Вначалѣ честолюбіе ихъ щекотала вражда къ тѣмъ, которые были ихъ сильнѣе — зависть къ боярамъ, окольничьимъ, вообще къ вельможамъ; имъ хотѣлось низложить вельможъ и замѣнить собою ихъ первенство въ землѣ русской. Но теперь они увидали, что возстаніе Болотникова поражаетъ ихъ самихъ...., что холопи и бѣглые крестьяне хотѣли быть выше дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ послѣднимъ хотѣлось стать выше бояръ..... Невозможно же было имъ служить такому дѣлу, которое клонилось къ ихъ общему униженію и раззоренію.

Братья Ляпуновы и воевода Григорій Сунбуловъ пріѣхали въ Москву и поклонились Шуйскому. Съ ними пріѣхала толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ; за ними послѣдовали стрѣльцы, которые въ Коломнѣ передались было Болотникову.

Шуйскій не только простилъ ихъ,—еще и обласкалъ, а Прокопію Ляпунову далъ званіе думнаго дворянина. Шуйскій замѣтилъ честолюбіе и способности этого человѣка, понялъ, что имъ держится рязанская земля, и думалъ при-

вязать его къ себѣ. Это, на будущее время, ему не удалось. Ляпуновы не терпѣли Шуйскаго и были, напротивъ, привержены къ прежнему царю, но теперь пока, скрѣпя сердце, должны были, только ради сохраненія порядка въ землѣ русской и безопасности имуществъ и жизни лицъ своего званія, стоять на его сторонѣ. По примѣру Ляпуновыхъ и рязанцевъ приходили изъ обоза Болотникова другіе дворяне и дѣти боярскіе и просили позволить имъ идти на враговъ въ Коломенское. Шуйскій не велѣлъ и не хотѣлъ начинать наступательной войны съ Болотниковымъ, пока не подойдетъ болѣе ратныхъ силъ въ Москву. Пришли, наконецъ, ожидаемыя ополченія дворянъ и дѣтей боярскихъ: смоленской, ржевской и тверской земель, и стали на Дѣвичьимъ-Полѣ. Съ часу на часъ ожидали двинскую рать.

Болотниковъ увидалъ, что тогда какъ онъ занимается укрѣпленіемъ своего обоза въ селѣ Коломенскомъ, въ Москву безпрепятственно проходятъ на службу Шуйскому ратныя силы. Надобно было начать приступъ. 26 ноября Болотниковъ перешелъ черезъ Москву рѣку и направилъ свой главный напоръ на Гонную или Рогожскую слободу, и въ то же время отправилъ по другой сторонѣ Москвы рѣки часть ополченія, чтобъ не допускать прохода ратныхъ изъ Смоленской земли. Истома Пашковъ сталъ въ Красномъ селѣ, чтобы перервать сообщеніе съ Ярославлемъ и не допустить оттуда ратныхъ людей къ Москвѣ *).

Такъ распоряжались въ воровскомъ обозѣ, когда въ Москвѣ собирался походъ на воровъ.

Въ этотъ же день, въ Архангельскомъ соборѣ, патріархъ Гермогенъ съ освященнымъ соборъ отслужилъ молебенъ предъ гробомъ Димитрія. Ратные люди были собраны на

*) А. А. Э. II, 135.

Красную площадь. Послѣ молебна вынесли изъ Кремля съ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ покровъ, которымъ были покрыты мощи царевича Димитрія. Духовенство окропляло ратныхъ людей св. водою. Затрубили тревогу. Двинулись на бой. Покровъ, отъ котораго ожидали чудотворной помощи, понесли впередъ къ Калужскимъ воротамъ. Царь, на своемъ боевомъ конѣ, поѣхалъ вслѣдъ. У Серпуховскихъ воротъ стоялъ молодой Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ князьями Андреемъ Голицынымъ и Татевымъ.

Рать Шуйскаго ударила на мятежниковъ, отбила ихъ, нахватала плѣнныхъ. Тогда Истома Пашковъ вдругъ оставилъ свой постъ и съ четырьмя стами стрѣльцовъ, въ сопровожденіи товарищей своихъ — дворянъ и дѣтей боярскихъ, пріѣхалъ въ Москву и поклонился Шуйскому. Болотниковъ прекратилъ нападеніе и ушелъ въ свой станъ *).

Пашковъ своимъ переходомъ много пособилъ Шуйскому. Когда его окружили москвичи и стали распрашивать, — онъ объявилъ, что Болотниковъ лжетъ — Димитрія никакого нѣтъ!

— Развѣ онъ не въ Путивлѣ? — спрашивали москвичи.

— Его тамъ не бывало! Шаховской выдумалъ и разсказываетъ, будто онъ самъ въ Польшѣ, а ему приказалъ приводить къ присягѣ людей Московскаго государства. Никто не видалъ его, и никто не знаетъ, чтобъ онъ спасся! **).

Это извѣстіе такъ подѣйствовало на москвичей, что они стали тѣснѣе приставать къ Шуйскому; Димитріево имя ихъ болѣе не соблазняло, а идти за Болотникова готовы были только одни бездомные бродяги, да безпокойные холопи.

Шуйскій принялъ очень милостиво Истому, и разсчелъ,

*) Ник. лѣт. 83. — Врем. XVI. 60. — Petr. 208.

**) Petrei. 208.

что лучше прекратить смуту милостію. Онъ послалъ къ Болотникову, — увѣщевалъ сдаться и обѣщалъ ему важный чинъ за это.

Болотниковъ отвѣчалъ: «Я цѣловалъ крестъ своему государю Димитрію Ивановичу — положить за него животъ. И не нарушу цѣлованія, не уподоблюсь измѣннику и клятвопреступнику Истомѣ. Вѣрно буду служить государю моему и скоро васъ провѣдаю *).

Послѣ этого отказа Михайло Скопинъ-Шуйскій съ княземъ Иваномъ Шуйскимъ, стоявшіе въ Даниловскомъ монастырѣ, за Серпуховскими воротами, 2 декабря, пошли въ Коломенское. Они разсчитывали, что хотя Болотниковъ похваляется, но силы его значительно уменьшились, послѣ отдѣленія дворянъ и дѣтей боярскихъ, и, кромѣ казаковъ, у него мало людей опытныхъ, — все войско его стояло изъ холо́пей и крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ ни попало. Болотниковъ вышелъ противъ нихъ, при урочищѣ Котлахъ **), не выдержалъ напора, ушелъ въ Коломенское и заперся въ острогѣ, надѣясь на твердость этого острога. Тамъ его воеводы осадили. Они стрѣляли изъ пушекъ три дня, и не могли разметать острога, который былъ обсыпанъ землею по казацкому обычаю. Мятежники заползли въ земляныя норы и укрывались тамъ отъ ядеръ, а огненныя ядра утушали сырыми воловьими кожами. Наконецъ воеводы, узнавши ихъ хитрости, сдѣлали огненныя ядра съ «нѣкоею мудростію», говоритъ лѣтописецъ ***), такъ что угасить ихъ было невозможно, — и пожаръ распространился внутри острога. Тогда Болотниковъ съ своимъ полчищемъ выскочилъ изъ острога и пустился бѣжать по Серпуховской дорогѣ. Ратные люди погнались за нимъ, по-

*) Petrei, 209.
**) Рукоп. Филар. 11.
***) Врем. XVI, 61.

ражали бѣгущихъ и хватали плѣнныхъ, кидавшихъ оружіе. Казаки заперлись въ деревнѣ Заборьѣ и сдѣлали, по своему обычаю, укрѣпленіе изъ тройнаго ряда саней, тѣсно связанныхъ и облитыхъ водою. Скопинъ-Шуйскій нашелъ, что нельзя далѣе преслѣдовать Болотникова и оставить позади себя непріятеля въ укрѣпленіи, изъ котораго онъ могъ сдѣлать на него вылазку сзади. Онъ осадилъ заборскій таборъ. Казацкій атаманъ Димитрій Беззубцевъ предложилъ сдаться, если казаковъ не станутъ убивать и примутъ въ службу. Скопинъ далъ слово. Беззубцевъ вышелъ и положилъ оружіе. Скопинъ привелъ его въ Москву съ казаками. За Скопинымъ гнали туда такое множество плѣнныхъ, что по тюрьмамъ въ Москвѣ не стало для нихъ помѣщенія. Ихъ помѣщали по палатамъ каменнымъ *) и тамъ было тѣсно.

Царь простилъ казаковъ, сдавшихся въ Заборьѣ, принялъ ихъ въ службу и приказалъ размѣстить по дворамъ, а всѣхъ тѣхъ, которые взяты были въ плѣнъ, во время бѣгства или въ бою подъ Москвою, велѣлъ утопить (посадить въ воду) **), а иныхъ посадили на колъ. Михайло Скопинъ-Шуйскій, еще очень молодой, получилъ санъ боярина. Въ тотъ же санъ былъ возведенъ и Колычевъ, начальникъ ржевскаго ополченія. Большая была радость царю отъ этой побѣды: по государству въ вѣрные города послана была грамата; вездѣ благодарственныя молебствія, колокольный звонъ, а царь въ Москвѣ праздновалъ свое новоселье: онъ построилъ себѣ новый дворецъ, освятилъ его и учредилъ по обычаю пиръ боярамъ, а къ нему приходили съ поздравленіями и подносили подарки. Бывшій деревянный дво-

---

*) Т. е. строеніямъ, назначеннымъ для храненія пожитковъ, преимущественно у купцовъ на дворахъ для храненія товаровъ.

**) Ник. 83. — Времен. XV, 61. — Рук. Филар. 41. — А. А. Э. II, 135.

рецъ Димитрія еще не былъ сломанъ и стоялъ пустой: никто не рѣшился бы жить въ немъ.

Болотниковъ прибѣжалъ въ Серпуховъ, собралъ тамошнихъ жителей, которые пристали прежде на его сторону, и спрашивалъ: «станетъ ли у васъ запасовъ, когда я останусь у васъ и будемъ отсиживаться?»

— Намъ самимъ ѣсть нечего! — отвѣчали серпуховцы *).

Тогда Болотниковъ отправился дальше и остановился въ Калугѣ. Калужане, во имя Димитрія, приняли его и взялись отсиживаться отъ Шуйскаго.

Шуйскому предстояло два способа вести войну противъ Болотникова и уничтожить его: или сосредоточить всѣ силы войска у Калуги, гдѣ засѣлъ предводитель возстанія, или раздѣлить войска на отряды и разсылать по разнымъ мѣстамъ, гдѣ противились царской власти и ожидали Димитрія, и такимъ образомъ усмирить возстаніе по частямъ. Шуйскій выбралъ послѣднее, вѣроятно полагая, что партія Болотникова слаба. Онъ отправилъ за Болотниковымъ свѣжую ратную силу подъ Калугу, съ своимъ братомъ Иваномъ. За ними вслѣдъ поѣхали туда съ новыми силами: князь Мстиславскій, князь Михайло Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Никитичъ Романовъ, князь Данило Мезецкій, Борисъ Петровичъ Татевъ и другіе воеводы **). За тѣмъ отряды пошли для усмиренія украинныхъ городовъ. Полагали, что эти воеводы одинъ за другимъ и возьмутъ украинные города.

Между тѣмъ, по прежнему, Шуйскій продолжалъ дѣйствовать на народъ нравственными мѣрами. Побѣда надъ Болотниковымъ была оглашена по всей Россіи, какъ дѣло великое, какъ явленіе Божіей благодати. Послѣ 26 ноября

*) Bussov. 72.

**) Хроногр. Арх. Коммис.

разосланы были граматы къ владыкамъ съ извѣстіемъ о погромѣ и бѣгствѣ Болотникова. Архіереи приказывали мѣстнымъ духовнымъ начальствамъ созывать людей всѣхъ состояній и прочитывать въ церквахъ грамату и служить молебны со звономъ. Божію благодать приписывали заступничеству святыхъ, между прочимъ, мѣстныхъ того края, куда посылался экземпляръ граматы, и особенно силѣ новоявленнаго чудотворца, Димитрія царевича. Въ граматѣ поручалось народу блюстись отъ воровъ и, гдѣ бъ они ни появлялись, тотчасъ же ловить и доставлять къ приказнымъ людямъ. Такія же граматы отсылались по всей Руси въ монастыри *).

Шуйскій нашелъ полезнымъ для себя примирить народъ съ памятью Бориса и съ патріархомъ Іовомъ; связать тѣмъ самымъ свое царствованіе съ прежней исторіей до разстриги и возбудить еще болѣе вражды и омерзѣнія къ разстригѣ. Еще передъ пришествіемъ Болотникова, царь Василій приказалъ отрыть тѣло Бориса, его жены и сына въ Варсонофьевскомъ монастырѣ. Двадцать монаховъ несли тѣло Бориса, посвященнаго предъ смертію въ монашество, и двадцать бояръ и думныхъ лицъ знатнаго званія несли гробы: царицы Марьи и Ѳедора. Ихъ понесли къ Троицкимъ воротамъ. Множество монаховъ и священниковъ въ черныхъ ризахъ провожали ихъ съ надгробнымъ пѣніемъ. За ними ѣхала въ закрытыхъ саняхъ Ксенія. Народъ слышалъ ея причитанья и проклятіе убійцамъ. «Горько мнѣ безродной сиротѣ! вопила она,—злодѣй воръ, что назывался ложно Димитріемъ, погубилъ моего батюшку, мою сердечную матушку, моего милаго братца,—весь мой родъ заѣлъ! И самъ пропалъ, и при животѣ своемъ и по смерти надѣлалъ бѣды всей землѣ нашей русской! Господи осуди его су-

*) А. А. Э. II, 136.

домъ праведнымъ! *)» Ихъ тѣла похоронили въ притворѣ у Троицы, близъ Успенской церкви.

Въ февралѣ 1607 года, царь придумалъ новую церемонію въ томъ же родѣ. По совѣту его, патріархомъ Гермогеномъ посланы къ отставленному патріарху Крутицкій митрополитъ Пафнутій съ духовными лицами—приглашать Іова въ Москву, чтобы тамъ снять съ московскихъ людей тяготѣвшее на нихъ бремя клятвопреступленія. Для бывшаго патріарха послана была изъ царской конюшни царская каптана, обитая внутри соболями, въ восемь лошадей.

14-го февраля пріѣхалъ Іовъ въ Москву. 16-го составили грамату и оповѣстили всѣмъ жителямъ столицы, чтобъ 20 февраля, въ пятницу—всѣ гости, торговые и посадскіе люди, мастеровые, служилые и всѣ вообще явились въ Кремль, въ Успенскій соборъ. Помѣститься всѣмъ было не возможно въ соборѣ, и большинству приходилось наполнять Кремль. Составили челобитную отъ гостей и торговыхъ людей, какую слѣдовало подать въ церкви патріарху.

Въ назначенный день, при многочисленномъ стеченіи народа, бывшій патріархъ вошелъ въ соборную церковь, приложился къ образамъ и сталъ у патріаршаго мѣста. Новый патріархъ Гермогенъ отправлялъ богослуженіе. Потомъ, выборные для подачи челобитной подошли къ патріарху. Одинъ проговорилъ ото всѣхъ рѣчь и просилъ прочитать ясно и внушительно.

Патріархъ Гермогенъ приказалъ прочитать челобитную съ амвона архидіакону Олимпію. Въ ней московскіе люди сознавались въ своемъ преступленіи,—что, присягнувъ Борису и Ѳедору, они приняли на государство Московское вора Отрепьева и за это остались связанными отъ святаго патріарха. Было сказано: ....«Не только живущіе во градѣ

---

*) Russov. 69.

семъ, но и живущіе во всѣхъ градѣхъ страны сей просятъ разрѣшенія и прощенія,—какъ живымъ отъ мала до велика, такъ и тѣмъ, которые уже отошли отъ міра сего прежде....» По прочтеніи этой челобитной, прочитана была прощальная и разрѣшительная грамата отъ бывшаго патріарха. Припоминая прошедшія событія, патріархъ теперь объявилъ, что настоящій Димитрій убитъ въ Угличѣ; но не смѣлъ назвать убійцу, потому что прежде называлъ этого убійцу законнымъ царемъ. Онъ разрѣшалъ и въ семъ вѣкѣ, и въ будущемъ весь народъ отъ клятвопреступленія Борису и его дѣтямъ, и, съ своей стороны, просилъ у всѣхъ прощенія за свое заклинаніе.

Такимъ образомъ, было видно и понятно, что прежде бывшій патріархъ признавалъ предъ всѣмъ народомъ законность вступленія на престолъ Василія по родовому праву *). Окончивъ обрядъ, патріархъ уѣхалъ къ Троицѣ и тамъ скоро скончался.

Такъ, всѣми средствами Шуйскій старался утвердить власть свою, основанную не на избраніи страны, а на крикахъ подущенной толпы. Шуйскій самъ себѣ противорѣчилъ: онъ объявилъ Бориса убійцею Димитрія и слѣдовательно незаконнымъ подъискателемъ престола, на который онъ не могъ взойти, еслибъ Димитрій былъ живъ. Мощи Димитрія творили чудеса въ обличеніе злодѣянія Борисова, — и тотъ же Шуйскій оказываетъ всенародную честь праху убійцы Димитрія и призываетъ бывшаго патріарха разрѣшить народу тягость его преступленія; а это тяжелое преступленіе—невѣрность Борису, тогда какъ Борисъ, будучи объявленъ злодѣемъ-убійцею святаго младенца, не могъ, въ глазахъ народа, быть лицомъ, которому надобно было сохранить вѣрность. Такъ обстоятельства запутыва-

*) А. А. Э. II. 148—160.

ли Шуйскаго. Онъ, какъ говорится, словно утопающій за соломинку, хватался за все, лишь бы удержаться. Нравственнаго успѣха было для него мало отъ всего этого! Шуйскій держался на престолѣ болѣе всего страхомъ всеобщаго раззоренія, которое грозило отъ возстававшихъ шаекъ черни, и отсутствіемъ такого лица, къ которому бы могло устремиться народное желаніе въ это смутное время.

VI.

Примѣръ украинныхъ городовъ. — Осада Болотникова въ Калугѣ.— Явленіе царевича Петра. — Пораженіе царскаго войска подъ Калугою.—Болотниковъ и царевичъ Петръ въ Тулѣ.

Разсчетъ царя на упадокъ силъ Болотникова былъ не совсѣмъ вѣренъ. На югѣ, въ краю, который тогда носилъ общее названіе украинныхъ городовъ, былъ другой духъ, чѣмъ въ Москвѣ и собственно въ московской землѣ или московщинѣ. Уже давно московскіе государи старались утвердить полное единство земли и слитіе всѣхъ народныхъ мѣстныхъ интересовъ подъ властію и нравственнымъ первенствомъ Москвы, такъ чтобы вся Русь не думала и не чувствовала иначе отъ Москвы. Но стихія древней раздѣльности искала себѣ исхода и находила въ южныхъ областяхъ. Чѣмъ далѣе русская жизнь шагала на югъ отъ Москвы, тѣмъ болѣе ослабѣвало въ народномъ сознаніи слитіе частей Руси, тѣмъ народъ былъ вольнѣе и своеобразнѣе, тѣмъ болѣе было мѣстныхъ особенностей и стремленій не подчиняться Москвѣ. Полное явленіе этого свободнаго, противодѣйствующаго московскимъ государственнымъ интересамъ, начала—было въ казачествѣ. Но казачество не отдѣлялось отъ русскихъ земель непереходимою границею. Если не по опредѣленнымъ формамъ, то по духу оно было, такъ

сказать, въ черезполосномъ владѣніи съ государствомъ. Земля Сѣверская, земля, преимущественно называемая Украинною (т.е. земля, нынѣшнихъ губерній—Орловской, Воронежской, Калужской, Тульской), и земля Рязанская— заключали въ себѣ много казацкаго, противнаго тому, чего хотѣла государственная власть. Оттого Іовъ въ своей граматѣ и назвалъ сѣверскую украину «прежде погибшею (давно погибшею) землею». Въ украинныхъ городахъ было убѣжище всего, что не уживалось въ центрѣ Россіи и въ старыхъ ея областяхъ. Туда укрывались бѣглые холопи и крестьяне, недовольные произволомъ помѣщика, приказчика или міра, не хотѣвшіе платить поборовъ посадскіе, не желавшіе служить дѣти боярскіе: туда ускользали сдѣлавшіе преступленіе и ожидавшіе казни; самые служилые люди посылались туда въ видѣ наказанія. Земли для жителей было вдоволь — за собственность полей не приходилось спорить. Отдаленность отъ столицы и вслѣдствіе этого недостатокъ надзора давали тамошнему населенію болѣе свободы. Неожиданныя нахожденія крымскихъ татаръ заставляли жителей вообще держаться на военной ногѣ, пріучали къ оружію, развивали духъ удальства и наѣздничества. Необезпеченность жизни мѣшала строгой осѣдлости и гражданскому порядку. Тамъ было приволье, раздолье! Тамъ была игра опасностей, охота къ приключеніямъ — тамъ все необычное, какъ, напримѣръ, чудесное спасеніе царя, находило и вѣру, и сочувствіе! Сказка была подъ стать раздольному житью-бытью украинныхъ земель; жизнь строгая являлась тамъ въ видѣ гнета. Тамъ кипѣли побужденія неужившихся подъ государственнымъ строемъ, искавшихъ другаго строя жизни, и потому такъ легко приставали украинцы къ новому знамени, когда оно поднималось противъ Москвы. Для многихъ же, стать подъ его знамя—было примaнчиво, потому что они видѣли тутъ воз-

можность добычи, — и хотѣлось имъ пожить славно, хотя бы коротко, на счетъ старой Руси, раздѣлить ея богатства и корысти. Подъ бокомъ украинныхъ городовъ, съ одной стороны, было донское, съ другой—днѣпровское казачество. И то и другое, по первому свисту, готово было двинуться къ сѣверу и стать заодно съ украинными городами, чтобъ начать смуту.

Отъ этихъ причинъ, воеводы, посланные на украинные города, встрѣчали вездѣ сопротивленіе и были отбиты. Воеводы подъ Калугой также плохо успѣвали. Пытались они зажечь острогъ, гдѣ сидѣлъ Болотниковъ. Для этого рубили лѣсъ и дѣлали деревянную гору, которую хотѣли класть такъ, чтобы она становилась все ближе и ближе къ острогу, потомъ воспользоваться погодою, когда вѣтеръ будетъ дуть на Калугу, и зажечь. Но Болотниковъ не допустилъ этой деревянной горѣ подойти подъ стѣны своего острога,—выскочилъ и самъ сжегъ деревянную гору тогда, когда она еще была далеко отъ острога. Приступы ратныхъ царскихъ силъ не удались; на нихъ люди были побиты и поранены, а города все таки не взяли *). Болотникову приходилось выносить долгую и тяжелую осаду. Шаховской послалъ было на выручку ему отрядъ, подъ начальствомъ князя Мосальскаго, но царскіе бояре предупредили его и выслали изъ обоза Ивана Никитича Романова съ Мезецкимъ. Эти воеводы напали на воровъ при рѣкѣ Выркѣ. Была сѣчь кровавая. День и ночь бились. Мосальскій палъ въ битвѣ. Большая часть его людей погибла, а остальные, въ отчаяніи, чтобъ не достаться побѣдителямъ, сѣли на бочки съ порохомъ, зажгли ихъ и взлетѣли на воздухъ **).

*) Ник. 84.
**) Ник. 85.

Воеводы, осаждавшіе Калугу, обрадовались этому успѣху и думали, что Болотниковъ теперь, лишившись подмоги, упадетъ духомъ. Извѣстили его о пораженіи Мосальскаго и предложили просить милости. Болотниковъ посмѣялся надъ ними. Въ Калугѣ еще не истощился запасъ и хлѣба, и меду, и пшена, и пороху, и свинца; а казаки были воины храбрые и терпѣливые... Осада продолжалась цѣлую зиму и походила на осаду Кромъ. Царскія войска расположились станомъ: пьянствовали, играли въ зернь; въ станѣ набилось много веселыхъ женщинъ; часто ратные люди были оплошны и терпѣли за то. Не разъ изъ Калуги Болотниковъ неожиданно выскакивалъ и причинялъ опустошенія: казаковъ убьютъ человѣка три, четыре, а московскихъ ратныхъ людей, захваченныхъ врасплохъ, человѣкъ пятьдесятъ. Воеводы, когда имъ надоѣла осада, предпринимали приступы, и всегда дѣло оканчивалось большою потерею людей и лошадей. Осада продолжалась до самой весны. Царю было видно, что не представлялось возможности взять Болотникова въ Калугѣ, а въ другихъ мѣстахъ дѣла шли неудачно—и мятежъ прибывалъ и усиливался...

Тутъ явился къ услугамъ Шуйскаго одинъ нѣмецъ, жившій въ Москвѣ; имя его было Фридрихъ Фидлеръ. Былъ онъ родомъ изъ Кенигсберга, занимался аптекарскимъ дѣломъ. Онъ велѣлъ передать Шуйскому, что берется освободить русскую землю отъ Болотникова.

— Я знаю яды — говорилъ онъ Шуйскому, когда его призвали.—Я передамся Болотникову и изведу его! Я покажу свое радѣнье къ тебѣ, государь, и государству Московскому.

— Если ты вѣрно сослужишь мнѣ эту службу, я дамъ тебѣ помѣстья и много денегъ!—сказалъ ему царь—только ты мнѣ присягнешь, что не учинишь измѣны.

Фидлеръ произнесъ такую присягу: «Во имя всехвальной Троицы, клянусь отравить ядомъ врага государства и всей русской земли, Ивана Болотникова. Если жъ я этого не сдѣлаю, если, ради корысти, я обману государя, — то не будетъ мнѣ части въ царствіи небесномъ, и подвигъ Господа Христа, сына Божія, пребудетъ на мнѣ тощъ, и сила Духа Святаго да отступится отъ меня, и не почіетъ на мнѣ утѣшеніе Его! Святые ангелы, хранители христіанскихъ душъ, да не помогаютъ мнѣ,—и все естество, созданное на пользу человѣка, да будетъ мнѣ во вредъ! Пусть тогда всякое зелье и всякая ѣда станетъ мнѣ отравою! Пусть земля живымъ поглотитъ меня и дьяволъ овладѣетъ душею и тѣломъ, и буду мучиться во вѣки! И если я обману своего государя, не учиню такъ, какъ обѣщалъ, и не погублю отравою Болотникова, да пойду къ исповѣди, и священникъ меня разрѣшитъ отъ этихъ клятвъ, то священническое разрѣшеніе не должно имѣть силы!»

Клятва эта до того была страшною, говоритъ современникъ, что волосы дыбомъ поднимались у тѣхъ, кто слышалъ ее. Шуйскій повѣрилъ Фидлеру, далъ 1,000 рублей и коня. Задатокъ былъ великъ; обѣщаній дали ему гораздо больше!

Фидлеръ отправился въ Калугу, передался Болотникову и сказалъ: «Шуйскій послалъ меня отравить тебя; но у меня нѣтъ того въ мысляхъ. Вотъ ядъ — дѣлай съ нимъ, что хочешь!»

Болотниковъ оставилъ его у себя. Неизвѣстно, что Фидлера побудило такъ поступить. Всего вѣроятнѣе, что, явившись въ Калугу, онъ не избѣжалъ на себя подозрѣнія, и чтобъ выпутаться изъ него, рѣшился открыть замыселъ Шуйскаго, чтобы самого себя спасти отъ мести Болотникова. Когда въ Москвѣ объ этомъ узнали — стали колоть глаза всѣмъ нѣмцамъ этимъ поступкомъ.

— Вотъ какова честность нѣмецкая! — говорили москвичи.

Къ концу зимы, однако, запасы истощились, сообщеніе было прервано, и въ Калугѣ начинался недостатокъ. Но холопи и казаки, составлявшіе ратную силу, довольствовались малымъ, и уже, за недостаткомъ говядины и хлѣба, ѣли лошадей, но могли еще подержаться. Хуже всякой осады, Болотникова тяготило то, что Димитрія, котораго онъ ждалъ, не было. Напрасно Шаховской писалъ къ Молчанову, чтобъ Димитрій скорѣе ѣхалъ въ Москву. Самъ Молчановъ порисовался не много въ званіи Димитрія, поманилъ этимъ и подурачилъ жену Мнишка, хотѣвшую какого бы-то ни было мщенія за мужа и дочь; набралъ денегъ, что ему жертвовали для предпріятія, да потомъ разсудилъ, что гораздо благоразумнѣе удалиться отъ треволненій и опасностей, и пересталъ называться Димитріемъ,— остался пока въ Польшѣ до поры до времени зажиточнымъ господиномъ. Надобно было отыскать другаго Димитрія... А между тѣмъ Шаховской нашелъ, что, пока не явится Димитрій, смуту въ Московскомъ государствѣ можетъ поддерживать Петръ.

Еще въ послѣднихъ мѣсяцахъ царствованія названаго Димитрія, на прибрежьяхъ Каспійскаго моря, терскіе и волжскіе казаки стали досадовать и завидовать донскимъ, что тѣ, послуживъ Димитрію, пользовались отъ него выгодами. Эти казаки были пѣшіе, проводили большую часть жизни на лодкахъ, а въ рядахъ ихъ были бѣглые холопи и разные бездомные и безъименные люди, которымъ судьба не давала счастія и удачи на Руси. Терскіе казаки стали думать—какъ бы имъ поживиться: громить ли турецкія суда на Курѣ, идти ли служить шаху казильбашскому. Они между прочимъ такъ говорили въ своемъ кругу: «Государь-то и хотѣлъ бы насъ пожаловать, да лихіе бояре

переводятъ жалованье, а намъ его не даютъ.» Тутъ выбралось изъ нихъ человѣкъ триста, что ни есть отважныхъ; у нихъ головой былъ атаманъ Θедоръ; съ нимъ они пустились на казачье воровское умышленіе. Вотъ что, братцы,— стали говорить они,—какъ бы кто да назвался царевичемъ Петромъ! Будто былъ сынъ у царя Θедора, вмѣсто дочери, и будто сына подмѣнили дочерью; что назвали дочерью — та умерла, а настоящій сынъ, царевичъ, здравствуетъ. То-то бы мы много шуму надѣлали по Волгѣ и добычи получили!» Такая мысль пришла имъ въ голову послѣ того, какъ Борисъ распустилъ слухъ, что идущій на него, подъ именемъ Димитрія, есть обманщикъ, назвавшій себя ложно Димитріемъ. Казаки сами, вѣроятно, не додумались бы до этого, еслибъ имъ не подали примѣра.

Оказалось у нихъ двое, годящихся на такое дѣло: одного звали Илейкою, другаго—Митькою. Митька былъ сынъ астраханскаго стрѣльца, «Я—сказалъ Митька—на Москвѣ никогда не бывалъ и никого тамъ не знаю. Я родился и жилъ все въ Астрахани.»

— А я — сказалъ Илейка — въ Москвѣ бывалъ; какъ жилъ въ Нижнемъ, такъ ѣздилъ въ Москву и прожилъ тамъ съ Рождества до Петрова дни у подьячаго Дементія Тимоѳеева, у. св. Володимира-въ-Садахъ.

— Ну, такъ тебѣ же быть Петромъ! — воскликнули казаки. Илейка сталъ Петромъ.

Этотъ Илейка (какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ свою біографію) былъ родомъ изъ Мурома. Жилъ тамъ торговый человѣкъ, звали его Тихономъ; у него была жена Ульяна. Она покинула мужа и жила съ посадскимъ человѣкомъ Иваномъ Коровинымъ, и отъ такого беззаконнаго сожительства родился сынъ Илейка. Когда отецъ его умеръ, — мать, по завѣщанію умершаго, постриглась въ

Воскресенскомъ муромскомъ монастырѣ и тамъ скоро умерла. Илейка остался безъ пріюта, безъ рода, безъ племени. Онъ началъ ходить по наймамъ. Сначала взялъ его къ себѣ нижегородскій человѣкъ; жилъ онъ у него въ сидѣльцахъ, продавалъ яблоки и горшки. Тутъ онъ и въ Москву ѣздилъ, какъ показывалъ. И такъ, въ званіи сидѣльца, прожилъ онъ года три. Но не полюбилась эта жизнь Илейкѣ, – онъ пошелъ служить въ кормовыхъ казакахъ на судахъ и плавалъ по Волгѣ отъ Нижняго до Астрахани. Въ этомъ званіи онъ пробылъ также года три и служилъ у разныхъ хозяевъ. Изъ Нижняго отправится на суднѣ въ Астрахань, тамъ зазимуетъ и кормится мелкою торговлею: накупитъ по кожѣ да по холсту у торговаго человѣка и идетъ на татарскій базаръ, продастъ это—перепадетъ ему денегъ пять, либо шесть, — тѣмъ и кормится. Придетъ весна — Илейка пристанетъ къ какому нибудь купцу, доплыветъ до Казани — тутъ поживетъ; потомъ, опять съ кѣмъ нибудь плыветъ на суднѣ либо въ Нижній, либо въ Астрахань. Кормовые казаки получали содержаніе отъ хозяина и работали то, что прикажетъ хозяинъ. Илейка занимался по части стряпни. Судьба заносила его въ хлыновскую Вятку, и тамъ жилъ онъ полтора года; а потомъ онъ очутился на поволжскомъ низовьѣ снова. Илейка многаго насмотрѣлся, многаго натерпѣлся. Житье бурлацкое ему надоѣло. Онъ пошелъ въ военное званіе. Тогда бывало: если служащій стрѣлецъ заболѣетъ или просто не захочетъ идти въ походъ, то нанимаетъ вмѣсто себя кого нибудь. Въ Казани Илейка нанялся вмѣсто племянника стрѣлецкаго пятидесятника, и ходилъ въ походъ въ Тарки, противъ Шамхала, а потомъ воротился въ Астрахань. Житье военное ему полюбилось. Но хотѣлось ему вести его повольнѣе; онъ присталъ къ вольнымъ казакамъ и подружился съ казаками, Нагибою да Наметкою, вошелъ

чрезъ нихъ въ казацкій кругъ—и, какъ сказано выше, поступилъ въ царевичи *).

Выдумка трехсотъ молодцовъ понравилась всему терскому казачеству. Какъ только разнесся слухъ, что явился Петръ, такъ и нахлынуло къ нему казаковъ четыре тысячи. Терскій воевода Петръ Головинъ узналъ, что у казаковъ затѣвается что-то недоброе, потребовалъ ихъ на сборъ, въ Теркъ. Они его не послушали и поплыли къ верху по Волгѣ. Димитрію дали знать объ этомъ. Онъ послалъ къ казакамъ Третьяка Юрлова съ граматою и приглашалъ называющаго себя Петромъ ѣхать въ Москву, если онъ въ самомъ дѣлѣ царевичъ; а если онъ чувствуетъ за собой, что онъ не царевичъ, то пусть лучше удалится скорѣе изъ предѣловъ Русскаго государства **).

Царевичъ поплылъ далѣе вверхъ по Волгѣ и давалъ знать, что ѣдетъ къ своему дядюшкѣ, царю. Конечно, онъ едва ли считалъ возможнымъ явиться въ Москву; тамъ бы его подвергнули испытанію—точно ли онъ Петръ. А такъ какъ ему доказать этого нельзя было, то дѣло кончилось бы тѣмъ, что его бы тамъ повѣсили. Казакамъ хотѣлось воспользоваться именемъ царевича, чтобъ удобнѣе надѣлать смуты по Волгѣ и пограбить суда и города. Такъ доплыли они до Свіяжска и поднимались вверхъ. У Вязовыхъ горъ, стрѣлецкій голова изъ Кокшайска сказалъ имъ, что разстригу убили,—они поворотили назадъ. Доплывая до Казани, они смекнули, что воеводы не пропустятъ ихъ назадъ: въ Казани былъ воеводой Василій Петровичъ Морозовъ, а въ другихъ (т. е. въ товарищахъ) у него былъ только что сосланный туда Богданъ Бѣльскій. Казаки послали въ Казань Третьяка Юрлова съ сорока товарищами извѣстить, что они согласны выдать вора, который называется царевичемъ

*) А. А. Э. II, 174.

**) Маржер. 91.

Петромъ, — приведутъ и отдадутъ его сами; посланные цѣловали крестъ на томъ за своихъ товарищей. Бояре имъ повѣрили и не радѣли о караулѣ на Волгѣ. Этимъ воспользовались казаки и проѣхали на низъ, держась берега нагорной стороны; плывя далѣе на низъ по Волгѣ, они ограбили нѣсколько промышленныхъ судовъ, грабили волжскіе городки, а у Царицына ограбили и убили посла, отправленнаго Шуйскимъ къ шаху Аббасу; убили тутъ же и воеводу Акинфіева *). Погулявъ по Волгѣ, они переправились обычнымъ путемъ сообщенія Волги съ Дономъ—по Камышенкѣ, оттуда переволоклись на рѣку Илавлю, впадающую въ Донъ, а потомъ поплыли по Дону.

До нихъ доходили вѣсти о волненіяхъ на югѣ Московскаго государства; они услышали, что казаки, ихъ братья, уже отправились помогать новому Димитрію. И Петръ съ своими отправился въ туже сторону искать счастья. Отъ Монастырища онъ поплылъ по Донцу. Тутъ явился къ нему посланецъ Шаховскаго Горяйно, изъ Путивля, и говорилъ: «иди, царевичъ Петръ, воевать за царя Димитрія и за себя противъ похитителя престола Шуйскаго!» Петру былъ наруку такой зазывъ; ему и прежде хотѣлось, чтобъ его позвали; и онъ продолжалъ плыть вверхъ по Донцу на стругахъ. Казаки напали на Царевъ-Борисовъ, который еще не поддавался тѣни Димитрія. Его защищали воеводы: Михайло Богдановичъ Сабуровъ и князь Юрій Пріимковъ-Ростовскій. Казаки взяли городъ и воеводъ полонили. Отсюда они поплыли по рѣкѣ Осколу, взяли въ острогѣ Осколѣ воеводу Матвѣя Бутурлина, переволоклись на Сеймъ и достигли Путивля. Здѣсь Петръ показалъ свою царскую грозу. Въ Путивлѣ уже сидѣло нѣсколько плѣнныхъ воеводъ и дворянъ подъ карауломъ. Царевичъ приказалъ ихъ всѣхъ по-

*) Никон. 80.

бить. Казаки и холопи затѣвали надъ ними всякія потѣхи: однихъ бросали въ ровъ со стѣны, другихъ съ башенъ; а на кого изъ нихъ были особенно злы — тѣхъ распинали по стѣнамъ, прибивали руки и ноги гвоздями, а потомъ разстрѣливали изъ пищалей. Такъ погибъ, между прочимъ, князь Бахтеяровъ, котораго Шаховской, смѣнивши своею особою, не отпустилъ. Убивши его, Петръ царевичъ взялъ дочь его къ себѣ «на позоръ, на постелю» *). Послѣ такой расправы, Петръ объявилъ, что идетъ за холоповъ и меньшихъ людей противъ большихъ и лучшихъ.

Болотниковъ былъ сострадательнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ царевичъ казацкаго произведенія. Болотниковъ хоть и былъ холопъ по рожденію, но въ малолѣтствѣ увезенъ изъ Россіи; онъ свое горе и униженіе перенесъ на чужой сторонѣ, и потому у него злоба къ высшимъ и большимъ людямъ была слабѣе, чѣмъ у Петра, который выросъ и жилъ въ нуждѣ, мыкалъ горе на русской землѣ и теперь имѣлъ возможность на другихъ выливать горечь сердца, разъѣдаемаго тяжелыми воспоминаніями. Петръ былъ самый послѣдній человѣкъ, какимъ считался на Руси незаконнорожденный сынъ. Теперь этотъ, по рожденію послѣдній, сдѣлался по рожденію первымъ и упивался призрачнымъ величіемъ своей роли, заглушая сознаніе о томъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ **). Впрочемъ, онъ могъ своевольствовать, на сколько

*) Никон. 80.

**) Впрочемъ, не всѣ современники признаютъ Петра царевича незаконнымъ сыномъ. Есть извѣстіе въ хронографахъ, что онъ былъ родомъ муромецъ, сынъ сапожника, и служилъ въ стрѣльцахъ. Другое извѣстіе, также въ хронографахъ, называетъ его уроженцемъ Звенигорода; звали его Петрушка, ремесломъ онъ былъ гончарь и назывался онъ сыномъ не Ѳедора, а Ивана Ивановича. Въ послѣднемъ извѣстіи ошибкою отнесена къ этому Петру біографія другаго самозванца, явившагося позже и дѣйствительно называвшагося сыномъ царевича Ивана Ивановича. Мы признаемъ достовѣрнѣе извѣстіе, основанное на собственномъ его показаніи, снятомъ послѣ того, какъ онъ былъ взятъ Шуйскимъ.

ему позволялъ Шаховской. Послѣдній съ нимъ обращался какъ съ царевичемъ только оттого, что ему нужна была какая бы то ни была фигура съ царственнымъ призракомъ, лишь бы тянуть смуту и погубить Шуйскаго. Шаховской не обѣщалъ Петру престола, потому что, какъ увѣрялъ, былъ живъ коронованный царь Димитрій, его дядя, а Шаховской сдѣлалъ его только пособникомъ и намѣстникомъ Димитрія. Тогда о Петрѣ Өедоровичѣ, царевичѣ, сочинили и распустили такую исторію: жена царя Өедора Ивановича боялась брата своего, Бориса, который уже мѣтилъ на царство. Пришлось ей родить. Она родила сына. Но чтобъ Борисъ не извелъ младенца, она подмѣнила его дѣвочкою, сказала, будто родила дочь, а сына отдала на воспитаніе Андрею Щелкалову и на попеченіе князя Мстиславскаго. Царевичъ росъ у жены Щелкалова за ея собственнаго сына полтора года, а потомъ его отдали Өедору (или Григорію) Васильевичу Годунову, который также зналъ тайну: у него онъ жилъ два года, потомъ его отдали въ монастырь, недалеко отъ Владимира на Клязьмѣ, игумену, и тотъ научилъ ребенка грамотѣ. Когда онъ грамоту узналъ, игуменъ написалъ Григорію Васильевичу, считая ребенка его сыномъ, но того уже не было въ живыхъ, а родные его сказали: «у племянника (т. е. родного) нашего не было сына; не знаемъ, откуда взялся этотъ мальчикъ». И пошли они съ нимъ къ Борису, а тотъ написалъ къ игумену, чтобы прислать мальчика къ нему. И мальчика повезли къ Борису. Но царевичъ догадался, что ему грозитъ что-то недоброе, и убѣжалъ съ дороги, и прибѣжалъ къ князю Барятинскому и скрывался у него, а потомъ убѣжалъ къ донскимъ казакамъ, гдѣ и объявилъ про себя *).

Явленіе Петра поддержало возстаніе, а иначе оно долж-

---

*) Рукоп. Bibl. Krasinsk.

но было угаснуть, когда не являлся Димитрій. Новое лицо царскаго достоинства, чудесно спасшееся, не давало успокоиться взволнованному народному воображенію. Пришедшіе казаки составляли для смуты военную силу, болѣе крѣпкую, чѣмъ толпы крестьянъ и холопей. Въ добавокъ, на радость Шаховскому, пришли служить еще не найденному Димитрію полки запорожцевъ. Они почуяли, что въ Московскомъ государствѣ безурядица, и бѣжали туда искать себѣ рыцарской славы.

Шаховской отправилъ Петра въ Тулу, а за нимъ двинулся и самъ. Надобно было выручить изъ осады Болотникова и его также присоединить къ себѣ въ Тулу. Въ началѣ мая Шаховской послалъ на войско, осаждавшее Калугу, отрядъ подъ начальствомъ князя Андрея Телятевскаго. Московскіе воеводы, находившіеся подъ Калугою, узнали объ этомъ отъ языковъ заблаговременно. Имъ пришлось выбирать что нибудь изъ двухъ: либо дожидаться, пока на нихъ нападутъ подъ самою Калугою, либо не допускать Телятевскаго и выслать противъ него отрядъ. Они выбрали послѣднее — послали на Телятевскаго часть своего войска съ князьями: Борисомъ Татевымъ и Андреемъ Черкасскимъ. Этотъ отрядъ встрѣтилъ Телятевскаго на берегу рѣки Пчельни, сталъ биться и былъ разбитъ на-голову. Оба князя—предводители царскаго отряда—пали въ битвѣ. Рать ихъ побѣжала въ лагерь подъ Калугою 2 мая, и тамъ сдѣлалось великое смятеніе и разстройство. Въ это время воеводы опять задумали зажечь городъ. Повезли груды дровъ, соединенныя вмѣстѣ въ сплошной дровяной валъ; за нимъ двинулись туры, заслонявшія ратныхъ людей. Уже одинъ конецъ дровянаго вала близился къ городской стѣнѣ... и вдругъ, подъ этимъ валомъ, съ громомъ и трескомъ, поднялась земля, и бревна, дрова, туры, лошади, люди разлетѣлись!... На остальное войско напалъ неописанный

страхъ: никто не ждалъ этого, никто не понималъ, — что̀ это?.. Ратные бѣжали во всѣ стороны; брошены пушки, возы; никто не успѣлъ даже схватить платья или ручнаго оружія. Оказалось послѣ, что Болотниковъ, узнавши заранѣе, что замышляютъ противъ него, устроилъ подземельный ходъ, подкатилъ туда пороху и зажегъ его въ то время, какъ только деревянный валъ сталъ на мѣстѣ подкопа. Воеводы также бѣжали безъ оглядки. Тогда выскочили осажденные; и начали, говоритъ современникъ *), разбойники и богоотступники посѣкать безъ милости царское войско. Многіе (въ степенной книги говорится, тысячъ пятнадцать — число безъ сомнѣнія преувеличенное) передались непріятелю. Даже нѣмцы, обыкновенно честно исполнявшіе договоръ, перешли тогда къ Болотникову. Только Михайло Скопинъ-Шуйскій и здѣсь показалъ себя, что не похожъ на другихъ. Онъ съ своимъ полкомъ не бѣжалъ, а мужественно, въ порядкѣ, отступилъ, отбиваясь отъ Болотникова. Въ рядахъ его войска былъ прежній сподвижникъ Болотникова, Истома Пашковъ. Теперь онъ, дворянинъ, грудью стоялъ за дворянское и царское дѣло. Говорили послѣ, что въ царскомъ войскѣ была измѣна: нѣкоторые подумали, что если и впрямь Димитрій живъ и возьметъ верхъ, тогда можно передъ нимъ черезъ это выслужиться.

Болотниковъ выступилъ изъ Калуги и соединился съ Телятевскимъ. Ихъ полчище пришло въ Тулу, а тамъ были уже Петръ и Шаховской.

VII.

Сборъ и походъ царя на мятежниковъ.—Осада Тулы.—Затопленіе.—Взятіе Тулы.—Судьба мятежниковъ.—Нѣсколько названныхъ царевичей.

Пораженіе царскаго войска подъ Калугою сильно встревожило Москву. Ожидали, что полчище Болотникова, те-

*) Хроногр. Арх. Комм.

перь усиленное казаками, снова подступитъ къ столицѣ. Царь сталъ думать думу съ боярами—порѣшили, что слѣдуетъ идти на войну самому царю. Положили, сколько собрать со всего государства ратныхъ по сохамъ. Судя по граматѣ въ Бѣлозерскій уѣздъ, брали по шести человѣкъ съ сохи—по три конныхъ и по три пѣшихъ. Этихъ людей брали съ посадовъ, со всѣхъ волостей, съ дворцовыхъ, съ черносошныхъ, патріаршихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, монастырскихъ и съ имѣній свѣтскихъ владѣльцевъ, если эти владѣльцы сами не были на службѣ лично, именно съ имѣній, принадлежавшихъ вдовамъ, недорослямъ, приказнымъ людямъ и бѣгавшимъ со службы. Воеводы должны были принимать даточныхъ людей и выдавать имъ жалованье за два мѣсяца впередъ, по 2 рубля. Эти деньги собирались съ тѣхъ же имѣній, которыя доставляли даточныхъ людей. Ратные даточные люди должны быть не стары, не увѣчны, не замѣчены въ дурномъ поведеніи, не зернщики, и вооружены луками, пищалями, рогатинами и бердышами. Послѣ того, какъ снаряжали даточныхъ людей, ихъ раздѣляли на десятки, пятидесятки; выбирали изъ посадскихъ и волостныхъ людей надъ ними пятидесятскихъ и десятскихъ. Ихъ отправили въ Серпуховъ, сборное мѣсто царскаго войска. Съ прибытія на это мѣсто считалась за ними служба, и они съ этого времени получали жалованье; дорога отъ мѣста ихъ жительства до Серпухова не входила въ разсчетъ. Деньги, собираемыя въ посадахъ и уѣздахъ, слѣдовало присылать въ Москву съ волостными старостами и цѣловальниками въ тѣ приказы, куда приписаны были по управленію земли, откуда высылались даточные люди *). Пока даточные сходились въ Серпуховъ, 21 мая выступилъ изъ Москвы царь съ тѣмъ войскомъ,

*) А. А. Э. II, 170.

какое у него было въ наличности. Москвою править остался братъ царскій Димитрій и князья: Одоевскій и Трубецкой.

Патріархъ оповѣстилъ по всему Московскому государству объ этомъ походѣ и указывалъ въ граматѣ, кто были измѣнники царя. Это были тати и разбойники: холопи боярскіе и казаки донскіе и волжскіе.

Московское государство раздѣлилось на два лагеря: въ одномъ былъ царь и все, что считало себя лучшимъ по роду, по богатству и по значенію; на время оставлены родословные счеты: бояре, дворяне и дѣти боярскіе, люди торговые — стали какъ бы однимъ сословіемъ. Теперь имъ угрожалъ врагъ всѣмъ опасный въ равной степени. Въ противоположномъ лагерѣ было все безыменное, худое, обиженное обстоятельствами, владѣемое и ничѣмъ не владѣвшее, битое и никого не смѣвшее побить, гнетомое закономъ и не находившее въ законѣ для себя позволенія гнуть другихъ. Кромѣ немногихъ, или дѣйствительно обманутыхъ, или ловившихъ въ мутной водѣ рыбу—людей лучшихъ и даже середнихъ тутъ не было.

Шуйскій стоялъ болѣе мѣсяца въ Серпуховѣ, дожидаясь сбора войска, которое приходило отрядами изъ разныхъ сѣверныхъ и восточныхъ земель. Между тѣмъ, на востокѣ, война съ мятежниками повелась лучше для Шуйскаго. Арзамасъ и Алатырь, признавши Димитрія, опять покорились царю Василію. Нижній-Новгородъ былъ въ осадѣ отъ сброднаго полчища, состоявшаго изъ русскихъ крестьянъ и мордвы, которая увидѣла тогда случай отомстить Московскому государству за свое давнее народное угнетеніе. Это полчище бѣжало, какъ только услышало, что воеводы (Григорій Пушкинъ и Сергѣй Ададуровъ) взяли Арзамасъ и Алатырь. Войско, составленное изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ: изъ каширянъ, тулянъ, ярославцевъ, угличанъ и городовъ низовыхъ, подъ начальствомъ Хилкова и Глѣбова,

взяло городъ Серебрянные-Пруды и принудило тамъ бывшихъ мятежниковъ поцѣловать крестъ царю Василію. На другой день оно разбило воровскую шайку, которая шла на выручку этому городу, потомъ повернуло къ Дѣдилову. Но, нечаявши, тутъ застали они большое скопище; пришлось съ нимъ биться; ихъ разбили воры. Воеводы убѣжали въ Каширу. Тогда Шуйскій на смѣну Хилкову назначилъ Андрея Васильевича Голицына. Къ нему присоединилось ополченіе Рязанской земли съ Прокопіемъ Ляпуновымъ, Ѳедоромъ Булгаковымъ; главнымъ воеводою надъ нимъ былъ князь Борисъ Лыковъ. Болотниковъ послалъ противъ нихъ передовой полкъ, подъ начальствомъ князя Телятевскаго. Съ нимъ были казаки: донскіе, терскіе, волжскіе и яицкіе, да украинныхъ городовъ — Путивля и Ельца—люди, тысячъ до тридцати всего.

На берегу рѣчки Возьмы, въ семнадцати верстахъ отъ Каширы, встрѣтились оба войска, въ девятую пятницу послѣ Пасхи. Бой продолжался—говоритъ хронографъ *), съ перваго часа дня до пятаго. Вдругъ, по извѣстію одной современной лѣтописи, князь Телятевскій, съ четырьмя тысячами, отсталъ отъ мятежниковъ и присоединился къ войску Шуйскаго. Это рѣшило побѣду — мятежники бѣжали. Впрочемъ, извѣстіе это, если не представляетъ совершенной невозможности, то, съ другой стороны, противорѣчитъ русскимъ лѣтописнымъ сказаніямъ, которыя говорятъ, что Телятевскій былъ взятъ въ Тулѣ. Во всякомъ случаѣ, на берегахъ Возьмы царское войско одолѣло мятежниковъ и гнало ихъ на пространствѣ тридцати верстъ. Тогда тысяча семьсотъ молодцовъ—воровъ, за рѣчкою Возьмою, засѣли въ буеракѣ и отстрѣливались. На нихъ покусились напасть рязанцы, но воровскіе казаки не подпустили ихъ близко

*) Хроногр. Арх. Ком.

къ себѣ и мѣткими выстрѣлами перебили у нихъ много людей и лошадей. Рязанцы отступили. Подоспѣли иные и бросились на воровъ казаковъ; и тѣхъ отбили казаки отъ буераковъ. Прошла пятница; прочіе царскіе люди гнали бѣгущихъ, а воры казаки продолжали сидѣть въ своемъ буеракѣ. Бояре посылали сказать: «добейте челомъ царю и великому князю Василію Ивановичу всея Руси, принесите свою вину, выйдите изъ буерака. Царь государь милосердъ — помилуетъ васъ и отдастъ вамъ вины ваши». Воры казаки отвѣчали: «мы помремъ здѣсь всѣ, а не сдадимся». Бояре повторили свои убѣжденія; воры казаки упрямились. Такъ прошла и суббота. Въ воскресенье бояре послали на нихъ большую конную ратную силу. Подошедши къ нимъ, конные сошли съ лошадей и стали добывать воровъ. Тѣ дружно отстрѣливались до тѣхъ поръ, пока у нихъ ставало пороху. Только послѣ того, какъ нечѣмъ было имъ стрѣлять, оставшіеся въ живыхъ согласились сдаться. Но ужъ тутъ имъ не было милосердія. Всѣхъ истребили за то, что они побили государевыхъ людей; оставлено было въ живыхъ только семь человѣкъ. Дворяне, нижегородцы и арзамасцы говорили: «шелъ воръ Петрушка съ Терека Волгою; встрѣтилъ онъ насъ на Волгѣ и хотѣлъ насъ побить, а эти самые казаки не дали насъ на смерть». По ихъ просьбѣ пощадили этихъ семерыхъ.

Вѣсть объ этомъ дѣлѣ разнеслась по окольной странѣ — страхъ обдалъ мятежниковъ, ободрилась партія Шуйскаго. Царь выступилъ изъ Серпухова. Алексинъ, городъ до сихъ поръ признававшій Димитрія, сдался. Чтобы и другіе города заохотить принести повинную — царь не только простилъ алексинцевъ, а еще надѣлилъ ихъ съѣстнымъ *). Съ передовымъ отрядомъ шелъ Скопинъ-Шуйскій и раньше цѣлаго войска сталъ подходить къ Тулѣ. Болотниковъ вы-

*) Рук. Филар. 413.

слалъ изъ города сильный отрядъ противъ него. За семь верстъ отъ города воры хотѣли не пропускать ратныхъ черезъ топкую и грязную рѣчку Воронью—стали на ея берегу, огородились засѣкою изъ срубленнаго лѣсу. Былъ упорный и долгій бой. Скопинъ-Шуйскій одолѣлъ. Раненые царскіе люди перешли рѣчку въ разныхъ мѣстахъ и погнали воровъ вплоть до Тулы. Много ихъ легло; много было схвачено. Такимъ образомъ, гоняясь за ними, ратные царскія люди бѣжали до самаго города Тулы, и человѣкъ десять, вслѣдъ за ворами, сами сгоряча вскочили въ городскіе ворота, — тамъ ихъ и побили *). Это происходило въ десятую пятницу по пасхѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, 30 іюня, пришло большое войско и самъ царь съ нимъ. Обложили Тулу. Говорятъ, что всего въ войскѣ съ Шуйскимъ было людей тысячъ до ста. Начиная отъ Крапивинской дороги, по обѣимъ сторонамъ, растянулось вокругъ Тулы главное войско **). На Каширской дорогѣ, на Чермной горѣ и на рѣчкѣ Тулкѣ, стоялъ каширскій полкъ подъ начальствомъ Андрея Голицына: тутъ было войско, пришедшее главнымъ образомъ изъ-подъ Арзамаса, съ прибавкою изъ другихъ украинныхъ городовъ. Нарядъ (артиллерія) большой поставили въ двухъ мѣстахъ: близъ рѣки Упы по Каширской дорогѣ и у Крапивинскихъ воротъ, оградили его турами. Подлѣ Каширскаго полка Андрея Голицына, по рѣчкѣ Тулкѣ, стали татарскіе мурзы изъ города и уѣзда казанскаго, романовскіе, свіяжскіе, кузьмодемьянскіе, арзамасскіе, стали чуваши и черемисы. Главнымъ воеводою надъ ними всѣми былъ князь Петръ Араслановичъ Урусовъ. Сверхъ

*) Хр. Археогр. комм. 539.

**) Войско раздѣлилось на три полка: въ большомъ — бояринъ, князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій да бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ; въ передовомъ—бояринъ, князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ; въ сторожевомъ полку—бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ да Яковъ Васильевичъ Зюзинъ.

того значительная часть татаръ съ черемисами и чувашами отправлена была разорять украинные и сѣверскіе города и села за то, что не хотѣли признать царя Василія и стояли противъ Московскаго государства. Такимъ образомъ, въ войскѣ царя Василія была громада инородцевъ. Рязанскіе города: Михайловъ, Спасскъ, Сапожекъ, сдавались и признавали царя Василія Шуйскаго. Прибытіе волжскаго вора въ сущности больше повредило воровскому дѣлу, чѣмъ помогло: тѣ, которые обманывались и въ самомъ дѣлѣ думали, что Димитрій живъ, теперь уже сомнѣвались, когда вмѣсто Димитрія явился какой-то Петръ, о которомъ прежде они и не слыхивали, чтобъ на свѣтѣ былъ такой царевичъ. Вѣроятно это-то было причиною, что и Телятевскій передался, если вѣрно послѣднее. Этотъ человѣкъ, когда-то вѣрный Борису, не хотѣлъ передаться Димитрію, когда его все уже признало. Но какъ скоро разъ онъ по совѣсти призналъ его государемъ, то и оставался ему вѣренъ до крайности. Вѣроятно, онъ не зналъ достовѣрно, что царь его погибъ, и потому сражался за его имя до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрился, что царя этого нѣтъ на свѣтѣ, и самъ онъ служитъ орудіемъ обмана.

У мятежниковъ, говорятъ, было тысячъ до двадцати. Прошло два мѣсяца въ осадѣ; исходилъ третій. Оказался недостатокъ. Осажденнымъ пришлось ѣсть лошадей; стало имъ это противно. Они бунтовались—толпа приступила къ Болотникову и Шаховскому. «Гдѣ же вашъ Димитрій!— кричали воры. — Вы говорите, что онъ живъ и будетъ къ намъ; гдѣ онъ?! его нѣтъ, и мы погибнемъ напрасно!..» Болотниковъ такъ объяснялся: «Когда я ворочался изъ Италіи черезъ Польшу—меня потребовалъ къ себѣ царь; я увидалъ молодаго человѣка, лѣтъ двадцати осьми. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ царь Димитрій, что онъ ушелъ изъ Москвы, когда его убить хотѣли. Онъ съ меня взялъ крестное

цѣлованіе — служить ему вѣрно. Я ему буду служить до конца живота моего; не знаю, истинный ли онъ Димитрій, или нѣтъ. Я не видалъ его, когда сидѣлъ онъ на московскомъ престолѣ. Еще попытаемся: пошлемъ нарочнаго за тѣмъ, чтобъ онъ непремѣнно сюда ѣхалъ. Тогда увидите— истинный ли онъ царь *)». Болотниковъ послалъ въ Польшу донскаго атамана Заруцкаго, выступившаго здѣсь впервые на ту роль, какую игралъ долгое время.

Прошло нѣсколько недѣль. Заруцкій не ворочался. Онъ и не поѣхалъ въ Польшу, а засѣлъ въ Стародубѣ. Болотниковъ послалъ другаго казака за Димитріемъ. Въ Тулѣ межъ тѣмъ толпа болѣе и болѣе приходила въ неистовство. Приступили къ Шаховскому. «Ты, князь — кричали мятежники — всему заводчикъ! Ты распустилъ слухъ, что Димитрій ушелъ изъ Москвы, и твердилъ намъ, что вотъ пріѣдетъ, вотъ пріѣдетъ Димитрій; а Димитрія нѣтъ какъ нѣтъ! Мы тебя посадимъ за приставы и не выпустимъ до тѣхъ поръ, пока не увидимъ твоего Димитрія. А если онъ не придетъ, такъ мы тебя Шуйскому отдадимъ!» Его посадили въ заключеніе.

Но и Шуйскій съ своимъ войскомъ тяготился осадой. Засѣвшіе въ Тулѣ холопи и казаки, какъ ни скудно ѣли, какъ ни тѣсно помѣщались, а отбивались такъ, что ратные люди, послѣ всякой попытки идти на приступъ, уходили назадъ съ урономъ. Но хуже того: въ войскѣ царскомъ началась шатость. Татарскій князь Урусовъ со своими мурзами ушелъ изъ царскаго войска въ Крымъ. Тутъ пришелъ къ Шуйскому какой-то Мѣшокъ Кравковъ; родомъ онъ былъ изъ города Мурома, большой хитродѣлецъ, какъ называетъ его лѣтопись. «Я обѣщаю тебѣ, государь — сказалъ онъ — потопить Тулу водою. Они сдадутся». — «Я

*) Petrei. 212.

обѣщаю тебѣ большія милости — сказалъ царь — если ты это сдѣлаешь». Хитродѣлецъ во всю ширину русла рѣки Упы сработалъ плотъ и приказалъ на него сыпать землю; плотъ съ землёю пошелъ на дно—и теченіе рѣки перервалось. Вода вышла изъ береговъ и залила Тулу. Люди начали ѣздить по улицамъ на лодкахъ. Вода вошла въ кладовыя, потопила хлѣбные и прочіе запасы. Прежде былъ недостатокъ, а тутъ еще сдѣлался голодъ. Люди ѣли дохлыхъ лошадей, мышей, кошекъ, собакъ, грызли кожу *).

Мятежники заключили, что Шуйскій сдѣлалъ это волшебствомъ. Отыскался и у нихъ волшебникъ и взялся разрушить очарованіе. Это былъ какой-то старый монахъ. «Дайте мнѣ сто рублевъ,—сказалъ онъ Болотникову и Петрушкѣ, — я знаю такое средство, что влѣзу въ воду и сдѣлаю такъ, что прорвется плотина». Ему пообѣщали. Онъ бросился въ воду. Людямъ показалось, что отъ этого вода забурлила, заклокотала, — и люди потомъ говорили, будто онъ чуть не часъ былъ подъ водою. Но сколько бы времени онъ тамъ ни былъ, а какъ вылѣзъ изъ воды, то сказалъ: «нѣтъ, ничего не сдѣлаешь! Видите, какъ я исцарапанъ! Шуйскому сдѣлали плотину 12,000 бѣсовъ: половину ихъ я привелъ на нашу сторону, а шесть тысячъ не поддаются — меня всего исцарапали!» — Когда волшебникъ не помогъ имъ, мятежники, посовѣтовавшись между собою, послали къ Шуйскому сказать такія слова: «мы сдаемъ городъ, если ты, царь, помилуешь насъ и не будешь казнить смертію. А если нѣтъ, то будемъ держаться, хотя бы пришлось намъ другъ друга съѣсть!»

Шуйскій отвѣчалъ:

— Хоть я и присягнулъ никого въ Тулѣ не миловать, однако, за вашу храбрость и мужество, я измѣняю гнѣвъ.

*) Рук. Филар. 14.

на милость. Жалую васъ и оставляю васъ при животѣ! А вы мнѣ служите и будьте вѣрны такъ, какъ были вѣрны вору. Поцѣлуйте мнѣ крестъ!

Болотниковъ выѣхалъ изъ Тулы верхомъ, въ заднія ворота, гдѣ воды было меньше. Онъ явился передъ Шуйскимъ во всемъ вооруженіи, снялъ съ себя саблю, положилъ передъ царемъ, ударилъчеломъ до земли и сказалъ:

— Царь-государь! Я вѣрно держалъ крестное цѣлованіе тому, кто въ Польшѣ назывался Димитріемъ. Точно ли онъ Димитрій, или нѣтъ—я не могъ этого знать; не видалъ его я прежде. Я ему вѣрно послужилъ—онъ меня покинулъ! Я теперь въ твоей власти. Если тебѣ угодно убить меня, — вотъ моя сабля: убей А если ты, по твоему крестному обѣщанію, помилуешь меня,—я тебѣ служить буду вѣрно, такъ, какъ я до сихъ поръ служилъ тому, кто меня оставилъ!

— Встань! будетъ такъ, какъ я обѣщалъ! — сказалъ царь.

Привели Шаховскаго. Онъ сказалъ царю: «Меня посадили въ тюрьму мятежники за то, что я хотѣлъ сдать городъ тебѣ, государь!»

Шуйскій притворился, что вѣритъ Шаховскому: онъ былъ знатный бояринъ.

18 октября, царь изъ-подъ Тулы прибылъ въ Москву, ѣдучи въ коляскѣ, обитой краснымъ сукномъ. Пышности было мало. Шуйскій наблюдалъ, чтобы его торжества обходились дешевле. За то и москвичи какъ-то лѣниво прославляли его подвиги. Даже и колокола звонили плохо въ день его въѣзда!

Съ Петра сняли показаніе. Онъ разсказывалъ свою жизнь. Его повѣсили близъ Москвы, на Серпуховской дорогѣ. Болотникова съ казацкимъ атаманомъ Нагибою, другомъ Илейки, отвезли въ Каргопоь,—ихъ засадили въ тюрьму. Нѣм-

цевъ сослали въ Сибирь; туда пошелъ и Фидлеръ. Потомъ Болотникову выкололи глаза. Наконецъ утопили и Болотникова, и Нагибу. Сдѣлано было это втайнѣ; народъ не долженъ былъ знать, что царь нарушилъ обѣщаніе помиловать этихъ воровъ; но, вѣроятно, ихъ погубили съ боярскаго вѣдома. Казалось, невозможно было царю, обязавшемуся править по боярскому совѣту, оставить жизнь тому, кто посягалъ на униженіе и бояръ, и всего сословія лучшихъ людей. Телятевскаго оставили при своемъ достоинствѣ. Шаховскаго сослали въ Каменную пустынь, на Кубенское озеро. Простыхъ плѣнныхъ не щадили: ихъ бросали сотнями въ рѣки, и вода выносила ихъ во множествѣ на берегъ; — изъѣденные рыбами и раками, ихъ трупы кругомъ столицы разносили зловоніе *).

Уничтоженіе царевича Петра не привело въ порядокъ окраинъ Московскаго государства; напротивъ, наступилъ ужаснѣйшій хаосъ. У казаковъ проявился сейчасъ же другой Петръ царевичъ. Съ легкой руки Петра начали удальцы называться именами такихъ царевичей, какихъ на свѣтѣ не было. Такъ въ Астрахани проявился царевичъ Августъ; кто-то назвался Иваномъ Ивановичемъ, сыномъ царя Ивана Васильевича отъ жены Колтовской; потомъ явился тамъ же Лаврентій царевичъ и называлъ себя сыномъ убитаго отцомъ царевича Ивана Ивановича. А въ польскихъ юртахъ, то есть въ поляхъ, сопредѣльныхъ съ казацкими жильями, появились царевичи: Ѳедоръ, Ерофей, Клементій, Савелій, Семенъ, Василій, Гаврило, Мартынъ, и называли себя сыновьями царя Ѳедора Ивановича **). Но всѣ эти царевичи исчезали какъ привидѣнія. Поднялся, на зло Шуйскому и на долгое страданіе Московскому государству, страшный призракъ въ другой разъ воскресшаго Димитрія.

*) Хроногр. Арх. Ком.—Никон. Лѣт. 91. — Russ. 75, 79.
**) Истор. смут. вр. т. II. Прилож. № VII.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Явленіе втораго Димитрія.

Долго жданный Димитрій явился. Царь Василій Шуйскій узналъ о немъ тогда еще, когда стоялъ подъ Тулою. Одни говорятъ, что его звали Богданомъ, и что онъ былъ литвинъ; другіе называютъ его Матвѣемъ Веревкинымъ изъ Стародуба; третьи — Иваномъ; четвертые говорятъ, что онъ былъ сынъ убѣжавшаго въ Литву при Грозномъ князя Курбскаго; пятые — что онъ былъ еврей и т. д. По однимъ извѣстіямъ, его выслала въ Московское государство жена Мнишка, черезъ своего агента Мѣховецкаго, по другимъ — его отыскалъ въ Кіевѣ, посланный нарочно съ цѣлію найти Димитрія, путивльскій попъ Воробей. Намъ кажется болѣе достовѣрнымъ сказаніе, записанное въ одномъ изъ западно-русскихъ хронографовъ *). Былъ онъ родомъ стародубецъ, переселился въ Бѣлую Русь, училъ дѣтей у священника въ Шкловѣ, потомъ перешелъ въ Могилевъ, и тамъ также договорился учить дѣтей у священника церкви св. Николая, Ѳедора Сашковича, который, подобно многимъ своимъ собратіямъ, держалъ школу. Учитель, бездомный скиталецъ, поселился у просвирника той же церкви Терешка, и такъ былъ бѣденъ, что лѣтомъ ходилъ въ изорванномъ тулупѣ

*) Рукоп., принадл. Арх. Ком.

и носилъ бараній шлыкъ, потому что не на что было ему сдѣлать себѣ лѣтней одежи. Изъ Могилева онъ перешелъ въ Пропойскъ, и тамъ почему-то сочли его шпіономъ, задержали и посадили въ тюрьму. Тогда онъ, для своего избавленія, сказалъ на себя, что онъ московскій бояринъ Нагой, дядя царя Димитрія. Пропойскій подстароста Рогоза Чечерскій извѣстилъ объ этомъ своего старосту пана Зѣновича; а тотъ приказалъ его отпустить и проводить въ Московское государство. Къ нему пристало тогда двое молодцовъ — одинъ по имени Грицько, другой Рагозинскій. Они провели его въ Попову-Гору. Тамъ, какъ узнали, что идетъ Нагой, стали его распрашивать о Димитріѣ, и такъ какъ всѣ толковали, что онъ живъ, то и названный Нагой сталъ увѣрять ихъ, что Димитрій живъ и скоро придетъ изъ Польши. Еще пристало къ нему нѣсколько молодцовъ, и въ томъ числѣ Алексѣй Рукинъ, подьячій. Съ ними онъ отправился въ Стародубъ и тамъ говорилъ такъ:

«Я Нагой, родной дядя царя; самъ царь недалеко, идетъ съ паномъ Мѣховецкимъ, ведетъ тысячу конныхъ. Вотъ онъ скоро васъ обрадуетъ, пріѣдетъ и пожалуетъ васъ за вашу вѣрность и дастъ вамъ большія льготы».

Прошло нѣсколько времени. Не приходилъ Мѣховецкій съ Димитріемъ. Его товарищъ Алексѣй Рукинъ отправился по сосѣднимъ городамъ разсказывать, что Димитрій живъ. Было легко найти легковѣрныхъ, потому что Шаховской уже подготовилъ къ этому Сѣверскую землю. Рукинъ пріѣхалъ въ Путивль. «Гдѣ Димитрій?» — спрашивали его. Онъ отвѣчалъ — «въ Стародубѣ!» Они задержали его, послали съ нимъ въ Стародубъ нѣсколькихъ своихъ путивлянъ и сказали ему: «мы тебя замучимъ, если ты не покажешь намъ Димитрія». Стародубцы уже теряли терпѣніе, когда пришли къ нимъ путивляне. Въ Стародубѣ толпа жителей, вмѣстѣ съ пришедшими изъ Путивля, приступили къ на-

званному Нагому и спрашивали: «Гдѣ же Димитрій, почему онъ не приходитъ? Гдѣ онъ — туда мы пойдемъ къ нему головами!» Нагой говорилъ — «не знаю!» Тогда стародубцы стали грозить пыткою. Нагой увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Тогда стародубцы и путивляне принялись за Рукина за то, что онъ ихъ ложно увѣрялъ. Стали полосить ему спину кнутомъ, приговаривая: «говори, гдѣ Димитрій, гдѣ Димитрій?!» Тогда, не стерпя муки, Алешка закричалъ: «смилуйтесь, ради Николы Чудотворца! — я покажу вамъ Димитрія!»

Его отпустили. Тогда онъ указалъ на того, кто назвался Нагимъ, и сказалъ: «Вотъ Димитрій Ивановичъ! Онъ передъ вами и смотритъ, какъ вы меня мучите. Онъ у васъ въ рукахъ! Вы можете и его убить рядомъ со мною. Онъ для того не объявился вамъ сразу, чтобы узнать: рады ли вы его приходу будете!» Новопоказанному Димитрію оставалось или назваться этимъ именемъ, или подвергнуться пыткѣ. Онъ, принявъ повелительный видъ, махнулъ грозно палкою и сказалъ: «вы, б...... дѣти, все еще меня не знаете! Я — государь!» Это было сказано съ такою рѣшимостію, что стародубцы, пораженные, невольно упали къ ногамъ его и закричали: «виноваты, государь, передъ тобой! — не узнали тебя! Помилуй насъ! Ради тебѣ служить противъ твоихъ недруговъ! Животъ свой положимъ за тебя!»

Его повели съ колокольнымъ звономъ въ городъ (за̀мокъ); убрали для него покои, какъ могли, чтобы они казались царскимъ жилищемъ, несли ему подарки и деньги.

Тогда наиболѣе убѣждалъ стародубцевъ и располагалъ вѣрить отысканному Димитрію стародубецъ Гаврило Веревкинъ.

Изъ Стародуба разосланы были граматы въ сосѣдніе сѣверскіе города, чтобы люди русскіе спѣшили къ своему

царю. Посланы были гонцы съ граматами и въ Москву. Въ нихъ извѣщалось всѣмъ, что, «съ Божіею помощію, Димитрій спасся отъ убійцъ; благодаритъ московскихъ людей за то, что, при ихъ пособіи, онъ достигъ престола, и снова проситъ, чтобъ его въ другой разъ посадили на царство». Изъ Сѣверской земли, гдѣ такъ давно ждали Димитрія, собралось къ нему тысячи три вольницы, севрюковъ. Явился въ Стародубъ и Мѣховецкій съ отрядомъ украинской вольницы. Современники думали, что этотъ Мѣховецкій и выпустилъ Димитрія изъ литовскихъ предѣловъ въ Россію.

Въ это время прибылъ въ Стародубъ Заруцкій, посланный, какъ выше сказано, отъ Болотникова искать Димитрія. Казацкій атаманъ явился къ Димитрію и съ разу увидалъ, что это вовсе не тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ. Но Заруцкому нужно было Димитрія какого нибудь; Заруцкій поклонился ему, увѣрялъ всѣхъ, что, дѣйствительно, узналъ въ немъ настоящаго государя. Онъ не поѣхалъ назадъ въ Тулу, остался при Димитріѣ, сдѣлался его всегдашнимъ товарищемъ, довѣреннымъ лицомъ. Вору хотѣлось испытать: точно ли преданы ему и вѣрны стародубцы. И вотъ, однажды, онъ выѣхалъ за ворота съ Заруцкимъ; и начали они разъѣзжаться и сражаться копьями. По тайному приказанію Димитрія, Заруцкій сбилъ его съ коня. Димитрій упалъ и показывалъ видъ, будто сильно ушибенъ. Заруцкій пустился бѣжать. Народъ закричалъ: «ловите, держите измѣнника!» Схватили его, связали и привели къ Димитрію. Тотъ всталъ и, засмѣявшись, сказалъ: «благодарю васъ, православные христіане! Вотъ теперь я дважды увѣрился, что вы мнѣ вѣрны!» Всѣ стародубцы смѣялись, а Заруцкій все-таки схватилъ нѣсколько порядочныхъ пинковъ. Но послѣ того всѣ знали, что Заруцкій самый близкій человѣкъ къ царю Димитрію.

Димитрій нѣсколько времени оставался въ Стародубѣ,

ожидая болѣе силъ, а между тѣмъ отправилъ къ Шуйскому, находившемуся подъ Тулою, посланца, одного боярскаго сына изъ Стародубскаго уѣзда. Этотъ человѣкъ смѣло явился передъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ съ граматою. Въ ней Димитрій называлъ Шуйскаго измѣнникомъ, похитителемъ и требовалъ уступить ему престолъ. Посланецъ, съ своей стороны, сказалъ царю: «прямой ты измѣнникъ! Подыскался царства подъ нашимъ государемъ». Царь приказалъ его пытать, вѣроятно, чтобъ вывѣдать отъ него о состояніи дѣлъ. Но у посланца не вымучили никакой вѣсти. Онъ жарился на огнѣ, да въ то же время расточалъ на Шуйскаго всевозможныя ругательства. Такъ онъ и умеръ въ мукахъ.

Когда, наконецъ, понабралось у Димитрія сѣверской вольницы, онъ двинулся на Карачевъ, взялъ его, оттуда повернулъ къ Козельску: разбилъ и взялъ въ плѣнъ московскій отрядъ и вернулся къ Карачеву. Тутъ литовскіе люди, бывшіе съ нимъ, заспорили за добычу, полученную подъ Козельскомъ отъ разбитаго московскаго отряда, и думали уйти. Димитрій былъ не предпріимчиваго и не храбраго нрава, и притомъ подозрителенъ. Онъ сообразилъ, что поляки его оставляютъ, а русскимъ нельзя довѣряться. Взявши одного поляка, по имени Кроликовскаго, да нѣсколько московскихъ людей, онъ бѣжалъ тайкомъ въ Орелъ. Въ Орлѣ легъ онъ спать въ одной избѣ съ Кроликовскимъ и съ однимъ московскимъ человѣкомъ. Ночью московскій человѣкъ вынулъ ножъ, зажегъ свѣчу и подошелъ къ Димитрію. Но Димитрій не спалъ. Кроликовскій лежалъ, приклонивши голову на колѣнахъ Димитрія. Димитрій толкнулъ Кроликовскаго, тотъ вскочилъ, а московскій человѣкъ уронилъ свѣчу, поскорѣе легъ, и притворился спящимъ. Димитрій перешелъ на другое мѣсто и не спалъ до свѣту. На другой день Димитрій хотѣлъ бѣжать подальше. Но тутъ

за нимъ прислалъ изъ-подъ Карачева Мѣховецкій, оставшійся при войскѣ. «Воротись, извѣщалъ онъ его — будешь самъ здѣсь на лицо, такъ войско тебя послушается и не разойдется!» Димитріи пробылъ съ недѣлю въ Орлѣ: раздумывалъ такъ-и-сякъ и, наконецъ, воротился, по просьбѣ Мѣховецкаго, въ Карачевъ, но опять увидалъ, что поляки не слишкомъ расположены служить ему и думаютъ только о добычѣ, а московскіе люди готовы, при первомъ случаѣ, выдать его. Сообразивши все это, Димитрій опять тайно убѣжалъ. На этотъ разъ онъ уже не остановился въ Орлѣ, а бѣжалъ въ Путивль. По всему видно, онъ хотѣлъ вовсе отказаться отъ званія Димитрія, случайно принятаго въ Стародубѣ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ на столько силы, чтобъ носить это имя, и радъ былъ случаю улизнуть и избавиться отъ своей роли. Но и теперь, какъ въ первый разъ, не удалось ему. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ нѣкто Валавскій. Съ нимъ было тысяча человѣкъ. Онъ шелъ изъ Украины отъ знатнаго пана, князя Романа Ружинскаго, на помощь Димитрію. Потомъ Самуилъ Тышкевичъ привелъ украинскую вольницу. Современники говорятъ, что игравшій роль Димитрія не хотѣлъ имъ сказаться и назвать себя царскимъименемъ; но всѣ стали допытываться и уличать его, и онъ не могъ извернуться и долженъ былъ сознаться, что онъ тотъ самый, который уже признавалъ себя за Димитрія. «Куда же ты это бредешь?» спрашивали его. «Меня — говорилъ онъ — поляки оставляютъ, а своимъ я не довѣряюсь. Они меня выдадутъ или убьютъ; такъ я хотѣлъ бѣжать въ Путивль. Тамъ люди мнѣ издавна преданы. Оттуда я и первый разъ, по смерти Годунова, былъ приглашенъ на царство!»

Его не пустили. Вслѣдъ за тѣмъ явились къ нему новые пособники изъ Браславскаго воеводства: Хмѣлевскій, Хрусліпскій и князь Адамъ Вишневецкій. Послѣднему, должно

быть, очень дико было признавать новое лицо за то самое, которое онъ зналъ такъ близко, какъ рѣдкій тогда могъ знать въ Польшѣ.

Понятно, что такими пособниками руководила обычная въ Украинѣ охота къ шатанію и разбоямъ. Руководило ими и желаніе отомстить за тѣхъ, которые потерпѣли въ Москвѣ во время бойни, и за тѣхъ, которые томились въ плѣну. Много было въ Польшѣ женъ и дѣтей, которыя въ томительной неизвѣстности о судьбѣ своихъ мужьевъ и отцовъ взывали о справедливой карѣ лживому московскому народу, говоритъ современный стихоплетъ. Это чувство должно было служить нравственнымъ предлогомъ къ оправданію своей лжи. Доблестные поляки — говоритъ тотъ же стихоплетъ — выступая съ призракомъ царя, увѣряли единогласно, что Димитрій ушелъ изъ Москвы отъ смерти. Самъ Богъ помогъ ихъ справедливому дѣлу: они мстили за тяжкія оскорбленія своимъ согражданамъ *).

Съ этими новыми силами Димитрій воротился опять къ Карачеву, а изъ Карачева со всѣмъ полчищемъ пошелъ къ Брянску. Русскіе предупредили его и сожгли Брянскій посадъ, а въ самый городъ ввели крѣпкій гарнизонъ. Воря стоялъ подъ Брянскомъ нѣсколько недѣль. Въ это время къ нему привезли казаки изъ Дона одного изъ названныхъ царей, Ѳедора, выдававшаго себя за небывалаго сына царя Ѳедора Ивановича. Димитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ казнить. За девять дней до Рождества, прибылъ на помощь Брянску воевода князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Зима была въ тотъ годъ теплая, и въ декабрѣ все еще не замерзала Десна. По ней плавали льдины; былъ большой холодъ и въ водѣ, и въ воздухѣ. Литовскіе люди никакъ не ожидали, чтобъ ихъ непріятели

*) Pieśń o tyrańѕtwie Szujskiego.

рѣшились идти вплавь. Но московскіе люди не побоялись холоду, перешли рѣку и дружнымъ натискомъ выбили изъ окоповъ толпу; тутъ же ударили на нее осажденные въ Брянскѣ. Довольно воровъ побили и побрали въ плѣнъ. Шайка снялась съ обоза и отступила къ Карачеву, а оттуда воръ опять пріѣхалъ въ Орелъ *).

II.

Новыя польскія силы. — Недоразумѣніе вора съ поляками.

Въ польскихъ владѣніяхъ имя Димитрія все больше и больше привлекало удальцовъ. Письма Мѣховецкаго зазывали поляковъ во имя военной славы и мщенія за убитыхъ въ Москвѣ. Тогда рокошъ окончился въ Польшѣ. Но куда было обратить воинскую отвагу? Мѣховецкій и братія его указывали ей новый путь: что̀ не чувствовало себя спокойнымъ въ Польшѣ, стремилось тогда въ Московское государство. Тутъ были проигравшіеся и пропившіеся шляхтичи, которымъ, ради насущнаго хлѣба, приходилось пристать къ какому нибудь дѣлу, достойному шляхетскаго званія, а такое дѣло и могло быть только военное; были тутъ неоплатные должники, которые, долго увертываясь отъ заимодавцевъ, пользуясь неприкосновенностію шляхетскаго человѣка въ его собственномъ домѣ, просиживали по цѣлымъ днямъ взаперти, дожидаясь солнечнаго захода, послѣ котораго нельзя было по юридическимъ обычаямъ задерживать должниковъ. Скучно было такое положеніе; заимодавецъ имѣлъ право, поймавъ должника на улицѣ, засадить въ вѣжу; оставалось идти либо въ монахи, либо въ

*) Marchocki Histor. wojny Mosk. 6—10. — Никон. Лѣт. 92—95.— Хроногр. Арх. Ком. — Buss. 81—83. — Petr. 212.

разбойники; вдругъ въ московской землѣ открылся должникамъ случай и отъ заимодавца улизнуть, и весело пожить, и шляхетской чести не замарать; тутъ были банниты, осужденные за разныя своевольства и опасавшіеся въ отечествѣ казни; были тутъ и такіе молодцы, у которыхъ просто руки чесались: для нихъ было все равно, что въ одну, или въ другую сторону свѣта отправиться, лишь бы пожить весело; а весело жить имъ было не придумчиво иначе, какъ только грабить, раззорять другихъ и вообще дѣлать кому нибудь вредъ.

Главнымъ заводчикомъ выхода въ Московское государство въ польской Украинѣ сталъ князь Романъ Рожинскій. По его призыву собралось до четырехъ тысячъ удальцовъ. Передъ праздникомъ Рождества Христова этотъ отрядъ вступилъ въ Московское государство и сталъ подъ Черниговымъ. Рожинскій отправилъ посланцевъ въ Орелъ извѣстить, что новое войско изъ Польши пришло служить царю Димитрію, обѣщается явиться къ нему съ раннею весною, а теперь желаетъ заключить договоръ. Вслѣдъ за тѣмъ это войско двинулось подъ Новгородъ-Сѣверскій, а оттуда въ Кромы. Уже кончалась зима. Изъ Кромъ поляки отправили къ называющему себя Димитріемъ тридцать человѣкъ посланцевъ. Димитрій пригласилъ ихъ къ себѣ и, ради царской важности, отвѣчалъ имъ не самъ лично, а черезъ Валавскаго, который называлъ себя царскимъ канцлеромъ. Послѣ рѣчи Валавскаго, Димитрій самъ отвѣчалъ по-русски; онъ старался походить на русскаго царя: «я обрадовался, говорилъ онъ, когда узналъ, что Рожинскій идетъ, но потомъ услышалъ, что онъ мнѣ не доброжелательствуетъ, и теперь хотѣлъ бы, чтобъ онъ вернулся назадъ. Меня Богъ уже посадилъ на столицѣ одинъ разъ безъ Рожинскаго, и въ другой разъ посадитъ. Вы требуете денегъ? У меня много добрыхъ поляковъ, такихъ, какъ вы, а еще никому ничего я не давалъ. Я убѣжалъ изъ столицы отъ милой супруги и

друзей, и не только не взялъ съ собой денегъ, но и платья. Я знаю, что вы говорили съ посланцемъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, на льду; вы допрашивались: тотъ я, или нѣтъ. А я съ вами не игрывалъ въ карты?»

Поляки вспылили и выразились передъ нимъ въ такихъ выраженіяхъ: «вотъ мы видимъ, что не прежній ты; прежній умѣлъ цѣнить и принимать людей рыцарскихъ, а ты не умѣешь! Жаль, что мы пришли къ такому неблагодарному; мы перескажемъ нашей братьѣ, что насъ къ тебѣ послали, пусть знаютъ, какъ имъ поступать!» Съ гнѣвомъ они вышли отъ него. Димитрій послалъ за ними въ догонку и приглашалъ на обѣдъ. «Не сердитесь — говорили полякамъ посланные — царю васъ обнесли.» — «Кто жъ бы это насъ обнесъ?» стали разсуждать поляки, и заключили, что это долженъ быть Мѣховецкій.

— Да, да! — подтверждали хоромъ — это онъ, онъ! чуетъ онъ, что приходится уступить начальство Рожинскому!...

Составилось коло. Голоса раздвоились. Одни кричали: «вернемся въ Польшу; ничего добраго тутъ намъ не будетъ!» Другіе, которые знали уже поближе вора и были съ нимъ въ Орлѣ, говорили: «останемся у него на службѣ! Все будетъ иначе, лишь бы самъ кн. Рожинскій къ нему пріѣхалъ.»

Въ великій постъ пріѣхалъ Рожинскій въ Орелъ. Ему захотѣлось, прежде всего, низвергнуть Мѣховецкаго и самому сдѣлаться гетманомъ Димитрія. Ему хотѣлось держать все дѣло самому, чтобъ царь, подъ именемъ Димитрія, былъ только орудіемъ въ его рукахъ. Его сопровождало двѣсти товарищей и четыреста пятьдесятъ человѣкъ пѣхоты, служившихъ на его иждивеніи. Послѣ перваго ихъ ночлега въ Орлѣ, утромъ, называвшій себя царемъ позвалъ ихъ къ своей царской рукѣ. Но чуть только Рожинскій съ

товарищами по этому приглашенію двинулся съ мѣста, какъ бѣжитъ ему на встрѣчу другой посланецъ и говоритъ: «воротитесь! Еще царь моется въ банѣ; у него такой обычай: онъ отъ трудовъ облегчается банею и здоровье свое сберегаетъ! Подождите, когда царь окончитъ мытье и возсядетъ на своемъ царскомъ сѣдалищѣ.» Рожинскій не слишкомъ уважалъ царское достоинство этого царя и не хотѣлъ подчиняться царственному этикету, тѣмъ болѣе, когда это происходило отъ желанія какъ нибудь отвязаться отъ Рожинскаго. Димитрій ясно видѣлъ, что этотъ навязчивый и властолюбивый человѣкъ пришелъ не для того, чтобъ служить, а чтобъ повелѣвать Димитріевымъ именемъ. Рожинскій объявилъ, что не хочетъ ждать. Онъ самовольно вошелъ въ избу, гдѣ жилъ царь, и не хотѣлъ выходить изъ нея. Димитрій принужденъ былъ уступить и вышелъ; но когда выступалъ изъ дверей, то нарочно отвернулъ голову отъ той стороны, гдѣ стоялъ Рожинскій. Онъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Рожинскій подошелъ къ нему первый и поцѣловалъ руку. За нимъ всѣ поляки подошли къ царской рукѣ. Послѣ этой церемоніи, царь пригласилъ Рожинскаго и всѣхъ товарищей на обѣдъ.

Обѣдъ былъ приготовленъ на разныхъ столахъ. Димитрій сидѣлъ за однимъ столомъ съ Рожинскимъ, хоть это было для него не вкусно. Чтобы досадить Рожинскому и его партіи, онъ началъ разговоръ о прошломъ рòкошѣ, спрашивалъ: нѣтъ ли между прибывшими рокошáнъ. И тутъ, какъ будто негодуя на рокошанъ за короля Сигизмунда, онъ заставилъ поляковъ выслушать такое непріятное замѣчаніе на ихъ счетъ: «ни за чтò бы я не захотѣлъ быть у васъ королемъ. Московскій государь не на тò родился, чтобы имъ помыкалъ какой нибудь арцпбѣсъ, или, какъ онъ тамъ у васъ зовется — арцпбискупъ что ли?»

Поляки давали ему отвѣты въ защиту своей націи.

Послѣ пира, Рожинскій просилъ назначить ему разговоръ. Ему отвѣчали, что онъ будетъ позванъ на другой день. Пришелъ этотъ другой день, Рожинскому послали сказать, что его позовутъ завтра. И это завтра пришло и прошло, а Рожинскаго не звали. Его поляки взволновались и кричали: «Мы разъѣдемся!» Пѣхота первая стала выступать изъ Орла. За нею самъ Рожинскій собирался уѣзжать. Тутъ нѣсколько ротмистровъ и товарищей, которые прежде находились при ворѣ, поговорили промежъ собою, потомъ бросились къ Рожинскому и стали его упрашивать. «Потерпите, ваша княжеская милость, до утра. Мы соберемъ коло. Если царь останется такимъ неблагодарнымъ къ намъ, такъ мы всѣ сложимся, отрѣшимъ отъ начальства Мѣховецкаго и выберемъ гетманомъ тебя, князя Рожинскаго. Все войско будетъ слушаться тебя!»

Рожинскій обрадовался: тѣ изъ его соотечественниковъ, которые еще не стояли подъ его начальствомъ, теперь сами готовы подчиниться ему. Рожинскій остановился и сталъ дожидать утра въ предмѣстіи Орла.

На утро собралось ко̀ло. Тамъ были и тѣ, что̀ прежде находились, и тѣ, что̀ вновь пришли съ Рожинскимъ. На этомъ колѣ низложили Мѣховецкаго отъ начальства, избрали гетманомъ Рожинскаго и отправили къ Димитрію такое заявленіе: «коли царь хочетъ, чтобъ съ нимъ оставались поляки, пусть приметъ князя Рожинскаго, назоветъ своимъ гетманомъ и выдастъ намъ на судъ тѣхъ, которые оговаривали князя царю. На Мѣховецкаго и на его немногихъ сторонниковъ наложили бандо, т. е. изгнаніе изъ войска; онъ лишился покровительства и защиты со стороны его прежнихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.» Сообщили объ этомъ Димитрію. Онъ отвѣчалъ: «никого не назову и не выдамъ, самъ пріѣду въ коло.»

Принесли это извѣстіе въ ко̀ло. Рожинскій сказалъ: «те-

перь будьте спокойны и дожидайтесь царя, — не мѣшайтесь въ рѣчи. Я за васъ за всѣхъ говорить буду!»

Димитрій пріѣхалъ на богато-убранномъ конѣ, въ золотомъ тканной одеждѣ. Его провожало нѣсколько московскихъ людей, пожалованныхъ имъ въ бояре; по бокамъ шли пѣшіе ратники. Онъ въѣхалъ въ коло. Тамъ поднялся шумъ. Димитрію показалось, что поляки допрашиваются: точно ли онъ прежній царь, и называютъ его негодяемъ. Это его взбѣсило — онъ закричалъ: «цытьте, скурви сынове!» *)

Поляки переглянулись между собою; — выходка называвшаго себя царемъ ихъ раздражила. Они хотѣли было отвѣчать на нее рѣзко; но Рожинскій, какъ было сказано, заранѣе обязалъ ихъ не мѣшаться безъ его позволенія въ разговоры и ему одному поручить отвѣчать за всѣхъ.

Тогда Рожинскій приказалъ дать отвѣтъ одному изъ товарищей, Хруслинскому. Тотъ сказалъ: «мы для того посылали пословъ къ твоему царскому величеству, чтобы ты намъ объявилъ, кто тебѣ оговорилъ гетмана и все войско наше измѣнниками. А какъ твое величество самъ сюда пріѣхалъ, такъ мы хотимъ отъ тебя здѣсь услышать это самое.»

Димитрій приказалъ отвѣчать за себя одному изъ своихъ московскихъ людей; тотъ началъ говорить; Димитрій сталъ недоволенъ рѣчью. Московскій человѣкъ не умѣлъ говорить понятнымъ для поляковъ способомъ. Димитрій закричалъ: «молчи! Ты не умѣешь по ихнему говорить. Вотъ я самъ буду!» Онъ обратился къ полякамъ и продолжалъ: «вы присылали ко мнѣ требовали, чтобъ я выдалъ и назвалъ вамъ вѣрныхъ слугъ моихъ, которые меня въ чемъ нибудь предостерегаютъ.

---

*) March. 17.

Никогда еще московскимъ государямъ не приходилось такъ поступать, чтобъ они выдавали вѣрныхъ слугъ своихъ, которые ихъ предостерегаютъ! Не только для васъ я этого не сдѣлаю, а хотя бы самъ Господь Богъ сошелъ съ высокаго неба и приказалъ мнѣ такъ поступить!..»

Тутъ его прервалъ крикъ, послышались рѣзкія выраженія; потомъ волненіе нѣсколько стихло; одинъ изъ кола сказалъ: «что же, ты хочешь около себя держать такихъ только, что тебѣ изъ-за пустяка языкомъ прислуживаютъ, а не такихъ воиновъ, которые бы тебѣ служили жизнію и саблею? Ну, если ты не поступишь такъ, какъ хотимъ, то всѣ отойдемъ отъ тебя!»

— Какъ себѣ хотите! — сказалъ воръ. — Идите!

Раздраженіе усилилось; стали кричать неистово: «убить обманщика! изрубить его!» Кричали другіе: «нѣтъ!» Кричали третьи: «поймать! А, сякой-такой сынъ! Мошенникъ! Ты позвалъ насъ, да еще кормишь неблагодарностью!»

Стрѣльцы, окружавшіе игравшаго роль царя, бросились на поляковъ, — поляки на стрѣльцовъ. Сдѣлалась суматоха... драка...

Среди всеобщаго безпорядка, Димитрій поворотилъ коня и тихо поѣхалъ въ свой дворъ; вслѣдъ за нимъ поскакали изъ кола поляки, окружили его и сказали, что присланы стеречь его, чтобъ онъ не ушелъ. Воръ почувствовалъ всю тягость и унизительность своего положенія. Онъ долженъ былъ по-неволѣ играть царя, сносить и наружное къ себѣ поклоненіе, и въ тоже время терпѣть оскорбленія!

Въ припадкѣ досады онъ началъ пить водку. Онъ не пилъ ея никогда, и теперь сталъ пить съ намѣреніемъ запиться до смерти. Это ему не удалось! Онъ не умеръ, — перенесъ тяжелое похмѣлье, и потомъ—рѣшился покорить-

ся своему жребію! Поляки прислали къ нему прежде Адама Вишневецкаго, названнаго его конюшимъ. Хруслинскій и Валавскій, царскій канцлеръ, побѣжали на предмѣстье, въ ставку Рожинскаго, и стали упрашивать соотечественниковъ,—остаться служить царю; именемъ царя они обѣщали, что онъ снова пріѣдетъ въ коло и попроситъ прощенія за вчерашнюю дерзость.

Кое-какъ смиловались поляки надъ царикомъ, позволили пріѣхать къ нимъ въ коло. Воръ явился и объяснилъ, что сказанныя имъ слова: «цытьте, скурви сынове», относились не къ полякамъ, а къ его московскимъ стрѣльцамъ. Поляки сказали: «такъ и быть, останемся на службѣ, коли царь обѣщаетъ намъ жалованья за двѣ четверти.» Царь обѣщалъ. Послѣ того Рожинскій съ своимъ отрядомъ отправился въ Кромы и тамъ расположился до просухи. Царикъ, съ своими московскими людьми и поляками, прибывшими къ нему ранѣе, по прежнему жилъ въ Орлѣ. Отсюда отъ имени вора разсылались граматы по московской землѣ. Одна изъ такихъ граматъ, присланная въ Смоленскъ, дошла до насъ. Она писана цвѣтисто и пространно. Въ ней Димитрій извѣщалъ, что одинъ изъ соумышленниковъ Шуйскаго предостерегъ его, и онъ успѣлъ уйти изъ Москвы въ Литву; онъ убѣждалъ отстать отъ вора и измѣнника Шуйскаго и покориться своему законному государю. «Сами вѣдаете—писалъ онъ—какъ я милосердъ, щедръ и праведенъ; и прежде я никого не казнилъ даже торговою казнію, не только что смертью.» Вмѣстѣ съ тѣмъ Димитрій въ своей граматѣ вооружался и противъ появившихся царевичей. «За наши грѣхи — выражался онъ — въ Московскомъ государствѣ объявилось еретичество великое: вражьимъ совѣтомъ, злокозненнымъ умысломъ, многіе называются царевичами московскими, природными царскими сѣменами!» Онъ приказывалъ ловить

этихъ царевичей, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму до его царскаго указа *).

Тутъ между новичками ходили толки и споры: чтò это за царь? Да въ самомъ ли дѣлѣ онъ настоящій Димитрій? Начальники изъ поляковъ были увѣрены, что это не тотъ, который царствовалъ въ Москѣ и котораго считали убитымъ, но отклоняли разговоры объ этомъ и говорили: «нужно, чтобъ онъ былъ тотъ самый—вотъ и все!» Для успокоенія тѣхъ, которые заявляли сомнѣнія, выдумывали разныя выходки. Какой-то изъ товарищей, Тронбчевскій, говорилъ: «хоть бы всѣ увѣряли меня, что онъ тотъ самый, который царствовалъ въ Москвѣ, я не дамъ себя уговорить! Я хорошо знаю перваго. Я былъ съ нимъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ.» Тронбчевскій вошелъ съ царикомъ въ разговоръ при свидѣтеляхъ и началъ ему вспоминать о прежнихъ событіяхъ; онъ умышленно говорилъ не такъ,какъ было, а царикъ поправлялъ его и говорилъ,какъ было и какъ Тронбчевскій считалъ правильнымъ. Тогда, при множествѣ своихъ товарищей,этотъ Тронбчевскій сказалъ: «милосердый царь! признаюсь тебѣ; здѣсь былъ въ войскѣ одинъ такой человѣкъ, что не считалъ тебя за того, кто царствовалъ въ Москвѣ. Но теперь Духъ Святой осіялъ его, и онъ вѣритъ, что ты тотъ самый!« Царикъ улыбнулся. Этой комедіи достаточно было, чтобъ на время поддержать если не вѣру, то приличіе вѣры въ существо Димитрія **).

Такъ стояло это полчище до просухи; никто его не безпокоилъ. Новыя силы еще подходили къ Димитрію. Прибыло еще три тысячи запорожцевъ. Эти люди то приходили, то уходили и вновь приходили. Заруцкій, еще до при-

*) Ист. смутн. врем. II. Прилож. стр. 57.
**) Ист. смут. вр. II. Прилож. № VII.

хода Рожинскаго, отправился на Донъ и теперь возвратился со свѣжимъ отрядомъ: въ немъ было тысячъ до пяти. Димитрій все болѣе и болѣе показывался царемъ, преимущественно черни. Онъ велѣлъ объявить, что въ боярскихъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльцы не признаютъ его, подданные крестьяне могутъ овладѣть имуществомъ ихъ; земли и дома ихъ дѣлаются крестьянскими животами, даже ихъ женъ и дочерей крестьяне могутъ взять себѣ въ жены или въ услуженіе *).

III.

Ополченіе Шуйскаго.—Болховская битва.—Димитрій подъ Москвою.—Битва на рѣкѣ Химкѣ.—Дѣйствія Лисовскаго въ Рязанской землѣ.

Когда въ Сѣверской землѣ собирались тучи на царя Василія Шуйскаго — самъ царь Василій въ январѣ женился на той самой княжнѣ Марьѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, на которой ему предложилъ жениться Димитрій. Наступала весна; — царское войско отправилось въ походъ подъ главнымъ начальствомъ царскаго брата Димитрія Ивановича Шуйскаго **). Въ этомъ войскѣ были дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, но значительная часть его состояла изъ татаръ, мещерскихъ, касимовскихъ, кадомскихъ, темниковскихъ и арзамасскихъ. Каждаго уѣзда

*) Хроногр. Археогр. комм. — Marchoc. Hist. wojny Mosk. 20.— Russov. 62.

**) Распредѣленіе воеводства было такое: товарищемъ Шуйскаго—Михайло Алексѣевичъ Нагой; впереди—бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ сторожевомъ полку—бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ. А съ ними посланы многіе ратные люди изо всѣхъ городовъ, дворяне и дѣти боярскіе,—и съ мещерскими князи, и мурзы, и татарове. А съ касимовскими мурзы и съ татарове — голова Гозанъ Петровъ сынъ Болтинъ; а съ кадомскими—Остаѳей Яковлевъ сынъ Соховцевъ; съ темниковскими — Ѳедоръ Клокачевъ; съ арзамасскими—Степанъ Шитловъ—нижегородецъ.

татары составляли особый отрядъ подъ начальствомъ выбраннаго головы. Пока войско собиралось, Димитрій Шуйскій съ воеводами стоялъ въ Бѣлевѣ *), а потомъ двинулся къ Болхову.

Услыхавши, что войско Шуйскаго двинулось на вора, поляки, стоявшіе въ Кромахъ съ Рожинскимъ, прибыли снова въ Орелъ. Въ самый день ихъ прихода сдѣлался пожаръ въ Орлѣ и загорѣлся домъ, гдѣ жилъ царикъ. Онъ долженъ былъ бѣжать въ ставку Рожинскаго, на предмѣстье. Отсюда онъ двинулся къ Болхову. Войско Димитрія изъ Орла поспѣшило къ Болхову. 10 мая, за десять верстъ съ небольшимъ отъ Болхова, сошлись враждебныя силы. Передовая рать Рожинскаго сцѣпилась съ передовымъ полкомъ царскаго войска. Московскіе люди подъ начальствомъ Голицына бѣжали, привели въ безпорядокъ большой полкъ, пробились сквозь него и достигли до сторожеваго полка. Но этимъ полкомъ начальствовалъ человѣкъ похрабрѣе и поискуснѣе другихъ — князь Иванъ Куракинъ, тотъ, который прошедшею зимою отбилъ вора отъ Брянска. И теперь онъ отразилъ поляковъ, хоть и самъ потерпѣлъ; нѣмецкая рота, служившая въ московскомъ войскѣ, тогда вся пропала; за то у вора пропала цѣлая хоругвь Тупальскаго, которая далеко отъ своихъ увлеклась впередъ и наткнулась на храбрый сторожевой полкъ. Стало смеркаться. Поляки воротились въ свой обозъ, русскіе— въ свой.

Утромъ 11 мая, Рожинскій двинулъ въ бой противъ московскихъ людей все свое войско. Московскіе люди стали за болотомъ, которое трудно было перейти. «Они,—говорили поляки, думаютъ, что мы такіе простаки, что такъ и полѣземъ въ болото, не разсмотрѣвши хорошенько мѣ-

*) Хроногр. Арх. комм.

ста!» Поляки начали искать удобнаго мѣста для переправы и нашли его. Въ тоже время пришло въ голову слугамъ, которые находились при возахъ, натыкать значковъ въ возы; возы двигались, поднялась пыль. Московскіе люди не могли различить хорошенько возовъ, видѣли только въ облакѣ пыли значки и вообразили, что, должно быть, идетъ огромное войско. Московскіе воеводы разсудили, что вступать въ бой опасно,—лучше уйти къ Болхову. И приказали отправлять нарядъ. Нашелся измѣнникъ, сынъ боярскій, каширянинъ Иванъ Лихаревъ: онъ перебѣжалъ къ Рожинскому и объявилъ, что московскіе люди хотятъ уходить и уже отправили нарядъ; поляки нарочно задерживали возы вдали, чтобъ московскіе люди не могли разобрать, что тамъ такое, а сами стали переправляться черезъ болото. Тогда московскіе люди рѣшительно потеряли духъ и бѣжали въ безпорядкѣ; ихъ свирѣпо преслѣдовали поляки верстъ двадцать, отняли у нихъ нарядъ и догнали до засѣки. То была большая деревянная стѣна съ землянымъ присыпомъ. Такія стѣны тянулись на сотни верстъ; онѣ охраняли государство отъ татарскихъ набѣговъ. По длинѣ засѣки стояли башни, а кое гдѣ въ стѣнахъ продѣланы были ворота. Когда пришлось московскимъ людямъ вбѣгать въ такія ворота и тѣсниться, поляки наперли на нихъ со всѣхъ сторонъ и жестоко ихъ побили. По степи, гдѣ бѣжали московскіе люди, лежало чрезвычайно много труповъ; они долго оставались безъ погребенія; цѣлое лѣто послѣ того, вѣтеръ разносилъ по окрестностямъ смрадъ отъ гніющихъ людскихъ и конскихъ тѣлъ. Побѣдителямъ, кромѣ пушекъ, досталось много разнаго оружія. «Вотъ, говорили поляки, какъ ихъ Богъ покаралъ за гордость! Они хвалились, что дойдутъ до Кіева, а теперь поражены отъ малаго польскаго войска — ихъ тысячъ сто, а нашихъ какихъ нибудь тысячъ пять! и мы ихъ такъ побили.»

Черезъ день потомъ, 13 мая, Рожинскій подступилъ подъ Болховъ; тамъ, кромѣ гарнизона, заперлось тысячъ пять убѣжавшихъ съ поля битвы. Старшими въ Болховѣ были: князь Третьякъ-Сеитовъ да Гедройцъ, родомъ литвинъ: проживалъ онъ когда-то на Запорожьѣ, оттуда убѣжалъ въ Московское государство и тамъ уже усвоилъ московскую народность. Болховцы сперва отбивали приступы, но въ среду, 14 мая, разсудивъ, что нельзя имъ удержаться, сдались и присягнули царю Димитрію *).

Болховская побѣда значительно поддержала Димитрія. Поляки стали вѣрить въ его родовое счастье и обращались съ нимъ уважительнѣе, а онъ понималъ, что безъ поляковъ существовать не можетъ. Онъ собралъ ихъ и говорилъ: «Я надѣюсь, съ вашею помощію, скоро сѣсть на столицѣ предковъ! Заплачу вамъ тогда за всѣ ваши труды и отпущу въ отечество. Умоляю васъ не покидать меня! Когда я буду государемъ въ Москвѣ, и тогда безъ поляковъ не могу я сидѣть на престолѣ; хочу, чтобы при мнѣ всегда были поляки: одинъ городъ держать будетъ у меня московскій человѣкъ, а другой — полякъ. Золото и серебро—все, что есть въ казнѣ – все ваше будетъ, а мнѣ останется слава, которую вы мнѣ доставите. Когда вамъ придетъ нужда уйти домой, не покидайте меня, покуда не придутъ на ваше мѣсто другіе поляки изъ Польши.» Чтобы болѣе придать видъ справедливости своему дѣлу, поляки съиграли еще одну комедію. Какой-то бернардинъ началъ кричать: «это совсѣмъ не тотъ царь, что прежде назывался Димитріемъ! Я съ нимъ жилъ въ одной кельѣ, въ Самборѣ! Наша война неправедная, надобно воротиться назадъ!» И какъ будто для того, чтобы увѣрить поляковъ, что называвшій себя Димитріемъ — обманщикъ, онъ всту-

*) March. 25.—Hist. Dm. fałsz.—Ник. 97.—Хроногр. Арх. Ком. 545.

пилъ съ нимъ въ разговоръ. Но послѣ того, онъ говорилъ своимъ такъ: «я ошибался! Удивительно, какъ это я подумалъ, что онъ не прежній!... Теперь я увидѣлъ и удостовѣрился, что онъ точно тотъ самый, котораго я зналъ въ Самборѣ!...

Изъ-подъ Болхова двинулось войско Димитрія къ столицѣ очень спѣшно. Передовой полкъ составляли московскіе люди, сдавшіеся въ Болховѣ. Они, только что перешли рѣку Угру, тотчасъ отдѣлились отъ полчища, убѣжали впередъ въ Москву и дали знать царю, что воръ идетъ скоро; но войско его не такъ огромно, какъ могло показаться тѣмъ, что были разбиты подъ Болховымъ. «Это такъ только по грѣхамъ нашимъ сталось!» говорили они.

Вышло другое царское войско противъ воровскаго полчища. Оно было подъ начальствомъ Михайла Скопина-Шуйскаго и стало на рѣкѣ Незнани. Но Рожинскій съ воромъ не пошелъ ему на встрѣчу, а повелъ свое полчище черезъ Козельскъ и Калугу на Можайскъ. Нигдѣ не нашли они сопротивленія. Вездѣ люди выходили съ хлѣбомъ и солью— встрѣчали Димитрія, своего законнаго царя, съ образами и колокольнымъ звономъ. Только въ Можайскѣ не хотѣли было принять его и заперлись въ монастырѣ святаго Николая. Но этотъ монастырь съ острогомъ стоялъ на небольшомъ холмѣ, и съ сосѣдняго большаго холма можно было видѣть, что дѣлается въ городѣ; поляки съ этого холма стали стрѣлять изъ пушекъ и скоро принудили осажденныхъ сдаться и присягнуть царю Димитрію. Царикъ въѣхалъ въ монастырь и поклонился чудотворному образу святаго Николая.

Изъ Можайска двинулось полчище подъ столицу. Подъ Звенигородомъ встрѣтилъ ихъ полякъ, Петръ Борковскій, изъ свиты задержанныхъ польскихъ пословъ. Онъ, именемъ пословъ, приглашалъ своихъ соотечественниковъ вый-

ти изъ предѣловъ Московскаго государства и не нарушать мирнаго договора, заключеннаго между Москвою и Польшей. Рыцарское коло дало ему такой отвѣтъ: «что вы это говорите, то вы говорите по неволѣ—Москва васъ къ этому принуждаетъ! А мы, коли сюда зашли, такъ уже ничьихъ приказаній не слушаемъ, только на помощь Божію надѣемся, и не оставимъ своего предпріятія, пока не посадимъ на престолъ того, съ кѣмъ пришли!»

1-го іюня достигли они Москвы, и, въ солнечный день, удивлялись красотѣ золоченыхъ верховъ безчисленныхъ церквей царской столицы. Сначала поляки остановились на правомъ берегу Москвы рѣки, съ сѣверной дороги. Изъ города не показывалось живой души. Поляки осмотрѣлись и стали между собою говорить: «мѣсто неудобно; мы сами стоимъ внизу, и около насъ горы—онѣ будутъ намъ, при случаѣ, помѣхою! Притомъ, Москва будетъ получать запасы изъ своихъ земель; мы такъ ничего ей не сдѣлаемъ! А мы лучше перейдемъ на другую сторону рѣки и станемъ мѣшать подвозить въ столицу продовольствіе.» По этому соображенію они переправились черезъ Москву рѣку и стали обозомъ въ селѣ Тайнинскомъ, за семь верстъ отъ столицы. Но вышло противно ихъ планамъ. Они хотѣли стѣснить Москву и не допускать провозъ запасовъ въ столицу, а вмѣсто того были сами стѣснены Москвою. Продовольствіе для нихъ должно было подходить съ южной и съ западной сторонъ Москвы, а для того, чтобъ достичь ихъ стана—огибать городъ. Во время этого огиба, москвичи захватывали возы съ запасами, и, такимъ образомъ, попалось въ плѣнъ нѣсколько значительныхъ купцовъ, ѣхавшихъ съ товарами изъ Сѣверской земли. Надобно было искать инаго мѣста.

Снялись и двинулись. Московское войско вышло изъ столицы и за Тверскими воротами заступило было имъ до-

рогу. Поляки пробились сквозь него и дошли до села, называемаго Тушино. Мѣсто показалось имъ удобнымъ. Здѣсь они рѣшились заложить лагерь. Избранное мѣсто между Москвою рѣкою и извилистою рѣчкою Всходнею отлично было ограждено водою съ трехъ сторонъ. Только съ одной стороны, на пространствѣ 700 шаговъ, нужно было сдѣлать искусственное укрѣпленіе отъ ближайшаго къ Москвѣ рѣкѣ изгиба рѣки Всходни до Москвы рѣки.

Не успѣли остановиться поляки на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ приходитъ вѣсть, что московская сила, собравшись вновь, готовится напасть на нихъ. Прежде нападенія явилось къ нимъ двое поляковъ: Домарацкій и Бучинскій, извѣстные слуги Димитрія. Они извѣщали отъ имени пословъ, что заключенъ миръ, и поляки должны выйти изъ предѣловъ Московскаго государства. «Это хитрость московская», —закричало коло,—«нечего этому вѣрить! Они насъ хотятъ усыпить. Нѣтъ! не выйдемъ отсюда, пока не посадимъ на престолъ царя Димитрія!»

Рожинскій рѣшилъ предупредить нападеніе московскихъ войскъ и напасть самому на московскій обозъ. Войско царя Василія, состоявшее на половину изъ русскихъ, на половину изъ татаръ и другихъ инородцевъ, стояло подъ городомъ, растянувшись до рѣки Ходынки. На Ваганьковомъ Полѣ стоялъ самъ царь Василій со всѣмъ разрядомъ. Его станъ былъ окопанъ рвомъ и по рву были поставлены стрѣльцы и пушкари съ орудіями *).

Съ 4-го на 5-е іюня ночью двинулъ Рожинскій свое вой-

---

*) Начальство въ московскомъ войскѣ распредѣлено было такъ: въ большомъ полку—бояринъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій и бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ; въ передовомъ полку—бояринъ кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій и окольничій князь Григорій Петровичъ Ромодановскій; въ сторожевомъ—стольникъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій да Ѳедоръ Борисовичъ Головинъ.

ско тремя отрядами на московскій обозъ *). Московскіе знатные люди спали и не ожидали нападенія; была надежда, что заключенъ миръ съ Польшею, и послы принудятъ своихъ единоземцевъ отступить отъ вора. Поэтому, когда передъ разсвѣтомъ Рожинскій напалъ на московскій обозъ, то московскіе люди, проснувшись, хоть и хватились за оружіе и начали драться отчаянно, да порядка у нихъ не было. Поляки разгромили ихъ, забрали весь ихъ обозъ съ пушками; на протяженіи пяти верстъ гнали бѣгущихъ побѣдители. Но когда обвиднѣло, то часть войска московскаго, та, которая стояла на Ваганьковѣ съ царемъ, увидѣла погромъ своихъ, бросилась на поляковъ и прогнала ихъ за рѣку Химку. Московскимъ людямъ не удалось, однако, вернуть ни своихъ пушекъ, ни захваченнаго поляками обоза: польская челядь его ограбила въ то время, какъ польскіе товарищи дрались съ войскомъ царя Василія. Поляки привели въ свой лагерь одного знатнаго плѣнника — князя Василія Мосальскаго. Изъ страха онъ присягнулъ вору и обѣщалъ служить.

Эта стычка не была полезна царю Василію. Дѣла его шли плохо и въ другихъ мѣстахъ. Рожинскій, когда шелъ къ Болхову, отпустилъ отрядъ, подъ предводительствомъ Лисовскаго, въ Рязанскую землю. Въ этомъ отрядѣ былъ всякій сбродъ изъ польскихъ владѣній, да еще донскіе казаки и московскіе воровскіе люди. Лисовскій занялъ Зарайскъ. Мятежъ противъ Василія распространялся по Рязанской землѣ. Проискъ сталъ за Димитрія. Прокопія Ляпунова ранили пулей въ ногу. Удача въ Рязанской землѣ зависѣла отъ этого человѣка: куда велъ онъ рязанцевъ, туда и шли они. Когда онъ не могъ уже быть въ дѣлѣ, все пошло дурно въ Рязанской землѣ. Братъ его Захаръ при-

*) Влѣво пошелъ Адамъ Вишневецкій, вправо, къ рѣкѣ Москвѣ, Хруслинскій, а самъ Рожинскій входилъ по дорогѣ между зарослями.

ступилъ было къ Зарайску и былъ разбитъ. Лисовскій набралъ много плѣнныхъ, а другіе изъ побѣжденнаго войска добровольно покинули оружіе и пристали къ нему. Надъ убитыми рязанцами Лисовскій приказалъ насыпать холмъ въ память своей побѣды. Войско Лисовскаго увеличилось тогда воровскими людьми изъ украинныхъ городовъ Московскаго государства до тридцати тысячъ.

Изъ-подъ Зарайска Лисовскій пошелъ на Коломну. Этотъ городъ былъ взятъ приступомъ. Бояринъ князь Владиміръ Долгорукій достался въ плѣнъ; Лисовскій взялъ съ собой коломенскаго владыку Іосифа и двинулся къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ князя Куракина *). На дорогѣ между Москвою и Коломною, на Медвѣжьемъ бродѣ, встрѣтились они съ Лисовскимъ. Битва была упорная. Лисовскій былъ разбитъ, потерялъ нарядъ; много плѣнныхъ изъ его отряда взято. Освободили владыку Іосифа и Долгорукаго. Лисовскій убѣжалъ въ Тушино въ безпорядкѣ. Но приходъ его всетаки усилилъ Димитрія, потому что съ нимъ прибѣжало много людей, годныхъ къ бою. Коломна была освобождена, и царь приказалъ укрѣпить ее. Это былъ важный пунктъ для охраненія Москвы и сообщенія съ юговостокомъ.

Въ Москвѣ расположеніе умовъ было таково, что способствовало тому, чтобы споръ между Василіемъ и призракомъ Димитрія тянулся сколько возможно долѣе. Въ Москвѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, было знавшихъ навѣрное, что Димитрія, который царствовалъ, нѣтъ на свѣтѣ—и по-

---

*) Распредѣленіе было таково: въ большомъ полку — князь Иванъ Семенычъ Куракинъ и товарищъ его Григорій Григорьевичъ Пушкинъ; въ передовомъ — бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и князь Григорій Константиновичъ Волконскій; въ сторожевомъ — чашникъ Василій Ивановичъ Бутурлинъ.

тому Москва не могла скоро передаться вѣдомому обманщику всѣмъ городомъ, особенно, когда этотъ обманщикъ шелъ съ ненавистными для Москвы поляками. Но большая часть Москвы не любила и Шуйскаго. Поэтому тѣ изъ москвичей, у которыхъ совѣсть была полегче, какъ только увидали, что двое называются царями: одинъ въ Москвѣ, а другой подъ Москвою въ Тушинѣ, то и заключили, что изъ такого положенія дѣла можно извлекать собственную пользу, и не стали затрудняться крестнымъ цѣлованіемъ, даннымъ Шуйскому, а переходили въ Тушино, когда находили это для себя выгоднымъ. Подъ-стать было бѣгать туда простымъ людямъ: царикъ Тушинскій, по необходимости, долженъ быть казаться царемъ черни. Но къ нему стали переходить и знатные люди. Еще когда воръ подходилъ къ столицѣ, трое князей служившихъ въ войскѣ Скопина-Шуйскаго: Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Троекуровъ, обвинены въ измѣнѣ и сосланы, а ихъ товарищи казнены. Послѣ Ходынскаго дѣла, уѣхалъ въ Тушино стольникъ князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, человѣкъ ограниченныхъ способностей, но знатнаго рода. Съ нимъ поѣхалъ одинъ изъ Черкасскихъ князей, Димитрій Мамстрюковичъ, и по ихъ примѣру другіе, носившіе высокое званіе, стольники и стряпчіе, поѣхали туда же, а на нихъ глядя, поѣхали съ поклономъ къ Димитрію дьяки и подъячіе. Отъѣхали тогда къ вору. князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкій, князья Иванъ и Семенъ Засѣкины и многіе стольники и стряпчіе; а изъ посольскаго приказа отъѣхалъ первый подъячій Петръ Алексѣевъ Гребеневъ, съ нимъ два подъячихъ Ивашки Вернгина дѣти Ковертевы *). Москвичи стали пугаться и подумывать:

*) Хр оногр. Арх. Ком. — Никон. Лѣтоп. 96. 100. 106. — Marcho 21. 36.

какъ имъ быть, если городъ возьметъ Димитрій. «И впрямъ видно онъ настоящій, когда къ нему чиновные люди идутъ?» говорили въ народной толпѣ «Что же? Бояре и дворяне учинили смуту, а не мы; они подняли народъ, людей царскихъ перебили, самого царя прогнали, а мы ничего не знаемъ: такъ и скажемъ!» — «Да — замѣтилъ кто-то — онъ такой разумникъ и вѣдунъ, что какъ на кого взглянетъ, такъ и узнаетъ: виноватъ ли тотъ, или нѣтъ!» — «Бѣда, сказалъ какой-то удалецъ — я вотъ этимъ ножемъ пятерыхъ поляковъ слугъ зарѣзалъ *).

Войско вора каждый день усиливалось новыми охотниками, приходившими изъ польскихъ владѣній. Прибылъ нѣкто Бобровскій съ гусарскою хоругвью; потомъ Андрей Млоцкій съ двумя хоругвями—гусарскою и казацкою; потомъ Александръ Зборовскій и Выламовскій. У нихъ было у каждаго до тысячи конныхъ. Наконецъ, разнесся слухъ, что идетъ въ Тушино на помощь и Янъ Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, знаменитый богатырь и воитель. Его осудили въ отечествѣ за буйство, а онъ, не подчиняясь приговору суда, набралъ толпу вольницы всякаго рода и повелъ ее въ Московское государство. Его дядя канцлеръ Левъ Сапѣга не одобрилъ такой затѣи, но удержать его не могъ. Чувствуя себя царемъ черни, воръ вначалѣ держался равенства въ обращеніи съ сообщниками. «У нашего царя—говоритъ современникъ—все дѣлается какъ по евангелію; всѣхъ равняетъ онъ на службѣ **). Вначалѣ тому не противились; но какъ пристали къ вору породистые люди, возникли споры о старшинствѣ, зависть и соперничество.»

Не долго можно было обманывать народъ надеждами на

---

*) Petr. 218.

**) Marchoc. 37.

небывалыя льготы. У Димитрія или, лучше сказать, у Рожинскаго, который всѣмъ заправлялъ, не много было денегъ: доставалось только по тридцати злотыхъ на человѣка. Недостатокъ казны рѣшили пополнить сборомъ дани съ Сѣверской земли, которая повиновалась имени Димитрія. Для сбора этой дани послано по два человѣка съ отрядами: одинъ московскій человѣкъ, другой полякъ. Куда они приходили, тамъ народъ начиналъ чувствовать, что льготы царя Димитрія состоятъ больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

IV.

Переговоры съ новыми польскими послами и отпускъ ихъ.—Увольненіе плѣнныхъ поляковъ. — Мнишекъ и Марина въ воровскомъ таборѣ. — Признаніе Мариною вора первымъ своимъ мужемъ.

Вѣроятнѣйшимъ способомъ избавиться царю Василію отъ тушинскаго соперника казалось — уладить дѣло съ поляками, утвердить мирный договоръ и чрезъ посредство польскихъ пословъ удалить поляковъ, служившихъ вору. Посланники царя Василія воротились изъ Польши въ 1607 году. За ними отправились въ Москву послы польскіе: Воловичъ и князь Друцкій-Сокольницкій. Пребываніе русскихъ пословъ въ Польшѣ обѣщало мало надеждъ. Пока они доѣхали до польской столицы, то въ каждомъ городѣ принуждены были терпѣть оскорбленія. Приставы предостерегали ихъ, что ихъ убить могутъ. Польша была сильно раздражена за убійство и грабежи надъ поляками въ Москвѣ. Московскіе послы слышали повсемѣстные крики о войнѣ и мщеніи Москвѣ. Въ столицѣ ихъ держали почти подъ стражею, и не допускали до представленія королю, пока не кончился сеймъ. Имъ говорили, что это дѣлается потому, что тогда съѣхалось въ Варшаву много родствен-

никовъ и друзей убитыхъ въ Москвѣ, и потому положеніе ихъ не безопасно. Когда послы жаловались на стѣсненіе, имъ напоминали, что польскіе послы и оставшіеся въ живыхъ паны задержаны въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ, ихъ допустили къ Сигизмунду. Представленіе ограничилось обычными церемоніями. Послѣ того назначили пановъ для переговоровъ съ ними. Тутъ оказалось, что дѣло такъ запуталось, что невозможно было рѣшить его мирно. Послы, по наказу, сваливали появленіе названнаго Димитрія на поляковъ, а поляки оправдывали себя тѣмъ, что московскіе люди сами признали его истиннымъ Димитріемъ, обвиняли московскихъ людей за убійство своихъ единоземцевъ, требовали выпуска задержанныхъ пословъ и возвращенія ограбленнымъ торговцамъ ихъ имуществъ. Московскіе послы насчетъ послѣдняго дѣла отзывались, что имъ не дали объ ономъ уполномочія, и жаловались въ свою чередь, что новые воры находятъ себѣ въ Польшѣ поддержку. Паны говорили имъ напрямикъ: «если вашъ государь отпуститъ сендомирскаго воеводу съ товарищами и всѣхъ польскихъ людей, которые теперь у васъ на Москвѣ; то не будетъ ни Дмитрашки, ни Петрушки. А если вашъ государь ихъ не отпуститъ, то Дмитрашка будетъ Димитрій царь, и Петрушка будетъ царевичъ Петръ, и наши станутъ съ ними за одно.»

Послы уѣхали изъ Польши ничего не добившись, и могли только привести извѣстіе, что вслѣдъ за ними будутъ польскіе послы въ Москву.

Узнавши, что московскіе послы воротились, задержанные въ Москвѣ послы, Олесницкій и Гонсѣвскій, требовали, чтобы ихъ отпустили. Но приставы сказали имъ на это, что имъ слѣдуетъ ждать, пока пріѣдутъ изъ ихъ отечества новые послы. Олесницкій и Гонсѣвскій вышли изъ себя, отзывались неуважительно о московскомъ правительствѣ и

царѣ, кричали: «нѣтъ правды ни въ вашемъ государствѣ, ни въ вашихъ боярахъ», — обращались грубо съ приставами. Посольскіе люди кричали московскимъ людямъ: «быть вамъ на кольяхъ съ боярами и съ вашимъ государемъ!» Но какъ ни горячились они, все-таки остались въ почетной неволѣ *). Это не мѣшало имъ, однако, по обычаю ссориться между собою. Въ посольскомъ дворѣ была чрезвычайная тѣснота: человѣкъ до трехсотъ въ немъ помѣщалось. Для ихъ духовнаго утѣшенія москвичи позволили быть съ ними вмѣстѣ отцу іезуиту съ двумя братіями іезуитскаго ордена. Такъ какъ въ числѣ задержанныхъ поляковъ было много православныхъ, честимыхъ схизматиками, и диссидентовъ, то іезуиты стали обращать ихъ къ лону римско-католической церкви; отъ этого поднялись споры и диспуты, и дошло до того, что диссиденты хотѣли было убить іезуитовъ: насилу послы успокоили волненіе **). Такъ поживали они и дожидались, пока прибыли новые польскіе послы. Это было уже осенью 1607 года. Олесницкій и Гонсѣвскій стали тогда просить отпуска и представляли, что теперь уже нѣтъ повода ихъ держать—новые послы пріѣхали. Царя не было тогда въ Москвѣ. Управлявшій столицею братъ его, князь Димитрій, не только не выпустилъ ихъ, но еще выговаривалъ за то, что они отзываются дерзко о царѣ, и въ видѣ наказанія уменьшилъ имъ кормъ.

Послѣ прибытія царя Василія Шуйскаго, начались переговоры съ новыми польскими послами. Долго они домогались, чтобы къ переговорамъ допущены были прежніе задержанные послы. Московскіе бояре упирались противъ этого. Никакъ не могли сговориться: московскіе бояре по-

*) Моск. Арх. Ин. Д. Дѣла Польск. № 26.
**) Ann. Societ. Jesu. 1608, стр. 732.

дали польскимъ посламъ на письмѣ обвинительныя статьи противъ польскаго короля и пановъ, а польскіе послы давали имъ на письмѣ отвѣтъ, гдѣ оправдывали своихъ и обвиняли во всемъ московскихъ людей. Польскіе послы оправдывались главнымъ образомъ тѣмъ, что никакъ не поляки посадили на престолъ Димитрія, а сами московскіе люди, недовольные тиранствомъ Годунова, приняли его къ себѣ и признали кореннымъ своимъ царемъ. «Развѣ — говорили они—не князья, бояре, воеводы и всѣ дворяне послали къ нему въ Путивль, проводили до Орла, а оттуда до Тулы,—и тамъ пріѣхали къ нему изъ Москвы на поклонъ, не связанные, а добровольно — вашъ нынѣшній государь, Василій Ивановичъ, другіе Шуйскіе, Мстиславскій и ты самъ, князь Воротынскій, и всѣ знатнѣйшіе дворяне, бояре и лучшіе люди.... Вѣдь у васъ, кромѣ бояръ, князей и дворянъ, было сто тысячъ войска. Зачѣмъ же не поймали тогда Димитрія? Вѣдь нашихъ было какихъ нибудь нѣсколько сотъ.... *).

Они старались очистить отъ всего не только короля своего и польскую націю вообще, но даже Мнишка и его родственниковъ; отрицали, будто Мнишекъ принялъ отъ Димитрія запись на Смоленскъ и Сѣверскую землю, сомнѣвались даже и въ записи, данной его дочери на Новгородъ и Псковъ. Впрочемъ, извиняли воеводу, еслибъ и такъ было; потому что всякому отцу дозволительно, отдавая дочь замужъ, думать о ея обезпеченіи.

Бояре выставляли имъ на видъ, будто Мнишекъ самъ сознавался, что Димитрій дѣйствовалъ по наущенію короля и пановъ рады.

— Не могъ,—отвѣчали послы,—воевода и сенаторъ говорить такую небылицу на короля. А еслибъ и такъ было,

---

*) Suppl. 425.

то это онъ говорилъ по принужденію, по вашей волѣ. Что же это за свидѣтельство?» Они опровергали многое очень ловко и искусно: такъ напримѣръ, когда бояре объяснили, что царица Марѳа признала сыномъ своимъ Гришку Отрепьева потому, что онъ грозилъ ей смертью, паны замѣтили, что это невозможно: еслибъ онъ убилъ ее за то, что она не хотѣла признать его сыномъ, то тѣмъ самымъ показалъ бы всѣмъ, что онъ не истинный Димитрій, а самозванецъ. «Вы держите ее въ рукахъ, въ неволѣ, и дѣлаете съ нею, что хотите,—такъ она и говоритъ по вашему приказанію.» — Приходилось защищать и Аѳанасья Власьева, котораго бояре называли воромъ. Послы вспоминали, что этотъ Аѳанасій Власьевъ не разъ ѣздилъ отъ прежнихъ царей посломъ и въ Польшу, и къ императору, и заключали изъ того, что послѣ того нельзя и распознать, кто изъ московскихъ людей воръ и кто честный человѣкъ. Относительно обвиненія короля и польскихъ пановъ въ намѣреніи искоренить въ Московскомъ государствѣ православную вѣру, польскіе послы увѣряли, что въ польскихъ владѣніяхъ ненарушима остается греческая вѣра, а папа въ Италіи дозволяетъ строить церкви, гдѣ отправляется богослуженіе по восточному обряду. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили, что въ Польшѣ духовенство грекорусской вѣры пользуется бо̀льшими правами, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ; польскій король не смѣетъ лишить сана митрополита и епископа русской церкви, а въ Московскомъ государствѣ цари по своему произволу смѣняютъ и назначаютъ своихъ архіереевъ.

Москвичи обвиняли воеводу и прибывшихъ съ нимъ поляковъ, будто они затѣвали побить бояръ и захватить власть въ Московскомъ государствѣ.

Послы противъ этого указывали, что воевода и другіе пріѣхали на свадьбу съ такимъ числомъ людей, съ какимъ

невозможно покорять большихъ городовъ. «Вы взводите на поляковъ,—говорили послы,—будто они ругались надъ образами, привязывали къ поясамъ кресты, ходили въ церковь съ оружіемъ, брали у москвичей насильно женъ и дочерей и причиняли московскимъ людямъ различныя оскорбленія. Что большаячасть взведеннаго на поляковъ — сущая неправда, видно изъ того, что у поляковъ образа въ такомъ же уваженіи, какъ и у русскихъ; если кто могъ позволить себѣ что нибудь подобное, то развѣ лютеране; намъ неизвѣстно, были ли лютеране въ числѣ пріѣхавшихъ съ Мнишкомъ; но во всякомъ случаѣ въ Московскомъ государствѣ есть много своихъ лютеранъ, и прежде всего надобно поискать виновныхъ между послѣдними. Если въ самомъ дѣлѣ происходили какія нибудь безчинства отъ нѣкоторыхъ польскихъ людей низкаго званія, то воевода и другіе паны никакъ не постояли бы за нихъ и наказали бы виновныхъ; нужно было только указать на такихъ преступниковъ. Правда, люди наши приходили въ церковь съ оружіемъ, но это потому, что они не знали здѣшнихъ обычаевъ; слѣдовало бы вамъ прежде огласить это; тогда поляки бы не посмѣли поступать въ чужой сторонѣ противно обычаямъ. Они знаютъ, что въ чужую землю ѣздятъ не съ своими обычаями, а затѣмъ, чтобъ чужіе обычаи узнать». Поляки увѣряли, будто имъ неизвѣстно, были ли диссиденты въ числѣ пріѣхавшихъ съ Мнишкомъ, но они тогда хорошо знали, что ихъ было довольно.

Всего болѣе паны протестовали противъ задержанія Олесницкаго и Гонсѣвскаго; они, какъ послы, ни въ какомъ случаѣ не должны быть оставляемы въ чужомъ государствѣ. Въ заключеніе всего, требовали отпуска воеводы и другихъ пановъ и вознагражденія пограбленнаго имущества у торговцевъ.

Паны домогались, чтобъ имъ дозволили видѣться съ вое-

водою, и не хотѣли продолжать переговоровъ. Бояре долго упорствовали. Сношенія прекратились. Новые посланники, находясь въ Москвѣ, стали, подобно старымъ, чувствовать себя въ неволѣ.

Но тогда подступалъ къ Москвѣ Димитрій. Войска Шуйскаго постыдно убѣгали. Столицѣ угрожала бѣда. Надобно было уступить. И вотъ, приказано было привезти воеводу съ дочерью и иныхъ поляковъ изъ ссылки.

Мнишекъ съ дочерью, съ сыномъ, братомъ и племянникомъ и толпою слугъ проживалъ все это время въ Ярославлѣ. Плѣннымъ панамъ дали для помѣщенія четыре двора: въ одномъ помѣщался старикъ воевода, въ другомъ— Марина съ своими дамами, въ третьемъ — сынъ Юрія староста Саноцкій, въ четвертомъ — братъ Юрія съ своимъ сыномъ. Первые три двора находились рядомъ и соединялись между собою. Они стояли возлѣ самаго вала полуразвалившейся крѣпости. Четвертый дворъ былъ поодаль отъ нихъ. Немалочисленный оршакъ пановъ размѣстили по разнымъ дворамъ посадскихъ, по близости къ панскимъ помѣщеніямъ.Туда же заслали купцовъ, задержанныхъ и ограбленныхъ въ Москвѣ. Приставы наблюдали за плѣнниками, берегли ихъ, чтобы они не убѣжали; но вообще поляки жили довольно льготно. Сначала большую часть лошадей у нихъ отобрали, оставивъ только немного, но потомъ позволили продать ихъ русскимъ. Имъ дозволили носить оружіе: былъ случай, что одинъ слуга выстрѣлилъ въ русскаго стрѣльца. Содержаніе имъ шло отъ казны, вообще нескудное; сверхъ всякихъ припасовъ—баранины, говядины, рыбы—имъ давали пиво и вино. Лѣтомъ 1607 г., часть прислуги, именно 53 человѣка, отправили въ Польшу; съ ними же выѣхали и девять купцовъ, потерявшихъ безвозвратно то, что у нихъ отнято было въ Москвѣ, и то, что слѣдовало имъ въ уплату за забранные Димитріемъ товары. Изъ

прислуги не дозволено было уѣзжать людямъ шляхетской породы, «а иной изъ насъ—говоритъ современникъ—радъ былъ въ то время хлопомъ назваться, лишь бы избавиться отъ неволи и уѣхать на родину».Не обходилось безъ столкновеній съ русскими. Приставы жаловались, что поляки ведутъ себя нагло, между собой и со стрѣльцами дерутся и пытаются убѣгать. Присланному на слѣдствіе воеводѣ Михайлу Михайловичу Салтыкову посадскіе люди, напротивъ, доносили, что сами эти приставы дѣлали жителямъ всякія насилія, не спуская женскому полу. Однако, жалобы на намѣреніе бѣжать оказались тогда справедливыми. Дворжицкаго, содержавшагося въ Ярославлѣ, съ тридцатью семью человѣками, за умыселъ бѣжать, сослали въ Вологду и тамъ держали построже, на скудномъ пропитаніи. Нерѣдко русскіе, разгулявшись, не пропускали случая загнуть полякамъ какую нибудь загвоздку. Однажды, напримѣръ, польскіе слуги ѣхали за водою. Толпа русскихъ напала на одинъ, и одинъ, сидѣвшій на конѣ, хлеснулъ плетью поляка, который везъ воду, и закричалъ: «вы, б...... дѣти, съ своимъ разстригою, надѣлали намъ хлопотъ и кровопролитія въ землѣ нашей»! Строго было запрещено передавать полякамъ вѣсти; нѣсколько разъ стрѣльцовъ приводили къ крестному цѣлованію по этому дѣлу, но, по замѣчанію поляка, присягнуть хлопу все равно, что ягоду проглотить. Паны слышали все, что тогда разсказывали по Московской землѣ о спасеніи Димитрія, ихъ веселили вѣсти о томъ, что московское государство возмущается противъ царя Василія Шуйскаго, что войска его разбиваются, что многіе чаютъ пришествія Димитрія. Между прочимъ ихъ навѣщалъ и ободрялъ одинъ католическій монахъ августинскаго ордена, замѣчательной судьбы человѣкъ. Странствовалъ онъ лѣтъ двадцать по Индіи, проповѣдуя католичество; былъ въ Персіи, получилъ отъ шаха проѣзжую грамату въ Россію, и

возвращался чрезъ нее въ Европу. Это было въ царствованіе Бориса. Московское государство не жаловало католическихъ проповѣдниковъ; его за что-то схватили и сослали въ Соловки. Названный царь Димитрій, узнавъ объ немъ, приказалъ привести его къ себѣ. Былъ онъ родомъ испанецъ, и черезъ него царь хотѣлъ завести сношеніе съ Испаніей. Онъ былъ въ дорогѣ, когда Димитрія убили. Царь Василій велѣлъ отправить его въ Борисоглѣбскій монастырь близъ Ростова. Отсюда этотъ монахъ (по имени Николай де Мело) завелъ съ Мнишками тайную переписку; онъ надѣялся впослѣдствіи черезъ Мнишка получить благосклонность польскаго короля, и сообщалъ ему разныя утѣшительныя вѣсти о Димитріѣ *). Такъ проживалъ воевода съ своей родней въ Ярославлѣ до іюня 1608 года. Тогда воеводу, Марину, ихъ свиту, родственниковъ привезли въ Москву. Какъ только новые послы переговорили съ Мнишкомъ и его родственниками, то съ своей стороны стали уступчивѣе. Неволя слишкомъ надоѣла плѣнникамъ: они умоляли поскорѣе чѣмъ бы то ни было покончить, до поры до времени, съ Москвою. Бояре домогались возобновленія двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго Борисомъ. На это послы не согласились: рѣшиться на долговременное перемиріе—значило бы оставить дѣло оскорбленія своихъ соотечественниковъ. Взаимная нужда сблизила споривших. Паны увѣряли, что когда отпустятся прежніе послы и задержанные паны, то дастся приказаніе полякамъ, находившимся въ Тушинѣ, отойти отъ вора.

Въ іюлѣ порѣшили наконецъ съ ними на томъ, что переговоры будутъ продолжаться впослѣдствіи съ цѣлію заключить миръ, или по крайней мѣрѣ двадцатилѣтнее перемиріе, а пока ограничиться на короткій срокъ прекращеніемъ вражды. 23 іюля составили перемирный договоръ на

*) Hist. Rus. Mon. II, 193.

три года и одиннадцать мѣсяцевъ, до 20 іюня 1610 года. Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ поляковъ, задержанныхъ во время убійства бывшаго царя, слѣдовало отпустить и дать имъ все нужное до границы: воевода же обязывался не называть вора Лжедимитрія зятемъ, и Марина должна была отказаться отъ титула московской царицы. Послы должны были требовать, чтобъ Рожинскій и всѣ поляки, служившіе вору безъ королевскаго позволенія, отошли отъ него немедленно и впередъ не приставали бы къ бродягамъ, которые станутъ называться царевичами. Рубежъ оставался въ прежнемъ видѣ. Съ обѣихъ сторонъ договоръ утвержденъ присягою *).

Послы и съ ними задержанные прежніе послы были отпущены въ половинѣ августа. Но Мнишекъ успѣлъ какъ-то дать знать въ Тушино, что они ѣдутъ, и изъявилъ желаніе, чтобъ ихъ перехватили. Съ поляками отправились въ провожатыхъ князь Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій съ тысячью человѣкъ ратныхъ людей. Такъ какъ нельзя было ѣхать прямо на Смоленскъ, то поѣхали на Угличъ, оттуда на Тверь, а изъ Твери на Бѣлую. Послы и воевода благополучно проѣхали Угличъ, Тверь, стали уже приближаться къ Бѣлой. Рожинскій послалъ въ погоню отрядъ, подъ начальствомъ Александра Зборовскаго и Стадницкаго; съ ними поѣхалъ и отрядъ московскихъ людей, подъ начальствомъ князя Василія Мосальскаго, недавно присягнувшаго вору. Отъ имени царя отправился Валавскій, носившій названіе канцлера. Въ тушинскомъ лагерѣ разсуждали и такъ, и иначе. Взять Марину и привезти въ лагерь могло быть съ одной стороны полезно, съ другой — опасно. Нельзя было поручиться, что Марина согласится играть роль жены и признавать обманщика за прежняго своего мужа; за то,

---

*) Польск. дѣла арх. минист. иностр. дѣлъ 27.

еслибъ можно было расположить ее къ этому, то сила самозванца возрасла бы черезъ то. Поляки согласились отправить за ними погоню только для того, чтобъ русскіе повсюду узнали, что царь покушается возвратить себѣ жену, но въ самомъ дѣлѣ у нихъ было даже желаніе, чтобъ этого не случилось, чтобы казалось, будто царь хотѣлъ воротить свою супругу, да не успѣлъ; главное, лишь бы слухъ пошелъ, что царь посылалъ за женою. Димитрій написалъ граматы въ города, признававшіе его: въ Торопецъ, Луки, Заволочье, Невель, о томъ, что отпущены изъ Москвы литовскіе пани и паны; повелѣвалось ихъ задержать и посадить подъ стражу *). Валавскій отправился съ полкомъ своимъ и съ умысломъ пріостановился, чтобъ не дойти до конвоя, за которыми слѣдовали Мнишекъ съ дочерью. Мнишекъ и Олесницкій, конечно, предувѣдомленные, желая, чтобъ ихъ нагнали и взяли, въ селѣ Верховьѣ остановились, упрямились, не слушали конвойныхъ, медлили нарочно, чтобъ дать время и возможность воровскимъ людямъ догнать ихъ. За Валавскимъ шелъ Зборовскій, но и тотъ совсѣмъ не надѣялся, чтобы можно было догнать ихъ, пошелъ за ними будто въ погоню, — и, сверхъ ожиданія и желанія, подъ деревнею Любеницами, наткнулся на нихъ 16 августа. Многіе изъ бывшихъ съ княземъ Долгорукимъ для провожанья Марины и Мнишковъ дѣтей боярскихъ — вязьмичи, смоляне, дорогобужане, съ дороги самовольно разбѣжались и потомъ разъѣхались по своимъ помѣстьямъ. У Долгорукаго оставалось мало людей; онъ не могъ защищаться: не выдержалъ напора. Русскіе ушли. Паны достались своимъ. Въ числѣ ихъ былъ и посолъ Олесницкій. Гонсѣвскій уѣхалъ прежде иною дорогою и уже перебрался за границу.

*) Акт. ист. II. 121.

Недалеко оттуда, въ Царевѣ-Займищѣ, стоялъ Янъ Сапѣга съ семью тысячами удальцовъ, собравшихся съ нимъ идти на Москву. Сапѣга уже извѣстилъ Димитрія, что онъ идетъ къ нему на помощь, а Димитрій уже послалъ ему грамату, гдѣ обѣщалъ пожаловать его такъ, какъ у него и на умѣ нѣтъ, но требовалъ, чтобъ онъ, проходя чрезъ московскія земли, не велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ грабить и насиловать русскихъ жителей. Въ это время Марина, страшась за неизвѣстность своей судьбы, рѣшилась отдаться подъ защиту Сапѣгѣ.

29 августа, Сапѣга пріѣхалъ къ ней въ Любеницы и на другой день привезъ ее въ Царево-Займище, а на слѣдующій день двинулся въ путь къ Тушину. Марина ѣхала съ панами; посланники за нею ѣхали особо отъ Сапѣги, хоть рядомъ съ нимъ. Въ селѣ Сорокинкахъ, 1 сентября, явился къ ней панъ Заблоцкій отъ имени Димитрія, поздравилъ съ освобожденіемъ и приглашалъ къ супругу. Въ Можайскѣ ее встрѣчали съ хлѣбомъ солью, какъ свою государыню *). Она не видѣла трупа Димитрія, и ей могло казаться возможнымъ, что онъ, какъ ее увѣряли, спасся отъ смерти въ страшное утро 17 мая 1606 года, и потому Марина, сидя въ каретѣ, была весела и пѣла. Подъѣхалъ къ ней кто-то и сказалъ: « вы, Марина Юрьевна, веселыя пѣсенки распѣваете—оно бы кстати было веселиться, еслибъ вы нашли въ Тушинѣ вашего мужа; на бѣду, тамъ не тотъ Димитрій, который былъ вашимъ супругомъ, а другой ». Марина, услышавши это, начала плакать. Тутъ подъѣхалъ къ ней одинъ изъ главныхъ пановъ, кажется, Зборовскій, и спросилъ: « что вы такъ грустны? вамъ слѣдуетъ веселиться; вы скоро пріѣдете къ вашему супругу ».—« Мнѣ говорятъ совсѣмъ иное, »—сказала Марина.—Кто сказалъ вамъ иное?

---

*) Diar. Sapiehy.

спросилъ панъ. По извѣстію нѣмецкаго лѣтописца *), сказавшій Маринѣ правду былъ польскій шляхтичъ, и когда присталъ къ нему панъ — тотъ увертывался и говорилъ: «я не утверждалъ, что Димитрій не прежній, а сказалъ, что въ лагерѣ говорятъ, будто онъ не прежній». Это не помогло ему; его связали и въ Тушинѣ съ нимъ раздѣлались. По извѣстію поляка, бывшаго на службѣ вора **) (Мархоцкаго), Маринѣ объявилъ объ этомъ первый князь Мосальскій. Могло быть, конечно, что, услышавши прежде какой нибудь намекъ отъ шляхтича, она спрашивала Мосальскаго, а тотъ объявилъ ей истину. Какъ бы то ни было, женское чувство возмутилось — Марина стала упрямиться и отбиваться.

8 сентября, приближаясь къ Звенигороду, Марина ѣхала въ своей каретѣ, окруженная войскомъ, уже какъ плѣнница. Въ Звенигородѣ она простояла два дня; предлогъ былъ—присутствовать при переложеніи мощей ***); но въ это время она все упрямилась, паны старались ее уломать. Тутъ Мосальскій, объявившій ей, что она встрѣтитъ въ Тушинѣ другаго Димитрія, а не прежняго своего мужа,—увидѣлъ, что ему не сдобровать, и убѣжалъ къ Шуйскому. Марину повезли далѣе: она горько плакала и жаловалась на свою судьбу.

11 сентября (1 ст. ст.) привезли ее къ Тушину. Верстъ за десять выѣхало къ ней двое пановъ съ поздравленіями. Поѣздъ слѣдовалъ далѣе; виднѣлся таборъ,—отъ него было всего двѣ версты. Тогда явился къ царицѣ Ружинскій, извинился за царя, что онъ самъ не выѣхалъ на встрѣчу, потому что нездоровъ, и приглашалъ Марину въ обозъ. Но Марина кричала, что не поѣдетъ ни за что. Везти ее насильно нельзя было, за тѣмъ, что нужно было, что-

*) Buss. 21.

**) Marchoc. 39.

***) Собр. госуд. грам. II, 339.

бы всѣ видѣли нѣжную радость супруговъ при свиданіи. Остановились на берегу Москвы рѣки, на сухомъ лугу, противъ табора. Зборовскій и Стадницкій уѣхали къ своему царику, а Сапѣга принялся уговаривать Марину играть роль.

Марина слышать не хотѣла. Черезъ нѣсколько часовъ Зборовскій, посовѣтовавшись съ царикомъ, снова пріѣхалъ и приглашалъ ѣхать къ царику Сендомирскаго воеводу. Мнишекъ поѣхалъ съ Рожинскимъ. На другой день поѣхалъ, по приглашенію Зборовскаго, къ царику Олесницкій. Какими глазами взглянули въ первый разъ Мнишекъ и Олесницкій на новаго Димитрія — неизвѣстно; но должно быть, не поддались сразу. Олесницкій, представившись Димитрію, обѣдалъ не у него, а у Рожинскаго. 15 сентября (5 ст. ст.), Мнишекъ еще разъ поѣхалъ къ царику: — «это онъ хочетъ узнать, истинный ли онъ Димитрій» — говорили поляки. Въ другое посѣщеніе Мнишекъ сошелся съ воромъ. Новый претендентъ на званіе Димитрія обѣщалъ Мнишку триста тысячъ рублей и въ полное владѣніе Сѣверскую землю съ четырнадцатью городами. Что въ этотъ день Мнишекъ поддался и соблазнился на обѣщанія вора и съ своей стороны продалъ ему дочь — показываетъ то, что на другой день Димитрій уже осмѣлился пріѣхать къ царицѣ. Марина, какъ только увидѣла его, отвернулась отъ него съ омерзѣніемъ и была очень разсержена за то, что онъ осмѣлился явиться къ ней въ качествѣ супруга. Паны надѣялись, что она обойдется, оставили ее подъ стражею, а Сапѣга сталъ показывать царику свое войско.

Между тѣмъ въ Москвѣ отъ Мосальскаго узнали, гдѣ очутился Сендомирскій воевода съ дочерью, и отправили въ Тушино Василія Бутурлина и князя Прозоровскаго. На переговоры съ ними вышли: Мнишекъ, оба брата Вишневецкихъ и Рожинскій; къ сожалѣнію, не осталось подробностей этихъ переговоровъ, извѣстно только, что они ничѣмъ

не окончились. Съ послами Шуйскаго паны обходились дружески *). Самъ Мнишекъ, впослѣдствіи, когда въ Польшѣ на него были обвиненія, увѣрялъ, что въ то время онъ совѣтовалъ московскимъ людямъ отдаться польскому королю и Рѣчи Посполитой. Но этому показанію нельзя придать большой вѣры.

Паны достигли своего и, при помощи нѣжнаго родителя, уговорили Марину. Къ ихъ голосу присоединилъ свой голосъ іезуитъ, увѣряя, что на все должно рѣшаться для блага церкви. Такъ, наконецъ, Марина согласилась играть комедію, но съ условіемъ, что называвшій себя Димитріемъ не будетъ съ нею жить, какъ съ женой, до тѣхъ поръ, пока овладѣетъ Москвою. Есть извѣстіе, что іезуитъ даже обвѣнчалъ ихъ тайно для успокоенія совѣсти.

Въ то же время и посолъ Сигизмунда успокоилъ свою совѣсть; воръ далъ ему грамату на владѣніе городомъ Бѣлою и, на другой день 19 (9 ст. ст.), воръ вмѣстѣ съ Олесницкимъ пріѣхалъ въ одной коляскѣ въ обозъ къ Маринѣ. Послуживши такимъ образомъ съ своей стороны обману, Олесницкій на другой же день (10 сентября) уѣхалъ изъ табора. Съ нимъ собрались въ отечество многіе изъ бывшихъ въ плѣну съ 1606 г. и большая часть женскаго двора Марины, но едва они уѣхали верстъ пятнадцать отъ обоза, какъ разнесся слухъ, что Шуйскій послалъ татаръ перерѣзать ихъ. Тогда отъ страху большая часть бѣжала назадъ въ таборъ, но Олесницкій сказалъ, что не вернется назадъ, что бы съ нимъ ни случилось. Онъ благополучно добрался до Польши.

Въ тотъ же день, проводивши Олесницкаго, Сапѣга торжественно, съ распущенными знаменами, повезъ Марину въ воровской таборъ и тамъ, посреди многочисленнаго войска,

*) Diar. Sapiehy.

Димитрій и Марина бросились другъ другу въ объятія.... плакали, восхваляли Бога за то, что далъ имъ снова соединиться. Многіе умилялись, смотря на такое трогательное зрѣлище, и говорили: «ну, какъ же послѣ этого не вѣрить, что онъ настоящій царь Димитрій?!» Шляхтича, который объявилъ на дорогѣ Маринѣ, что въ Тушинѣ другой Димитрій, посадили на колъ.

Послѣ этого паны на радостяхъ нѣсколько дней праздновали и пировали. Рожинскій угощалъ Сапѣгу, Сапѣга Рожинскаго. Оба вождя поклялись въ вѣчной дружбѣ и помѣнялись саблями въ знакъ побратимства. Сапѣга пьяный посѣтилъ царицу въ ея новомъ жилищѣ въ таборѣ и до того нагрузился, что, ворочаясь отъ царицы, упалъ съ лошади и ушибся. Царь также дѣлалъ пиры, но не умѣлъ угодить полякамъ. Они говорили: — «его московскія кушанья грубыя, простыя; медовъ и лакомствъ даетъ мало и скупо; настоящее италіанское угощеніе!» А въ добавокъ ихъ покоробило, когда воръ пилъ за здоровье Сигизмунда III, короля польскаго, и назвалъ его своимъ братомъ. «Это онъ на Господа Бога хулу произноситъ!»—говорили поляки *).

Не всѣмъ можно было зажать ротъ. Изъ поляковъ очень многіе знали, что̀ происходило передъ тѣмъ; знали, какъ Марина упрямилась и не хотѣла признавать бродягу за своего прежняго мужа; вѣсть объ этомъ распространилась въ войскѣ, и, по сознанію соучастника и очевидца, прибытіе Марины вначалѣ скорѣе подорвало вѣру въ дѣйствительность царя Димитрія, чѣмъ укрѣпило ее. Но большинству и не нужно было, чтобъ онъ былъ тотъ самый, который царствовалъ прежде. На него смотрѣли какъ на орудіе, и ему вовсе и не желали царствованія, а разсчитывали, что именемъ его можно свергнуть Шуйскаго, отомстить за

*) Dyar. Sapiehy.

оскорбленіе поляковъ и поживаться на счетъ Московскаго государства, а тамъ — будетъ, что будетъ. Совершенно невѣроятнымъ казалось, чтобъ на престолѣ усидѣлъ тотъ, котораго никто изъ видѣвшихъ перваго Димитрія не могъ считать за одно лицо съ нимъ. Вѣроятно и Марина вытребовала у него условіе жить съ нею не по-супружески оттого, что считала этого человѣка нужнымъ только до времени *).

---

*) Тѣмъ не менѣе, католическая пропаганда хотѣла тогда воспользоваться для своихъ видовъ, на будущее время, путаницею въ Московскомъ государствѣ и считала, какъ видно, возможнымъ, что называвшій себя Димитріемъ въ самомъ дѣлѣ можетъ царствовать на Московскомъ престолѣ. Написанъ былъ проектъ, котораго значительная часть дошла до насъ, хотя во многихъ мѣстахъ въ испорченномъ видѣ; онъ писанъ былъ на польсколатинской смѣси и раздѣленъ на параграфы. Шестой (первыхъ пяти мы не видали) толкуетъ о томъ, что московскій царь не имѣетъ права на цесарскій титулъ, но подаетъ ему надежду пріобрѣсти посредствомъ уніи королевскій, а впослѣдствіи даже императорскій. Внушается предложеніе, что, по поводу распространенія ереси въ Нѣметчинѣ, австрійскій домъ можетъ потерять цесарское достоинство, и тогда можно передать его тому, кто отличится въ ревности къ защитѣ римской церкви. Седьмой — чтобы государственныя должности въ Московскомъ государствѣ давались не по роду, а по вниманію къ заслугамъ, съ цѣлію такимъ образомъ проводить унію (ad scopam unionis) и такъ устроить, чтобъ, какъ государь свой королевскій титулъ, такъ думные люди сенаторскій титулъ, получали по вниманію къ уніи, чтобы сенаторскіе титулы слѣдовали за государскимъ, то есть, чтобы все исходило отъ верховнаго первосвященника; обѣщать туземцамъ всякія преимущества въ постановленныхъ судахъ, совѣтахъ и пр., лишь бы склонялись къ уніи. Въ восьмомъ и девятомъ говорится объ отдаленіи духовныхъ и бояръ отъ царя. Вмѣсто ихъ слѣдуетъ приблизить людей годныхъ и вѣрныхъ, но прежнихъ не забывать совершенно, а допускать поперемѣнно къ себѣ изъ нихъ; не слѣдуетъ дѣлать частыхъ угощеній, ибо это, кромѣ издержекъ, довело до настоящей трагедіи. Надъ думными, удаленными отъ двора, слѣдуетъ наблюдать и запрещать имъ собранія. Десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый предлагаютъ средства къ устроенію двора и обереганію особы царской. Надобно удалить огромное число стольниковъ и замѣнить ихъ простыми и учтивыми людьми; такимъ образомъ и царица можетъ соблюдать польскій образъ жизни безъ поразительнаго измѣненія старинныхъ обычаевъ, и сами москви-

Мнишекъ прожилъ около четырехъ мѣсяцевъ въ тушинскомъ лагерѣ, а потомъ уѣхалъ въ Польшу. Онъ, какъ ка-

тяне станутъ это переносить; увидавши, что царица и съ нею польскіе паны ѣдятъ съ тарелокъ, и сами велятъ себѣ подавать тарелки; нужно царю такую стражу, которая бы не пускала никого въ Кремль, какъ прежде было. Чужеземцевъ выбрать на половину. Въ тѣлохранители и комнатные служители выбирать должно католиковъ, если, какъ надѣемся, введется унія. Изъ москвитянъ допускать только склонныхъ къ уніи, которые бы, послѣ бесѣдъ съ нашими людьми, хотѣли слушать наше богослуженіе и проповѣди; пусть отъ подданныхъ, а не отъ государя, начнется рѣчь объ уніи, а самъ государь будетъ скорѣе посредникъ и судья, чѣмъ дѣятель и поощритель. Между нашими много такихъ, которыхъ нравы возбудили ненависть москвитянъ; надобно, чтобъ находящіеся при царѣ и царицѣ католики не навлекали укора святой вѣрѣ и уніи. Полякамъ слѣдуетъ раздавать самыя ближайшія придворныя должности, а москвитянамъ почетнѣйшія. Поляки должны брать слугъ и мальчиковъ изъ москвитянъ, а царица также изъ московскихъ домовъ должна брать къ себѣ во дворъ молодежь, какъ мужескаго пола, такъ и женскаго. Поляки съ собой, если можно, пусть возьмутъ въ Польшу дѣтей знатныхъ фамилій, чтобъ измѣнить ихъ нравы и религію, да и для вѣрности. Тринадцатый параграфъ говоритъ коротко о томъ, что слѣдуетъ дѣлать тайный розыскъ о тайныхъ заговорщикахъ и соучастникахъ, наблюдать за приближенными, чтобъ знать, что кому нужно довѣрить. Въ четырнадцатомъ — о назначеніи особъ для пріема челобитенъ. Въ пятнадцатомъ говорится, что канцелярскія дѣла должны производиться на отечественномъ, а не на латинскомъ языкѣ, но царю должно держать около себя знающихъ латинскій языкъ, непремѣнно католиковъ, а не аріанъ или какихъ нибудь другимъ еретиковъ. Въ параграфахъ, съ шестнадцатаго до двадцатаго включительно, объ обезпеченіи царицы: она должна имѣть около себя достойныхъ священниковъ; сенаторы и подданные вообще должны ей принести присягу въ послушаніи; одинъ списокъ этой присяги долженъ быть въ Польшѣ; думные люди за своими подписями должны дать ей въ вѣно пограничныя области, куда чиновники назначались бы ею; сверхъ того ей слѣдуетъ купить маетность въ польскихъ владѣніяхъ по сосѣдству съ тѣми, которыя ей уступлены въ Московскомъ государствѣ. Въ двадцать первомъ предлагается перенести, хотя на время, столицу изъ Москвы по близости къ границѣ польской, въ слѣдующихъ видахъ: 1) удобнѣе пригласить чужеземное войско и получить помощь отъ союзниковъ; 2) въ случаѣ переворота, царицѣ удобнѣе убѣжать въ Польшу съ сокровищами 3) міръ московскій лучше будетъ уважать царя, когда онъ въ отдаленіи; 4) объ уніи легче вести переговоры, также строить семинаріи для обученія московскаго юношества и отправлять молодыхъ людей

жется, не могъ рѣшиться въ Польшѣ объявить тушинскаго вора однимъ лицомъ съ прежнимъ своимъ зятемъ. Совре-

въ Вильно или куда нибудь въ другое мѣсто, ради измѣненія вѣры и нравовъ. Далѣе, въ спискѣ намъ извѣстномъ опять перерывъ: видно, что тутъ слѣдовалъ проектъ водворенія европейскаго просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ, изъ котораго остались нѣкоторые пункты. Предлагается искорененіе предразсудковъ, происходящихъ отъ невѣжества, которое такъ велико, что простые люди не имѣютъ понятія, что̀ такое грѣхъ и вѣра, не знаютъ десяти заповѣдей; пастыри невѣжды, ничему не учатъ и сами ничего не знаютъ; проповѣди не говорятъ, исповѣдывать не умѣютъ; нужно завести училища, водворить воспитаніе людей науки, юристовъ, медиковъ, политиковъ, историковъ, богослововъ, ораторовъ, математиковъ, людей способныхъ къ посольскому дѣлу; обратить имѣнія духовенства на добро отечества, на воспитаніе юношества и на поддержаніе убогихъ и пр. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ видно, между прочимъ, что проектъ этотъ списанъ еще до гибели царевича Петрушки, или по крайней мѣрѣ тогда, когда еще не знали достовѣрно о его гибели. Говорится, что сынъ старшаго брата Димитрія имѣетъ болѣе его правъ на престолъ по первородству, но это должно расположить Димитрія къ принятію уніи, потому что тогда за нимъ, какъ за правовѣрующимъ, останется первенство. Вслѣдъ за тѣмъ пространное разсужденіе о томъ, что царю выгодно будетъ принять унію. Въ концѣ проекта приложенъ способъ, какъ вести дѣло уніи. Предлагаются слѣдующія средства: запретить еретикамъ пріѣзжать въ Московское государство, выгнать скитальцевъ чернецовъ, прибывающихъ изъ Константинополя съ турецкими переводчиками, заградить путь къ козням польской Руси, ибо отъ этой Руси сталось кровопролитіе, такъ что самъ царь едва ушелъ, и возникла бо̀льшая чѣмъ прежде ненависть къ уніи; надобно знать, съ кѣмъ говорить, и умѣть молчать, когда требуетъ этого дѣло; держать при царѣ очень мало католическихъ духовныхъ, а письма о предметахъ вѣры писать и посылать осторожно; не заговаривать самимъ объ уніи съ ними, а стараться, чтобъ сами схизматики стали дѣлать предложенія первые не объ уніи, а о разныхъ преобразованіяхъ въ религіи; къ этому же можно побудить, начавши слѣдствіе о бывшемъ заговорѣ, гдѣ участвовали духовные, и такимъ образомъ дойдетъ дѣло до преобразованія клира въ ученіи и нравахъ. Слѣдуетъ возбудить вопросъ: справедливо ли имъ зависѣть отъ царьградскаго патріарха и откуда его власть надъ ними. Отчего подъ этой властію у нихъ молодежь не учатъ, какъ у еретиковъ и въ иныхъ краяхъ; хотя у духовенства большіе доходы, да только они не идутъ на духовное воспитаніе и образованіе къ славѣ божіей и къ просвѣщенію душъ человѣческихъ. Отчего нѣтъ наукъ, какъ было при св. Василіѣ, Златоустѣ, Николаѣ и другихъ святыхъ отцахъ, которые и сами были ученые люди, и другихъ учи-

менный стихоплетъ, писавшій въ тотъ самый годъ, говоритъ, что воевода, возвращаясь изъ неволи въ свой Сам-

---

ли, и повелѣвали учиться. Видно, что латинскій костелъ лучше, когда тамъ такъ много людей достойныхъ, знающихъ языки еврейскій, греческій и разныя науки: права, исторію, риторику. Нужно бы имъ, по примѣру древнихъ патріарховъ, которые жили еще до разъединенія церквей и прежде турецкаго господства, ввести преобразованія вѣры и нравовъ, завести семинаріи, коллегіи; слѣдуетъ для примѣра приводить въ сравненіе порядокъ римско-католической церкви, указывать на ошибки въ уставахъ и правилахъ, о чемъ давно уже константинопольскіе патріархи, какъ Герберштейнъ пишетъ, посылали требовать исправленія, ошибки, противныя греческой церкви и соборамъ, которыхъ постановленія они принимаютъ, и поэтому установить законъ, чтобъ все было возстановлено по образцу соборовъ и греческихъ отцовъ церкви, и чтобы устройствомъ занимались люди, расположенные къ уніи, а такимъ путемъ нападутъ они и на утаенные доводы о первенствѣ римскаго первосвященника, которымъ они противное утверждаютъ. По этому поводу начнется у нихъ споръ; пошлютъ депутатовъ къ государю, а государь соборъ назначитъ, а тамъ, при Господней помощи, и къ уніи можно будетъ приступить. Но прежде всего нужно соборными постановленіями и сочиненіями греческихъ отцовъ церкви указать имъ ихъ заблужденія: въ чемъ они отступили отъ церкви. На высшія духовныя должности поставить людей, расположенныхъ къ уніи, что легко сдѣлать царю: духовныхъ подманивать привилегіями, свѣтскихъ—достоинствами; народу внушать, что ему облегчится работа и дастся свобода, какая существуетъ въ римской церкви, что слуги у господина не вѣчны; всѣмъ припоминать неволю грековъ: праведно было бы ихъ освободить; объ этомъ надлежитъ помышлять Московскому государству, потому что оно оттуда получило вѣру, а для этого нужна унія съ христіанскими государями. На этотъ же конецъ, пусть при царицѣ будутъ находиться искусные священники, которые должны указывать суть дѣла, соображаясь съ теченіемъ времени, письменно и словесно, отнюдь не преувеличивая ничего; изъ нихъ одинъ пусть будетъ грекоуніатъ, а то хоть и два. Слѣдуетъ призвать ученыхъ, хотя бы и свѣтскихъ, для учреждаемыхъ семинарій, чтобъ учили философіи; слѣдуетъ отправить подъ какимъ либо инымъ предлогомъ молодыхъ людей учиться въ Вильну или же туда, гдѣ вовсе нѣтъ схизматиковъ, напр. въ Италію, въ Римъ, въ греческую семинарію; а равно хорошо было бы, еслибъ господа поляки набрали съ собою здѣшней молодежи и отдали въ Польшѣ учиться отцамъ іезуитамъ. Такіе воспитанники могли бы много уступить, будучи одного языка и одной націи съ московитянами, да и господамъ полякамъ это великая заслуга. Немедленно построить костелъ или монастырь въ Москвѣ ради царицы и находящихся тамъ поляковъ, а

боръ, заѣзжалъ въ польскій обозъ подъ Москвою, но не нашелъ тамъ царя. Между Мнишкомъ и дочерью возникли холодныя отношенія. Черезъ нѣсколько времени Марина писала отцу *): «я нахожусь въ печали какъ по причинѣ вашего отъѣзда, такъ потому, что простилась съ вами не такъ, какъ бы хотѣла; я желала получить изъ вашихъ устъ родительское благословеніе, но видно я того недостойна». Она просила простить ее, если, когда либо она по глупости, молодости или по злости оскорбила отца. Но отвѣта не получила Марина. Просила она чернаго бархату на постное платье, просила хлопотать о дѣлахъ своихъ, но проходили мѣсяцы: Мнишекъ не писалъ къ ней, и въ концѣ августа 1609 г. Марина умоляла отца написать и жаловалась, что, не смотря на множество писемъ своихъ, она не получила никакого отвѣта, и что только отъ чужихъ узнавала объ отцѣ. Видно, что Мнишекъ, сообразивъ, что дѣло тушинскаго вора въ Польшѣ не можетъ обратиться въ его пользу, игралъ тамъ роль, какъ будто не участвуетъ въ обманѣ и не одобряетъ поступковъ дочери, и такимъ образомъ покинулъ ее совершенно на произволъ судьбы.

московитянамъ не слѣдуетъ запрещать слушать наше богослуженіе, тѣмъ болѣе что у нихъ еретикамъ дозволено имѣть свой соборъ. Но паче всего надлежитъ слѣдить за ходомъ настоящаго предпріятія возвратить царю потерянное государство; если та же сила, которая возвратитъ ему государство, будетъ охранять его особу, то вотъ и готово основаніе для уніи, особенно когда государю необходимо будетъ утвердить свою власть, а на это потребна унія, какъ сказано.

Этотъ проектъ находится въ рукописи болѣе поздняго списка въ Библіотекѣ Красинскихъ.

*) Отъ 23 марта 1609 (Собр. госуд. грам. и дог. II. 359). Ранѣе того есть ея письмо отъ 26 января 1609. (ibid. 353).

V.

Обращеніе Шуйскаго къ шведамъ.—Картина Тушинскаго табора.— Виды Сапѣги на Троицкій монастырь.—Битва при Рахманцахъ.— Московскіе и тушинскіе перелеты.

Въ печальныхъ обстоятельствахъ, Шуйскій рѣшился обратиться къ чужой помощи. Еще въ 1607 году шведы предлагали Московскому государству содѣйствіе и пособіе. Выборгскій комендантъ писалъ къ корельскому воеводѣ князю Мосальскому и предлагалъ помощь. По приказанію Шуйскаго, отвѣтъ былъ данъ не только отрицательный, но надменный. «По божіей милости у насъ всѣ служатъ великому государю царю и великому князю Василью Ивановичу, и нѣтъ никакой розни между нами и впередъ не будетъ; а вы, не вѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйскія слова». Воевода, скоро послѣ того отпавшій отъ Шуйскаго, увѣрялъ, что у государя московскаго есть многія собственныя рати, и онъ не нуждается въ наемныхъ. Чрезъ нѣсколько времени, король шведскій, зная печальное положеніе Россіи, послалъ гонца къ самому царю. Правительство московское рѣшилось скрывать отъ сосѣдей свою бѣду и притворяться сильнымъ. Царь въ то время стоялъ подъ Тулою противъ Болотникова. По его приказанію, бояре въ Москвѣ говорили гонцу, будто царь пошелъ въ походъ противъ крымскаго хана. Они на этотъ разъ обошлись вѣжливо со шведами, благодарили короля за предложеніе помогать, но увѣряли, что въ ихъ государствѣ нѣтъ такой смуты: если и были воры и разбойники, то ихъ уже побили. «Объявляемъ — было сказано въ отвѣтъ — что недруга у насъ никакого нѣтъ, а хотя какой пограничный государь и помыслитъ какую недружбу начать, намъ это не страшно: мы помощи

чаемъ отъ единаго Бога, и самому тебѣ извѣстно, что у нашего государя многія несчетныя русскія и татарскія рати *)». Но когда тушинскій воръ сталъ подъ Москвою, когда съ каждымъ днемъ прибывали къ нему польскія дружины, югъ отпалъ отъ царя, на востокѣ города стали колебаться, въ самой Москвѣ стали думать и такъ и иначе, тогда Шуйскій вспомнилъ о шведской помощи и отправилъ князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ, чтобъ оттуда начать переговоры со Шведами. Новгородъ держался крѣпко Шуйскаго; была надежда на этотъ городъ и его землю. Можно было собрать ополченіе, а между тѣмъ Скопинъ долженъ былъ послать посольство въ Стокгольмъ и уговориться насчетъ присылки шведскаго войска.

Войско царика, стоя въ Тушинѣ, увеличивалось безпрестанно приходящими поляками. Большая часть этого войска состояла изъ сбродныхъ командъ, составленныхъ на свой счетъ панами или же служившихъ каждая на свой счетъ—товариществомъ; къ нимъ собирались шляхтичи и назывались товарищами; какъ вообще въ польскомъ войскѣ, такая команда составляла—конфедерацію, устанавливала правила, какъ имъ поступать и вести себя, и обязывались присягою повиноваться избранному предводителю. Сверхъ того въ обозѣ было множество пахолковъ и слугъ. Конные носили названіе гусаръ, панцырныхъ и казаковъ. Гусары были вооружены длинными копьями, которыхъ концы волочились по землѣ, почему они назывались влочнями; на этомъ копьѣ, воткнутомъ у луки сѣдла, привѣшенъ былъ двуцвѣтный значокъ. Кромѣ копья, у гусара былъ палашъ, называемый тогда концеръ, и маленькое ружье. На головѣ у него былъ желѣзный шишакъ, на тѣ-

*) Дѣла Шведскія. Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ.

лѣ сѣтка; у однихъ сѣтка была изъ плетеной проволоки, у другихъ изъ желѣзныхъ колецъ, а у многихъ были панцыри изъ бляхъ; на ногахъ полусапожки съ особеннымъ родомъ шпоръ, называемыхъ гусарскими; на лошадяхъ у нихъ—гусарскія сѣдла накладывались на звѣриныя шкуры, у знатныхъ леопардовыя, у пахолковъ заячьи и волчьи; для красы придѣлывали къ бокамъ коня большія орлиныя крылья. Казацкое оружіе было короткое копье, полгакъ и сѣкира. Сабли были равномѣрно и у гусаровъ, и у казаковъ. Любимый цвѣтъ жупановъ или внутреннихъ одеждъ былъ бѣлый, а верхній плащъ, накинутый сверхъ вооруженія, былъ голубой или синій. Таковъ былъ наружный видъ поляковъ, служившихъ тогда въ Тушинѣ. Запорожцы, вооруженные самопалами и копьями, узнавались съ перваго взгляда по широкимъ краснымъ шароварамъ, чернымъ киреямъ и большимъ бараньимъ шапкамъ. Донцы и московскіе люди были одѣты чрезвычайно разнообразно, смотря по состоянію, и отличались издали по своимъ колпакамъ, высокимъ воротникамъ и собраннымъ въ складки длиннымъ рукавамъ. Многіе изъ нихъ были вооружены луками и колчанами со стрѣлами за плечемъ. Пестрота была чрезвычайная, какъ въ одеждѣ, такъ и въ нравахъ, и въ рѣчи. Всего болѣе должна была слышаться тамъ рѣчь южнорусская, потому что изъ южной Руси было больше половины народа. Всего войска въ Тушинѣ было: поляковъ до 18,000 конницы и 2000 пѣхоты, да сверхъ того запорожскихъ казаковъ тысячъ тридцать и донскихъ пятнадцать. Затѣмъ слѣдуетъ прибавить московскихъ людей неопредѣленное число. Сами предводители не знали, сколько ихъ было, ибо они убывали, другіе прибывали. Главная сила вора была въ казачествѣ, которое стремилось къ ниспроверженію прежняго порядка и установленію казацкой вольницы; это совершенно сходилось съ задушевными стремленіями черни.

У казаковъ, постоянно поддерживаемыхъ приливомъ всего, что не уживалось въ Польшѣ, Литвѣ и Московскомъ государствѣ, образовался, хотя неясно и неопредѣленно, свой образецъ общественнаго строя: отсутствіе родовитости и равенство по происхожденію, отсутствіе писаннаго закона и замѣна его волею общества, выборная власть и выборный судъ — и личное право каждаго идти куда угодно.

Наступила осень. Стали поляки думать, какъ имъ зимовать? Нѣкоторые совѣтовали стать около столицы въ волостяхъ: другіе представляли, что раздѣлить такимъ образомъ силы опасно; большинство положило на томъ, что слѣдуетъ остаться зимовать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ. Тогда начались постройки, и Тушино стало обращаться въ городъ очень быстро. Построили изъ хвороста съ соломой загоны или конюшни для лошадей. Для людей вырыли землянки и въ нихъ устроили печи. Тѣ, которые были познатнѣе и побогаче, привозили изъ ближнихъ селъ и деревень избы и ставили ихъ себѣ въ обозѣ; у иныхъ были и погреба при избахъ. Для царя и царицы построили просторное строеніе. Тушино сдѣлалось и мѣстомъ торговли: набралось купцовъ тысячъ до трехъ; они стояли особымъ обозомъ отъ военнаго, и тамъ продавалась всякая всячина. Гультаи жили весело и шумно; водки и пива было разливное море, какъ говорится. Ротмистры отправлялись по окрестностямъ, приказывали курить вино и варить пиво на войско, и русскіе приготовляли все это на нихъ; поляки поселялись въ селахъ и гоняли русскихъ на винокурни и пивоварни, а собираемые запасы отправляли въ таборъ: туда привозили печеные хлѣбы, житные боханами, а пшеничные калачами и булками, масло, соль, овесъ. Для мяса гнали быковъ, барановъ и гусей. Игра въ карты и кости забавляла гультаевъ и доводила ихъ до дракъ и убійствъ: а это также разнообразило жизнь. Съ панами были цѣлыя

псарни, и они гонялись за звѣрьми, по окрестнымъ лѣсамъ, которыхъ въ то время было изобиліе. Но болѣе всего веселили жизнь воиновъ Димитрія женщины. Ихъ было тамъ множество. Туда изъ Литвы, Польши и Московскаго государства стекались толпами распутныя женщины, почуявъ лакомую жизнь. Сверхъ того удальцы хватали русскихъ женъ и дѣвицъ: отцы и мужья приходили ихъ просить, а жолнѣры не иначе отпускали ихъ, какъ за деньги, да еще часто такъ, что возьмутъ деньги, а женщины не отпустятъ и говорятъ, что не получали денегъ, да въ другой разъ возьмутъ и отпустятъ за деньги, а потомъ гонятся за отпущенными и снова отнимутъ, и говорятъ, чтобъ въ третій разъ внесли деньги, и снова надобно выкупать. Сами женщины не рѣдко освоивались съ жизнію въ лагерѣ, привязывались къ молодцамъ, и когда мужья и отцы выкупали ихъ, то они сами бѣжали и вѣшались на шеи любовниковъ. « Охъ! » — кричали онѣ, по выраженію современника — « вы — свѣтъ-благодѣтели! » — Были онѣ — говоритъ онъ *) — очарованы волшебствомъ и оттого изгарали сердца ихъ. » Такой видъ получило Тушино въ концѣ осени.

Сапѣга хотя и подружился съ Рожинскимъ, но честолюбіе не позволяло ему признавать его власть, да и чью бы то ни было. Онъ вызвался взять Троицкій монастырь. Это были важно для видовъ поляковъ. Троицкій монастырь стоялъ на дорогѣ изъ Москвы въ Заволжскій край; по этой дорогѣ привозили въ Москву запасы; по этой же дорогѣ въ тушинскій лагерь должно было доставляться продовольствіе. Овладѣть этой дорогой значило обратить въ свою пользу главный продовольственный путь и затруднить его непріятелю. Поэтому, даже не взявши Троицы, было выгодно поставить подъ монастыремъ войско, чтобъ не до-

*) Палиц. 40.

пускать подвоза къ столицѣ. Но взять монастырь было выгодно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, монастырь былъ богатъ; приманчиво было завладѣть его сокровищами и деньгами; но еще болѣе онъ былъ важенъ въ нравственномъ отношеніи: это было самое святое мѣсто Московскаго государства. Монастырь былъ за Шуйскаго и поддерживалъ падавшее его значеніе на Руси. Архимандритъ Іосифъ и келарь Авраамій Палицынъ разсылали по Руси граматы, возбуждали вѣрныхъ стоять за царя Василія и не довѣрять прельщеніямъ обманщика. Въ Новгородъ, въ Вологду, на край студенаго моря, въ страны Поволжскія, въ Казань, Нижній Новгородъ и даже въ далекую Сибирь достигали ихъ посланія, и если гдѣ русскіе колебались отпасть отъ Шуйскаго, то часто именно потому, что Сергій и Никонъ чудотворцы — за него; ополченія шли къ Москвѣ и, проходя мимо Троицы, заходили въ обитель и тамъ получали благословеніе и ободреніе; монастырь не жалѣлъ своихъ сокровищъ на пожалованье ратнымъ людямъ, содержалъ у себя ратную силу и кормилъ ее на свое иждивеніе. Святыхъ Сергія и Никона народное вѣрованіе считало дарователями побѣдъ. Димитрій выросъ бы высоко, еслибъ въ этомъ монастырѣ, вмѣсто Шуйскаго, молились за него и желали добра ему.

Ближайшимъ поводомъ къ походу подъ Троицу тогда послужило то, что монахи, вышедши изъ стѣнъ своей обители и изъ лѣсовъ, нападали на гонцовъ, отправляемыхъ отъ имени Димитрія по русскимъ землямъ. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Сапѣга говорилъ: «Царь Димитрій Ивановичъ! стужаютъ твоему благородству эти сѣдые грайвороны, гнѣздящіеся въ своемъ каменномъ гробѣ? Они намъ дѣлаютъ всякія пакости. Слухъ носится, что ждутъ князя Михайла Скопина со шведами; когда они придутъ, то займутъ троицкую твердыню и могутъ быть намъ опасны. Пока

еще они не окрѣпли, пойдемъ смиримъ ихъ; а если не покорятся, то мы разсыпемъ по воздуху ихъ жилища.»

Подъ Троицу отправился Сапѣга со своими *сапѣжинцами*, и къ нему присталъ Лисовскій, у котораго было тысячъ до шести казаковъ, разнаго сброда московской земли удальцовъ изъ украинныхъ странъ *). Переметчики донесли въ Москву, что къ Троицѣ идетъ Сапѣга, и государь тотчасъ послалъ въ погоню за Сапѣгой войско подъ главнымъ начальствомъ брата своего Ивана. Сапѣга уже былъ за десять верстъ отъ Троицы, какъ услышалъ, что московское войско идетъ за нимъ; онъ поворотилъ назадъ и дошелъ до деревни Рахманцы. Произошла битва; сначала московскіе люди, бывшіе съ Лисовскимъ, отступили передъ своими земляками; потомъ, передовой полкъ московскаго войска, подъ начальствомъ Григорія Ромодановскаго, сцѣпился съ казаками; подались и казаки. Но потомъ Сапѣга двинулся самъ съ гусарами и пятигорцами и поправилъ свое дѣло. Сторожевой полкъ Ѳедора Головина дрогнулъ, смѣшался, побѣжалъ, наперъ на большой полкъ, и тотъ

*) Въ дневникѣ Сапѣги такъ пересчитываютъ отдѣлы войска, пошедшаго подъ Троицу:

Два корнета, казаковъ по сту въ каждомъ.
Хоругвь казацкая, полкъ Буіавскаго 100 конныхъ.
Сотня пѣхоты голубой (одежды).
120 конныхъ пятигорскихъ Дзѣвалтовскаго.
Пана Мирскаго 100 конныхъ.
Пана Колецкаго 150 конныхъ.
Двѣ хоругви пѣхоты по 250 (красной).
Полкъ гусаровъ подъ двумя хоругвями 250 конныхъ.
Пятигорцевъ 200 конныхъ.
Казаковъ подъ двумя хоругвями 250 конныхъ.
Лисовскій съ москвитянами 6,000.
Полкъ Яроша Стравинскаго, копѣйники 500 конныхъ.
Полкъ Марка Валамовскаго 700 конныхъ.
Полкъ казаковъ 200 конныхъ.
Весь полкъ пана Сапѣги съ пушками.
Полкъ пана Микулинскаго, копѣйниковъ 700 конныхъ, казаковъ 300.

пришелъ въ безпорядокъ. Русскіе были разбиты совершенно. Только князь Григорій Ромодановскій, у котораго тогда убили сына, показалъ, говоритъ лѣтописецъ, «храбрость и дородство». Тогда нахватали плѣнныхъ и въ числѣ ихъ поляковъ, которыхъ цѣлая хоругвь служила Шуйскому *).

Сапѣга, отдѣлавшись отъ непріятеля, повернулъ назадъ по своей дорогѣ, и на другой день, 23-го сентября, дошелъ до Троицы.

Эта новая потеря еще болѣе повредила Шуйскому. Въ его войскѣ были новгородцы, псковичи, дворяне и дѣти боярскіе заволжскихъ уѣздовъ. Отъ безпрестанныхъ неудачъ они потеряли надежду; они услышали, что въ разныхъ краяхъ Руси бродятъ поляки, что уже многіе города отступились отъ Шуйскаго, и самовольно разъѣхались по домамъ, Трудно было удержать ихъ, когда они боялись за оставленныя семейства и каждую минуту могли опасаться, что противная сторона отмститъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ за ихъ службу Шуйскому. Нельзя было поручиться, чтобы край, сегодня вѣрный Шуйскому, не измѣнилъ ему завтра. Шуйскій (говоритъ лѣтописецъ**) видѣлъ, что надъ нимъ гнѣвъ Божій: то обращался къ церкви и молитвѣ, то призывалъ волшебницъ и гадальщицъ, то казнилъ измѣнниковъ, то объявлялъ москвичамъ: «кто мнѣ хочетъ служить, пусть служитъ и сидитъ въ осадѣ; а кто не хочетъ,—пусть идетъ теперь же; а оставшись, пусть послѣ не бѣгаетъ: я никого не силую.» — «Мы всѣ готовы помереть за домъ Пресвятыя Богородицы!» — кричали москвичи. Никто не осмѣлился явно сказать, что не желаетъ Шуйскому служить: боялись, что Шуйскій хочетъ только этимъ путемъ узнать своихъ недоброхотовъ. Всѣ цѣловали крестъ на вѣрность

*) Никон. лѣт. 101. — Dyar. Sapiehy.
**) Хроногр. Арх. комм. — Ник. 101.

царю. Но очень многіе на другой день послѣ того бѣжали въ Тушино. Не то, чтобъ тутъ была какая нибудь вѣра въ Димитрія; не всѣхъ и ненависть къ Шуйскому побуждала бѣжать. Многіе такъ поступали отъ нечего дѣлать, ради пробы выгодъ. Побывавши въ Тушинѣ, ворочались въ Москву, а потомъ, поживши въ Москвѣ, снова ѣхали въ Тушино. Послужатъ Димитрію — воротятся къ Шуйскому; потомъ опять ѣдутъ, признаютъ вора Димитріемъ; а когда у Димитрія имъ надоѣстъ, — пріѣзжаютъ снова съ повинною на вѣрную службу Шуйскому. Для ратныхъ людей ни Димитрій, ни Шуйскій не имѣли авторитета законности: и тотъ и другой давали жалованье; получивъ жалованье отъ Шуйскаго, бѣглецы получали жалованье въ Тушинѣ, а потомъ ворочались, выпрашивали прощеніе и служили Шуйскому, пока имъ давалось жалованье отъ Шуйскаго; и такъ случалось, что иной москвичъ разъ пять или шесть бѣгалъ изъ Москвы въ Тушино и ворочался назадъ. Такимъ образомъ, москвичи-торговцы привозили изъ Москвы въ Тушино и припасы, и одежду, и лекарства, брали за это хорошія деньги, и Тушино было въ изобиліи, а Москва день-ото-дня терпѣла недостатокъ; только московскіе торговцы, разживаясь въ Тушинѣ, сберегали копѣйку про черный день. При этомъ происходило по нѣскольку разъ цѣлованіе креста: бѣглецъ, пришедши въ Тушино, цѣловалъ крестъ царю Димитрію; когда ворочался съ повинною, то цѣловалъ крестъ царю Василію. Такихъ называли перелетами. Удостовѣрившись въ ихъ непостоянствѣ, поляки и казаки не стали дорожить ими и презирали ихъ. Чувства долга не оказалось въ наличности. Родственники и даже родители отпускали такимъ образомъ своихъ кровныхъ, говоря: «если возьмутъ Москву, намъ будетъ легче, когда родня наша служитъ въ Тушинѣ.» Очень много бѣжало къ вору холопей. Тогда-то, вѣроятно, чтобъ приманить отходящихъ отъ

вора, установленъ законъ, что холопи, убѣжавшіе отъ своего господина воровствомъ, если ворочались и приносили вину свою, то ихъ слѣдовало отпускать на волю, а не отдавать прежнимъ господамъ. Отъ этого дѣйствительно многіе возвращались отъ вора; но за то многіе и бѣжали къ вору именно для того, чтобъ потомъ снова воротиться и получить прощеніе и свободу.

Царь Василій хоть постоянно казался милостивымъ и прощающимъ, но не разъ и казнилъ недоброжелателей. Между виновными попадались и невинные. Царь не смѣлъ трогать только тѣхъ, которые были посильнѣе: имъ прощалось многое такое, за что казнили другихъ неважныхъ. Никто не уважалъ царя; имъ играли какъ ребенкомъ (говорятъ современники), точно также какъ въ Тушинѣ обращались съ царемъ тушинскимъ *). У послѣдняго, по прежнему, всѣмъ управлялъ, всѣми повелѣвалъ Рожинскій. Явились было недовольные его властію и хотѣли снова поставить гетманомъ Мѣховецкаго. Не смотря на то, что на Мѣховецкаго наложено было бàндо, онъ находился тогда въ войскѣ. На это смотрѣли снисходительно, пока не узнали, что его готовятъ на мѣсто Рожинскому. Тогда Рожинскій сталъ искать его, чтобъ убить. Мѣховецкій ушелъ къ царику; Рожинскій взялъ четырехъ слугъ, бросился въ царскую избу и при глазахъ царика приказалъ убить баннита. Царикъ оскорбился, гнѣвался, а Рожинскій закричалъ на него: «молчи, а не то — я и тебѣ голову сорву!» Царикъ долженъ былъ терпѣть и повиноваться: если онъ нуженъ былъ для поляковъ, то самъ онъ безъ поляковъ не могъ существовать.

---

*) А. И. 115.

VI.

Успѣхи вора.—Псковъ.—Борьба богатыхъ съ бѣдными.— Признаніе Димитрія.— Переяславль.—Суздаль.— Угличъ.— Ростовъ.— Плѣнъ митрополита Филарета. —Ярославль. — Поволжскіе города, Владиміръ, Шуя, Балахна, Арзамасъ и другіе признаютъ Димитрія. — Вѣрность Шуйскому Нижняго, Смоленска. — Колебаніе Новгорода. — Удаленіе и возвращеніе Скопина. — Убійство Татищева. — Пораженіе Кернозицкаго.

Въ московской землѣ дѣло самозванца на короткое время пошло было очень успѣшно. Еще въ іюлѣ покорились на имя Димитрія пограничные Литвѣ города: Невель, Заволочье, Великіе Луки. По сосѣдству съ ними, въ литовской землѣ въ Усвятскомъ староствѣ былъ сборъ охотниковъ идти на Москву подъ начальствомъ Сапѣги. Своевольные литовскіе люди врывались въ эти уѣзды, дѣлали грабежи и насилія, уводили въ полонъ людей, многихъ убивали и замучивали. Великолуцкій намѣстникъ Ѳедоръ Плещеевъ, ревностный поборникъ вора, врагъ Шуйскаго, приводилъ ко кресту жителей этихъ городовъ; присягали по станамъ и волостямъ дворяне, дѣти боярскіе и всѣ служилые люди, старосты и цѣловальники волостей, и прикащики, всѣ посадскіе и крестьяне. Они думали, что послѣ того перестанутъ на нихъ набѣгать литовскіе люди. Но ихъ покорность не прекратила этихъ набѣговъ, и послѣ того Плещеевъ долженъ былъ ходатайствовать передъ усвятскимъ подстаростою, чтобъ онъ не дозволялъ людямъ изъ Литвы дѣлать нападеній на эти уѣзды.

За Великими Луками отпали отъ царя Василія Псковъ и всѣ пригороды. Внутреннія обстоятельства общественной жизни во Псковѣ совпадали съ этимъ отложеніемъ. Псковъ во многомъ имѣлъ тогда еще особую физіономію. Нигдѣ на Руси не осталось столько слѣдовъ старой удѣльновѣчевой

жизни, какъ въ этомъ городѣ. Въ эпоху паденія его свободы изъ него не было такого большаго вывода жителей въ низовскія страны, какъ изъ Новгорода, слѣдовательно старыя привычки и преданія тамъ переходили отъ дѣдовъ и прадѣдовъ въ ихъ поколѣнія. Порядокъ самоуправленія посадовъ и волостей при Иванѣ Васильевичѣ далъ остаткамъ старины жизнь и движеніе. Псковичи сходились во всенародную избу, какъ въ древности на вѣче. Одно только не дѣлало похожимъ эти сходки на вѣча былого времени: это — произволъ царскихъ намѣстниковъ, которые дозволяли многое однимъ на счетъ другихъ, мирволили богатымъ, потому что получали отъ нихъ взятки. Такимъ образомъ, въ городѣ образовались двѣ постоянно враждебныя стороны: одна — богатыхъ и значительныхъ, другая — бѣдныхъ и простыхъ. Присланный воеводою Петръ Шереметевъ и дьякъ Иванъ Грамотинъ держали сторону знатныхъ и богатыхъ гостей и сдѣлались ненавистны мелкимъ людямъ. Они побрали себѣ въ кормленье дворцовыя села, отягощали крестьянъ, заставляли въ Псковѣ мастеровыхъ на себя работать. Псковская земля обложена была тяжелыми поборами; раскладка велась неправильно, такъ что тягость падала на бѣдныхъ, а богатые выгораживали себя при помощи начальства. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Псковъ Шереметева, царь потребовалъ со Пскова девятьсотъ рублей. По всей справедливости, этотъ поборъ должны были нести богатые гости, «мужи славные, кипящіе богатствомъ, мнящіеся предъ Богомъ быть великими людьми» (по выраженію лѣтописи *); но, при содѣйствіи воеводы, раскладка сдѣлана была такъ, что сборъ этотъ припалъ на весь Псковъ, и въ томъ числѣ на бѣдныхъ людей и на вдовъ; а бѣдныхъ, разумѣется, было бо-

*) Псковск. 322.

лѣе, чѣмъ богатыхъ. По поводу этого дѣла, во всенародномъ собраніи поднялся ропотъ. Гости дали совѣтъ Шереметеву отправить главныхъ крикуновъ съ деньгами въ Москву, какъ будто въ качествѣ выборныхъ, и написать тайно, что эти люди не хотятъ добра царю, и что сборъ былъ только съ гостей, а мелкіе люди не хотѣли ничего давать. Такихъ подстрекателей къ неповиновенію выставлено пять человѣкъ *). Ихъ отправили неправильно уже потому, что слѣдовало міромъ выбрать тѣхъ, которые поѣдутъ въ Москву съ деньгами; а Шереметевъ безъ выбору послалъ ихъ, по своему распоряженію. Объ нихъ написали въ Новгородъ, что какъ только они пріѣдутъ, то посадили бы ихъ въ тюрьму какъ измѣнниковъ, а потомъ отправили въ Москву. Но одинъ изъ этихъ пяти, Ерема Сыромятникъ, услужилъ Шереметеву тѣмъ, что работалъ на него безденежно. Шереметевъ хоть и послалъ его съ прочими, но не помѣстилъ его имени въ числѣ тѣхъ, кого слѣдовало засадить. И такъ въ Новгородѣ посадили въ тюрьму вмѣсто пяти — только четырехъ человѣкъ. Ерема же убѣжалъ назадъ въ Псковъ и разсказалъ народу, какую хитрость дѣлаютъ гости. Весь Псковъ заволновался; псковичи требовали суда надъ главными семью гостьми, что дали совѣтъ послать пятерыхъ на гибель. Шереметевъ не могъ оборонить этихъ гостей, да и не хотѣлъ; онъ посадилъ ихъ въ тюрьму и вымогалъ съ нихъ большія взятки за то, что не выдастъ ихъ народу, а въ Москву принужденъ былъ написать въ пользу четырехъ, что изъ-за нихъ сдѣлалось во Псковѣ смятеніе, и если ихъ казнятъ, то простой народъ побьетъ за нихъ гостей.

Въ Москвѣ въ то время четырехъ обвиненныхъ во Псковѣ

*) Самсонъ Тихвинецъ, Ѳедоръ Умойся-Грязью, Ерема Сыромятникъ, Овсѣйка Ржова, Ильюшка Мясникъ.

вывели на смертную казнь. Тогда бывшіе въ Москвѣ псковскіе стрѣльцы всѣмъ приказомъ подали челобитную, ручаясь, что эти люди не измѣнники, и выражались такъ: «наши головы въ ихъ головы!» Осужденныхъ отпустили въ Псковъ. Пріѣхавши туда, они подняли на богатыхъ уже и безъ того раздраженный черный народъ; злоба накипѣла на Шереметева, а отъ него перешла и на царя Василія. Онъ казался для нихъ царемъ знатныхъ, большихъ и богатыхъ, а потому они готовы были пристать къ тому, кто въ противоположность Василію скажется царемъ меньшихъ, чернаго народа. Такимъ именно царемъ и явился тогда Димитрій. Укротивши Болотникова, царь Василій прислалъ въ Псковъ двумя посылками, одну за другой, болѣе четырехъ сотъ человѣкъ плѣнныхъ севрюковъ. Псковичи приняли ихъ сочувственно, поили ихъ, кормили, одѣвали и плакали, глядя на нихъ какъ на страдальцевъ за народъ, тогда какъ въ Новгородѣ, напротивъ, подобныхъ присланныхъ туда плѣнниковъ поколотили палицами и бросили въ Волховъ. По Псковскимъ пригородамъ народъ болѣе, чѣмъ во Псковѣ,ненавидѣлъ царство Василія. Даже дѣти боярскіе, люди не земскіе, а служилые, негодуя на Шереметева, расположены были пристать къ другому царю. Этимъ воспользовался Плещеевъ, и въ 1609 году послалъ стрѣльцовъ приводить къ Димитрію пригороды: Себежъ, Опочка, Красный, Островъ, Изборскъ присягнули Димитрію. Дѣти боярскіе въ своихъ помѣстьяхъ вооружили крестьянъ за Димитрія. Шереметевъ послалъ было на нихъ ратную силу, составленную изъ дворовыхъ своихъ, владычныхъ и монастырскихъ людей, съ сыномъ своимъ Борисомъ. Но эта рать сама едва ушла отъ пригородцевъ. Плещеевъ занялъ Ржевъ и оттуда выступилъ въ Псковскую землю. Псковскіе пригороды и волости составляли ополченіе и приставали къ нему Плещеевъ началъ собирать кормы на войско

царя Димитрія, и строго приказывалъ не грабить жителей; требуя отъ нихъ всѣхъ цѣловать крестъ Димитрію. Въ то же время Шереметевъ и Грамотинъ, его дьякъ, собирали съ крестьянъ около Пскова также кормы и подымщину на имя царя Василія, жестоко мучили на пыткахъ тѣхъ, которыхъ брали въ плѣнъ,какъ присягнувшихъ Димитрію. «Зачѣмъ мужикъ крестъ цѣлуетъ?» говорили они имъ. Но когда крестьяне волостей, отданныхъ въ кормленье Шереметеву и Грамотину, пришли къ нимъ и спрашивали, что̀ имъ дѣлать, то воевода и дьякъ, чтобъ сохранить отъ раззоренія волости, которыя имъ давали доходы, сами велѣли мужикамъ цѣловать крестъ вору.

Народъ попался между двухъ огней: тамъ его приневоливали къ Димитрію, а тутъ къ Василію. Но во имя Василія на него тяжелѣе налегали. Тутъ прислали еще новгородцы уговаривать псковичей стоять вмѣстѣ съ ними противъ вора и обнадеживали ихъ, что скоро придутъ нѣмцы (т. е. шведы) на помощь. Это извѣстіе, вмѣсто того, чтобъ успокоивать псковичей и удерживать подъ властію царя Василія, только волновало ихъ и вооружало противъ Василія. Нѣмцы вообще оставили по себѣ непріятное преданіе для Пскова издревле. Старинныя распри и безпрестанныя битвы Пскова съ «нѣмцами» еще не выдохлись изъ народныхъ воспоминаній. Псковичи кричали: «не хотимъ нѣмцевъ, не дадимъ нѣмцамъ раззорять нашихъ волостей!» Шереметевъ держался большихъ и богатыхъ, а большіе и богатые, уповая на свою силу, презирали убогихъ и меньшихъ и не ходили во всенародную избу; а между тѣмъ простые псковичи и стрѣльцы собирались сами; къ нимъ приходили толпы поселянъ, шумѣли, толковали, что не слѣдуетъ служить нѣмцамъ. Среди такой неурядицы, Плещеевъ съ пригородными силами подошелъ къ городу и сталъ у Образа на полѣ. Тутъ прибѣжалъ въ Псковъ

нѣкто Богданъ Неведрѣевъ съ товарищами. Это были бѣглые изъ Москвы дѣти боярскіе. Они сообщили псковичамъ, что войско Шуйскаго разбито на голову подъ Болховымъ; царь Димитрій идетъ на Москву и вѣрно овладѣетъ ею, а въ Москвѣ злобятся на псковичей; изъ Пскова присланъ туда доносъ объ измѣнѣ на семьдесятъ человѣкъ посадскихъ, главныхъ коноводовъ. «Какъ нѣмцы придутъ—говорилъ онъ — тотчасъ станутъ казнить и посадскихъ, и стрѣльцовъ!» Шереметевъ хотѣлъ было навести страхъ: ловилъ «заводчиковъ», пыталъ ихъ, сажалъ въ тюрьмы. Для крѣпости онъ построилъ новыя тюрьмы съ оградою. «Вотъ—говорили псковичи—теперь и темницы поставили съ оградою; прежнія были безъ ограды!» Черезъ нѣсколько времени явился во Псковѣ агентъ Димитрія, стрѣлецкій голова Огибаловъ; съ нимъ пришли псковитяне и пригородскіе стрѣльцы. Они принесли грамоту, сложенную мудрымъ словомъ, по выраженію лѣтописца *). Грамата стала расходиться въ народѣ; волненіе усиливалось. Шереметевъ поймалъ Огибалова, посадилъ въ тюрьму, а товарищей его и стрѣльцовъ разослалъ изъ Пскова—пригородныхъ въ пригороды, а псковскихъ—въ стрѣлецкую слободу за рѣку Мирожу. Но эта мѣра только помогла мятежу, потому что давала стрѣльцамъ удобнѣйшій случай: они пристали къ Плещееву. Шереметевъ созывалъ псковичей и спрашивалъ: «что у васъ за дума, скажите мнѣ?»— «У насъ никакой думы нѣту, — отвѣчали ему псковичи,— только нѣмцевъ мы не хотимъ и за то помремъ!»

Лѣто проходило. Толпы тѣснились въ осадѣ; кромѣ посадскихъ и стрѣльцовъ тамъ были поселяне. Собранія день ото дня становились бурнѣе Псковъ (выражаясь словами лѣтописи) раздѣлился на двое: одни, не довѣряя Димит-

---

*) Псков. Лѣтоп. 324.

рію, готовы были еще держаться царя Василія, другіе надѣялись, что за Димитріемъ будутъ они избавлены отъ властительскихъ насильствъ; тогда было все исполнено мздоиманія и грабежа, всякая правда вывелась изъ Пскова, всякая добродѣтель потоптана и предана неправдѣ, лжи и лукавству: властители умножили воровъ и обманщиковъ, поклепщиковъ, подметщиковъ, грабителей—кормильцевъ своихъ; имъ числа не было, и многихъ совратили они съ праваго пути; не оставалось праведнымъ мѣста, гдѣ прожить *). Думали, что съ новымъ царемъ будетъ лучше. Вспоминалось короткое льготное время при первомъ Димитріѣ и возникали надежды.

Когда такимъ образомъ волновался городъ, въ сентябрѣ 1608 года, разнесся по городу слухъ, что «нѣмцы», которыми давно пугали псковичей, подошли къ городу и стоятъ на Устьи у Николы. Это такъ взволновало всѣхъ, что уже никакъ нельзя было удержать толпы. Все закричало, что передаются Плещееву. Сторонники вора отворили великія ворота, и народъ посыпалъ въ поле, и у церкви Алексѣя божьяго-человѣка начали псковичи цѣловать крестъ царю Димитрію.

Сентября 2, вошли плещеевскіе ратные люди въ городъ, и на другой день совершилось крестное цѣлованіе Димитрію отъ всего города. Всѣхъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ севрюковъ, присланныхъ Шуйскимъ, выпустили съ честію, накормили, одѣли и отправили подъ Москву. Плещеевъ объявленъ воеводой въ Псковѣ. Псковичи послали съ повинною къ царику въ Тушино. Вслѣдъ за тѣмъ началась поголовщина. Собирали ратныхъ и отправляли на помощь Димитрію; собирали деньги и запасы. Тогда досталось богатымъ гостямъ. Прежде мирволилъ имъ Шереме-

*) Псковск. лѣт. 325.

тевъ; теперь они-то и должны были платить и содержать ратныхъ.

Вслѣдъ за Псковомъ Иваньгородъ покорился Димитрію. Въ Орѣшкѣ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ призналъ тушинскаго царика.

Города восточной Россіи, съ прихода вора подъ Москву, поддавались ему быстро одинъ за другимъ и притомъ такъ, что какъ скоро признаетъ его царемъ городъ — вслѣдъ за тѣмъ признаетъ его и весь округъ, который къ городу тянетъ. Городъ былъ средоточіемъ своей земли; жители приписанныхъ къ городу пригородовъ, становъ и волостей привыкли повиноваться городу: оттуда разсылались приказанія и распоряженія, туда доставлялись подати, и городъ платилъ и отвѣчалъ государству за всю землю или область; если происходило какое нибудь всенародное совѣщаніе, то въ томъ же городѣ; городъ землѣ указывалъ; жители въ своихъ селахъ, деревняхъ, починкахъ не разсуждали о томъ, какъ исходитъ управленіе надъ ними сверху изъ Москвы, для нихъ достаточно того было, что городъ ихъ велитъ имъ дѣлать то и другое. Поэтому, когда говорилось о городѣ, то, за малыми исключеніями, разумѣлся и весь уѣздъ его.

Сдался Переяславль-Залѣсскій. Потомъ въ Суздалѣ какой-то Меншикъ Шиповъ убѣдилъ жителей цѣловать крестъ законному царю Димитрію. Архимандритъ Галактіонъ присталъ къ нему, и примѣръ архимандрита подѣйствовалъ на тѣхъ, которые еще колебались. Весь уѣздъ, вслѣдъ за городомъ, призналъ царя тушинскаго. Сапѣга, стоя подъ Троицею, заправлялъ сдавшимися городами; онъ, въ октябрѣ, отрядилъ въ Суздаль Лисовскаго, чтобы оттуда приводить къ повиновенію сосѣдніе города. Воеводой назначенъ былъ въ Суздаль Ѳедоръ Плещеевъ *). Самъ

*) Ник. 103.

воръ отъ себя послалъ суздальцамъ похвальную грамату.

Сдался Угличъ. Сапѣга прислалъ туда какого-то пана Очковскаго, который тотчасъ же началъ своевольничать *).

Ростовъ упорствовалъ. Тамъ былъ митрополитомъ Филаретъ Никитичъ. Онъ удерживалъ жителей въ повиновеніи царю Василію Шуйскому. Въ тушинскомъ лагерѣ, однако, знали, что этотъ человѣкъ не былъ изъ числа искренно преданныхъ Шуйскому. Филарета нужно было достать. Прежде ему послали увѣщанія. Онъ не принялъ ихъ. Тогда рѣшились достать его силою. Переяславцы собрались съ московскими людьми, присланными Сапѣгою изъ-подъ Троицы, и пошли на Ростовъ. Они напали на него врасплохъ, 11 октября. Филаретъ тогда вошелъ въ соборную церковь, облачился въ архіерейскія одежды; народъ столпился въ церкви. Митрополитъ приказалъ протопопамъ и священникамъ причащать народъ и приготовить къ смерти. Переяславцы, овладѣвъ городомъ, ринулись на соборную церковь. Ростовцы стали было защищать двери, но митрополитъ подошелъ къ дверямъ, приказалъ ихъ отворить, встрѣчалъ переяславцевъ и началъ ихъ уговаривать, чтобъ они не отступали отъ законной присяги. Переяславцы не слушались, бросились на митрополита, сорвали съ него святительскія одежды **), одѣли въ сермягу, покрыли голову татарскою шапкою, посадили на возъ вмѣстѣ съ какою-то женкою, конечно для насмѣшки, и въ такомъ видѣ повезли въ Тушино. Тогда ограбили церковь, гдѣ находились мощи ростовскихъ чудотворцевъ, изрубили въ куски серебряный гробъ святаго Леонтія и золотое изображеніе

*) А. И. 113.

**) Ник. VIII, 104.

угодника [1]). Довольно людей было перебито при оборонѣ церковныхъ дверей [2]).

Димитрій принялъ Филарета съ почетомъ. Филаретъ не обличилъ предъ всѣми вора, хоть прежняго Димитрія онъ зналъ лично очень хорошо и никакъ не могъ теперь ошибиться. «Филаретъ—говоритъ Авраамій Палицынъ—былъ разуменъ; не склонился ни на право, ни на лѣво [3]) и въ истинной вѣрѣ пребылъ твердъ.» Его нарекли патріархомъ. Димитрій далъ ему въ почесть золотой поясъ, приставилъ рабовъ служить ему. По свидѣтельству иноземца [4]), Филаретъ подарилъ Димитрію дорогой восточный яхонтъ, находившійся въ его жезлѣ. Но въ Тушинѣ все-таки побаивались его, не довѣряли ему и подстерегали за каждымъ его словомъ и мановеніемъ. Было отъ чего. Признавши перваго Димитрія, получивши отъ него милости, онъ потомъ служилъ Шуйскому, открывалъ мощи младенца Димитрія, теперь служилъ второму Димитрію, и конечно не могъ быть ему столько же преданъ, сколько самъ ему былъ нуженъ.

Тѣмъ не менѣе, именемъ новонареченнаго патріарха писались граматы, и признаніе Филаретомъ Димитрія усиливало довѣріе и расположеніе къ этому новому Димитрію. Филарета считали ближайшимъ родственникомъ прежней царской династіи.

За Ростовомъ сдался Ярославль. Какъ только распространилась тамъ вѣсть объ успѣхахъ Димитрія, черные люди взбунтовались, начали угрожать лучшимъ; многіе лучшіе бросали свои дома и бѣжали для спасенія жизни. Воевода князь Ѳедоръ Барятинскій, чтобъ не быть растер-

---

1) Bussov.

2) Ник. VIII, 104.

3) Стр. 51.

4) Buss. 88.

заннымъ, присягнулъ Димитрію. По его примѣру, англичане и нѣмцы, жившіе въ этомъ торговомъ городѣ, и нѣкоторые русскіе торговцы думали было спасти свои имущества признаніемъ вора, присягнули ему съ условіемъ, чтобъ ихъ не отдавали на грабежъ черни. Воевода Барятинскій посылалъ изъ Ярославля въ Тушино боевые запасы, и жители собрали до 30,000 рублей на продовольствіе тушинской рати *) и содержали у себя въ городѣ гарнизонъ въ 1,000 человѣкъ.

Взятіе Ярославля подѣйствовало на близкіе города по Волгѣ и на сѣверѣ. Покорилась добровольно Кострома, гдѣ поставили воеводой князя Мосальскаго-Горбатаго. Покорились Рыбная Слобода, Молога, Юрьевъ Поволжскій, Кашинъ, Бѣжецкій-Верхъ, Пошехонье, Чаронда, Тверь, Бѣлоозеро, Торжокъ. Барятинскій послалъ въ Вологду письмо и цѣловальную запись **). Чернь заволновалась, воевода Никита Михайловичъ Пушкинъ и дьякъ Рахманинъ-Вороновъ удерживали ее, ничего не могли сдѣлать и, выжидая времени, уступили. Лучшіе люди въ Вологдѣ, для спасенія своихъ имуществъ, въ угоду черни также цѣловали крестъ вору. Послали оттуда наказъ въ Тотьму, и этого города жители, по современному выраженію: «отъ нужи со слезами крестъ цѣловали ***).»

Во Владимірѣ воеводою былъ окольничій Иванъ Годуновъ. При вступленіи Димитрія на престолъ, онъ вмѣстѣ со свойственниками Годуновыхъ былъ удаленъ на воеводство въ Сибирь. Казалось бы, если на кого, то на него можно было надѣяться. Партія Димитрія, въ какомъ бы видѣ она ни возраждалась, была прирожденно-враждебною

*) А. Э. I, 186.—Russov. 82.
**) А. Э. I, 180.
***) А. Э. I, 180.

всякому тому, кто былъ близокъ по крови къ Годунову. Но этотъ воевода не могъ, какъ Годуновъ, быть расположенъ и къ Шуйскому. Шуйскій хотѣлъ его перевести въ Нижній, а на его мѣсто посадить во Владимирѣ Третьяка-Сеитова; но Годуновъ не выѣхалъ изъ Владимира. Сначала онъ хотѣлъ было сопротивляться войскамъ тушинскаго царика, но когда Суздаль отпалъ къ Димитрію, а Василій Шуйскій оказывалъ Годунову недовѣріе, Годуновъ присягнулъ Димитрію. Годуновъ привелъ ко крестному цѣлованію Владиміръ *), поѣхалъ самъ въ Тушино, поклонился вору и былъ имъ обласканъ **). Примѣръ Годунова долженъ былъ усиливать партію царика и служить новымъ подтвержденіемъ того, что онъ истинный Димитрій.

За Владимиромъ покорились имени Димитрія Шуя, Балахна, Лухъ, Гороховецъ, Романовъ, населенный татарами. Стали передаваться города и волости на востокѣ, населенные инородцами. Арзамасъ призналъ Димитрія. Мордва и черемисы вооружились во имя его. Касимовскій царь измѣнилъ Шуйскому и призналъ Димитрія.

Нижній Новгородъ удержалъ въ повиновеніи Василію воевода Алябьевъ. Этотъ городъ въ то время имѣлъ уже важное значеніе. Онъ былъ среднимъ пунктомъ восточной торговли: тутъ была главная таможня для товаровъ, плывшихъ по Волгѣ и, по причинѣ разгрузки, производился обширный торгъ. Поэтому тутъ проживало нѣсколько купеческихъ домовъ, которые были связаны интересами съ московскими гостями, стоявшими за Шуйскаго. Вообще торговые люди, какъ люди богатые, были на сторонѣ Шуйскаго, и потому Нижній, какъ по преимуществу торговый городъ, больше чѣмъ какой другой городъ казался преданнымъ и вѣрнымъ царю Василію. Но и изъ Нижняго многіе,

---

*) А. И. II, 132.
**) А. И. II, 417.

принадлежавшіе къ черни, ушли изъ города въ шайки и ополчались за Димитрія.

Не поддавалась Димитрію Рязань, удерживаемая Ляпуновыми, которые ненавидѣли Шуйскаго, но не хотѣли мѣнять его на вора. Оставались вѣрными царю московскому Смоленскъ и Коломна.

Новгородъ былъ уже близокъ къ переходу на сторону тушинскаго царика. Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій выслалъ въ Швецію Семена Васильевича Головина (своего шурина) да дьяка Сыдавнаго, а самъ хотѣлъ дожидаться ихъ въ Новгородѣ. Но онъ увидалъ, что новгородцы волнуются. Примѣръ Пскова на многихъ дѣйствовалъ въ Новгородѣ. Скопинъ совѣтовался съ новгородскимъ воеводою Михайломъ Игнатьевичемъ Татищевымъ. Они вдвоемъ сообразили, что войска при нихъ не много, и Скопинъ вышелъ изъ города съ тѣми, которые у него были, къ Ивань-городу; на дорогѣ онъ услышалъ, что Иваньгородъ уже отпалъ отъ Шуйскаго. Изъ отряда Скопина нѣкоторые убѣгали назадъ въ Новгородъ. Скопинъ отправился къ Орѣшку, но въ Орѣшекъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, тамошній воевода, не пустилъ его и объявилъ себя за Димитрія. Скопину оставалось самому убѣжать въ Швецію, чтобы выпросить иноземныхъ силъ и съ ними войдти въ Новгородъ. Онъ находился уже на устьѣ Невы, на пути въ Швецію, какъ вдругъ явилось къ нему изъ Новгорода посольство. Митрополитъ Исидоръ подѣйствовалъ на новгородцевъ: они всѣмъ городомъ обѣщались стоять за Шуйскаго и пожелали воротить Скопина. За нимъ послали старостъ изъ пяти концовъ города; догнавши Скопина, они просили его вернуться и цѣловали крестъ за весь Новгородъ. Скопинъ воротился; его приняли съ честію. У молодаго полководца была способность дѣйствовать на толпу и направлять ее.

Въ Тушинѣ услышали, что Новгородъ, хотѣвши было от-

пасть отъ Шуйскаго, снова сопротивляется Димитрію. Въ Тушинѣ разочли, что для этого нужно послать къ Новгороду отрядъ, чтобы придать отваги своимъ доброжелателямъ и испугать недоброжелателей. Былъ посланъ полковникъ Кернозицкій съ литовскими людьми. Когда онъ приблизился къ Новгороду, въ городѣ сдѣлалось смятеніе, стали подозрѣвать другъ друга въ измѣнѣ. Тогда Михайло Игнатьевичъ Татищевъ вызвался идти предводительствовать войскомъ, которое нужно было вести противъ Кернозицкаго. Татищева не любили въ Новгородѣ, и его недоброжелатели пришли къ Скопину и сказали: «мы чаемъ, Михайло Татищевъ за тѣмъ идетъ на литву, что хочетъ измѣнить царю Василію и Новгородъ сдать.» Скопинъ, вмѣсто того, чтобъ защищать Татищева, собралъ ратныхъ людей новгородцевъ и сказалъ имъ: «вотъ что мнѣ говорятъ про Михайла Татищева, разсудите сами!» Недоброжелатели Татищева подняли крикъ и такъ вооружили всѣхъ противъ него, что толпа бросилась на него и растерзала...

Скопинъ похоронилъ тѣло его *) въ Антоньевѣ монастырѣ, а имущество его было продано съ публичнаго торга. Такъ окончилъ жизнь этотъ человѣкъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ убійства сидѣвшаго на престолѣ подъ именемъ Димитрія: прошлое не спасло его отъ подозрѣнія, чтобъ онъ не могъ пристать къ новому претенденту на Димитрія. Тогда въ Московскомъ государствѣ уже никому не вѣрили, и рѣдкій по совѣсти могъ самъ за себя поручиться.

Кернозицкій безотпорно приблизился къ Новгороду и расположился въ Хутынскомъ монастырѣ. Городъ заволновался. Лучшіе люди, ради спасенія отъ грабежа, въ слу-

*) Ник. 189.

чаѣ насильнаго взятія города, кричали о сдачѣ. Но разошелся слухъ по новгородской землѣ, что литва подходитъ къ Новгороду, и поселяне стали собираться въ ополченіе и спѣшить на выручку городу. Въ Тихвинѣ составилась рать подъ начальствомъ Степана Горихвостова, а изъ Заонежскихъ погостовъ ополчились крестьяне подъ начальствомъ Евсѣя Резанова. Оба ополченія пошли спасать Новгородъ. Тихвинцы шли впередъ и дошли до Грузина. Тутъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ попалось въ плѣнъ. Литовскіе люди привели ихъ въ свой станъ и стали пытать и допрашивать: «сколько вашихъ?» Тѣ были люди простые, не знали счету и не могли объяснить имъ, еслибъ и хотѣли; они только и говорили, что сила большая идетъ. Литовцы въ самомъ дѣлѣ вообразили, что противъ нихъ идетъ огромное войско, и отступили отъ Хутыня. Керпозицкій сталъ въ Старой Русѣ. Но если Новгородъ оставался еще во власти Шуйскаго, то окрестности быстро поддавались Димитрію; дѣло Василія Шуйскаго все таки, казалось, шло къ проигрышу въ Новгородской землѣ, какъ казалось проиграннымъ и въ другихъ русскихъ земляхъ.

VII.

Осада Троицы.—Предложеніе сдаться.—Приступъ 13 октября.—Подкопъ.—Подвиги рускихъ людей.—Зима.—Бѣдствіе осажденныхъ.—Смуты.—Приступы 27 мая и 28 іюня 1609 г.

При быстромъ успѣхѣ воровскаго дѣла, недоставало только стѣснить покрѣпче Москву, заставить ее испытать голодъ: тогда враждебная царю Василію партія взяла бы верхъ и въ Москвѣ, какъ она взяла уже верхъ въ иныхъ городахъ. Такъ и разсчитывали въ Тушинѣ, и съ этою цѣлію Сапѣга дѣятельно занимался осадою Троицы. Кромѣ Лисовскаго, съ нимъ были съ своими отрядами князь Адамъ

Вишневецкій, Тышкевичъ, Будзило. Сначала казалось полякамъ взять монастырь нетруднымъ дѣломъ. Стѣна монастырская была не высока, всего до двухъ съ половиною саженей до зубцовъ, а съ зубцами до $3^1/_2$, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже менѣе, всего же пространства занимала 550 саженей. Эти стѣны, по тогдашнему способу постройки, раздѣляли на бои, то есть отдѣлены были ярусы съ отверстіями для выстрѣловъ; было три рода боевъ: подошевный, среднiй и верхній; послѣдній былъ уже наверху стѣны, на одной чертѣ съ зубцами; сверху надъ зубцами были крыши. Эти невысокія стѣны были очень толсты: три сажени въ ширину, и сдѣланы изъ твердаго камня. Въ стѣнѣ были башни разнаго вида *). Съ восточной стороны окаймлялъ монастырь лѣсъ, съ юга и съ запада за стѣною было нѣсколько прудовъ; и такъ, съ западной и южной стороны обитель была защищена водою. На западной сторонѣ, противъ погребной башни, и на сѣверной, противъ конюшенной, были особыя монастырскія заведенія— на первой пивной дворъ, а на послѣдней конюшенный дворъ; эти дворы составляли въ военномъ отношеніи какъ бы передовыя укрѣпленія. Въ монастырѣ было ратныхъ тысячъ до трехъ слишкомъ или болѣе. Начальствовало ими двое воеводъ—Григорій Борисовичъ Долгорукій-Роща и Алексѣй Голохвастовъ: оба были враги между собою. Долгорукій былъ тотъ самый, который, передавшись первому Димитрію, служилъ ему усердно воеводою въ Путивлѣ. Казалось, плохой изъ него былъ слуга Шуйскому; но Долго-

---

*) По описи, составленной при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, ихъ было двѣнадцать: *плотничья*, на углу западной и сѣверной сторонъ; на сѣверѣ и сѣверовостокѣ, *конюшенная* съ воротами, *соляная*, *кузничная* и *наугольная;* на востокѣ, *сушильная*, *красная* съ воротами, *житничья*, *наугольная;* между восточною и южною стороною, *пятницкая;* на югѣ, *луковая*, *водяная* съ воротами; на западѣ, *погребная*.

рукій, искренно служившій первому Димитрію, котораго признавалъ по совѣсти настоящимъ, не хотѣлъ служить второму, будучи убѣжденъ, что онъ обманщикъ. Кромѣ ратныхъ людей, въ монастырь набилось множество поселянъ изъ монастырскихъ слободъ, сожженныхъ отчасти непріятелями, отчасти самими жителями. Это многолюдство имѣло и выгоды, и невыгоды: здоровые и нестарые поселяне были годны на военное дѣло, въ случаѣ нужды; здоровыя женщины исполняли разныя работы. Но за то женщинъ было такъ много въ тѣсномъ пространствѣ, что по извѣстію очевидцевъ, инымъ приходилось родить младенцевъ при чужихъ людяхъ, и никто со срамотою своею не скрывался. Тѣснота увеличивалась еще отъ множества скота, загнаннаго въ монастырскую ограду.

Сапѣга и Лисовскій, подошедшій къ Троицѣ, сперва съ войскомъ своимъ объѣхали монастырь вокругъ. Раздавалась военная музыка. Литовцы и русскіе-тушинцы кричали и похвалялись, пугая осажденныхъ. Потомъ войско расположилось станомъ — Сапѣга сталъ на западной сторонѣ, Лисовскій на юговосточной, у Терентьевской рощи. Приказали строить остроги съ избами.

Прежде начатія военнаго дѣла, Сапѣга, 29 сентября, пробовалъ склонить монастырь къ сдачѣ убѣжденіемъ. Онъ послалъ московскаго человѣка по имени Безсона Руготина, съ однимъ письмомъ къ воеводамъ, а съ другимъ къ архимандриту Іосифу. «Пишемъ къ вамъ, жалуючи васъ,—писалъ онъ къ воеводамъ,—покоритесь царю Димитрію Ивановичу, сдайте мнѣ городъ, будете зѣло пожалованы отъ царя Димитрія Ивановича, какъ ни одинъ изъ великихъ вашихъ не пожалованъ отъ Шуйскаго; а если не сдадите, то знаите, что мы на то пришли, чтобы, не взявъ его, не уходить отсюда; сами вѣдаете, сколько городовъ мы взяли; и Москва, и царь вашъ въ осадѣ. Мы въ томъ ручаемся, что

не только будете намѣстниками въ Троицкомъ городѣ, но царь дастъ вамъ многіе города и села въ вотчину; а не сдадите города и мы возьмемъ его силой, тогда уже ни одинъ изъ васъ въ городѣ не увидитъ отъ насъ милости.» Въ письмѣ къ архимандриту онъ припоминалъ милости царя Ивана Васильевича къ Троицкому монастырю и его монахамъ, увѣрялъ ихъ, что они платятъ неблагодарностію сыну его Димитрію Ивановичу, и оканчивалъ письмо такъ: «пишемъ тебѣ словомъ царскимъ, святче архимандрите: прикажи попамъ и монахамъ, чтобъ они не учили войско противиться царю Димитрію Ивановичу, а молили бы Бога за него и за царицу Марину Юрьевну, а намъ городъ отворили безо всякой крови; а не покоритесь, такъ мы *заразъ* возьмемъ замокъ вашъ и васъ беззаконниковъ *порубаемъ* всѣхъ!»

Воеводы и военачальники собрали совѣтъ съ архимандритомъ и соборными старцами, и составили вмѣстѣ такой отвѣтъ:

«Темное державство, гордые военачальники, Сапѣга и Лисовскій и прочая дружина ваша! Десятилѣтнее отроча въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту. Мы приняли писаніе ваше, и оплевали его. Что̀ за польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта, промѣнять честь на безчестье, ложь на истину, свободу на рабство, истинную вѣру греческаго закона оставить и покориться новымъ еретическимъ законамъ, отпадшимъ отъ Христовой вѣры, проклятымъ отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Что̀ намъ за пріобрѣтеніе и почесть — оставить своего православнаго государя и покориться ложному врагу и вамъ, иновѣрной латинѣ, и быть хуже жидовъ? Жиды, не познавши, распяли своего Господа, а мы знаемъ своего православнаго государя. Какъ же намъ, родившимся въ виноградѣ истиннаго пастыря Христа, оставить пове-

лѣваете христіанскаго царя и хотите насъ прельстить ложною ласкою, тщетною лестью и суетнымъ богатствомъ! Богатства всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе.»

Воеводы и всѣ ратные люди и всѣ находившіеся въ осадѣ цѣловали крестъ стоять крѣпко и вѣрно, и распредѣлили людей, гдѣ имъ стоять. Назначили головъ изъ старцевъ и дворянъ, по башнямъ и воротамъ устроили орудія въ бояхъ, и строго приказали, чтобъ всякій зналъ свое мѣсто. Другихъ назначили помогать имъ и подавать нужное. Оглашено было, чтобы никто безъ воеводскаго позволенія не смѣлъ выступать на вылазку.

Осаждающіе въ виду монастыря покатили изъ своего стана туры на колесахъ—подвижныя деревянныя батареи, и разставили ихъ вокругъ монастыря: было всѣхъ девять туръ; ихъ поставили на южной, западной и сѣверной сторонѣ *). Между турами по всей ихъ линіи рыли глубокій ровъ и насыпали землею, добытою изъ него, валъ.

Изъ девяноста орудій, поставленныхъ на турахъ, начали палить по монастырю каждый день безъ отдыха съ утра до вечера и ночью. Но эти выстрѣлы мало вредили осажденнымъ. Орудія у литовскихъ людей были небольшія и стояли довольно далеко, такъ что пускаемыя ядра не долетали до монастыря, а падали въ пруды и на пустыя мѣ-

*) Первые за прудомъ на Волкушѣ горѣ на южной сторонѣ, вторые за прудомъ подлѣ московской дороги, третьи за прудомъ къ Терентьевской рощѣ на юговосточной сторонѣ, четвертые на Крутой горѣ противъ мельницы на юго-западной сторонѣ, пятые на Красной горѣ противъ водной башни, также на юго-западной, западнѣ предыдущихъ; шестые на Красной горѣ противъ пивнаго двора а погребовъ на западной сторонѣ; седьмые западнѣе предыдущихъ противъ келарской и казенныхъ палатъ; осьмые на Красной горѣ не сѣверозападной сторонѣ противъ плотничной башни, девятые на сѣверной сторонѣ противъ конюшенныхъ воротъ.

ста; а тѣ, которыя попадали въ стѣны, были уже на отлетѣ и только царапали камни. Стрѣльба плохо шла: по извѣстію современника *), случалось, что съ утра до вечера направляли выстрѣлы въ одно мѣсто, и никакъ не могли повредить стѣны.

13 октября, предводители устроили въ своемъ стану пиръ. Раздавалась веселая, дикая музыка. Цѣлый день войско и казаки пили, пѣли, скакали на лошадяхъ, стрѣляли для забавы. Когда стало вечерѣть, толпы всадниковъ выступили одна за другою; за ними развѣвались знамена, густо какъ лѣсъ. Наконецъ вокругъ всего монастыря растянулись разнородныя рати: тутъ были и поляки, и литва, и казаки днѣпровскіе, и казаки донскіе, и татары, и инородцы, и свои русскіе московскіе люди, слуги вора. Сапѣжинцы, съ западной и сѣверной стороны, лисовчики—съ южной и восточной, стрѣляли разомъ со всѣхъ туръ. Крикнуло все войско громкимъ голосомъ и бросилось къ монастырю; катили деревянные тарасы на колесахъ, чтобъ защищаться отъ выстрѣловъ; несли лѣстницы для приступа.

Уже темнѣло. Весь монастырь поднялся на ноги, всѣ поспѣшили на стѣны, принялись палить. Когда осаждающіе подходили ближе, выстрѣлы монастырскіе изъ пушекъ и пищалей такъ начали ихъ поражать, что у нихъ бодрость пропала: всѣ они черезчуръ пировали днемъ, и теперь большая часть была на похмѣльѣ. Они побросали свои лѣстницы и тарасы—и побѣжали. Довольно ихъ и легло. Тогда ободренные русскіе выскочили изъ монастыря и потащили въ ограду брошенныя лѣстницы, покатили туда же и тарасы: на нѣсколько дней было, чѣмъ имъ готовить пищу и не нужно было подвергаться опасности, выходя за дровами.

*) Палиц. 85.

Въ слѣдующіе дни за тѣмъ опять стали палить литовскіе люди съ своихъ туръ. Но удачный отбой приступа придалъ тогда бодрости осажденнымъ. Архимандритъ и монахи разсказывали, что является въ видѣніяхъ св. Сергій, велитъ не унывать и обѣщаетъ спасеніе. Нѣсколько разъ подъѣзжали литовскіе люди къ монастырю и заводили разговоръ: «Видите ли наше множество?» кричали они— «не губите себя напрасно, сдайтесь!» Иные смѣльчаки наѣздники подскакивали къ стѣнамъ, ругались надъ осажденными и вызывали ихъ на расправу. Осажденные—не только храбро отбивались, но сами дѣлали вылазки на враговъ. Одинъ разъ во время такой вылазки взяли они въ плѣнъ ротмистра Брушевскаго, и подъ огнемъ стали допрашивать. Онъ сказалъ: «наши гетманы на томъ стоятъ, чтобъ взять монастырь, выжечь и раззорить церкви и побить всѣхъ людей: они не отойдутъ отъ монастыря, не взявши его, хотя бы годъ пришлось стоять. Теперь уже ведутъ подкопъ подъ городовую стѣну и подъ башни. Напрасно его допрашивали: куда именно ведутъ подкопъ. Брушевскій все твердилъ, что не знаетъ этого. Вѣсть о подкопѣ возбудила ужасъ. Самые пылкіе и отважные, готовые выступить на вылазки, теряли мужество при мысли, что нежданно могутъ полетѣть на воздухъ. Ожиданіе каждую минуту гибели было страшнѣе всякаго нападенія. Былъ между троицкими слугами одинъ по прозванію Власъ Корсаковъ. Онъ назывался искуснымъ въ землеройствѣ: ему поручили подъ башнями и подъ стѣнами копать землю и дѣлать слуховые колодцы. Сверхъ того начали за стѣною до Служней слободы копать глубокій ровъ, чтобъ перервать подкопъ, если онъ будетъ поведенъ туда. Но все дѣлалось на обумъ: не знали навѣрное, куда вести работу. Литовскіе люди, какъ увидѣли, что ровъ копается, бросились на рабочихъ. Со стѣнъ русскіе по нимъ стрѣляли. Вслѣдъ за

тѣмъ монастырская рать сдѣлала вылазку и нѣсколькихъ поймали. Плѣнные подтвердили показаніе Брушевскаго и говорили, что подкопъ ведется, но не могли объяснить, куда ведутъ его. Страхъ усилился. Архимандритъ, для ободренія унывающихъ, разсказывалъ, что ему являлся св. Сергій и возвѣщалъ, что монастырь останется цѣлъ. Ратные повторяли вылазки, бились со врагами храбро, а о подкопѣ довѣдаться не могли. Со дня на день страхъ пуще одолѣвалъ осажденныхъ: ожидали съ часу на часъ смерти; толпы мужчинъ, женщинъ, дѣтей тѣснились въ церквахъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, смерть ихъ застала среди благочестія, исповѣдывались и причащались св. таинъ. Между тѣмъ литовскія пушки продолжали гремѣть. Монастырскія отвѣчали имъ. Наконецъ, на одной вылазкѣ, 4 ноября, поймали казака, раненаго и истекшаго кровью; онъ былъ родомъ изъ Дѣдилова, Рязанской земли. Стали пытать его. «Подкопы сдѣланы и поспѣваютъ,—сказалъ онъ—на Михайловъ день хотятъ подставить подъ стѣнами и подъ башнями зелье.» Его повели по городовой стѣнѣ. Казакъ, изнемогая отъ ранъ и мученій, указалъ имъ на Пятницкую башню и на поле прямо отъ нея. Далѣе онъ не въ силахъ былъ продолжать,—сталъ просить священника. Его исповѣдали и причастили, и онъ тутъ же скончался. Въ слѣдующую ночь поймали еще казака-рязанца. И тотъ сообщилъ тоже, что подкопъ ведется по направленію къ Пятницкой башнѣ.

Тогда принялись наскоро копать валъ и строить деревянныя тарасы противъ южной Пятницкой башни и ея окрестностей, внутри монастыря, чтобъ въ случаѣ, еслибъ непріятелю удалось взорвать Пятницкую башню, онъ встрѣтилъ бы готовое другое укрѣпленіе. Въ то же время нашли старый потайной ходъ изъ сушильной башни на восточной сторонѣ стѣны и прочистили его. Насталъ роковой Михай-

ловъ день. По прежнему изъ всѣхъ туръ летѣли литовскія ядра, и въ тотъ день долетали уже въ средину обители; тамъ убили одного старика и старуху-монахиню. Во время вечерни, два ядра одно за другимъ упали въ церковь. Одно пробило доску у образа архистратига Михаила у праваго клироса и повредило подсвѣчникъ у образа св. Троицы. Другое пробило образъ Николы чудотворца. Народъ ужасно переполошился; но архимандритъ утѣшилъ его такими словами: «во время стихирнаго пѣнія, сведенъ былъ я въ забвеніе и увидѣлъ архистратига Михаила; лице его сіяло какъ свѣтъ, въ рукѣ у него былъ скипетръ, и онъ говорилъ сопротивнымъ: о враги — лютеры! ваша дерзость, беззаконники, дошла до моего образа. Всесильный Богъ воздастъ вамъ отмщеніе скоро!»

Стали пѣть молебенъ архистратигу Михаилу. На другой день до разсвѣта зазвонили къ заутрени. Архимандритъ сказалъ народу, что видѣлъ въ эту ночь св. Сергія, и святой мужъ объявилъ, что Богородица съ ангельскими силами молится къ Богу о сохраненіи обители. Другіе монахи разсказывали, что въ эту ночь видѣли св. Сергія и св. Серапіона. Эти извѣстія ободряли осажденныхъ. Тогда воеводы поняли, что ждать болѣе не слѣдуетъ: надобно отважиться поддержать бодрость, внушенную разсказами о видѣніяхъ, и предприняли сильную вылазку. Ударили въ осадные колокола. Ратные высыпали изъ монастыря разными путями и произносили имя св. Сергія; то былъ «ясакъ» у нихъ. Шли въ бой не одни ратные, но слуги и крестьяне. Въ этотъ день не успѣли найти подкопа и уничтожить его, но посчастливилось троицкой рати взять нѣсколько непріятельскихъ орудій (нарядъ взявъ) *). На слѣдующій послѣ того день, сдѣлана была вновь вылазка. Не-

*) А. И. II, 212.

извѣстны ея подробности, но подкопъ все таки не былъ уничтоженъ *). Наконецъ, ноября 11, удалось добраться до подкопа **). Авраамій Палицынъ приписываетъ это смѣлое дѣло двумъ крестьянамъ Клементьевской слободы. Они назывались Никонъ Шиловъ и Слота. Они-то набрели на устье того подкопа, который такъ давно тревожилъ воображеніе осажденныхъ; они вскочили туда, заткнули отверстіе и зажгли порохъ, насыпанный тамъ. Подкопъ взорвало; мужики-богатыри тамъ погибли. Но чего давно искали, то нашли они. Между тѣмъ на всѣхъ сторонахъ шла драка. Уже многихъ дворянъ и слугъ мужественныхъ и ратному дѣлу искусныхъ приходились оплакивать троицкимъ людямъ; палъ храбрый голова Иванъ Внуковъ; онъ съ товарищемъ бросился изъ Святыхъ воротъ, сбилъ литву и казаковъ съ горы внизъ и очистилъ путь къ мѣсту подкопа. Тогда прославился Данило Селявинъ; былъ онъ силенъ тѣломъ и гораздъ саблею. Тягость у него была на сердцѣ; родной братъ его Оська отъѣхалъ служить Сапѣгѣ. Данило говорилъ: «послѣ этого мнѣ жить не хочется,» и нашелъ онъ смерть подъ ударами казака-атамана Чики у Сергіева колодезя; но сподобилъ его Богъ преставиться уже въ иноческомъ образѣ. Тяжело раненыхъ спѣшили уносить въ монастырь и тамъ постригали. Досталось въ этотъ день сапѣжинцамъ: у нихъ убили двухъ полковниковъ, четырехъ ротмистровъ и нѣсколько товарищей.

Воеводы ударили отбой. Ратные повернули въ монастырь. Но тутъ, изъ пивнаго двора, составлявшаго на внѣшней сторонѣ западной стѣны особое укрѣпленіе, старецъ Нифонтъ съ двумя стами ратныхъ и тридцатью монахами сдѣлалъ вылазку, перешелъ прудовую ручевину и

*) Ibid.
**) Ibid.

бросился къ турамъ; ихъ тогда слабо охраняли: войско было на другихъ пунктахъ занято дракою. Это заохотило въ монастырѣ ратныхъ. Они порвались на вылазку снова. Воевода Алексѣй Голохвастовъ не пускалъ было ихъ и поставилъ приставовъ у воротъ. Но ратные и слуги прогнали приставовъ, вырвались изъ конюшенныхъ воротъ и посыпали на Красную гору. Литовскіе люди прогнали было ихъ съ горы выстрѣлами и заиграли уже на инструментахъ побѣду; но монастырскіе люди зашли въ овраги (Благовѣщенскій, Косой и Глиняный), сзади бросились на туры врасплохъ и овладѣли первыми турами: схватили орудія, зажгли туры и тарасы. Литовскіе люди смѣшались, побѣжали къ другимъ турамъ. Палицынъ говоритъ, будто въ тотъ день троицкимъ людямъ удалось взять третьи, четвертые и пятые туры. Но въ современной выпискѣ о вылазкахъ *), не говорится, сколько туръ взяли, только упоминается, что ихъ изсѣкли на дрова. У Палицына какъ будто такой смыслъ, что съ тѣхъ поръ туры не стояли уже около Троицы; а изъ выписки видно, что они продолжали стоять и впослѣдствіи. Успѣли схватить восемь полуторныхъ пищалей, разнаго оружія литовскаго, нѣсколько плѣнныхъ, и возвратились со славою. Въ этотъ славный день потеря монастырскихъ людей простиралась до 174 убитыми и до 166 раненыхъ. Враговъ легло болѣе: по извѣстію монастырскаго лѣтописанія **), ихъ пало до полуторы тысячи, — число несомнѣнно черезчуръ преувеличенное; но во всякомъ случаѣ побѣда въ этотъ день осталась за Троицею и оставила на будущее время важное нравственное вліяніе. Архимандритъ служилъ благодарственный молебенъ съ ве-

*) А. И. 211.
**) Палиц. 124.

селымъ звономъ. Люди ободрились и вѣрили, что св. Сергій не дастъ своей обители на раззореніе.

Послѣ того долго не дѣлали приступовъ. Сапѣга и Лисовскій предпочли взять монастырь блокадою. Они не разсчитывали, вѣроятно, что въ монастырѣ запасовъ довольно, и притомъ разставили войско такимъ обширнымъ кругомъ, что монастырь могъ имѣть сообщеніе извнѣ, какъ оказалось. Силы осаждающихъ умалялись отправкою отрядовъ для укрощенія отпадавшихъ отъ Димитрія городовъ; посланъ былъ даже и самъ Лисовскій. Впрочемъ, если монастырь и не могъ быть очень скоро взятъ, за то стояніе подъ нимъ не оставалось безъ существенной выгоды для Димитріева дѣла, потому что войско Сапѣги перерѣзывало путь сообщенія съ Москвою и мѣшало подвозить туда продовольствіе.

Настала зима. Сапѣжинцы и ихъ московскіе пособники жили въ построенныхъ на скоро избахъ и землянкахъ. Продовольствіе получали они грабежемъ по сосѣдству. Монастырскіе люди дѣлали на нихъ частыя вылазки; драки шли съ перемѣннымъ счастіемъ. Отважные монастырскіе осажденцы, вышедши партіями изъ монастыря, нападали на челядь, которая возила продовольствіе въ лагерь Сапѣги, и отбивали его. Изъ современнаго польскаго дневника троицкой осады видно, что въ продолженіе всей зимы не проходило дня, чтобъ изъ монастыря не было вылазки, а не рѣдко было ихъ по двѣ — и утромъ, и вечеромъ. На этихъ вылазкахъ нѣкоторые пріобрѣтали богатырскую славу. Такъ, современный писатель *) разсказываетъ объ одномъ даточномъ крестьянинѣ; прозвище ему было Суета, росту онъ былъ огромнаго и очень силенъ, но неловокъ, неумѣлый въ дѣлѣ ратномъ. Надъ нимъ подсмѣивались; ему надоѣли

*) Палиц. 129.

эти насмѣшки. Онъ схватилъ бердышъ, сказалъ: «либо умру, либо славу получу ото всѣхъ!» бросился на непріятеля, и такъ началъ поражать враговъ, что никто противъ него стоять не могъ; и онъ прославился ратною доблестью. Изъ слугъ монастырскихъ отличился тогда не одинъ за обитель св. Сергія. Осаждающіе хотѣли было отнядь воду въ монастырѣ, и, по совѣту перебѣжавшихъ къ нимъ двухъ дѣтей боярскихъ переяславцевъ, принялись было разрывать плотину на прудѣ у водяной башни, чтобъ спустить воду въ рѣку Кончуру, и неудалось имъ это. Плѣнники, взятые на вылазкѣ, разсказали о намѣреніи; монастырскіе люди принялись работать и успѣли изъ пруда воду провести въ средину монастыря, такъ что прудъ, выкопанный ими, наполнился водою до того, что вода потекла на противоположную сторону къ монастырю.

Трудно было осажденнымъ доставать дровъ. Бывало всегда, когда нужно ихъ, выходятъ крестьяне съ оружіемъ рубить хворостъ, а уже не воротятся безъ того, чтобъ коекакихъ не побили и не поранили сапѣжинцы и лисовчики. Бывало ворочаются монастырскіе люди, а ихъ спрашиваютъ: «а что̀ сто̀итъ, за что̀ купилъ эти дрова? за чью кровь?» Отецъ пойдетъ за дровами, чтобъ пропитать семью и пропадетъ; дѣти разведутъ огонь, а сами говорятъ: «вотъ это мы отца своего кровь пьемъ»; иные говорили: «сегодня мы по̀томъ и кровію братій нашихъ напитались, а завтра другіе нами наѣдятся и напьются!»

Враги, между тѣмъ, такъ привыкли одни къ другимъ, что въ промежутокъ между драками дружелюбно обращались между собою. Иногда литовскіе люди или московскіе, служившіе вору, подъѣдутъ къ воротамъ монастырскимъ и попросятъ вина; имъ и вынесутъ, иногда даромъ, иногда на обмѣнъ; тутъ враги вмѣстѣ пили вино, шутили, подсмѣивались другъ надъ другомъ, иногда расходились по добру по

здорову, обѣщая другъ другу задать бѣды на стычкѣ. Но случалось, что троицкіе люди подъѣзжавшихъ съ такими цѣлями къ воротамъ схватывали и уводили.

Не смотря на неудачу Сапѣги и на храбрость защитниковъ монастыря, осадное положеніе привело однако къ великимъ бѣдамъ обитель. Пока еще можно было пробывать на воздухѣ, толпы народа помѣщались на дворѣ; настала зима, и надобно было тѣсниться въ душныхъ покояхъ. Тѣснота была невыносимая. Воду пили скверную; былъ недостатокъ хорошей пищи; вонь и смрадъ въ покояхъ; вонь на дворѣ отъ зарѣзанныхъ и павшихъ животныхъ; открылась цынга; бѣднякамъ не на что было пить вина.

Пухли у людей десны, вываливались зубы, исходилъ изо рта невыносимый смрадъ. У другихъ по тѣлу отъ нечистоты дѣлались струпья и раны; тѣ страдали поносомъ и ослабѣвши не могли двигаться съ мѣста; некому было ухаживать за больными; монахи были заняты, истомлены работами: некому было — говоритъ современникъ—ни перевернуть больнаго, ни приложить пластыря, ни промочить уста, ни умыть лица и рукъ: изнемогающій отиралъ себѣ уста и глаза замаранною рукою и переводилъ болѣзнь на глаза и уста; въ ранахъ заводились черви, и люди умирали въ страшныхъ мукахъ безъ призрѣнія; смертность возрастала. Сначала хоронили труповъ по двадцати, а потомъ уже и по тридцати и поболѣе на день. Съ утра до вечера только и слышно было, что пѣніе похоронное да плачъ оставшихся сиротъ. Одежды умершихъ, покрытыя вшами и червями, сваливались на возы и отвозились за стѣны, и тамъ ихъ жгли. Не всякій рѣшался прикасаться къ нимъ. Такія бѣдствія постигали наиболѣе крестьянъ, потому что они были бѣднѣе и лишены были средствъ. Ратные люди, имѣвшіе состояніе, на соблазнъ другимъ, вели въ монастырѣ пьяную и развратную жизнь. Накопленіе женщинъ при чрез-

вычайной тѣснотѣ располагало къ этому. «Ратныхъ людей, говоритъ Палицынъ, часто утѣшали сладкіе меды, и отъ того породились у нихъ блудныя бѣды». У нихъ были ссоры съ монахами. Ратные говорили: «насъ долженъ кормить монастырь!» У кого и были свои запасы, и тотъ бралъ монастырскіе хлѣбы на день, а иногда и на цѣлую недѣлю, и продавалъ свою порцію другимъ. Монахи жаловались на нихъ; архимандритъ говорилъ: «перестаньте, братія, понапрасну истощать житницу чудотворцеву, мы не знаемъ, сколько времени протянется наше сидѣнье въ осадѣ. Какая вамъ польза истощить ее?» На это говорили монахамъ ратные: «Великое дѣло для васъ, коли мы возьмемъ хоть и лишнее? Ну, чтожъ? Коли мы вамъ глаза колемъ, такъ мы перестанемъ у васъ брать; только ужъ какъ хотите, такъ расправляйтесь съ сопротивными!» — «Видите-ли—говорили имъ монахи — какъ терпятъ иноки въ искусѣ: ни сна, ни покоя не знаютъ, день и ночь около жара печного, и отъ дыма у нихъ глаза вытекаютъ!» Двое даточныхъ людей, галицкіе казаки, стали-было разсказывать, что имъ являлись Сергій и Никонъ и велѣли сказать, чтобъ ратные не брали лишняго, не пьянствовали, не сорили серебромъ, не ругались надъ тѣми, что въ пекарнѣ работаютъ. Но ратные да и всѣ вообще осмѣяли ихъ и «наплевали» на ихъ рѣчи, по выраженію современника *). Болѣзни и несогласія между осажденными были извѣстны въ непріятельскомъ станѣ. Оттуда выбѣгали удальцы, подскакивали къ стѣнамъ и подсмѣивались надъ положеніемъ противниковъ. Монахи продолжали поддерживать духъ въ осажденныхъ разсказами о видѣніяхъ и явленіяхъ святыхъ.

Много троицкихъ людей было побито на вылазкахъ; еще болѣе перемерло отъ болѣзней. На бѣду мона-

---

*) Палиц. 195.

стырю, выбывали годные, а оставались «ѣдоки», то есть такіе, которыхъ надобно было только кормить, не чая отъ нихъ пользы въ ратномъ дѣлѣ. Воеводы послали къ царю челобитную, описывали свое бѣдствіе и умоляли прислать имъ свѣжихъ ратныхъ силъ и пороху. Челобитная ихъ дошла до царя благополучно. Въ Москвѣ, при троицкомъ подворьѣ, находился тогда келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ. Онъ сталъ хлопотать передъ царемъ за свою обитель. Шуйскій отвѣчалъ: «великая бѣда обдержитъ Москву; я не въ силахъ помочь монастырю»! Келарь обращался къ царскимъ братьямъ; и тѣ не помогли. Келарь обратился къ патріарху, къ разнымъ боярамъ, и представлялъ, что если не послать теперь помощи, то монастырь не выдержитъ болѣе мѣсяца. Заступился за Троицу патріархъ Гермогенъ. Передъ царемъ и боярскою думою онъ говорилъ: «если будетъ взята обитель преподобнаго Сергія, то погибнетъ весь предѣлъ россійскій до Океана-моря, и царствующему граду настанетъ конечная тѣснота». Царь послалъ атамана Сухого-Осташкова и съ нимъ шестьдесятъ человѣкъ; они повезли двадцать пудъ пороху. Келарь отправилъ съ нимъ двадцать человѣкъ троицкихъ людей, находившихся на подворьѣ. 15 февраля 1609 г., этотъ отрядъ проѣхалъ сквозь обозъ Сапѣги и успѣлъ войти въ монастырь. Но четырехъ человѣкъ схватили, и Лисовскій приказалъ ихъ казнить противъ стѣнъ монастыря. Тогда, въ отместку, Долгорукій приказалъ вывести двадцать литовскихъ плѣнниковъ за ограду на гору противъ старой пекарни и казнить въ виду войска Сапѣги; а девятнадцать человѣкъ казаковъ вывели къ верхнему пруду и казнили передъ таборомъ Лисовскаго.

Въ монастырѣ послѣ того носились слухи, что литовскіе люди и казаки, увидя казнь своихъ товарищей, взволновались и чуть было не убили Лисовскаго за то, что онъ

казнію четырехъ плѣнниковъ вызвалъ эту месть со стороны осажденныхъ *).

Прибытіе слишкомъ небольшаго отряда мало подало помощи осажденнымъ. Болѣзни свирѣпствовали, смертность не прекращалась; безпрестанными подозрѣніями одинъ на другаго въ измѣнѣ мучились осажденные. Дочь Бориса Годунова, инокиня Ольга, находившаяся тогда въ осадѣ, въ письмѣ къ своей теткѣ такъ описываетъ состояніе монастыря въ концѣ марта 1609 г.: «Я въ своихъ бѣдахъ чуть жива и конечно больна со всѣми старицами, и впередъ не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая. Да у насъ же за грѣхи наши моровое повѣтріе; великія смертныя скорби объяли всѣхъ людей; на всякій день хоронятъ мертвыхъ человѣкъ по двадцати, по тридцати и побольше, а тѣ, которые еще ходятъ, собою не владѣютъ: всѣ обезножили **).»

Ратные люди злобились на монаховъ; послѣдніе жаловались на ратныхъ; троицкіе служки также недовольны были монахами. Стрѣльцы писали челобитную къ царю, что старцы дурно ихъ кормятъ, даютъ имъ на шестнадцать человѣкъ пушной хлѣбъ и вырѣзываютъ изъ него середки; рыбой кормятъ ихъ только два раза въ недѣлю, и то однажды въ день, а раненымъ нѣтъ вина въ утѣшенье; по ихъ запросу пить и ѣсть не даютъ. Ратные указывали, что монахи прежде всего себя самихъ должны понудить къ жесткой яствѣ и наложить на себя крѣпкое начало. Старцы писали къ царю, что стрѣльцы лгутъ: прежде имъ давали хлѣбъ неучетомъ, а они выносили изъ келарской и продавали, и потому имъ стали ставить четверть

*) Палиц. 156.

**) А. И. II, 213.

хлѣба передъ четверыхъ за обѣдомъ и ужиномъ; рыба имъ дается четыре раза въ недѣлю; въ постные три дня кормятъ горохомъ и соковою кашею; а вообще въ монастырѣ на всѣхъ было три яства: щи, каша, а въ скоромные дни на четырехъ звено рыбы; прежде имъ пить давали квасъ, но потомъ перестали, потому что трудно было доставить дровъ, и нельзя было варить квасу.

«Мы—писали царю троицкія власти — запасомъ съ всякими осадными людьми дѣлимся и не оскорбляемъ никого; какъ сѣли въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ троицкій хлѣбъ, а своего мало было у всякаго припасено, и деньги, кому пригоже, даемъ. А какъ денегъ въ казнѣ не стало, такъ мы съ братьи собрали съ кого по рублю, съ кого по полтинѣ, а инымъ, кому надобно, занимаемъ и даемъ; 4 іюня (1609) стрѣльцамъ дали по полтора рубли, ярославцамъ и галичанамъ по три рубли, а слугамъ троицкимъ всѣмъ на нужду по рублю, а крестьянамъ осаднымъ стѣннымъ по полтинѣ *).»

Служки били челомъ государю, чтобы монахи ихъ допустили къ братской трапезѣ. Монахи отвѣчали, что прежде кормили служекъ въ трапезѣ, и говорилъ имъ архимандритъ: «ѣшьте то, что братія ѣдятъ; хоть изъ-передъ меня архимандрита возьми передъ себя, а свое передъ меня поставь!» Но они не хотѣли ѣсть въ трапезѣ, а носили по кельямъ; что въ трапезѣ ставятъ на четверыхъ, то у нихъ пойдетъ на одного въ кельѣ, а у иныхъ и жены и дѣти, у нѣкоторыхъ «жонки». Прежде они сами говорили, что имъ давать бы только щи и кашу да хлѣбы недѣльные, а больше ничего и не хотятъ; а потомъ попросили рыбы;—имъ и рыбу стали давать: они недовольные стали просить опять, чтобъ ихъ допустили въ братскую трапезу.

*) А. И. II, 283.

Старцы не ладили между собою. Составилась партія противъ соборныхъ старцевъ: жаловались, что архимандритъ и соборные старцы кормятъ старцевъ овсянникомъ и не даютъ квасу, заставляютъ пить одну воду, а сами бражничаютъ въ своихъ кельяхъ съ своими заговорщиками и всѣ царскіе и братскіе обиходы на погребахъ перевели. На мелкихъ дрязгахъ не остановилось дѣло; стали подозрѣвать и обвинять въ измѣнѣ. Обвинили казначея старца Іосифа Дѣвочкина. На него говорили, будто онъ съ перебѣжчикомъ Оською Селявинымъ посылалъ письма къ тушинскому вору, изъявлялъ желаніе сдать монастырь. Григорій Долгорукій спорилъ съ Алексѣемъ Голохвастовымъ. Долгорукій потакалъ обвинителямъ. Голохвастовъ защищалъ Дѣвочкина. Когда Долгорукій приказалъ пытать обвиненнаго казначея, Голохвастовъ уговорилъ монастырскихъ слугъ не давать казначея въ пытку. Іосифъ заболѣлъ и скоро умеръ. Естественно было умереть Іосифу отъ болѣзней, свирѣпствовавшихъ въ осадѣ: «онъ живой изъѣденъ былъ червями—говорилъ Авраамій Палицынъ;—маленькій червячекъ, впившись въ тѣло, выросъ величиною съ человѣческій палецъ, и отъ него умеръ казначей въ мученіяхъ.» Монастырскіе слуги донесли Долгорукову на Голохватова, будто онъ внушалъ имъ и мужикамъ Клементьевскимъ, что отъ Долгорукаго всѣмъ придется погибнуть и надобно отнять у него городовые ключи. Долгорукій просилъ Авраамія Палицына, чтобы тотъ ходатайствовалъ у царя перевести Голохвастова, ибо отъ него начинается ссора. Долгорукій, желая избавиться отъ Голохвастова, не показывалъ, однако, на него измѣны въ своемъ письмѣ къ царю; только нѣкоторые монахи доносили на Голохвастова; такое обвиненіе отсюда потомъ вошло и въ исторію Авраамія Палицына, который во время осады самъ лично въ монастырѣ не былъ, а записывалъ то, что

ему говорили монахи. Враги казначея оговорили и бывшую ливонскую королеву Марью Владимировну, доносили, будто она называла царя Василія непристойными именами, именуетъ тушинскаго вора братомъ, будто она писала къ Сапѣгѣ: «спасибо вамъ, что вступились за брата моего московскаго государя царя Димитрія Ивановича»; писала и къ Рожинскому въ Тушино. Главная причина этому доносу была та, что королева расположена къ Дѣвочкину, посылала ему пироговъ и блиновъ прямо изъ своей поварни и медъ изъ царскихъ погребовъ, которые были у Троицы на случай царскихъ пріѣздовъ, а людей своихъ посылала по ночамъ топить Іосифу баню *).

Прошла зима. Болѣзни не прекращались; но съ наступленіемъ теплой погоды люди могли пробывать на свѣжемъ воздухѣ и не страдать отъ невыносимой тѣсноты и духоты въ покояхъ. Меньше нужно было дровъ, и потому не было необходимости часто выходить изъ монастыря, гдѣ такъ много гибло людей. Монастырскіе слуги, избѣгая этихъ опасныхъ выходовъ, обломали въ монастырѣ крыши и топили ими. Враги продолжали стоять подъ монастыремъ, перестрѣливались съ осажденными. Не теряли прежняго терпѣнія и настойчивости и осажденные, а дѣлали вылазки. Ихъ удерживали отъ сдачи и внушали бодрость—слухи о скоромъ приходѣ Михайла Скопина-Шуйскаго со шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ.

---

*) Акт. ист. II, 286. Нѣтъ возможности добраться до истины, справедливо ли подозрѣвали въ измѣнѣ этихъ лицъ. Раздраженные безпрерывными и долговременными опасностями, среди болѣзней, тѣсноты, духоты, подъ непрестаннымъ страхомъ смерти, люди всегда способны давать волю воображенію и видѣть другъ въ другѣ виновниковъ своихъ бѣдъ. Раждается невольная злоба на все окружающее. Тогда люди бываютъ расположены преувеличивать, и малѣйшіе признаки, внушающіе подозрѣніе, считать несомнѣннымъ доказательствомъ. Менѣе всѣхъ можно подозрѣвать Голохвастова, потому что самый врагъ его Долгорукій не рѣшился обвинять его въ измѣнѣ.

Наконецъ, Сапѣга опять покусился на приступъ. Въ ночь съ 27 на 28 мая, со всѣхъ сторонъ кинулись на монастырь осаждавшіе съ лѣстницами, тарасами и съ разными стѣнобитными козлями. Но осажденные стрѣляли по нимъ изъ орудій, поставленныхъ въ подошевныхъ бояхъ, кололи ихъ изъ стѣнныхъ оконъ, когда они по лѣстницамъ добирались туда, съ верху стѣнъ метали на нихъ камни, лили кипятокъ съ каломъ, сѣру, смолу и бросали мелкую известь, чтобъ засыпать имъ «скверныя очеса», какъ выражается троицкій историкъ. Осаждавшіе повернули назадъ, не сдѣлавъ ничего монастырю. Тогда осажденные въ свою очередь выскочили изъ монастыря, ударили на наступающихъ и взяли тридцать человѣкъ «пановъ» и русскихъ измѣнниковъ. Ихъ заставили молоть муку: «поиграйте въ жернова»,—говорили они полякамъ, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что они шли на приступъ съ музыкою. Въ добычу осажденнымъ досталось нѣсколько тарасъ, щитовъ и лѣстницъ; это пошло имъ на дрова.

28 іюня, повторилъ Сапѣга приступъ. Пошли со всѣхъ сторонъ къ воротамъ; наперли особенно на острожекъ, который охранялъ колодезь за стѣною у пивнаго двора. Къ острожку былъ пристроенъ струбъ въ видѣ башни. Успѣли зажечь струбъ и стали приготовлять лѣстницы къ острожку. Но въ тоже время изъ города кинулись свѣжіе удальцы на пивной дворъ и отбили нападеніе. Сапѣжинцы со всѣхъ пунктовъ принуждены были отступать. Князь Долгорукій съ ратными людьми и служками сдѣлалъ вылазку; — погнались за врагами, много ихъ побили, поймали языковъ, забрали у враговъ щиты, лѣстницы и проломныя ступы *).

---

*) А. И. II. 285.

VIII.

Поборы и неистовства поляковъ и русскихъ воровъ.—Возстаніе народа. — Отпаденіе отъ Димитрія Галича, Соли Галицкой, Вологды, Тотьмы.—Дѣятельность нижегородцевъ.

Упорство троицкой обители дѣйствовало нравственно па всю русскую землю московской державы и внушало смѣлость и надежду къ отпаденію отъ власти вора. Предводители воровскаго войска должны были раздѣлять свои силы, посылать отряды для усмиренія городовъ, и чрезъ то затрудняли себѣ взятіе монастыря. Города, такъ быстро признававшіе Димитрія, скоро и быстро стали отъ него отпадать. Какъ только установились тушинскіе поляки въ своемъ обозѣ, такъ потребовали семь четвертей впередъ жалованья. Нужно было ихъ удовлетворить, нужны были большія деньги. Одинъ представлялся способъ достать ихъ: собрать съ подданныхъ городовъ и уѣздовъ Московскаго государства. Андрей Млоцкій предложилъ разослать по заволжью отрядъ съ царскою грамотою и собирать казну. Нѣкоторые не хвалили такого средства. Одинъ изъ служившихъ у тушинскаго вора поляковъ, какъ самъ сказывалъ *), представлялъ, что отягощеніе городовъ на первыхъ порахъ можетъ довести до бунта. Самъ носившій имя Димитрія не совѣтовалъ дѣлать сборовъ, просилъ обождать, обѣщалъ уплату послѣ взятія Москвы. Но его не слушали, взяли отъ него разрядъ и распоряжались его именемъ. Предложеніе Млоцкаго приняли: паны разошлись въ разныя стороны. Съ каждымъ такимъ паномъ ѣхала толпа слугъ, и эти толпы очень скоро повернули дѣло иначе.

Воръ для ободренія поддающихся ему русскихъ послалъ

*) Марх. 44.

граматы, гдѣ обѣщалъ тарханныя граматы, по которымъ съ жителей не будутъ брать никакихъ податей *). Такія обѣщанія склоняли на его сторону жителей. Но они скоро увидѣли, что имъ не только не будетъ такихъ милостей, а еще, кромѣ всевозможныхъ отяготительныхъ сборовъ, дѣлаются имъ разныя безчинства. Паны отправлялись въ города безъ подробнаго наказа, что имъ брать, а въ общихъ словахъ говорилось, что они сберутъ запасъ на столько-то ротъ; и жители оставались въ недоумѣніи: сколько они обязаны давать, а приходилось давать то, что̀ захотѣли брать тѣ, которые къ нимъ пришли **). Изъ Тушина посылались сборщики свои, а Сапѣга изъ-подъ Троицы посылалъ своихъ, и случалось, что тушинскіе сборщики съ сапѣгиными сталкивались и ссорились между собою. Но и тѣ и другіе равно отягощали крестьянъ, и крестьяне должны были, такимъ образомъ, давать вдвое противъ того, сколько они прежде давали. Такъ, въ Угличѣ явился отъ Сапѣги панъ Основскій, сталъ требовать съ выти по рублю сверхъ того, что слѣдовало сбирать съ нихъ по указу Димитрія, и напослѣдокъ Димитрій писалъ къ Сапѣгѣ, чтобы онъ удалилъ Основскаго ***). Въ Ярославль пріѣхалъ Путило Рѣзановъ съ граматою отъ Димитрія, гдѣ приказывалось брать съ ярославцевъ всякіе товары на царя, но тамъ же было сказано, чтобы ярославцы, кромѣ его, никому не давали товаровъ; а вслѣдъ затѣмъ отъ Сапѣги пріѣхалъ сбирать товары какой-то Константинъ Даниловъ; воевода князь Ѳедоръ Барятинскій не сталъ ему давать товаровъ, а Даниловъ за это безчестилъ его въ судной избѣ****). Подобное дѣлалось по Ярославскому уѣзду. Въ Ярославскій уѣздъ

*) А. И. П. 132.
**) А. И. II. 147.
***) А. И. П. 135.
****) А. И. П. 138.

прислалъ Димитрій своего посланца сбирать запасы натурою, а Сапѣга прислалъ своего, какого-то Ивана Незабитовскаго съ товарищами, собирать съ тѣхъ же самыхъ людей для своего войска *). Въ разныхъ мѣстахъ Владимирскаго и Заволжскаго края наѣзжали эти паны съ командами и брали у крестьянъ всякаго рода запасы. Въ Юрьевѣ-Польскомъ сбирали столовыя деньги по 27 рублей съ сохи; присланъ туда изъ Тушина панъ Хвощъ сбирать на двѣсти человѣкъ запасу, а Сапѣга прислалъ пана Петра Михалевскаго сбирать на своихъ тысячу человѣкъ **). Тяжелы были вообще для русскихъ людей и подводы, но въ это время онѣ стали ужасны, ибо ратные люди, взявши лошадей, сколько имъ захочется, не ворочали ихъ хозяину.

При такомъ шатаніи димитріевыхъ и сапѣгиныхъ ротмистровъ, поляки, литовцы и русскіе, разлакомившись шататься и своевольствовать, уже и никѣмъ не посланные составляли загоны, по обычаю польскому назначали себѣ предводителей, врывались въ посады и села и своевольствавали. Паны распоряжались достояніемъ поселянъ безъ счета, безъ развытки, заставляли крестьянъ молотить собственный хлѣбъ, молоть, печь его, варить пиво, бить скотину, и тѣмъ же крестьянамъ на своихъ лошадяхъ возить въ таборъ, а потомъ отнимали у нихъ и лошадей; а другіе, забравшись въ русскіе края, заживали въ селеніяхъ, какъ въ своихъ помѣстьяхъ***). И царикъ, и Сапѣга назначили села и деревни на кормъ панамъ; но случалось, что когда село отдано уже одному пану, являлся туда самовольно другой и бралъ съ крестьянъ, что хотѣлъ на себя. Такъ, сохранилась одна челобитная того времени, гдѣ крестьянинъ Переяславскаго уѣзда жалуется, что въ де-

*) А. И. П. 130.
**) А. И. П. 147.
***) А. И. II. 145

ревнѣ, отданной пану Талинскому, явился панъ Мошницкій, взялъ крестьянскаго сына и каждую ночь выгонялъ хозяина и семью, а самъ насильно держалъ на постели его невѣстку. Казаки, татары, литва, поляки врывались загонами въ поселенія, пытали огнемъ и желѣзомъ хозяевъ, вымучивали у нихъ деньги, забирали платье, рухлядь. Мало того, что брали то, чѣмъ сами могли воспользоваться, но истребляли для потѣхи достояніе русскаго человѣка: убивали скотъ, кабановъ и бросали мясо въ воду или звѣрямъ, разсыпали хлѣбъ и топтали лошадями. Ругаясь надъ русскимъ народомъ, казаки насиловали матерей и сестеръ предъ глазами сыновей и братьевъ, не щадили недорослыхъ дѣвочекъ и, растливши ихъ, отпускали нагими и окровавленными. Были случаи, что женщины, спасаясь отъ безчестья, рѣзались предъ глазами злодѣевъ, вырываясь отъ нихъ, бросались въ рѣку, Дѣвушки и женщины, бѣгая отъ насилія, полунагія отъ нищеты, замерзали по лѣсамъ и полямъ *).

Во Владимирскомъ уѣздѣ свирѣпствовали шайки Наливайки, который замучилъ девяносто три человѣка помѣщиковъ; димитріевъ воевода Вельяминовъ поймалъ его и казнилъ. Но зато десятки другихъ безчинствовали безнаказанно. Не слишкомъ церемонно они обращались со святынею церкви и съ монашествующими. Нападутъ па монастырь, вымогутъ у монаховъ деньги, пытаютъ огнемъ, заставляютъ самихъ рубить дрова, мыть бѣлье, варить пиво, возить тяжести, чистить лошадей; подгоняютъ ихъ палками и толчками; разгулявшись вдоволь, для посмѣянія, паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того нипочемъ было и убить. Къ соблазну благочестивыхъ, обдирали оклады съ иконъ въ

*) Временн. XXIII, 6.

церквахъ, брали чаши и утварь, клали на дискосы мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья, и тѣми тканями, которыя были на плечахъ іереевъ божіихъ, покрывали, говоритъ современникъ, себѣ заднія части тѣла; играли на образахъ въ карты или въ шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей *); на большихъ мѣстныхъ иконахъ творили блудное дѣло съ женщинами **).

Изъ разныхъ мѣстъ писались челобитныя къ Димитрію и къ Сапѣгѣ, который былъ тогда сильнѣе Димитрія. Но насилія не прекращались, а увеличивались съ каждымъ днемъ. По примѣру однихъ поступали другіе. Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ признанія Димитрія, какъ русскіе люди возненавидѣли царство его и стали отпадать отъ него.

Крестьяне, выгнанные изъ домовъ, собирались въ шайки, выбирали предводителей и стали мстить за опозоренныхъ и замученныхъ своихъ женъ и дѣтей. Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ поднялись подъ начальствомъ сотника чарочника Ѳедора Краснаго; въ Рѣшмѣ сталъ предводителемъ возстанія крестьянинъ Григорій Лапша. Поселяне Балахонскаго уѣзда ополчились подъ начальствомъ Ивашка Кувшинникова. Въ Городецкомъ—Ѳедоръ Наговицынъ, на Холуѣ—Илейка Деньгинъ стали на челѣ крестьянскихъ шаекъ; всѣ сносились между собою, собрались воедино и грянули на Лухъ, гдѣ были литовскіе люди, сбиравшіе запасы; ихъ разбили, схватили русскихъ дворянъ, цѣловавшихъ крестъ тушинскому вору, и отправили въ Нижній. Въ Шуйскомъ уѣздѣ собралось двадцать пять тысячъ вооруженныхъ чѣмъ

*) Палиц.—А. И. П. 147.

**) Легенд. П. Стар. литер.

ни попало крестьянъ, но имъ не посчастливилось. Суздальскій воевода Плещеевъ пошелъ противъ нихъ въ ноябрѣ и загналъ ихъ въ шуйскій посадъ. Мужики заперлись во дворахъ на смерть и погибли не столько отъ оружія, сколько отъ огня, которому Плещеевъ предалъ весь посадъ.

Это нимало не остановило возстанія. Оно разливалось съ быстротою, и когда перешло въ города, стало крѣпче и соединительнѣе. Край, гдѣ тогда происходило возстаніе, обнималъ пространство по обѣимъ сторонамъ верховой части теченія Волги до Нижняго и по ея притокамъ, на сѣверъ до Бѣлоозера и на югъ до Оки, и составлялъ средину или ядро Московскаго государства и его великорусской народности. Какъ по своимъ топографическимъ свойствамъ, такъ и по характеру народонаселенія онъ представлялъ не только различіе, но во многомъ противоположность съ тѣмъ, что показывалось тогда въ странѣ украинныхъ городовъ на югъ отъ столицы. Мало было приволья для жизни; земли было хотя и большое пространство, но плодородной мало; суровый климатъ, скудость произведеній, угрюмая природа. Работать приходилось много, а добывалось только то, что нужно для первыхъ потребностей. Крестьянинъ жилъ въ курной избѣ, съ своими животными, въ нечистотѣ, обувался въ лапти, одѣвался въ грубый домашній холстъ и въ грубую туземную овчину; ржаной хлѣбъ да жесткая овсяная каша были его обычною пищею; пшеничный хлѣбъ былъ лакомствомъ богатыхъ. Мясо ѣли рѣдко; только рыбы вдоволь было, и рыбная ловля, чрезвычайно разнообразная по своимъ способамъ, была важнѣйшимъ и распространеннымъ занятіемъ. Темнѣйшее невѣжество всѣхъ классовъ, не нарушаемое никакимъ умственнымъ потрясеніемъ, мѣшало возникнуть побужденіямъ добыть новыя средства къ улучшенію жизни. Множество крестьянскихъ деревень разсѣяно было по этому пространству; иныя были очень малы: дво-

ра два, три; онѣ тянули къ селамъ, гдѣ были церкви: надобно замѣтить, что ихъ было не такъ много, какъ теперь. Села и деревни разныхъ владѣній, царскія, дворцовыя, черносошныя (казенныя), владычнія и монастырскія, вотчинныя княжескія и боярскія помѣстья, отдаваемыя служилымъ за службу пожизненно, всѣ, составляя волости по роду ихъ принадлежности, тянули къ городамъ, средоточіямъ управленія, и составляли уѣздъ. Города были двухъ родовъ—большие и малые или пригороды, и послѣдніе тянули къ первымъ по управленію. Обыкновенно около городовъ (но иногда и не близъ городовъ) располагались посады, мѣста торговли и промысловъ, населенные отличнымъ отъ крестьянъ сословіемъ посадскихъ. Но и тѣ и другіе составляли рабочій народъ—тяглыхъ людей, въ противоположность служилымъ. Ихъ отличительною чертою въ общественной жизни была строгая сомкнутость въ общество, называемое міромъ, при огромности семей по числу членовъ и по ихъ тугодѣлимости. Личность каждаго въ отдѣльности ничего не значила прямо предъ государствомъ; каждый зналъ только свой міръ, и общественная дѣятельность его была только подъ условіями міра; міръ за него отвѣчалъ, и онъ несъ отвѣтственность за міръ. Всякая власть, имѣвшая право надъ посадомъ или волостью, обращала свои требованія къ міру. Скосить владѣльцу сѣно, убрать рожь, овесъ или горохъ, давать дворцовому приказчику или монастырскому по сельскому установленные праздничные кормы, отправить даточныхъ въ войско, выслать рабочихъ на городовое дѣло, снарядить подводу, разверстать налоги по промысламъ въ посадѣ, раздѣлить землю въ волости, просить власть о льготахъ, поднять тяжбу объ обидахъ—все это было дѣло міра, а каждому члену этого міра оставалось повиноваться и дѣлать, что велятъ. Власть міра была великою тягостью для народной

дѣятельности, тѣмъ болѣе, что міръ рѣдко даже имѣлъ возможность охранять своихъ членовъ отъ произвола правительственныхъ лицъ: послѣднія всегда могли стѣснять и оскорблять всѣхъ по одиночкѣ, не стѣсняясь міромъ, а на міръ возлагали только отправленіе тягостей. Въ этомъ мірѣ вовсе не играла роли народная громада; имъ правили только такъ называемые лучшіе люди, которыхъ самъ же великорусскій народъ мѣтко окрестилъ «міроѣдами». Изъ этихъ лучшихъ людей исключительно всегда выбирались выборные мірскіе чиновники—земскіе старосты и цѣловальники, таможенные и кабачные головы и цѣловальники; правда, иногда выбирали къ случайнымъ казеннымъ дѣламъ цѣловальниковъ и не изъ лучшихъ людей, но это бывало тогда, когда должность цѣловальниковъ представляла одно отягощеніе и не давала никакихъ выгодъ. Въ волостяхъ были свои суды, но тамъ сидѣли только лучшіе люди; отъ лучшихъ людей зависѣла разверстка земель и налоговъ, и при этомъ лучшія земли они всегда старались приверстать себѣ; также точно и въ посадѣ лучшіе люди устроивали такъ, чтобы себѣ самимъ на счетъ прочихъ было повыгоднѣе въ дѣлахъ торговыхъ, а если случится подать челобитную, то три, четыре отца семействъ изъ лучшихъ людей составляли ее и свои имена ставили на передъ, остальные же и по именамъ не назывались, а считались подающими ее наравнѣ съ ними, въ сущности же имъ приходилось исполнять то, что лучшіе выдумаютъ. Когда въ городъ созывалось собраніе посадскихъ и крестьянъ волостныхъ, то хоть и говорилось, что это собраніе всенародное, а на самомъ дѣлѣ туда приходили одни лучшіе люди; середніе и молодшіе не смѣли появляться, а должны были повиноваться тому, что̀ тамъ постановятъ. Въ это именно время, самоуправство лучшихъ людей дошло до высокой степени, такъ что гдѣ въ дворцовыхъ селахъ не было при-

казчиковъ, тамъ крестьяне сами просили ихъ водворить, лишь бы избавиться отъ произвола лучшихъ людей надъ середними и молодшими, т. е. бѣднѣйшими. Правительственныя лица во всѣхъ видахъ—воеводы и дьяки въ городахъ, приказчики въ дворцовыхъ селахъ, всѣ вообще, подъ какимъ бы они видомъ ни явились, невольно стакивались съ лучшими людьми и мирволили имъ, потому что отъ нихъ получали за то выгоды. Нельзя сказать, чтобы тягость такого положенія не вызывала противодѣйствія; оно было, но страдательное: кому невозможно казалось терпѣть, тотъ бѣжалъ въ Сибирь или въ украинные города, или на Донъ, и оттого-то югъ Московскаго государства—притонъ недовольныхъ силъ—имѣлъ тогда иной характеръ, чѣмъ старое гнѣздо великорусскаго народа, гдѣ оставались тѣ, которые терпѣливо сносили иго тамошняго порядка, хотя, впрочемъ, оно по мѣрѣ побѣговъ становилось еще тяжелѣе, потому что съ этими побѣгами размѣръ повинностей не уменьшался, а еще при тяжелыхъ обстоятельствахъ государства увеличивался и падалъ на меньшее число членовъ міра. Критическое положеніе государства при Шуйскомъ вызывало увеличеніе тягостей, съ обычнымъ произволомъ лучшихъ людей и покровительствующихъ имъ властей; положеніе народной громады тяглыхъ, не принадлежавшихъ къ немногимъ лучшимъ, стало чувствительнѣе: вдругъ имя Димитрія, появившагося подъ Москвою, растревожило эту громаду; пронеслись обѣщанія льготъ; середніе и молодшіе, такъ называемые вообще черные люди увидѣли для себя опору и спасеніе и стали приставать къ Димитрію. Оттого-то вездѣ черные люди производили возстанія въ пользу Димитрія и принуждали признавать его и лучшихъ изъ своихъ братій, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и духовныхъ. Воля почуявшей свою крѣпость громады была страшна; но прошло мало дней — черные люди увидали, что они жестоко об-

манулись; ихъ положеніе не только не стало лучше, но еще хуже. Стали надъ ними безчинствовать, ругаться, своевольствовать — поляки и казаки, и свои дворяне, и дѣти боярскіе, да и тѣ же самые лучшіе люди, признавши Димитрія, могли бы на нихъ налегать по прежнему: къ счастью, послѣдніе не могли сжиться съ властію Димитрія, потому что, будучи богаче изъ тяглаго народа, они первые доставались на разграбленіе ворамъ. Это прекратило возбужденіе страстей: и лучшіе, и середніе, и молодшіе—всѣ соединились за одно, и власть лучшихъ людей взяла тогда верхъ больше, чѣмъ прежде: они стали руководителями громады въ дѣлѣ возстанія противъ вора и его поляковъ. Тогда именно тѣ свойства края, которыя составляли прежде тягость для жизни, начали содѣйствовать этому дѣлу. Привычка подчинять личность волѣ міра, дѣйствовать міромъ, тянуть всѣмъ къ извѣстному средоточію — способствовала скорому переходу народа на сторону Шуйскаго, особенно какъ только возстаніе коснулось городовъ. Стоило только собрать въ городѣ лучшихъ людей, постановить приговоръ,и весь уѣздъ готовъ безропотно поступать, какъ велятъ въ городѣ; тогда уже никакія надежды не тянули никого въ иную сторону. Громада народа, и прежде привыкшая повиноваться тому, что въ городѣ постановлено, теперь безпрекословно готова была за нимъ идти, такъ какъ каждый въ посадѣ и волости привыкъ повиноваться приговору своего міра. Съ другой стороны, и скудость жизни пріучила народъ къ возможности терпѣть и голодъ, и стужу, и всякія лишенія, ни бояться ни смерти, ни мукъ. Въ добавокъ, иноземцы оскорбили тогда послѣднее утѣшеніе и притомъ единственное духовное утѣшеніе народа—вѣру; при тогдашнемъ невѣжествѣ народа, вѣра, конечно, касалась чувствъ только поверхностію наружныхъ признаковъ; но за то, чѣмъ меньше было разсужденія, тѣмъ силь-

нѣе оскорблялось чувство видимымъ нарушеніемъ уваженія къ этимъ признакамъ. Наконецъ, одинъ примѣръ производилъ другой; слыша, что въ одномъ мѣстѣ возстаютъ, возставали и по сосѣдству, заключая, что власть Димитрія не крѣпка; а тутъ еще разносился слухъ, что царь Василій Шуйскій позвалъ нѣмцевъ на помощь, и скоро придутъ союзники, и тогда самый разсчетъ побуждалъ жителей приставать къ Шуйскому: думали, что Димитріева сторона падаетъ, и спѣшили въ пору пристать къ противной сторонѣ, пока можно будетъ избавиться отъ наказанія за измѣну ей.

Города, болѣе зажиточные, чѣмъ села, большею частію только по неволѣ присягали вору, и потому легко стали сбрасывать съ себя эту присягу, какъ только услыхали и увидали, что громада чернаго народа больше не стоитъ за ложнаго Димитрія. Раньше всѣхъ отпалъ отъ Димитрія Галичъ. Какъ только пришли туда литовскіе люди и казаки, галичанамъ показалось нестерпимо, а тутъ пришла грамата отъ царя Василія, гдѣ извѣщали ихъ, что князь Скопинъ ведетъ шведовъ; тогда галичане послали гонцовъ по всему своему уѣзду звать людей всѣхъ званій на всенародную сходку, цѣловали крестъ *) стоять за Москву, за царя Василія и всѣмъ за одно умирать за православную вѣру. Они присудили собрать съ сохи по сту человѣкъ, изъ которыхъ одна половина должна быть пѣшая, а другая конная, да еще кромѣ того призвали многихъ людей, снеслись съ Луговой и Горной Черемисою, готовою воевать за кого бы то ни было, и склонили ее на свою сторону; и Луговая Черемиса прислала Галичу пять тысячъ человѣкъ. Галичъ разослалъ по окрестнымъ городамъ дѣтей боярскихъ и по-

---

*) 4 ноября (14 нов. ст.), Сапѣга зналъ уже объ этомъ; слѣдовательно, отпаденіе Галича случилось еще въ октябрѣ. А. И. II, 204.

садскихъ съ вѣстьми и приглашалъ повсюду жителей составлять ополченія и идти на сходъ къ Галичу. Такіе посланцы поѣхали въ Вологду, въ Тотьму съ граматами, съ тѣмъ, чтобы оттуда списки съ этихъ граматъ посылались далѣе, въ Устюгъ, Соль-Вычегодскую, Вятку, Пермь и на Подвинье. Галичане приглашали приходить къ нимъ въ Галичъ, съ зельемъ и снарядомъ *). За Галичемъ возстала Соль-Галицкая; и тамъ составилось ополченіе и пристало къ Галицкому. Изъ Соли-Галицкой послали вѣстовщиковъ въ разные города. Въ Костромѣ взволновались посадскіе люди въ первой половинѣ декабря, напали на своего воеводу Димитрія Мосальскаго и на бывшихъ съ нимъ литовскихъ людей, перевязали ихъ, посадили въ тюрьму, а сами собрались всѣмъ посадомъ, пригласили служилыхъ — дворянъ и дѣтей боярскихъ, и вмѣстѣ съ ними цѣловали крестъ царю Василію **). Мосальскій подъ пыткою наговорилъ имъ, что тотъ, кого называютъ Димитріемъ — поповъ сынъ Митька съ Арбата отъ Знаменья***). Мосальскому костромичи въ заключеніе отрубили руки и ноги и бросили въ воду. Возстало Бѣлоозеро: туда прибылъ за поборомъ изъ воровскихъ полковъ какой-то Северьянъ Витовтовъ. Бѣлозерцамъ стало тяжело; дошли до нихъ слухи, что въ другихъ мѣстахъ поднялись русскіе люди; и они, по ихъ примѣру, схватили пріѣхавшихъ къ нимъ за поборами и стали пытать, а тѣ наговорили имъ, что московскіе люди побили литовскихъ, и воръ, называющій себя Димитріемъ, хочетъ побить лучшихъ воинскихъ людей, а самъ послѣ того бѣжитъ въ Литву. Бѣлозерцы по этимъ вѣстямъ заключили, что Шуйскій беретъ верхъ надъ воромъ, и отложились отъ вора. За Бѣлоозеромъ отложился отъ вора и присягнулъ

*) А. Э. И. 185.
**) Ibid. 203, 205.
***) Ibid. 192.

Василію Каргополь, куда заонежскіе купцы принесли извѣстіе, что къ Скопину идетъ двѣнадцать тысячъ шведовъ. Каргопольцы, какъ и бѣлозерцы, присягнули потому, что сочли дѣло вора проиграннымъ.

Вологда, присягнувъ по отпискѣ ярославскаго воеводы, сначала ревностно стояла за Димитрія. Черный народъ держалъ въ страхѣ лучшихъ людей, признавшихъ его поневолѣ. Пушкина и Воронова, замѣчая въ нихъ неискренность, низложили. Но вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали туда двое дѣтей боярскихъ отъ Димитрія и стали читать граматы: въ одной исчислялось, что слѣдуетъ вологжанамъ доставлять съ сохи: по 8 лошадей съ саньми, съ рогожами, съ веретеями, да разныхъ запасовъ съ каждой выти; въ другой граматѣ всѣ рыбные ловцы облагались повинностію ловить и доставлять рыбу на имя того, кто называется царемъ Димитріемъ *). Тутъ вологжане почуяли, что имъ будетъ нелегко. Тогда многіе стали говорить между собою шопотомъ: «хоть мы цѣловали крестъ, да поневолѣ; готовы подняться за царя Василія, еслибы только стали съ нами за одно другіе города: Устюгъ, Соль-Вычегодская и Тотьма **). Но 29 ноября пріѣхалъ въ Вологду Ѳедоръ Нащокинъ да Иванъ Веригинъ съ товарищами, а съ ними панъ Ушминскій, литвинъ, съ разнымъ сбродомъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ. Нащокинъ поставилъ другаго воеводу, Булгакова, а прежнихъ — Пушкина и Воронова, велѣлъ сковать, имѣнія купцовъ велѣлъ опечатать и обложить податьми, да еще вымогалъ себѣ поминки въ свое удовольствіе ***). А пріѣхавшіе съ ними пустились по окрестностямъ собирать «стаціи», грабили, безчинствовали,

*) А. Э. II. 180.
**) Ibid.
***) Is. Mass. 122.

и привезли въ Вологду за собою нѣсколько саней съ награбленнымъ; а вслѣдъ за ними пришла толпа обобранныхъ и обиженныхъ мужиковъ съ слезнымъ челобитьемъ. Тутъ вологжане потеряли терпѣнье, перевязали пришедшихъ къ нимъ, возстановили Пушкина и Воронова на прежнихъ мѣстахъ. Плѣнные съ пытки объявили, что въ тушинскомъ таборѣ голодъ; ратные люди простоятъ не болѣе рождественскихъ святокъ, а потомъ разойдутся. Это ободрило вологжанъ. Они сообразили, что воровская сторона слабѣетъ. Въ добавокъ плѣнные показали, что тотъ, кто въ тушинскомъ таборѣ называется Димитріемъ, вовсе не тотъ человѣкъ, что царствовалъ въ Москвѣ и по своей смерти объявленъ разстригою Гришкою Отрепьевымъ; но они не могли согласиться въ показаніи: кто онъ именно. Одинъ называлъ его стародубцемъ, другой — сыномъ Андрея Курбскаго, третій говорилъ, что рода его не знаетъ, но знаетъ только, что онъ воръ. Вологжане, по отдаленности, могли болѣе, чѣмъ жители ближайшихъ къ столицѣ городовъ, склоняться къ вѣрѣ, что тотъ и въ самомъ дѣлѣ Димитрій, кто себя этимъ именемъ называетъ; теперь признаніе его сообщниковъ давало имъ нравственную поддержку. Всѣхъ, пришедшихъ отъ Димитрія, они побили, побросали ихъ тѣла съ горы, и смотрѣли, какъ собаки пожирали эти тѣла *). Пушкинъ и Вороновъ снова привели ихъ къ кресту: стоять за царя Василія и умирать другъ за друга **), и отправили о томъ же граматы въ Тотьму и Устюгъ.

Устюжна въ декабрѣ получила изъ Бѣлоозера отписку съ совѣтомъ — не попрать вѣры и стоять за великаго государя, въ то время, когда пріѣхали туда воровскіе люди править кормы. Устюжане не дали кормовъ, прогнали при-

---

*) Is. Mass. 223.

**) А. А. Э. II. 186.

ставовъ, отправили по окрестности сбирать дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ людей, и въ церкви Рождества Богородицы утвердились крестнымъ цѣлованіемъ стоять и животы положить за царя Василія Ивановича, написали на списокъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ оказалось числомъ 27 и всякихъ чиновъ людей числомъ шесть сотъ, раздѣлили ихъ на сотни, поставили изъ нихъ сотниковъ, пятидесятниковъ и боярскихъ, и послали въ Углицкій и Бѣлозерскій уѣздъ звать къ себѣ служилыхъ; иные пріѣзжали сами, а другихъ силою привозили и смиряли непокоряющихся *).

Тотьма съ Чарондою были отданы Тушинскимъ царемъ атаману Заруцкому **). Русскихъ раздражало то, что ихъ города отдаются иноземцамъ въ отчину. Тотьма, скрѣпя сердце, цѣловала крестъ Димитрію, по граматѣ, присланной изъ Вологды. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали туда двое дѣтей боярскихъ, Палицынъ и Цыплятевъ, да съ ними какой-то панъ съ командою собирать поборы, выпустили изъ тюрьмы опальныхъ, содержавшихся въ Тотьмѣ, и тотчасъ же дали себя знать тотемцамъ. Тутъ приходитъ изъ Галича отписка вмѣстѣ со спискомъ граматы царя Василія; это прислано одному изъ лучшихъ тотемскихъ людей, Козьмѣ Строгонову. Онъ собралъ къ себѣ ночью лучшихъ людей, прочиталъ имъ грамату. Они обрадовались. Черезъ нѣсколько дней, 1 декабря, пришла къ нимъ грамата изъ Вологды о томъ, что Вологда отложилась отъ вора. Тогда и Тотьма возстата, цѣловала крестъ царю Василію и обѣщала быть за одно съ Вологдою.

Устюжане вовсе не цѣловали креста тому, кто назывался Димитріемъ. Когда Вологда признала его, то въ Устюгъ

*) Повѣсть объ Устюжнѣ въ рукоп. Румянцевск. музея.
**) А. А. Э. II, 186.

послана была отъ воеводы Пушкина грамата съ образцомъ крестоцѣловальной записи царю Димитрію; но въ тоже время устюжане получили грамату отъ царя Василія, и пришло къ нимъ извѣстіе, что Галичъ и Кострома отложились отъ Димитрія. Устюжане разсудили такъ: неизвѣстно, чья возьметъ; не лучше ли выждать и пристать къ тому, кто будетъ посильнѣе и за кѣмъ будетъ имъ спокойнѣе. Уговаривая сосѣдей своихъ сольвычегодцевъ не спѣшить цѣловать креста Димитрію, они выражались въ своей отпискѣ такъ: «помыслите, на чемъ вы дали душу свою царю Василію; если услышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю русскую землю, — до насъ еще далеко; успѣемъ съ повинною послать; а если мы послушаемъ Никиты (Пушкина, вологодскаго воеводы), то будетъ выслуга ему, а не намъ. Помыслите міромъ крѣпко и не спѣшите крестъ цѣловать: не угадать, на чемъ совершится» *). Такъ писали устюжане въ послѣднихъ числахъ ноября. «Такъ-то, разсуждаетъ современникъ — слыша, что раззоряются города и во огненныя пещи превращаются, мы не болѣзновали объ изгнанникахъ и даже домовъ своихъ не отворяли имъ, а говорили: эта бѣда еще далека отъ насъ и минуетъ насъ» **).

Немного дней спустя пришла изъ Вологды грамата, гдѣ тотъ же Никита Пушкинъ уговаривалъ стоять за царя Василія. Дошла къ устюжанамъ вѣсть, что уже возстало много городовъ противъ вора. Надѣясь, что дѣло Шуйскаго пойдетъ успѣшно, они цѣловали крестъ стоять за царя Василія и положили съ посада и со всего уѣзда собрать по десяти человѣкъ съ сохи. Лучшіе люди снаряжали воиновъ отъ себя наймомъ; иные шли «охочими своими головами». Нарочные побѣжали въ Соль-Вычегодскую, Пермь, Вятку,

*) А. Э. II, 183.

**) Погод. сбор. 931.

съ граматами. Въ Соли-Вычегодской собрали съ малой сошки (80 четв. посѣва) по четыре человѣка, а братья Строгановы (Максимъ, Никита, Андрей, Петръ) по 5 человѣкъ съ сошки *).

Вслѣдъ за Устюгомъ и Солью-Вычегодскою, поселенія на берегахъ Сухоны, Выми, Сысолы, поднялись, собрали ратныхъ людей и отправили на соединеніе съ сольвычегодцами **). Собранные отряды шли въ Вологду, а оттуда въ Галичъ, или же прямо въ Галичъ и Кострому.

Между тѣмъ, съ другой стороны возстаніе получало силу. Нижній и Казань упорно не поддавались вору, хотя кругомъ ихъ города и волости передались ему. Бояринъ Өедоръ Шереметевъ, стоявшій до того времени въ Бальчикѣ подъ Астраханью, прибылъ въ Казань съ своимъ полкомъ. Въ Нижнемъ были воеводами Алек. Андреев. Рѣпнинъ и Андрей Михайлов. Алябьевъ. Послѣдній заправлялъ тогда всѣмъ и поддерживалъ покорность царю Василію. Нижегородцы списались съ Шереметевымъ. По ихъ просьбѣ, Шереметевъ прислалъ изъ Казани отрядъ, состоявшій, кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, изъ татаръ и башкирцевъ. Алябьевъ составилъ еще мѣстное ополченіе: въ него, кромѣ русскихъ служилыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, вошли иноземцы. Тамъ были нѣмцы, волохи, турки, сербы. Эти иноземцы въ разныя времена взяты были въ плѣнъ въ предшествовавшія польскія войны, поселены въ Нижегородскомъ краѣ, надѣлены помѣстьями, и, обжившись, вошли уже въ русскую жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ были свѣдущѣе московскихъ людей въ ратномъ дѣлѣ и теперь пригодились. Съ такими силами Алябьевъ пошелъ на Балахну, и требовалъ, чтобы этотъ городъ отпалъ отъ вора и призналъ власть Шуйскаго. Когда онъ доходилъ до

*) А. А. Э. II, 190.
**) А. А. Э. II, 200.

Балахны, балахонцы вышли къ нему на встрѣчу изъ своего города, 8 декабря вступили въ бой, были разбиты, потеряли знамена, нарядъ и набаты. Балахонскій воевода Степанъ Голенищевъ, нѣсколько лучшихъ посадскихъ людей и казачій атаманъ Тимоха Толкаевъ, приводившій Балахну къ крестному цѣлованію на имя Димитрія, были взяты и отвезены въ тюрьму въ Нижній до государева указа. Балахонцы всѣмъ городомъ принесли повинную и цѣловали крестъ царю Василію. Но тутъ же нижегородцы услыхали, что на ихъ городъ наступаетъ ратная сила изъ Арзамаса, и поспѣшили домой. Алябьевъ успѣлъ вскочить въ городъ прежде, чѣмъ враги подступили къ нему. Кромѣ татаръ и черемисъ на него шли и свои нижегородцы, предпочитавшіе служить Димитрію вмѣсто Шуйскаго. Мѣстоположеніе Нижняго на высокой и крутой горѣ не таково, чтобы съ нимъ легко было справиться. 5 декабря, Алябьевъ сдѣлалъ вылазку и разбилъ своихъ сопостатовъ. Взято въ плѣнъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ; гнали воровское войско верстъ за шестнадцать. Ночь спасла его. Побѣдители взяли знамена, набаты. Воротившись въ свой городъ, они услышали, что съ другой стороны идетъ новое полчище и уже находится въ селѣ Ворсмѣ; они выступили снова изъ города, и, не доходя 5 верстъ до села Ворсмы, за 40 верстъ отъ Нижняго *), разбили воровскихъ людей, нахватали плѣнныхъ, дошли до Ворсмы и зажгли это село за приверженность къ Димитрію. На другой день нижегородцы подошли къ селу Павлову, встрѣтили тамъ еще одно воровское ополченіе, и его разбили; и тамъ побрали знамена и взяли въ плѣнъ людей **). Эти успѣхи ободрили нижегородцевъ. Они рѣшились идти въ дальнѣйшіе города и волости и принуждать отлагаться отъ

*) А. А. Э. II, 204.
**) А. А. Э. ibid.

вора. И вотъ, они послали грозную грамату въ Муромъ и требовали, чтобы тамошніе жители покаялись, цѣловали крестъ царю Василію и прислали въ Нижній повинную *). Въ Гороховцѣ, Ярополчей волости (Вязникахъ), Павловомъ острогѣ, Шуѣ, принадлежавшемъ тогда Суздальскому уѣзду посадѣ, и въ другихъ волостяхъ того же уѣзда возстали жители по ихъ призыву и цѣловали крестъ царю Василію **). Около того же времени, въ Лухѣ схватили стоявшаго тамъ съ ворами пана Арамскаго и отправили въ Нижній ***).

IX.

Походъ Лисовскаго на Кострому и Галичъ.—Сборъ возстанія въ Вологдѣ.—Положеніе сѣверовосточнаго края.—Пораженіе Вяземскаго.—Походъ нижегородцевъ.—Возстаніе Владимира, Ярославля и другихъ городовъ.—Новый походъ Лисовскаго.—Попытка взять Владимиръ и Ярославль.—Походъ на Кострому.—Неудачи Лисовскаго и Наумова.—Шереметевъ.—Пораженіе инородческихъ скопищъ.—Походъ Шереметева на Владимиръ.—Плачевное состояніе народа.

Какъ только вѣсть о возстаніи восточныхъ областей достигла Тушина, оттуда для усмиренія отправился съ отрядомъ князь Семенъ Вяземскій, а суздальскій воевода Плещеевъ получилъ приказаніе укрощать возстаніе въ Переяславлѣ. Сапѣга изъ-подъ Троицы отправилъ на то же дѣло Стравинскаго, потомъ Лисовскаго. Съ Лисовскимъ было четыре роты поляковъ (въ 180 человѣкъ каждая); къ нимъ присоединились двѣ тысячи запорожцевъ, да тысяча человѣкъ ярославскихъ и галицкихъ дѣтей боярскихъ, еще вѣрныхъ вору. Они пошли на Ярославль. Этотъ городъ не успѣлъ еще возстать. Его хотѣлъ было поднять солепромышленникъ Данило Эйловъ, нидерландецъ по происхожде-

*) А. И. II. 142.
**) А. И. II. 144. 418.
***) А. А. Э. II, 205.

нію, по православной вѣры; онъ снарядилъ на свой счетъ отрядъ, вооружилъ луками, топорами и копьями, но посланный противъ него Лисовскимъ отрядъ уничтожилъ это возстаніе въ зародышѣ. Тысяча человѣкъ погибли въ соловарнѣ Эйлова. Нѣсколько возмутившихся деревень были сожжены. Самъ Эйловъ спасся съ тремя дочерьми въ погребѣ и остался живъ по ходатайству вѣрнаго Димитрію иноземца Шмитта, заплативши за себя 600 таллеровъ откупу *).

Ополченія Галицкаго уѣзда и галицкихъ пригородовъ пошли противъ Лисовскаго, но, не доходя до Ярославля двухъ верстъ, дѣти боярскіе, галичане и костромичи испугались, передались Лисовскому и начали отнимать галицкій «огненный нарядъ», чтобы перевести его на сторону Лисовскаго, а посошные люди солигалицкіе, галичане, галицкихъ пригородовъ, — бѣжали назадъ, стараясь увезти нарядъ съ собою. Лисовскій, усиливъ свой отрядъ измѣнниками, погнался за ними до Костромы. Здѣсь бѣгущіе крестьяне, подкрѣпляемые костромскими силами, дали бой, но костромскіе дѣти боярскіе, которые вышли было къ нимъ на помощь, измѣнили, подобно своимъ товарищамъ подъ Ярославлемъ, и крестьяне разбѣжались вновь. 29 декабря, Кострома сдалась. Тутъ къ Лисовскому пристали и остальные костромскіе дѣти боярскіе, не хотѣвшіе служить Шуйскому **).

За Костромою былъ взятъ Галичъ; посадъ былъ сожженъ. Люди разбѣжались въ лѣса. Крестьяне изъ Галицкаго уѣзда бѣжали къ сѣверу и строили засѣки въ лѣсахъ. Изъ Галича Лисовскій послалъ Пудковскаго въ Соль-Галицкую привести къ вѣрѣ Димитрію жителей и наложить

---

*) А. А. Э. II, 203.
**) А. А. Э. II, 193

на нихъ окупъ — 250 р., за то, чтобы не раззорять ихъ. Лисовскій разсчелъ, что чѣмъ жечь и истреблять ихъ имущества, гораздо лучше продать ихъ имъ самимъ. Въ Соли-Галицкой, около посада, острога вовсе не было, а въ городѣ стѣны согнили; недоставало ни наряду, ни пороха. Поэтому защищаться не было никакой возможности. Одни изъ жителей убѣжали въ засѣки. Другіе же, получивъ предложеніе Лисовскаго, должны были, по выраженію ихъ самихъ, «съ правежу животишки свои исцѣня, да тѣ деньги собравъ, въ откупъ дать, чтобы изъ Галича воры къ нимъ войною не приходили и домовъ ихъ не раззоряли и не пожгли, и женъ и дѣтей не поругали *).»

Трудно было пуститься зимою въ далекій путь на сѣверъ, когда жители готовы были встрѣчать гостей недружелюбно. Лисовскій, довольный тѣмъ, что задалъ острастку непокорнымъ, воротился въ Тушино, и возстаніе открылось съ большею силою. Еще когда Лисовскій усмирялъ Кострому и Галичъ, оно возникало въ другихъ городахъ. 15 декабря, поднялось Пошехопье; тамъ устроилъ дѣло вологжанинъ Ларіонъ Монастыревъ; онъ привелъ ко крестному цѣлованію дѣтей боярскихъ и волостныхъ людей Пошехонскаго уѣзда на имя царя Василія. Возстали около того же времени уѣзды Кашинскій, Бѣжецко-Верховскій и Городецкій. На Устьрѣцкомъ стану, 21 декабря, переловили поляковъ, собиравшихъ поборъ; послали по волостямъ и погостамъ приводить жителей къ крестному цѣлованію царю Василію; отправили граматы въ Тверь и Торжокъ съ увѣщаніями стоять противъ воровъ и измѣнниковъ, и противъ польскихъ и литовскихъ людей **). На Устюжну пошло изъ Углича ополченіе, составленное изъ

*) А. И. II, 205.
**) А. А. Э. II, 192.

черкасъ, нѣмцевъ и русскихъ воровъ. Противъ нихъ пошелъ избранный въ Устюжнѣ воеводою, прибывшій изъ Москвы, Андрей Петровичъ Ртищевъ, да присланный изъ Бѣлоозера на подмогу Ѳома Подщипаевъ; они были на голову разбиты у деревни Батѣевки 5 января, и, по слѣдамъ ихъ, подошли непріятели къ Устюжнѣ; но тогда, говорятъ, былъ пономарю церкви Рождества Богородицы гласъ: «не устрашайтеся, православные христіане, не отпадайте; не дамъ дома своего на раззореніе иноплеменнымъ.» Враги отошли отъ Устюжны и не взяли ее, хоть въ ней почти не было укрѣпленій. Устюжняне приписывали это событіе заступничеству Богоматери. Послѣ того они принялись укрѣплять посадъ, прорыли ровъ, вколотили надолбы, набросали подметныхъ каракуль (желѣзныхъ фигуръ для порчи ногъ у непріятельскихъ лошадей) готовили пушки, пищали, ядра и дробь, и послали въ Новгородъ просить пороха; на ихъ счастье успѣли имъ доставить пороха, а между тѣмъ на нихъ шелъ другой — посильнѣе—отрядъ изъ Тушина подъ начальствомъ поляковъ Петрицкаго и Казановскаго. Не доходя до Устюжны, они послали въ городъ грамату, приглашая устюжнянъ покориться и повиниться. Но устюжняне не послушали. Въ рать у нихъ набилось много разныхъ людей, но мало было такихъ, которые были свѣдущи въ ратномъ дѣлѣ. Враги подступили въ ночь съ 2 на 3 февраля, пострѣляли по острогу, сожгли оставленную часть посада съ двумя церквами, отошли на мѣсто, называемое Подсосенье, за версту отъ Устюжны, и 4 февраля передъ разсвѣтомъ двинулись оттуда со щитами и возами, нагруженными соломою съ сѣрой для сожженія стѣнъ. Но тогда священники вынесли икону Богоматери къ воротамъ, посвященнымъ имени св. Димитрія (вѣроятно потому, что тамъ стояла икона этого святаго), куда направляли приступъ. Разсказывали: когда священники пришли въ цер-

ковь за этой иконою—она сама двинулась съ своего мѣста и стала посреди церкви. Когда икона появилась на стѣнѣ, — это такъ воодушевило устюжнянъ, что они начали дружно отбиваться и воры отступили. Осажденные сдѣлали вылазку, отняли у нихъ мѣдную пушку и взяли въ плѣнъ пушкаря, по имени Капусту, котораго разсѣкли на части, и голову его воткнули на высокое дерево. 9 февраля, усиленные новымъ отрядомъ враги снова пошли на приступъ съ разныхъ сторонъ; горожане опять обратились къ Богородицѣ, и враги снова отступили. Тогда часть ихъ, наскучивъ неудачами, ушла за рѣку Мологу, а другая, отступивъ въ Подсосенье, на другое утро опять сдѣлала нападеніе. Враги съ крикомъ пускали въ острогъ стрѣлы съ зажженною соломою. Лѣзли на стѣны острога, а горожане лили на нихъ кипятокъ съ каломъ. Горожане стали было терять духъ, но священники вынесли снова образъ Богоматери при колокольномъ звонѣ на стѣну,— набрались устюжпяне мужества, отбивались дружно и отняли у враговъ знамя. Враги отступили и уже не нападали на городъ. Устюжпяне въ память этого событія установили празднество въ честь Богородицы, февраля въ 10 день [1]).

На другой сторонѣ шуяне, разбитые Плещеевымъ, собрались въ новое ополченіе, подъ начальствомъ костромича Өедора Боборыкина. Къ нему пришелъ на помощь изъ Юрьева съ своею шайкою чарочникъ Өедоръ Красный. Плещеевъ выступилъ противъ нихъ. Они заперлись въ селѣ Даниловѣ. 11 февраля былъ бой; Суздальскій воевода былъ разбитъ и бѣжалъ въ Суздаль [2]). Боборыкинъ погнался за нимъ, но ему не удалось взять Суздаля [3]). Большая шайка воровскихъ людей разбила черныхъ людей въ селѣ Дани-

1) Рукоп. Румянц. музея, № 378.
2) А. И. II, 178.
3) А. И. II. 178.

ловскомъ, взяла острогъ приступомъ. Много народа пропало.

Присмирѣвшіе костромичи, тотчасъ послѣ ухода Лисовскаго, услышавъ, что къ нимъ идетъ помощь изъ Вологды, поднялись въ первыхъ числахъ марта и начали мстить своимъ дѣтямъ боярскимъ, которые измѣнили общему дѣлу. До двухъ сотъ человѣкъ замучили; не пощадили ихъ женъ и дѣтей, обрѣзывали у младенцевъ руки и ноги и вкладывали матерямъ въ ротъ, разрѣзывали беременныхъ женъ измѣнниковъ, сдирали съ живыхъ кожи *). Оставленный Лисовскимъ, воровской воевода Вельяминовъ успѣлъ съ ратными людьми запереться въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Вслѣдъ за Костромою возстали Галичъ и Соль-Галицкая. Приговорили собрать по двадцать человѣкъ съ сохи; готовились идти всѣ своими головами. Галичане послали гонцовъ въ сѣверные города, извѣщали, что литовскіе люди и русскіе измѣнники воюютъ села, разоряютъ церкви, обдираютъ образа, бьютъ крестьянъ, безчестятъ женщинъ **). Умоляли о помощи. Писали, что литовскіе люди и воры намѣреваются идти на Вологду и на Сухону воевать дальнія мѣста. По такимъ отпискамъ, устюжане и сольвычегодцы собрали вновь по 5 человѣкъ съ малой сошки на «заставу», и послали въ Вологду на соединеніе съ ополченіями Вологды и Тотьмы. Кромѣ устюжанъ и сольвычегодцевъ, бѣлозерцы, чарондцы, каргопольцы, жители береговъ Ваги и Двины собирали ратныхъ людей и отправляли въ Вологду. Этотъ городъ сдѣлался сборнымъ средоточіемъ возстанія для всего сѣвера. Со времени открытія бѣломорскаго торговаго пути, Вологда быстро возвышалась и богатѣла. Она была главнымъ перевозочнымъ мѣстомъ между Бѣ-

*) Никон. лѣтоп. 111.
**) А. А. Э. II, 202.

лымъ моремъ и Москвою. Зимою съѣзжались туда подводы съ товарами для отправки весною къ морскому порту, а осенью скоплялись привезенные водою иностранные товары и съ наступившимъ зимнимъ путемъ развозились конно въ Москву и по всему государству. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, въ Вологдѣ образовались капиталы; купцы, какъ и вездѣ зажиточные люди, держались Шуйскаго, и только въ крайнемъ случаѣ, ради спасенія своихъ имуществъ, уступили было черни и присягнули вору. Но теперь, когда они стали увѣреннѣе, что дѣла Шуйскаго поправляются, что черный народъ, испытавъ обманчивость надеждъ на Димитрія, не стоитъ больше за это имя, они стали помогать возстанію всѣми силами. Торговцы давали деньги. Большая потребность досчаниковъ и подводъ привлекала туда много рабочаго крестьянскаго народа. Образовалась привычка у народа скопляться въ Вологдѣ. Отъ этого изъ Вологды удобнѣе, чѣмъ изъ другаго мѣста, было расходиться воззваніямъ и собирать въ Вологдѣ ратныхъ людей. Сверхъ того, Вологда на сѣверѣ имѣла и религіозное значеніе. Тамъ и въ окрестностяхъ ея было много святыни. Тогда распространили слухъ, что св. Димитрій Прилуцкій у своей гробницы явился нѣкоему старцу, велѣлъ ему взять свой образъ и привезти въ городъ. Вологодскій владыка, вологодскій воевода Пушкинъ, всѣ ратные люди, собравшіеся тогда въ Вологдѣ, и много народа встрѣтили этотъ образъ на площади 4 января, поставили его въ церкви св. Спаса и дали обѣщаніе, въ воспоминаніе этого событія, построить на площади храмъ св. Димитрія Прилуцкаго *).

Не смотря однако на всеобщую рѣшимость возстать всѣмъ міромъ за русскую землю, не обошлось безъ смутъ

*) А. А. Э. II, 196.

и ссоръ между городами. Тотьма не ладила съ Вологдою. Воеводу Пушкина и дьяка Воронова за то, что они прежде приводили ко кресту на вѣрность вору, обзывали измѣнниками. Одинъ изъ воровъ, пойманный и присланный въ Тотьму, показывалъ на Пушкина, будто онъ тайно сносится съ ворами и обѣщаетъ сдать Вологду, когда будетъ послано туда воровское войско *). Устюжане, не присягавшіе вовсе Димитрію, не могли простить вологодскимъ начальнымъ людямъ ихъ временной шатости и посылали въ Вологду отписки, обращаясь прямо къ вологодцамъ и не упоминая вовсе о воеводѣ и дьякѣ, такъ что вологодцы въ своей отпискѣ къ устюжанамъ должны были это замѣтить и увѣрять, что воевода Пушкинъ и дьякъ Вороновъ обо всемъ радѣютъ единомышленно съ вологодцами **). Сверхъ того была неисправность въ поставкѣ средствъ къ содержанію рати. Сборные ратные люди получали жалованье помѣсячно изъ тѣхъ городовъ и уѣздовъ, откуда были высланы въ Вологду на сборъ; но усольскіе ратные люди жаловались, что имъ не присылаютъ къ сроку жалованья, и грозили разойтись по домамъ ***). Вообще на словахъ оказывалось рвенія больше, чѣмъ на дѣлѣ. Такъ Пермь то и дѣло что присылала отписки съ увѣреніями въ непоколебимой вѣрности царю Василію, но ратныхъ силъ не присылала. Устюжане и сольвычегодцы не одинъ разъ выговаривали пермичамъ, что они только на словахъ показываютъ свою вѣрность. Вообще, чѣмъ дальше лежали отъ Москвы области Московскаго государства, тѣмъ меньше были привязаны къ его средоточію. Во первыхъ, громада сельскаго населенія состояла тамъ въ большемъ размѣрѣ изъ поко-

*) А. А. Э. II, 195.
**) А. А. Э. II, 203.
***) А. А. Э. II, 191.

ренныхъ инородцевъ, которые, разумѣется, не имѣли сердечной любви къ Москвѣ, для которыхъ существованіе и крѣпость Московскаго государства не составляли важной потребности, которымъ было все равно: будутъ ли править ими русскіе, или поляки, Димитрій или Василій, будутъ ли они, наконецъ, принадлежать Москвѣ, или другому какому нибудь центру; во вторыхъ,—самое русское населеніе, еще рѣдкое въ то время, состояло въ значительномъ количествѣ изъ такихъ переселенцевъ, которые выходили изъ мѣста своей родины не съ пріятнымъ воспоминаніемъ о прежнемъ житьѣ, напротивъ, по опыту находили, что чѣмъ дальше отъ средоточія московской жизни, тѣмъ живется привольнѣе и легче, и не связывались съ нимъ путемъ тѣсныхъ, добровольныхъ сношеній. Отъ этого у нихъ на первомъ планѣ стояли свои мѣстныя выгоды и цѣнились ими выше государственныхъ. Такимъ образомъ, жители отдаленныхъ восточныхъ городовъ, во время всеобщаго бѣдствія Московскаго государства, не стѣснялись извлекать себѣ выгоды изъ печальнаго положенія соотечественниковъ. Такъ, верхотурскіе жилецкіе люди доставляли служилымъ людямъ, шедшимъ на войну за вѣру и русскую землю, хлѣбъ съ пескомъ и камешками. Оттого и содѣйствіе сѣверовосточнаго края въ дѣлѣ возстанія было очень слабо. Уже 17 марта, устюжане жаловались, что изъ пермской земли войска не прислано вовсе. Только и пришло, что нѣсколько охочихъ людей. Въ концѣ марта изъ Кайгородка, Вымской земли и Соликамской пришло еще всего девяносто шесть человѣкъ *).

Кое-какъ въ мартѣ собралось въ Галичѣ ополченіе: оно преимущественно состояло изъ поселянъ. Часть была на лыжахъ, часть на лошадяхъ. Надежныхъ воеводъ не было.

*) А. И. II, 209.

Ополченіе раздѣлялось на десятки и состояло подъ начальствомъ выбранныхъ головъ, и было совсѣмъ неспособно къ битвѣ съ опытнымъ настоящимъ войскомъ. Люди военные, дѣти боярскіе галицкой земли и галицкихъ григородовъ объявились уже въ измѣнѣ: имъ не вѣрили, хотя они и давали повинныя за своими руками *). Въ апрѣлѣ, надъ этимъ ополченіемъ выбранъ былъ воевода Давыдъ Жеребцовъ; оно двинулось къ Костромѣ и 1 мая осадило Вельяминова въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ, съ другой стороны, продолжалъ дѣло возстанія Нижній Новгородъ. По возвращеніи Лисовскаго изъ Галича, изъ Тушина въ январѣ посланъ былъ князь Семенъ Вяземскій съ ополченіемъ подымныхъ (т. е. собранныхъ по числу дымовъ или домовъ) людей. Противъ него вышелъ Алябьевъ, вступилъ въ бой и побѣдилъ. Самъ князь Вяземскій попалъ въ плѣнъ, и въ Нижнемъ Новгородѣ его повѣсили, не сносясь даже съ царемъ Василіемъ. Побѣдивши Вяземскаго, неутомимый Алябьевъ съ своими нижегородцами пошелъ на Муромъ. Муромцы принесли повинную. Литовскіе люди и русскіе воры бѣжали во Владиміръ. Ободренные приближеніемъ нижегородцевъ, окрестные черные люди удвоили свою готовность къ возстанію; новыя шайки появлялись; прежнія возрастали. Противная сторона не только не опомнилась, но еще больше раздражала народъ наглостію и безчинствами. Ярославскій воевода князь Барятинскій писалъ въ Тушино къ своему царику, что онъ живетъ въ Ярославлѣ въ большихъ бѣдахъ. Съ одной стороны, ему угрожаютъ мужики, поднявшіеся противъ Димитрія за Шуйскаго, а съ другой—литовскіе люди, казаки и свои сторонники русскіе безчинствуютъ и раздражаютъ народъ; онъ просилъ прислать побольше

*) А. И. II, 206.

польскихъ и литовскихъ людей для обереженья, но въ то же время просилъ вывести польскихъ и литовскихъ людей изъ селъ, признающихъ власть Димитрія, и дозволить имъ опустошать села державшихся Шуйскаго владѣльцевъ (измѣнничьи) [1]). Точно также суздальскій воевода Плещеевъ и владимирскій Вельяминовъ жаловались Сапѣгѣ на грабежи и убійства, чинимые въ ихъ уѣздахъ жителямъ отъ литовскихъ и русскихъ загонныхъ людей. Напрасно просили Сапѣгу писать къ нимъ съ великою угрозою. Тѣ же воеводы нуждались въ ратныхъ людяхъ и просили о ихъ присылкѣ, а пришедшіе ратные люди дѣлали то же, что дѣлали загонные [2]).

Однѣ толпы поднимались за Шуйскаго и за Московское государство противъ иноземцевъ и своихъ, которыхъ они называли измѣнниками; другія (изъ дѣтей боярскихъ и татары) поднимались за Димитрія, называли измѣнниками тѣхъ, которые служатъ Шуйскому. И тѣ, и другіе вооружались подъ знаменіемъ вѣры и правды; и тѣ, и другіе обвиняли своихъ враговъ, что они ругаются надъ божьими церквами и образами [3]). Таково было состояніе края въ окрестностяхъ Владимира и Суздаля, когда изъ Мурома въ концѣ марта Алябьевъ послалъ отрядъ ко Владимиру и 700 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ подъ главнымъ начальствомъ воеводы Микулина [4]), присланнаго Шереметевымъ съ Низу.

Владимирцы, которымъ уже трудно стало терпѣть своевольства, грабежи и всякаго рода насилія отъ воровскихъ людей, взволновались, отложились отъ вора и цѣловали крестъ Василію. Воевода Вельяминовъ, по русскимъ из-

---

[1]) А. И. II, 179.
[2]) Ibid. 192.
[3]) Ibid. 160.
[4]) А. И. II, 202.

вѣстіямъ, не успѣлъ счастливо уйти, какъ это удавалось его товарищамъ въ иныхъ городахъ. Его поймали, повели въ соборную церковь и предложили ему *поновиться* (исповѣдь). Его духовный отецъ *поновилъ* его, потомъ вывели его на площадь и сказали владимирцамъ: «вотъ врагъ Московскаго государства.» Его убили каменьями. Немедля цѣловали крестъ царю Василію и отправили челобитную съ повинной *). По польскимъ извѣстіямъ **), Вельяминовъ сначала сдался рати Шуйскаго и вышелъ къ ней съ хлѣбомъ съ солью, былъ оставленъ на воеводствѣ, а потомъ, когда приступили къ Владимиру сторонники Димитрія, сталъ съ ними сговариваться, какъ сдать имъ городъ; они ему не повѣрили, подозрѣвая, что онъ поставилъ засаду и хочетъ ихъ заманить для того, чтобы, какъ они войдутъ въ посадъ, на нихъ со всѣхъ сторонъ ударить и стѣснить. Но оба эти извѣстія согласимы. Вельяминовъ, признавши Шуйскаго, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ заманить враговъ и погубить, и для этого съ ними сносился, но народъ, узнавши про это, счелъ его измѣнникомъ и убилъ.

Вскорѣ послѣ того отпалъ отъ вора Ярославль. Вотъ какъ было дѣло. Составленное въ Вологдѣ, какъ выше было разсказано, ополченіе пошло къ Волгѣ подъ начальствомъ присланнаго къ нему отъ Михайла Скопина-Шуйскаго воеводы Никиты Вышеславцева. Это ополченіе достигло въ мартѣ города Романова. Дворяне и дѣти боярскіе этого уѣзда держались вора, черные люди царя Василія; между двумя сторонами сдѣлался бой; одолѣли черные люди ***)и пристали къ Вышеславцеву. Городъ Романовъ былъ взятъ. Романовскіе татары, сторонники вора, бѣжали. Изъ Романова Вышеславцевъ разослалъ гонцовъ по

*) А. И. II, 226.—Ник. 114.
**) Diar. Sapiehy.
***) А. И. II, 179.

окрестностямъ съ грамотою, гдѣ увѣрялъ, что называющій себя Димитріемъ воръ и богоотступникъ. «Сами видите, что дѣется», писалъ онъ: — «матерей вашихъ и женъ на постелю емлютъ и домы ваши раззоряютъ и васъ побиваютъ [1].» Сторонникъ вора Петръ Головинъ вышелъ было противъ него съ подымными людьми, согнанными насильно изъ селъ и деревень, но эти воины, какъ увидали идущихъ противъ себя своихъ братій, перешли на ихъ сторону. Головинъ едва ушелъ въ Ярославль. Романовцы гнались за нимъ, но не догнали [2]. Ополченіе двинулось изъ Романова къ Ярославлю 16 марта [3]. Тутъ стали приставать къ нему дѣти боярскіе и казаки приволжскихъ городовъ и ярославцы. Вышеславцевъ остановился близъ Ярославля въ селѣ Егорьевскомъ. Русскіе сторонники тушинскаго царя, съ литовскими людьми и казаками, 7 апрѣля, подъ начальствомъ Самуила Тышкевича, подошли къ стану Вышеславцева; но когда началась битва и неопытные въ ратномъ дѣлѣ крестьяне, такъ называемые лѣсники, стали подаваться, ярославскіе дѣти боярскіе, стоявшіе въ задней части рати Тышкевича, ударили сзади на поляковъ и на своихъ воровъ, а спереди наперъ на нихъ Вышеславцевъ съ воеводами Овсѣемъ Резановымъ и Ѳедоромъ Леверьевымъ: они были разбиты на голову [4]. Въ Ярославлѣ сдѣлалась тревога.

Этотъ торговый городъ, стоявшій на перепутьи торговаго сообщенія Москвы съ Бѣлымъ моремъ, былъ населенъ купцами русскими и иностранцами. Для сохраненія своихъ товаровъ и капиталовъ, они присягнули Димитрію, не видя впереди, чтобы Шуйскій могъ взять верхъ. Въ

---

1) А. И. II, 176.
2) А. И. II, 193.
3) А. И. II, 216.
4) Diar. Sapiehy.

Ярославлѣ было значительное число иностранныхъ торговцевъ, пріобрѣвшихъ тамъ осѣдлость, нѣмцевъ и англичанъ, для которыхъ, разумѣется, по отношенію къ Московскому государству не существовало нравственныхъ убѣжденій. Скоро пошли на жителей тягости за тягостями. Они доставили въ тушинскій лагерь 30 тысячъ рублей готовыми деньгами. На нихъ наложили повинность снарядить на свой счетъ тысячу конныхъ ратныхъ людей; сверхъ того они должны были давать съѣстные припасы поставленнымъ въ городѣ ратнымъ людямъ; наконецъ, паны-браты, какъ называетъ ихъ нѣмецъ, посовѣтовавшись, сочли ненужнымъ платить ярославцамъ за товары, а стали у нихъ брать безъ денегъ: что кому понравится, тотъ и беретъ себѣ въ первой лавкѣ. Чуть не по нраву русскій поляку, — полякъ его бьетъ, а иногда и русскій поляка отколотитъ. Кромѣ того, въ этотъ городъ, который славился изобиліемъ всякой роскоши, пріѣзжали нарочно изъ тушинскаго обоза за припасами къ царскому обиходу. Такъ, въ ноябрѣ 1608 г., пріѣзжалъ туда стряпчій Щепинъ собирать царику сахаръ въ головахъ и разныя пряности и лакомства. Съ нимъ были его холопи и донскіе казаки. Двое удалыхъ посадскихъ да двое монастырскихъ слугъ подобрали себѣ товарищей и зазвонили на всполохъ; набралось до тысячи человѣкъ, напали на дворъ, гдѣ остановился стряпчій, разбили ворота, разломали заборъ; самъ стряпчій ушелъ, преслѣдуемый ругательствами; одного изъ его слугъ убили, другаго ограбили; взяли и у стряпчаго все, что онъ везъ своему царю изъ Ярославля *). Такія вспышки повторялись и послѣ; возмущенія оканчивались грабежемъ; грабители спасались бѣгствомъ, а поляки и русскіе сторонники вора послѣ того сильнѣе утѣсняли остальныхъ жителей, и день

*) Челобит. въ дѣлахъ арх. комм.

ото дня положеніе ярославцевъ было невыносимѣе. Это было поводомъ къ тому, что всѣ жители Ярославля заволновались, едва только подошелъ къ городу Вышеславцевъ.

Воевода князь Өедоръ Барятинскій съ дьякомъ Богданомъ Сутуповымъ напрасно хотѣли удержать городъ въ повиновеніи: связали двухъ приверженцевъ Шуйскаго, волновавшихъ городъ; но потомъ, сами, спасая собственную жизнь, убѣжали; за ними послѣдовали сторонники вора. Литовскихъ людей, которые тамъ находились, побили; успѣлъ убѣжать только одинъ ихъ начальникъ Тышкевичъ *). Начальство въ Ярославлѣ приняли князь Петръ Ахамашуковъ да Григорій Тушинъ **). 6 апрѣля, они встрѣтили Вышеславцева съ образами, съ хлѣбомъ-солью. Городъ, а за нимъ и уѣздъ его, цѣловали крестъ Василію.

По примѣру Ярославля отпали отъ вора Молога, Рыбная Слобода, города: Бѣжецкій Верхъ, Кашинъ (уѣзды этихъ городовъ прежде отпали). Угличъ опять находился во власти вора, но какъ только стало подходить къ нему русское ополченіе, посадскіе и дѣти боярскіе подвиглись идти на встрѣчу землякамъ съ хлѣбомъ-солью; тамошній воевода тушинскаго царика Ловчиковъ бѣжалъ безъ оглядки съ двумя стами разнороднаго сброда. Угличане пошли на Колязинъ монастырь; тамошній игуменъ держался вора и самый монастырь былъ защищаемъ ратными силами изъ русскихъ приверженцевъ. Угличане были отбиты ***).

Повсюду тяглые люди составляли шайки, избирали головъ, цѣловали крестъ стоять единодушно противъ враговъ вѣры и Московскаго государства, били литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ. Дворяне и дѣти боярскіе слѣдовали за ними: кто волею, кто неволею. Вообще ни они кла-

*) Рук. Ип. П. библ.
**) А. А. Э. II, 237.
***) А. И. II, 241.

ли начало возстанію. Тягость поборовъ и произвола въ обращеніи падала на тяглыхъ, а потому-то они, обманутые въ своихъ надеждахъ, ненавидѣли Димитрія. Роли перемѣшались. Димитрій переставалъ быть царемъ черни. Дворяне и дѣти боярскіе, уступивши черной толпѣ неволею, привыкали къ новому царю, потому что при немъ порядокъ оставался все тотъ же для ихъ пользы; они получали помѣстья и отъ Димитрія, и отъ Сапѣги, и очень многихъ это привязало къ воровскому дѣлу. Они бы держались за это дѣло дружнѣе, если бы въ раздачѣ помѣстьевъ не происходило путаницы; но изъ нихъ одинъ подъ другимъ рылъ яму, одинъ выпрашивалъ себѣ помѣстье, данное уже другому, и для этого описывалъ своего соперника измѣнникомъ, и по такимъ челобитьямъ одно и то же помѣстье давалось нѣсколькимъ лицамъ. Новый владѣлецъ выгонялъ прежняго силою и черезъ нѣсколько дней самъ былъ выгоняемъ тѣмъ, кто получалъ грамату послѣ него на то же помѣстье, а иногда получившій помѣстье по граматѣ Сапѣги терялъ его оттого, что являлся съ вооруженною силою другой дворянинъ или сынъ боярскій съ граматою отъ царика. Такимъ образомъ, изъ сословія дворянъ и дѣтей боярскихъ быстро накоплялись недовольные правительствомъ Димитрія, и они легко приставали къ ополченію черныхъ, поднявшихся противъ Димитрія. Также добровольно приставали къ нимъ и тѣ, которые сами были раззорены или оскорблены отъ своевольныхъ жолнѣровъ. Но большинство служилаго сословія, признавши Димитрія, тогда еще неохотно отлагалось отъ него, потому что еще не видѣло, чтобы сила его падала, а противная возрастала, и готово было отстать отъ него только тогда, когда увѣрялось, что онъ не крѣпокъ, или когда накопившаяся сила черни брала вверхъ.

Новые успѣхи возстанія не могли остаться безъ противодѣйствія съ воровской стороны. Узнавши объ отпаденіи

Поволжья и Владимира съ его сосѣдними городами, Сапѣга отправилъ снова Лисовскаго, Стравинскаго и Будзила. Соединившись съ суздальскимъ воеводою Плещеевымъ, они подошли ко Владимиру 6 апрѣля, простояли подъ нимъ шесть дней и отошли. Городъ считался крѣпкимъ, осыпь была велика, орудій много. У владимирцевъ былъ тотъ самый нарядъ, который находился прежде у Вельяминова, а у осаждавшихъ не хватало силы. Притомъ владимирцы рѣшились защищаться отчаянно. «Эти измѣнники сѣли на смерть»—доносилъ объ нихъ своему Димитрію Плещеевъ*). Лисовскій отошелъ отъ Владимира и отправился къ Ярославлю. Впередъ его пошелъ туда Будзило и ростовскій воровской воевода Иванъ Наумовъ. Въ ополченіи, шедшемъ на Ярославль, было больше всего русскихъ воровъ, а также не мало черкасъ (малороссіянъ) и татаръ. Были дѣти боярскіе изъ возставшихъ городовъ: Ярославля, Пошехонья, Вологды, но не много **). Ярославцы отрядили заранѣе на рѣку Пахну, верстъ за семь отъ города, заставу, хранять переправу черезъ рѣку близъ двора, принадлежавшаго Спасскому монастырю. Въ то время, по причинѣ весенняго разлива, неудобно было переправиться въ иномъ мѣстѣ. Четыре дня застава не пропускала литовскихъ людей, но они тѣмъ временемъ высмотрѣли удобное мѣсто пониже, навели мостъ и оставили у прежней переправы ярославскихъ и романовскихъ татаръ и донскихъ казаковъ отвлекать ярославцевъ, а сами 30 арпѣля перешли черезъ построенный ими мостъ и ударили въ тылъ заставѣ, охранявшей переправу и занятой битвой съ оставленными на переправѣ татарами и казаками. Застава была разсѣяна. Ратные люди, вышедши изъ Ярославля, бились цѣлый день до вечера и ушли въ городъ. Будзило сжегъ Спасскую сло-

*) А. И. II, 226.

**) А. И. II, 268.

боду и подступилъ къ большому (внѣшнему) острогу. На другой день, 1 мая, острогъ былъ взятъ. Измѣнилъ служка Спасскаго монастыря Григорій Каловскій, отворилъ Семеновскія ворота и пустилъ въ острогъ враговъ *). Они зажгли посадъ, входившій въ окружность большаго острога. Вышеславцевъ и съ нимъ присланный отъ царя другой воевода Сила Гагаринъ засѣли въ меньшемъ острогѣ, иначе въ середнемъ, которымъ окружена была внутренность торговаго посада, да въ городѣ, иначе въ Кремлѣ. Тамъ, кромѣ московскихъ и астраханскихъ стрѣльцовъ, присланныхъ Шереметевымъ, и владимирцевъ, было много поволжскихъ поселянъ подъ начальствомъ Бѣляка Нагавицына изъ Кинешмы и Семейки Свистова, Шуйскаго холопа **). Будзило дѣлалъ сильные приступы въ день по два и по три раза. Третьяго или четвертаго мая приступы длились цѣлый день и ночь. Часовъ въ 12 ночи, съ четвертаго на пятое число мая, когда рать Будзила шла на приступъ съ огненными приметами и со смоляными бочками, чтобы зажечь середній острогъ, ярославцы дружно сами сдѣлали вылазку, побили приступающихъ, отняли у нихъ зажигательные снаряды, и знамена, и набрали плѣнныхъ ***). На другой день Будзило отошелъ. Ярославцы думали, что Богъ избавилъ ихъ, какъ вдругъ 8 мая снова появились прежніе враги и съ ними Лисовскій съ своею пестрою шайкою, въ виду Ярославля. Нѣсколько человѣкъ изъ его шайки перешли къ осажденнымъ и объяснили, что Будзило, отошедши отъ Ярославля, встрѣтилъ на дорогѣ Лисовскаго съ прибыльными людьми, пришедшими изъ Ростова. Опять начались приступы по два и по три раза въ день. Литовскіе люди не хотѣли уходить, пока не возьмутъ города:—«всѣмъ во-

*) А. А. Э. II. 229.

**) А. И. II. 266.

***) Diar. Sapiehy.

рамъ Ярославль сталъ боленъ добрѣ» — говоритъ въ своей отпискѣ воевода *). Ярославцы защищались отчаянно, хотя у нихъ уже недоставало пороху. Они написали объ этомъ въ Вологду, въ Усолье, просили также о прибавкѣ ратныхъ людей. Володжане писали объ этомъ въ Соль-Вычегодскую и въ поморскіе города. Но пока помощь могла быть доставлена въ Ярославль изъ сѣверныхъ городовъ, городъ могъ быть взятъ. Отбиваясь отъ безпрестанныхъ приступовъ, ратные люди, сидѣвшіе въ осадѣ, теряли товарищей, а тѣ, которые продолжали биться, жаловались еще на то, что имъ не платятъ жалованья; плата же эта должна была поступать изъ сѣверныхъ городовъ, откуда преимуществено набирались и присылались ратные люди. Пытались склонить ярославцевъ въ сдачѣ мирнымъ образомъ. Взялся за это ярославскій торговецъ Іоганнъ Шмиттъ, за доброжелательство къ Димитрію принужденный бѣжать изъ города и теперь находившійся съ Лисовскимъ. Этотъ обрусѣлый нѣмецъ подъѣхалъ къ стѣнамъ Ярославля и держалъ такую рѣчь: «подумайте, братцы; не доводите себя до кровопролитія. Царь Димитрій милостивъ и проститъ васъ, и впередъ вамъ уже не будетъ насильствъ отъ польскихъ людей. Царь пришлетъ къ вамъ важнаго господина, котораго всѣ будутъ слушаться.» — «А подойди поближе къ воротамъ», закричали ему. Шмиттъ подошелъ; его схватили, увели въ городъ, сварили въ котлѣ меда и выбросили на съѣденіе собакамъ. Спасенный имъ недавно Данило Эйловъ не только не заступился за него, но еще возбуждалъ русскихъ къ казни **). Къ счастью ихъ, Лисовскій, простоявъ до 22 мая у Ярославля, по просьбѣ воеводы Вельяминова, сидѣвшаго въ осадѣ, отошелъ къ Костромѣ, а Наумовъ ушелъ къ Ростову набирать новыя силы ***). Между тѣмъ,

*) А. А. Э. II. 229.
**) Buss. 92.
***) А. А. Э. II. 230.

по просьбѣ ярославцевъ, прибыли къ нимъ свѣжія силы изъ Вологды, Устюга и другихъ городовъ. До половины мая, Вологда и Устюгъ пять разъ присылали свѣжія силы *). Вятка, за невозможностію скоро собрать ратныхъ людей по сохамъ, сдѣлала заемъ въ триста рублей, наняла на эту сумму вольныхъ охотниковъ и послала ихъ въ Ярославль. Не доходя до Костромы, Лисовскій повернулъ къ Кинешмѣ: туда приступало новое ополченіе, вѣроятно на помощь Жеребцову, осаждавшему Вельяминова. Въ Кинешмѣ былъ жестокій бой; предводитель ополченія Θедоръ Боборыкинъ былъ убитъ. Литовскіе люди взяли Кинешму, истребили ее, и на городищѣ отбивались десять дней отъ новаго ополченія, которое прибыло отъ Юрьевца-Повольскаго. Наконецъ они пробились и пошли къ Костромѣ; часть войска шла берегомъ на лошадяхъ, а часть на судахъ по Волгѣ; но за послѣдними на судахъ гнались русскіе и бились съ ними три дня и должно быть значительно вреда имъ нанесли, потому что, уходя на судахъ изъ подъ Кинешмы, подъ Костромою Лисовскій не имѣлъ судовъ для переправы. Тутъ съ нимъ соединился снова Иванъ Наумовъ съ свѣжими силами. Кострома занята была Жеребцовымъ; воры сидѣли въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Жеребцовъ до этого времени приступалъ къ нему нѣсколько разъ и все напрасно; онъ рѣшился осадить его и принудить къ сдачѣ голодомъ. Онъ прокопалъ около монастыря ровъ отъ одного заворота рѣки Костромы до другаго; потомъ прокопалъ подобный же ровъ еще тѣснѣе. Сидѣвшіе въ монастырѣ успѣли какъ-то дать знать своимъ подъ Ярославль. Пришедшіе на помощь имъ Лисовскій и Наумовъ стояли на противоположномъ берегу Волги, въ селѣ Селищѣ, и долго не могли раздобыть судовъ. Пока они искали лодокъ и плотовъ, Жеребцовъ стрѣлялъ по нимъ черезъ рѣку. Такъ про-

*) А. И. 212

шло двѣ недѣли. Они отошли отъ Костромы, услышавъ, что Шереметевъ посылаетъ противъ нихъ ополченіе съ низу. Наумовъ и Лисовскій думали удобнѣе переправиться черезъ Волгу ниже. Они двинулись къ Юрьеву-Повольскому, и, не доходя тридцати верстъ, напало на нихъ ополченіе, посланное Шереметевымъ, близъ села Рѣшмы, когда они стали было переправляться. Русскіе напали на нихъ на судахъ и жестоко поразили Наумова, который думалъ было укрыться на островѣ; у него отняли и оружіе, и всѣ запасы, и лошадей, а тѣ, которые остались живы, переплыли обратно босые и голые *). Лисовскій съ Наумовымъ ушелъ назадъ, потому что за отрядомъ, разбившимъ Наумова, шелъ съ войскомъ бояринъ Шереметевъ.

Бояринъ Θедоръ Шереметевъ всю зиму съ ратными людьми удерживалъ въ повиновеніи Казанскую и Вятскую земли. Тамъ главными сторонниками вора были инородцы, татары и черемисы: ихъ поднимала вообще ненависть къ русскимъ, ненависть побѣжденныхъ къ завоевателямъ. Шереметевъ разбилъ черемису подъ Чебоксарами 22 декабря, а потомъ подъ Свіяжскомъ 1-го января, разсѣялъ большое скопище черемисъ, татаръ, чувашъ и русскихъ воровъ, ставшихъ съ инородцами за одно. Это скопище составилось изъ уѣздовъ Цывильскаго, Чебоксарскаго, Свіяжскаго, Кокшайскаго, Алатырскаго и Арзамасскаго. Ихъ топтали и кололи какъ свиней, и наложили труповъ верстъ на семь, говоритъ современное извѣстіе **). Въ отдаленныхъ краяхъ Московскаго государства поляки и казаки не успѣли дать себя знать, поэтому тутъ упорнѣе держались вора, чѣмъ въ краяхъ ближе въ Москвѣ. Въ концѣ февраля (22 числа), когда уже возстаніе охватило столько уѣздовъ и зе-

*) А. И. II. 282.
**) А. А. Э. II. 168.— А. И. II. 168.

мель, изъ отдаленнаго Саратова прибыли посадскіе къ царику съ изъявленіемъ покорности *).

Послѣ побѣды Шереметева, въ началѣ марта, пошло на Казань новое воровское ополченіе, составленное изъ татаръ, чувашъ, черемисъ и мордвы, и русскихъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ Алатыря, Ядринска, Арзамаса, Темникова, Касимова. Надобно замѣтить, что многіе, считавшіеся въ числѣ русскихъ служилыхъ въ этомъ краю, были также инородцы по происхожденію, но, принявши крещеніе, были верстаны въ служилые и надѣлены помѣстьями. 11 марта, въ селѣ Бурундукѣ, на горной сторонѣ, посланные отъ Шереметева головы разбили на голову это разнородное ополченіе, взяли много плѣнныхъ, побрали знамена и набаты. Эти неудачи раздѣлили инородцевъ; одни шли за Димитріемъ, другіе, видя, что счастье не везетъ тѣмъ, которые шли за Димитрія, приставали къ Шереметеву. Такимъ образомъ, толпы черемисъ, чувашъ, мордвы, вотяковъ, татаръ, собирались шайками, пытаясь идти на Шереметева, а Шереметевъ высылалъ бить ихъ отряды, въ которыхъ были также черемисы, чуваши, мордва, татары **). Темниковскіе татары поддались Димитрію, а въ мартѣ писали, что на нихъ идетъ татарская сила, жжетъ села и убиваетъ людей за Шуйскаго.

Устроивши такимъ образомъ до нѣкоторой степени понизовый край, Шереметевъ прибылъ въ Нижній, и, услышавъ, что возстаніе распространилось, рѣшился идти ему на помощь; онъ двинулся въ Муромъ, а оттуда въ Касимовъ. Касимовскій царь держался Димитрія. Шереметевъ осадилъ Касимовъ и взялъ его послѣ упорнаго сопротивленія. Тогда освобождены были узники, содержавшіеся въ

---

*) Diar. Sapiehy.

**) А. А. Э. II. 217.

этомъ городѣ изъ разныхъ мѣстъ за приверженность къ царю Василію *). Изъ-подъ Касимова Шереметевъ пришелъ во Владиміръ и сталъ въ этомъ городѣ. Нѣсколько сотъ молодцовъ поплыли изъ Владиміра по Клязьмѣ, чтобы пробраться до Москвы; но Сапѣга узналъ объ этомъ и послалъ отрядъ въ пять сотъ человѣкъ содержать караулъ по Клязьмѣ, чтобы не пропустить ихъ. Рѣка Клязьма въ то время была обычнымъ путемъ между Нижнимъ и Владиміромъ, и, перехвативши путь, Сапѣга приказывалъ также ловить купцовъ, которые плыли изъ Нижняго во Владиміръ.

Все это время междоусобной войны сопровождалось раззореніями и варварствами въ восточномъ краѣ съ обѣихъ сторонъ. Разъяренный народъ не щадилъ литовскихъ людей и своихъ русскихъ противниковъ, сторонниковъ Димитрія, считавшихся измѣнниками русской землѣ. Съ остервененіемъ кидали польскихъ жолнѣровъ подъ ледъ и кричали: «вы, глаголи, пожрали нашихъ коровъ и телятъ; ступайте теперь въ Волгу, обжирайтесь тамъ рыбы **)!» Свирѣпствовали звѣрски воины Лисовскаго: непокорнымъ всякаго возраста, всякаго званія, привязывали на шею камни и бросали въ воду, разстрѣливали ихъ изъ самопаловъ, инымъ перебивали ноги; попавши на непокорное село, жарили предъ глазами родителей младенцевъ, разбивали о пороги и углы стѣнъ, или пронизывали копьями, насиловали женщинъ въ присутствіи ихъ мужьевъ, братьевъ, сыновей. Такъ расправлялись съ непокорными. Но тамъ, гдѣ жители служили Димитрію, положеніе ихъ было мало чѣмъ лучше. Въ войскѣ тушинскомъ было множество челяди — пахолковъ; они не слушали своихъ господъ, убѣгали отъ

---

*) Никон. 116.

**) Buss. 98.

нихъ, составляли шайки и своевольничали. Сотнями таскались они по Московской землѣ и сновали преимущественно тамъ, гдѣ жители были еще покорны, т. е. въ Суздальскомъ, Ростовскомъ уѣздахъ и по украиннымъ мѣстамъ. Напрасно требовали паны, чтобы они воротились. Пришлось посылать для усмиренія ихъ роты. Нѣсколько старшинъ, избранныхъ этими молодцами, были схвачены: ихъ посадили на колъ посреди тушинскаго обоза [1]). Отъ того не легче было землѣ русской: свои измѣнники терзали ее пуще иноземцевъ. Не разъ случалось, что, когда у пришельцевъ возбуждалось чувство человѣколюбія, Московскаго государства воры называли ихъ за то бабами и щеголяли своею безчувственностію и звѣрствомъ. «И премѣнились тогда — говоритъ современникъ — жилища человѣческія въ жилища дикихъ звѣрей: медвѣди, волки и лисицы стали обитать на мѣстахъ селъ человѣческихъ, и хищныя птицы изъ дремучихъ лѣсовъ слетались надъ грудами человѣческихъ труповъ, и горы могилъ воздвиглись на Руси» [2]). «Нѣсколько сотъ тысячъ москвитянъ погибло тогда — говоритъ современный польскій стихоплетъ [3]), — кромѣ дѣтей и младенцевъ. А сколько погибло, сколько осрамлено женщинъ и дѣвицъ! сколько награблено народнаго достоянія! Все это за негоднаго Шуйскаго». — «Камень бы заплакалъ о тогдашнихъ бѣдствіяхъ земли Московской», говоритъ очевидецъ, нѣмецъ [4]). Къ пущей бѣдѣ и раззоренію, въ этотъ годъ крымцы набѣгали на южные предѣлы государства три раза, сожигали деревни, угоняли много скота, взяли въ плѣнъ толпы молодежи. Они шли какъ будто помогать царю Василію, но дѣлали

1) Marchock, 48.
2) Палиц. 48.
3) Pieśń o tyrańskie Szujskiego.
4) Buss. 91.

Московскому государству не меньше вреда, какъ поляки и черкесы, служившіе тушинскому царику.

X.

Москва въ осадѣ. — Мятежъ противъ Шуйскаго.—Дѣятельность патріарха Гермогена.—Измѣны.—Дороговизна. — Состояніе тушинскаго табора.

Тогда какъ въ восточной части московскаго государства происходила тяжелая борьба и съ иноземцами, и съ своими ворами, въ самой столицѣ московскій государь чуть-чуть держался на своемъ престолѣ. Распространилась увѣренность, что царствованіе Шуйскаго не благословлено небомъ, что бѣдствія русской земли посылаются за грѣхи царя, такъ же, какъ въ царствованіе Бориса приписывали его грѣхамъ бѣдствія, постигавшія Московское государство. Москва держалась противъ тушинскаго царика только оттого, что страшилась его разнороднаго дикаго войска, а вовсе не изъ привязанности къ своему царю, не изъ сознанія его права. Пока еще открытъ былъ путь сообщенія съ Рязанскою областію, подвозъ припасовъ былъ хоть и затруднителенъ, да кое-какъ производился черезъ Коломну. Но изъ Тушина посланъ былъ въ январѣ или февралѣ ротмистръ Млоцкій; онъ сталъ передъ Коломною и перервалъ сообщеніе. Тогда Москва, отрѣзанная отъ юга, начала терпѣть сильную дороговизну и недостатокъ. Цѣна ржи возвысилась въ Москвѣ—сырой до рубля, а сухой до 40 алтынъ, а возъ сѣна стоилъ три рубля и выше *).

Семнадцатаго февраля, сдѣлалось противъ царя Василія возстаніе. Главными коноводами въ этомъ дѣлѣ были рязанецъ Григорій Сумбуловъ, князь Романъ Гагаринъ и Ти-

---

*) А. И. II, 180.

моѳей Грязной; къ нимъ пристали дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, находившіеся въ Москвѣ на службѣ. Съ толпою сообщниковъ они вошли въ Кремль, явились въ боярскую думу и сказали: «надобно перемѣнить царя Василія: онъ сѣлъ на престолъ самовольствомъ, а не всею землею выбранъ!» Изъ бояръ, сидѣвшихъ тогда въ думѣ, были братья Шуйскаго, его шурья и родственники Ростовскіе. Понятно, что они съ негодованіемъ выслушали такое предложеніе. Сверхъ того привержены были къ Шуйскому думные дьяки Яковъ Карташевъ и Томило Луговской, заправлявшіе тогда дѣлами въ боярской думѣ. Другіе бояре, князь Борисъ Лыковъ, князь Иванъ Куракинъ, братья Василій и Андрей Голицыны, Колычевы, были нерасположены къ Шуйскому *), но не смѣли согласиться сразу на предпріятіе, за которымъ еще не видно было общаго желанія. Поспоривши съ боярами, заговорщики пошли къ патріарху и звали его на лобное мѣсто. Патріархъ не отказался; онъ надѣялся отговорить толпу. Зазвонили въ набатъ. Народъ стекался толпами на Красную площадь. Послали опять звать бояръ; но изъ бояръ отважился ѣхать туда одинъ Василій Васильевичъ Голицынъ: онъ самъ мѣтилъ на престолъ и надѣялся на высоту своего рода и значеніе, и потому не боялся гнѣва Шуйскаго въ случаѣ неудачи. Стали на площади кричать противъ Василія; одни говорили: «онъ тайно убиваетъ и въ воду сажаетъ братью нашу дворянъ и дѣтей боярскихъ, и женъ ихъ и дѣтей ихъ убиваетъ; ужъ ихъ такимъ образомъ съ двѣ тысячи пропало! И теперь приказалъ онъ посадить въ воду братью нашу! Мы за это и встали.» Патріархъ въ своей граматѣ, писанной впослѣдствіи, извѣщалъ, что тогда онъ спрашивалъ ихъ: «кого же именно казнилъ Шуйскій.»—Они не назва-

*) А. И. II, 250.

ли именъ, а про тѣхъ, которыхъ, какъ говорили, Шуйскій приказалъ бросать въ воду, сказали: «мы послали ихъ воротить; увидите сами, какъ приведутъ ихъ.» Патріархъ увѣряетъ, что это обвиненіе было ложное; но лѣтописцы вообще согласно повѣствуютъ, что Шуйскій дѣлалъ тайныя казни и убійства.

Стали читать грамату; объяснялось въ ней, что царь Василій выбранъ на царство одной Москвою, а иные города того не вѣдаютъ. «Князь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ! — кричала толпа служилыхъ: — изъ-за него кровь льется и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ! Хотимъ выбрать иного царя.»

Патріархъ сказалъ: «Дотолѣ Москвѣ не указывалъ ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань, а указывала всѣмъ городамъ Москва. Царь Василій возлюбленъ и выбранъ и на царство поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями: московскими боярами и дворянами и всѣхъ чиновъ людьми, да изо всѣхъ городовъ при его избраніи и поставленіи были въ тѣ поры многіе люди и цѣловали ему крестъ всею землею, чтобы ему государю добра хотѣть и лиха не мыслить. Вы, забывъ свое крестное цѣлованіе, возстали не многими людьми на царя и хотите его безъ вины съ царства свесть; а міръ того не хочетъ и про то не вѣдаетъ! Вы прежде о той враждѣ къ намъ не прихаживали и къ намъ о томъ не присылали, и мы не пристаемъ къ вашему совѣту. А что вы говорите, что черезъ него кровь льется и земля не умирится, такъ это дѣлается по волѣ Божіей, какъ Господь самъ сказалъ: возстанутъ царство на царство и языкъ на языкъ, и будутъ глади, и пагубы и труси; и теперь нашествіе языкъ и междоусобная брань и пролитіе крови совершается по волѣ Божіей, а не царя вашего хотѣніемъ.»

Убѣжденія патріарха остановили противниковъ царя. На-

мекъ на то, что Москва указываетъ городамъ, долженъ былъ польстить самолюбію москвичей, и они не пристали къ совѣту городовыхъ служилыхъ людей. Притомъ же, если Шуйскій избранъ былъ не всею землею, то все таки не могъ онъ быть низложенъ иначе, какъ всею землею. Съ голоса патріарха въ толпѣ начали кричать сторонники Шуйскаго, что смута противъ царя дѣлается по наущенію литовскихъ людей, что измѣнники хотятъ сдать Москву тушинскому вору. Когда столица была въ опасности, надобно было держаться хоть кого нибудь. Заговорщики, оставшись безъ поддержки, сами спаслись только бѣгствомъ въ Тушино. Тогда ихъ уѣхало до 300 человѣкъ [1]). Въ числѣ бѣжавшихъ былъ князь Ѳедоръ Мещерскій и Михайло Молчановъ, убійца Ѳедора Борисовича. Они разсказывали, что Шуйскій, лежа на землѣ, едва умолилъ народъ о пощадѣ и чуть чуть было не прислали его москвичи къ Димитрію въ желѣзныхъ цѣпяхъ [2]). Стрѣльцы, передавшіеся царику, говорили, будто Шуйскій отпросился у народа на три недѣли срокомъ, пока придетъ Скопинъ со шведами, а Шереметевъ съ татарами [3]).

Переметчики тогда другъ на друга доносили самозванцу и Сапѣгѣ: нѣкоторые увѣряли Сапѣгу, что предающіеся на сторону царя Димитрія дѣлаютъ это съ хитростію, по наущенію Шуйскимъ.

Царь Василій не унывалъ и старался возбуждать области, писалъ и посылалъ граматы за граматами въ разные города. За невозможностію пройти изъ Москвы съ граматами явно, посланцы Шуйскаго вклеивали себѣ граматы въ лыжи возлѣ лыжныхъ ушей [4]), какъ показывалъ въ

---

[1]) Никон. 111. — А. Э. II. 290.

[2]) Diar. Sapiehy.

[3]) Ibid.

[4]) А. А. И. II, 180.

Путивлѣ одинъ перебѣжчикъ изъ Москвы. Такія граматы возились въ Галичъ, Ярославль, Кострому, Устюжну [1]), Нижній, Вологду, Пермь и другіе города. Всѣхъ царь Василій убѣждалъ составлять ополченіе и воевать противъ иноземцевъ и русскихъ измѣнниковъ. Граматы эти были разсылаемы имъ съ ноября 1608 года. Царь не ограничивался одними воззваніями къ благочестію и своенародному чувству русскому, но дѣлалъ распоряженія, самъ назначалъ надъ ратными головъ (такъ дѣлалось въ Вологдѣ [2]); объявлялъ всѣмъ прощеніе за прежнее, признавалъ, что если кто цѣловалъ крестъ вору, то это дѣлалось неволею, и обѣщалъ за вѣрность дать льготы на многія лѣта, пополнить разворенія и миловать свыше прежняго [3]).

Но весною дороговизна и недостатокъ въ Москвѣ стали гораздо чувствительнѣе. До сихъ поръ, хотя съ затрудненіями, но проходили въ Москву кое-какіе припасы изъ Рязанской земли, гдѣ объ этомъ дѣятельно и успѣшно хлопоталъ Прокопій Ляпуновъ. Въ началѣ апрѣля, въ Тушинѣ узнали объ этомъ и послали въ Коломну новыя силы съ бояриномъ Иваномъ Салтыковымъ, донскимъ атаманомъ Беззубцевымъ и нѣсколькими литовскими ротмистрами [4]); цѣнность хлѣба поднималась по днямъ. Опять сдѣлалось волненіе. Бояринъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія; избранъ былъ для этого день Вербнаго воскресенія. Но какимъ-то образомъ объ этомъ заговорѣ въ пору узналъ Василій Бутурлинъ и донесъ царю. Бояринъ Иванъ Өедоровичъ Крюкъ-Колычевъ былъ подвергнутъ пыткѣ. Съ нимъ схвачено нѣсколько человѣкъ. Крюкъ-Колычевъ выдержалъ пытку, ни на кого не пока-

---

1) А. А. Э. II, 186.
2) А. А. Э. II, 208.
3) А. А. Э. II, 224.
4) Имп. Публ. Библ. рук. № 33.

залъ. Его казнили, а прочихъ только посадили въ тюрьму. Заговоръ не былъ совершенно уничтоженъ, и враги Василія выбирали удобный случай извести его. Носились разные слухи: кто говорилъ, что царя изведутъ въ вешній Николинъ день, кто говорилъ, что на Вознесенье его застрѣлятъ *). По извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, цѣнность хлѣба доходила до семи рублей **). Эта цифра, вѣроятно, преувеличена, но нѣтъ сомнѣнія, что дороговизна была такъ велика, что вывела изъ терпѣнія народъ. Дѣти боярскіе, торговцы и черные люди толпою ворвались къ государю и кричали: «до чего намъ дожидаться? хлѣбъ дорогой; промысловъ никакихъ нѣтъ... ничего негдѣ взять и нечѣмъ купить. До чего это дойдетъ? уже намъ голодною смертью помирать.» Царь обнадеживалъ ихъ прибытіемъ Михайла Скопина-Шуйскаго со шведскими людьми. «Дайте сроку до вешняго Николы! — говорилъ онъ,—увидите, что Москва избавится. А вы, купцы, говорилъ имъ царь, продавайте жито въ одну цѣну и не поднимайте цѣнъ; не прячьте, богачи, хлѣба и не губите небогатыхъ ***)». Въ самомъ дѣлѣ, по извѣстію современника, дороговизнѣ хлѣба и усиленію голода было причиною, между прочимъ, и то, что купцы, такъ же какъ и во время Бориса, пользовались всенародною бѣдою и припрятали хлѣбные запасы, чтобы сбыть ихъ по возвышеннымъ цѣнамъ, по немногу выпуская въ продажу. На требованіе царя, чтобъ они не возвышали цѣнъ и вывезли на продажу тѣ запасы, которые у нихъ собраны, купцы увѣряли, что у нихъ нѣтъ въ запасѣ хлѣба. Дѣло нѣсколько поправилъ келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, если вѣрить его собственному разсказу. На монастырскомъ подворьѣ было

*) А. И. II, 249. — Никонов. 112.
**) Ник. 112.
***) Палиц. 213.

много ржи; кстати ее приберегли. Когда цѣны чрезвычайно поднялись, вдругъ келарь пустилъ свою рожь по два рубля. Купцы разсчитывали, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ скоро придти Скопинъ, и дѣло оборотится иначе, и Москва освободится отъ осады, а тутъ еще путь черезъ Коломну станетъ свободенъ, и тогда хлѣбъ упадетъ еще больше въ цѣнѣ, и по этому разсчету купцы должны будутъ понизить цѣну. Но такое пониженіе не могло длиться долго и притомъ далеко не доходило до прежнихъ правильныхъ цѣнъ. Въ первой половинѣ мая хлѣбъ покупали, —рожь отъ полутора до двухъ рублей, овесъ отъ одного рубля до сорока алтынъ, крупъ гречневыхъ до трехъ рублей, горохъ и коноплю до трехъ рублей, возъ сѣна стоилъ до четырехъ рублей, корова для убоя отъ 10 до 20 рублей, баранъ 40 алтынъ, полоть ветчины 2 руб. Это были, по тогдашнимъ средствамъ, такія цѣны, что многіе должны были умирать голодною смертію. Былъ притомъ въ Москвѣ большой недостатокъ дровъ, и москвичи стали жечь дворы опальныхъ людей *).

Тогда пособилъ Василію князь Романъ Гагаринъ, бывшій зачинщикъ заговора 17 февраля. Онъ воротился изъ Тушина, гдѣ искалъ спасенія послѣ неудавшагося заговора, и въ Москвѣ всенародно говорилъ: «не прельщайтесь на діавольскую прелестъ; въ Тушинѣ истинный воръ; и все это заговоръ литовскаго короля, съ тѣмъ, чтобы христіанскую вѣру попрать **). Я самъ былъ въ Тушинѣ и все видѣлъ. У нихъ страхъ отъ Михайла Васильевича Скопина: они узнали, что въ Новгородъ пришли нѣмецкіе свейскіе люди, и сами думаютъ бѣжать.»

Это было оповѣщено тогда, когда уже многіе на Москвѣ

*) А. И. II, 250.

**) Ник. 113.

колебались и думали передать столицу Димитрію. Но тутъ узнали, что самъ Тушинскій царикъ уже не крѣпокъ, и стали надѣяться на пришествіе Скопина. Поддерживался духъ москвичей вѣстями о явленіяхъ. Разсказывали, что было такое видѣніе: святой Сергій въѣхалъ въ Москву съ двѣнадцатью возами, полными печеныхъ хлѣбовъ *). Когда распространился объ этомъ слухъ, собралась толпа; слуги Троицкаго подворья спрашивали, что это за голка? Народъ отвѣчалъ: «старецъ изъ дому св. живоначальныя Троицы пришелъ къ намъ, на двѣнадцати возахъ хлѣба печенаго привезено.»

Въ тушинскомъ лагерѣ по прежнему не было недостатка, тамъ все кипѣло изобиліемъ: скота, молока, сыру было такое множество, что брошенныя головы, ноги и внутренности животныхъ привлекали изъ окрестностей собакъ, и обитателей табора терпѣли невыносимый смрадъ; пива и вина было разливное море: изъ монастырей навозили туда напитковъ, пива было такъ много, что его разливали, а пили только лучшіе меды **). За то были тамъ другаго рода неудобства: войско было не въ сборѣ; пахолки самовольно разбѣгались. Товарищи стояли ротами въ разныхъ сосѣднихъ городахъ. Лисовскій бродилъ по восточной части Московскаго государства. Полковникъ Чижъ съ запорожскими казаками ходилъ по Смоленской землѣ. Мархоцкій стоялъ на перепутьи дорогъ къ столицѣ. Млоцкій съ Бобовскимъ пересѣкали путь изъ Москвы въ Коломну. Значительная часть полчища была подъ Троицею, да и оттуда многіе разошлись по Московской землѣ. Въ самомъ тушинскомъ таборѣ чувствовался недостатокъ ратныхъ силъ, и притомъ господствовало неустройство и отсутствіе

*) Ник. 113.—Палиц. 220.

**) Bussov. 90.

дисциплины. Тамъ по прежнему бражничали, охотились, веселились съ женщинами разгульнаго поведенія. Въ февралѣ, войско забунтовало, потребовало жалованья и грозило разойтись. Царикъ говорилъ: «я бы и радъ былъ вамъ заплатить, да гдѣ же я найду. Вы все у меня изъ рукъ взяли; мнѣ самому едва что нибудь остается на пропитаніе.» Тогда его до такой степени напугали, что онъ хотѣлъ убѣжать, но объ этомъ намѣреніи узнали и не допустили его исполнить. Съ тѣхъ поръ онъ находился какъ будто подъ карауломъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ, услышали тушинцы, что на нихъ идетъ бояринъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ вспомогательными шведскими силами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Приглашеніе шведовъ. — Прибытіе Делагарди въ Новгородъ. — Пораженіе Кернозицкаго. — Покореніе городковъ. — Упорство Пскова.

Еще въ концѣ 1608 года, Скопинъ заключилъ предварительное условіе съ посланцомъ графа Манфельда, Монсомъ Мартинсономъ, по которому нанималъ пять тысячъ шведскаго войска съ платою имъ по 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ. Окончательно договоръ поручалось устроить высланнымъ въ Выборгъ, Семену Васильевичу Головину *) и дьяку Сыдавному. Этотъ договоръ и былъ заключенъ 28 февраля, въ Выборгѣ, со шведскими уполномоченными **). Шведы обязались поставить на вспоможеніе Московскому государству пять тысячъ войска: три пѣшаго, и двѣ коннаго — которымъ Московское государство будетъ платить, жалованье суммою въ тридцать двѣ тысячи рублей русскимъ счетомъ, да сверхъ того дастъ не въ зачетъ пять тысячъ рублей; а шведскій король, сверхъ наемнаго войска, обѣщалъ безденежно прибавить вспомогательнаго войска, сколько пожелается, съ тѣмъ, чтобъ и Московскій го-

*) Брату жены Михайла Скопина-Шуйскаго, Анастасіи Васильевны.

**) Провинціальнымъ судьею южной Финляндіи Арвидомъ Антоніемъ Вильдманомъ де Тьюстерби, провинціальнымъ судьею Кареліи и выборгскимъ кастелляномъ Антоніемъ Георгомъ де Хегсгердъ(Högsgärd), военнымъ совѣтникомъ абовскимъ губернаторомъ Отто Мернеромъ (Mörner) и королевскимъ совѣтникомъ Эрикомъ Элофсономъ. Videk. 51.

сударь отпустилъ безденежно шведскому королю войска въ случаѣ нужды, когда потребуется. Московское государство уступало Швеціи навсегда свои прежнія притязанія на Ливонію. Шведы дорого продавали свои услуги: они потребовали уступки Корелы со всѣмъ уѣздомъ. Скопинъ далъ полномочіе согласиться и на это; настоятельна была нужда въ иноземной помощи: она должна была поднять духъ народа; для спасенія цѣлаго государства можно было пожертвовать пограничнымъ уголкомъ. За то Швеція вступила съ Московскимъ государствомъ въ оборонительный союзъ противъ Польши, такъ что ни та, ни другая сторона не могла мириться одна безъ другой. Для облегченія пути, Скопинъ обязывался давать пѣшимъ ратнымъ людямъ до самой Москвы и обратно подводы, коннымъ, у которыхъ падутъ лошади, доставлять по существующимъ цѣнамъ другихъ лошадей, поставлять запасы и конскіе кормы съ платою по существующимъ цѣнамъ или зачитать въ счетъ жалованья, подвергая опалѣ тѣхъ, которые осмѣлятся брать съ наемныхъ воиновъ лишнее противъ обычной цѣны, и дозволить ходить въ Московскомъ государствѣ въ обращеніи шведской монетѣ. Изъ требуемыхъ впередъ не въ зачетъ пяти тысячъ, четыре тысячи восемьсотъ уплачены въ Выборгѣ.

Прежде, чѣмъ договоръ былъ утвержденъ окончательно, шведское правительство уже выслало обѣщанныя пять тысячъ, да сверхъ того охочихъ десять тысячъ, изъ которыхъ однако не всѣ пришли къ дѣлу. Хотя Швеція и старалась какъ можно больше взять съ Московскаго государства за свои услуги, но въ самомъ дѣлѣ ей самой необходимо было, для собственнаго спасенія, подать помощь въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; иначе, если бы поляки овладѣли Московскимъ государствомъ, то Сигизмундъ, законный шведскій государь, обратилъ бы соединенныя силы двухъ народовъ для возвращенія короны, похищенной его дядею, приняв-

шимъ королевское достоинство подъ именемъ Карла IX. По причинѣ зимняго пути этому войску необходимо было совершить длинный путь, огибая Ботническій заливъ. Главнымъ предводителемъ его былъ Яковъ Понтусъ Делагарди, сынъ французскаго выходца, реформата, знатнаго происхожденія. Въ молодости онъ началъ военное поприще противъ поляковъ, былъ при осадѣ Вольмара взятъ въ плѣнъ, и пробылъ въ плѣну пять лѣтъ; по освобожденіи служилъ въ Голландіи у Морица Нассау Оранскаго, пріобрѣлъ тамъ славу знатока военнаго искусства, и теперь получилъ начальство надъ вспомогательнымъ войскомъ, отправленнымъ на помощь Московскому государству. Подъ его главнымъ начальствомъ были опытные предводители наемнаго войска: Аксель Куркъ, Христіернъ Зоме, Андрей Бойе и Эдуардъ Горнъ. Это войско вступило въ русскіе предѣлы 16 марта. На границѣ, его встрѣтили высланный впередъ Иванисъ Григорьевичъ Ододуровъ съ тремя стами ратныхъ *). Тотчасъ показывалось, какъ ничтожны были собственныя силы, какими тогда могло располагать Московское государство. Воины московскіе, по замѣчанію шведовъ, были такіе, что годились болѣе къ сохѣ, чѣмъ къ войнѣ. Эти ратные принадлежали къ отряду, высланному для взятія Копорья; двѣ тысячи, кромѣ этихъ, стояло подъ этимъ городомъ. Делагарди послалъ свой отрядъ къ тому же Копорью. Но потомъ, какъ увидали, что города нельзя взять посредствомъ однихъ увѣщаній, то оставили намѣреніе брать его вовсе. Между тѣмъ Скопинъ прислалъ просить самого Делагарди идти прямо къ Новгороду.

Счастливѣе раздѣлались съ Орѣшкомъ. Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, услышавъ, что идетъ шведская помощь, убѣжалъ изъ Орѣшка въ тушинскій таборъ къ своему царику. Орѣшекъ призналъ Шуйскаго.

*) А. А. Э. II, 219.

Делагарди съ своимъ войскомъ приближался къ Новгороду. Не доходя города верстъ семьдесятъ, прибылъ къ нему посланецъ князя Скопина-Шуйскаго и просилъ, чтобъ онъ не велъ всего войска въ самый Новгородъ. Делагарди оставилъ войско свое въ Тесовѣ.

Знатныя особы проводили самого предводителя въ Новгородъ; 30 марта онъ туда пріѣхалъ; палили изъ пушекъ и ружей при въѣздѣ дорогаго гостя. Скопинъ привѣтствовалъ его въ городѣ. Въ первомъ свиданіи двухъ вождей было много ободрительнаго для окружавшихъ. Оба были молоды: Делагарди было двадцать семь лѣтъ, Скопину еще меньше,—только двадцать три года. Оба уже успѣли прославиться. Отъ ихъ дружнаго согласія можно было надѣяться великихъ дѣлъ. Иноземцы любовались русскимъ вождемъ: при своей молодости, онъ былъ необыкновенно красивъ, статенъ, привѣтливъ; но болѣе всего привлекалъ своимъ умомъ и тою силою души, которая высказывалась во всѣхъ его пріемахъ *).

«Его величество король шведскій—сказалъ Делагарди—слышалъ о бѣдствіяхъ московской земли, которую по наученію поляковъ терзаютъ обманщики, называясь членами царственнаго дома, и губятъ землю и народъ. Чтобы не дать успѣвать злу далѣе, его величество король, по просьбѣ вашего государя, послалъ на помощь нѣсколько тысячъ ратныхъ людей, а когда нужно будетъ, пришлетъ еще и болѣе, для освобожденія Московскаго государства отъ страха ложныхъ царей. Король желаетъ, чтобъ вашъ государь и все Московское государство процвѣтали вѣчно, а враги, взявшіе теперь такой верхъ, получили бы достойное наказаніе на страхъ другимъ».

Скопинъ, по московскому обычаю поклонился низко, при-

*) Videk. 62.

коснувшись къ землѣ пальцами, и въ своей рѣчи старался скрыть настоящее зло края и представить дѣла въ лучшемъ видѣ, чтобъ не дать союзникамъ права думать, что отъ нихъ однихъ зависитъ все спасеніе земли русской.

«Благодаримъ и вся земля русская благодаритъ великаго короля Карла—сказалъ Скопинъ—что онъ по христіанскому милосердію оказываетъ намъ помощь. Великій государь нашъ, слава Богу, находится въ благополучіи, и всѣ подданные Московскаго государства ему прямятъ; только какихъ нибудь тысячъ восемь русскихъ бездѣльниковъ, по незнанію, пристало къ четыремъ тысячамъ поляковъ да къ двумъ тысячамъ казаковъ да къ разнымъ разбойникамъ, и они заложили дороги къ Москвѣ, къ Смоленску и Новгороду. Мы доселева противъ нихъ не ходили большою силою, ожидая вашего прихода, потому что они выбѣгаютъ, пустошатъ земли и тотчасъ же прячутся за валы въ остроги; да и городскіе жители имъ не вѣрятъ. Мы же здѣсь уже тридцать семь недѣль стоимъ: Новгородскую землю пустошили тысячи двѣ литовскихъ людей да тысячи четыре московской земли воровъ, и нашихъ городскихъ людей побито сотни четыре; но только услышали воры, что вы приходите, тотчасъ и убѣжали отъ Новгорода: одни въ воровской тушинскій обозъ, а другіе въ Старую Русу. Мы просимъ, чтобы ты своихъ людей прямо изъ Тесова велъ на Старую Русу. Какъ только слухъ разойдется по московской землѣ, что вы пришли, такъ многіе, что теперь отложились, принесутъ прежнюю покорность».

Делагарди сказалъ ему, что прежде надобно утвердить договоръ, заключенный въ Выборгѣ, заплатить жалованье войску и дать ему отдыхъ послѣ долгаго пути *).

Тогда Скопинъ подтвердилъ и 4 апрѣля скрѣпилъ своею

*) Videk. 64.

подписью выборгскій договоръ и далъ грамату на отдачу Швеціи Корѣлы съ уѣздомъ черезъ два мѣсяца послѣ вступленія шведовъ во владѣнія Московскаго государства *). Скопинъ взялъ на себя важное обязательство—отдать въ чужія руки часть русской земли; а это, при тогдашней слабости царя, не могло бы, казалось, совершиться иначе, какъ съ согласія земскаго собора. Стѣсненныя обстоятельства не дозволяли медлить. Скопинъ выдалъ шведскому предводителю остальные двѣсти рублей въ счетъ пяти тысячъ рублей деньгами, которыя слѣдовали не въ зачетъ; сверхъ того три тысячи жалованья уплатилъ собольими мѣхами: звонкой монеты недоставало. Все это не составляло и пятой части мѣсячнаго жалованья: платить было нечѣмъ. Скопинъ успокоивалъ союзниковъ обѣщаніями, а между тѣмъ посылалъ граматы въ русскіе города и земли, умолялъ скорѣе собирать деньги на жалованье и присылать, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы ратные люди изъ городовъ собирались и приходили на соединенье съ нимъ, чтобы всѣмъ за одно идти противъ враговъ. Такія граматы разосланы въ сѣверные города, менѣе другихъ разоренные и потому болѣе способные помочь общему земскому дѣлу: въ Вологду, въ Сольвычеводскъ, въ Устюгъ **), а отсюда уже мѣстныя земскія власти посылали въ пермскую землю ***). Получивши грамату и деньги, Делагарди уѣхалъ къ своему войску. Скопинъ провожалъ его съ честію за ворота Великаго Новгорода. Вмѣстѣ съ Делагарди поѣхали Головинъ и дьякъ Сыдавный съ ратною силою, состоявшею изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, сидѣвшихъ въ осадѣ въ Новгородѣ.

Ставши снова въ Тесовѣ, Делагарди распросилъ о поло–

*) А. И. II, 220.
**) А. Э. II, 228.
***) А. Э. II, 219.

женіи дѣлъ и нашелъ, что походъ на Старую Русу, гдѣ стоялъ Кернозицкій, затруднителенъ: тогда былъ разливъ, нужно было переходить черезъ три рѣки. Удобнымъ и полезнымъ оказалось, пока совсѣмъ установится путь, заняться покореніемъ отпавшихъ городовъ: Ямы, Копорья, Пскова; а тѣмъ временемъ подойдетъ охочее войско изъ Швеціи. Но Головинъ и Сыдавный по наказу Скопина, напротивъ, приглашали идти скорѣе на главныя силы. Самое дѣло состояло въ томъ, чтобъ освободить Москву и уничтожить Тушинскаго вора. Скопинъ разсчитывалъ, что когда въ Москвѣ и подъ Москвою дѣла поправятся въ пользу Шуйскаго, то города русской земли покорятся сами собой. Уже одна вѣсть о пришествіи шведской силы, казалось, располагала ихъ къ этому: русскіе указывали шведамъ на Ярославль, о которомъ тогда пришла утѣшительная вѣсть, что онъ отложился отъ вора, какъ только услышалъ о приходѣ шведовъ. Если же заботиться о городахъ по одиночкѣ, то можетъ быть, что съ потерею крови и силъ хоть и удастся возвратить къ повиновенію одинъ–другой городъ, но тѣ же самые города тотчасъ отпадутъ, какъ скоро отойдетъ отъ нихъ войско. Только Псковъ представлялъ тогда особенную важность. Скопинъ соглашался послать туда отрядъ вмѣстѣ съ шведскимъ; брать же другіе мелкіе сосѣдніе города Скопинъ никакъ не рѣшался, а убѣждалъ Делагарди скорѣе отправить свои силы по прямому пути на Кернозицкаго, къ Старой Русѣ. По этому настоянію Делагарди отправилъ туда *) передовой отрядъ въ 200 человѣкъ конницы и 400 пѣхоты подъ начальствомъ Эдуарда Горна.

Къ нимъ присоединилъ Скопинъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ подъ начальствомъ Головина и Ѳедора

*) А. Э. II, 219.

Чулкова [1]); всего по извѣстію, сообщаемому Скопинымъ, было до четырехъ тысячъ. Скопинъ готовился идти за ними вслѣдъ съ самимъ Делагарди, а имъ велѣлъ выгнать Кернозицкаго и отправлять по возможности подъѣзды къ сосѣднимъ городкамъ для приведенія ихъ на государево имя —къ Пустой-Ржевѣ, Лукамъ, Торопцу; самимъ же, прогнавши Кернозицкаго, слѣдовать по направленію къ Тушину и ожидать остальнаго войска съ предводителями. Кернозицкій выслалъ подъѣздъ изъ 300 человѣкъ провѣдать, что дѣлается. Этотъ подъѣздъ наткнулся на передовой отрядъ: его разбили въ пухъ и набрали много плѣнныхъ. Только шесть человѣкъ успѣло убѣжать.

Делагарди услышалъ объ этомъ и послалъ къ Горну еще свѣжихъ силъ, по извѣстію шведскаго историка, 470 конныхъ и 200 пѣшихъ [2]), а по русскимъ извѣстіямъ у него было 1800 человѣкъ [3]).

Кернозицкій, какъ провѣдалъ, что на него идетъ значительная сила, сжегъ Старую Русу и поспѣшно удалился. Русско-шведское войско нагнало Кернозицкаго 5 мая подъ селомъ Каменкою. Здѣсь шайка Кернозицкаго была разбита на голову; взяли побѣдители пять мѣдныхъ и пять желѣзныхъ пушекъ, десять бочекъ пороху, лошадей и много плѣнниковъ, и въ томъ числѣ толпу женщинъ, которыхъ отдали тѣмъ, кому слѣдовало отдать [4]). Шведскій историкъ говоритъ, что шестьсотъ тѣлъ литовскихъ и казацкихъ валялись по полю, кромѣ тѣхъ, которые погибли въ болотахъ, куда бѣжали. Разбитый Кернозицкій убѣжалъ въ Тушино и принесъ грозную вѣсть о томъ, что съ сѣвера идетъ сильное войско. Изъ Тушина отправили для защиты

---

[1]) А. А. Э. II, 226.
[2]) Videk. 68.
[3]) А. Э. II, 226.
[4]) Videk. 69.

пути Зборовскаго съ литовскими людьми, казаками и русскими приверженцами вора.

Скопинъ не ошибся въ разсчетахъ, потому что зналъ положеніе русской земли. Какъ только разнесся слухъ о пораженіи тушинскаго войска, отправленнаго для удержанія новгородской земли, города, до сихъ поръ признававшіе вора, стали одинъ за другимъ приносить повинную и отдаваться царю Василію. Чулковъ съ Горномъ дошелъ до Торопца, и торопчане, дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе всякіе люди цѣловали крестъ Василію *). Чулковъ остался въ этомъ городѣ. За Торопцемъ сдались Невель, Холмъ, Великія Луки, Ржева. Туда послали подъѣзды привести ихъ къ послушанію царю.

Въ Порховѣ сидѣлъ въ осадѣ стѣсненный воровскою шайкою воевода князь Иванъ Мещерскій. Чулковъ, по приказанію Скопина, отправилъ туда Лазаря Осинина съ отрядомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ новгородской земли и псковскихъ бѣглецовъ того же званія, да Тимоѳея Шарова съ казаками. 8 мая, они разогнали шайку, осаждавшую Порховъ, освободили Мещерскаго и, вмѣстѣ съ нимъ и съ сидѣвшими въ осадѣ ратными людьми, двинулись на Псковъ. Делагарди отправилъ имъ на помощь еще отрядъ, подъ начальствомъ Зоме**). Какой-то выходецъ, псковскій посадскій человѣкъ, увѣрилъ Скопина, что Псковъ немедленно передастся***). Но не такъ легко было умирить тамъ враждебныя партіи. 18 мая, подошли подъ городъ посланные ратные люди въ такое время, когда городу казалось трудно было устоять: 15 мая онъ потерпѣлъ сильный пожаръ. Загорѣлось на Полонищѣ; выгорѣлъ почти весь го-

*) Никон. 118. А. И. II. 274.
**) Videk. 71.
***) А. А. Э. II, 227.

родъ и вспыхнулъ порохъ, хранившійся въ стѣнахъ; сдѣлались взломы въ стѣнахъ. Лучшіе люди, бояре, дворяне и дѣти боярскіе и духовенство, знали, что изъ Новгорода идутъ къ нимъ ратные, и хотѣли принести повинную царю Василію; но мелкіе люди, стрѣльцы и казаки, а также поселяне стояли за пепелище Пскова. Имъ столько натрубили о милостяхъ царя Димитрія, что они ожидали большихъ благъ для нихъ въ отдаленіи: все еще не терялъ своего обаятельнаго значенія этотъ царь простыхъ и мелкихъ людей на Руси. Они засадили въ палаты женъ тѣхъ бояръ, что ушли прежде изъ Пскова, а теперь приходили съ Мещерскимъ, Осининымъ и Шаровымъ; они переписали имущество всѣхъ вообще лучшихъ людей, взяли у бояръ насильно лошадей и роздали стрѣльцамъ—воевать на нихъ противъ войска, если оно придетъ. Одинъ языкъ пришелъ во Псковъ извѣстить, что Скопиново войско недалеко и уже разгромило отправленную изъ Пскова сторожу. Бояре не допустили этому языку разгласить такую вѣсть между мелкими людьми, воспользовались наступленіемъ дня, когда принесутъ изъ Печерскаго монастыря икону Богородицы и весь Псковъ по обычаю пойдетъ за городъ встрѣчать ее. Дѣйствительно, въ назначенный день псковичи вышли изъ своего сожженнаго города за Великую рѣку встрѣчать икону,—какъ вдругъ позади ихъ со стѣнъ раздались пушечные выстрѣлы. Это стрѣляли казаки—атаманъ Евфимій Корсаковъ—по новгородскому войску и по шведскому отряду, которые торопились войти въ Великія Ворота, нарочно оставленныя растворенными по замыслу «лучшихъ» людей. «Еслибъ не казаки—говоритъ лѣтописецъ *)—то никто и не услыхалъ бы, какъ во Псковъ вошли нѣмцы». Но сдѣланный выстрѣлъ заставилъ народъ побѣжать назадъ

*) Пск. 326.

въ городъ. Ворота поспѣшно заперли; усилили выстрѣлы со стѣнъ и остановили входъ. Тогда мелкіе люди, разсвирѣпѣвъ, выбрали себѣ головою мужика, по имени Тимоѳея, прозвище ему было Кудѣкуша-Трепецъ. Ему дали полную власть творить расправу. Простые люди сходились на вѣче у Смердьихъ воротъ по звону въ одинъ конецъ колокола. Тамъ, по приказанію своего диктатора, они мучили, жгли, кости ломали боярамъ, священникамъ и вообще «лучшимъ» людямъ, которыхъ подозрѣвали въ наклонности сдать Псковъ*). Войско стало на Любатовѣ и опустошало окрестныя нивы. Но когда дошла вѣсть до Скопина, что Псковъ не сдается, то онъ разсудилъ, что не годится тратить время и людей, и приказалъ Мещерскому и его товарищамъ отойти оттуда и соединиться съ главнымъ войскомъ.

II.

Походъ русскихъ и шведовъ.—Неудача тушинцевъ подъ Москвою.—Дѣла подъ Торжкомъ и Тверью.—Волненія въ наемномъ войскѣ.

10 мая, выступилъ Скопинъ изъ Новгорода, и шелъ медленно, во первыхъ потому, что къ нему слѣдовали на соединеніе разосланные отряды, во вторыхъ потому, что дожидался, пока прибудетъ къ нему Делагарди. Шведскій вождь вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ изъ Тесова въ тотъ же день, десятаго мая. Изъ Торжка, 16 мая, прислали всѣ сословія, духовныя и свѣтскія, къ Скопину повинную съ выборными посадскими людьми и просили прощенія. Скопинъ отправилъ отрядъ подъ начальствомъ Кирилла Чоглокова запять Торжокъ и удерживать этотъ городъ съ его уѣздомъ до своего прибытія. Чоглоковъ сталъ въ Торжкѣ. За Торжкомъ, Ржева-Володимерова, Старица,

*) Пск. 326.

Осташково сдались и прислали повинныя; потомъ дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе люди изъ Твери, Зубцова и Клина прислали ударить челомъ царю Василію Ивановичу *).

Шведы все еще полагали, что будетъ хорошо, если они станутъ покорять городъ за городомъ. Можетъ быть, тутъ были у нихъ своекорыстные виды, чтобы продлить время и заслужить болѣе жалованья; а можетъ быть при этомъ Делагарди уже соображалъ, что если его войско прослужитъ такъ много времени, что московскому царю невозможно будетъ выплатить всего жалованья, то онъ будетъ вправѣ захватить сѣверныя области, и теперь уже приготовлялъ себѣ путь къ этому захвату. Но Скопинъ убѣждалъ его черезъ своихъ посланцевъ поспѣшить съ нимъ на соединеніе, чтобы взаимными силами освободить Москву отъ осады, уничтожить враждебныя царю Василію въ столицѣ партіи и побѣдою надъ тушинскимъ лагеремъ расположить къ отступленію отъ царика еще покорные ему края. Дожидаясь отвѣта отъ короля на свое донесеніе, Делагарди шелъ медленно, и сошелся со Скопинымъ 6 іюня **).

Въ тушинскій лагерь вѣсть о томъ, что Швеція прислала царю Василію помощь, доставилъ Сапѣга въ началѣ мая, перехвативши письма Скопина, которыя были посланы къ царю Василію съ восемью гонцами. Тогда и въ Тушинѣ, и подъ Троицею принялись собирать загоны, которые разошлись по государству, приказали, чтобы рыцарство собрало своихъ пахолковъ, бродившихъ тамъ и сямъ, призывали изъ городовъ приставовъ, вообще велѣли войску быть въ сборѣ, и рѣшились послать на встрѣчу идущему непріятелю отрядъ, состоящій изъ поляковъ, казаковъ и русскихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ успѣетъ придти Ско-

*) А. Э. II, 225.

**) Videk. 71.

шинъ на освобожденіе Москвы, еще разъ попытались взять ее. Іюня 5, вывели изъ обоза часть войска пѣшаго и коннаго и хотѣли переправлять черезъ узкую и крутобережную рѣчку Ходынку. На другой сторонѣ ея стояла уже московская рать, готовая встрѣтить непріятеля. Это была конница, а ее прикрывали сзади гуляй-городки на колесахъ съ пушками. Поляки не увидали гуляй-городковъ. Ихъ четыре хоругви переправились черезъ рѣку и ударили на московскую конную рать. Конница разступилась, а вслѣдъ за тѣмъ изъ гуляй-городковъ сдѣлали выстрѣлъ. Поляки увлеклись тѣмъ, что сбили конницу, бросились было и на гуляй-городки, стали отнимать у москвичей орудія и лошадей; но московская конница очутилась у нихъ по бокамъ и стала нападать на нихъ. Смущенные такимъ нежданнымъ оборотомъ, поляки и казаки разбѣжались. Москвичи погнались за ними, вогнали ихъ въ Ходынку, побили, взяли въ плѣнъ 197 человѣкъ. Поляки потеряли всю свою пѣхоту, которой насчитываетъ бывшій тогда въ битвѣ до 400 человѣкъ; перебили у нихъ много челяди и лошадей. «Богъ насъ такъ покаралъ (говоритъ Мархоцкій, предводительствовавшій въ этомъ несчастномъ дѣлѣ гусарскою хоругвіею), что еслибъ Заруцкій съ нѣсколькими сотнями донцовъ не подоспѣлъ къ намъ на помощь и не далъ москвичамъ отпора выстрѣлами, то москвичи ворвались бы въ нашъ обозъ *)».

Эта побѣда произвела радость въ Москвѣ. Царь надѣялся, что теперь уже проучили поляковъ и расположили ихъ къ уступкамъ. Онъ сталъ обращаться съ польскими плѣнными очень ласково и человѣколюбиво, приказалъ ихъ хорошо содержать: тѣмъ, которыхъ промѣняли на московскихъ плѣнниковъ и отпускали къ своимъ, давалъ въ пода-

*) Мархоцк. 52. А. Э. II, 238.

рокъ платья, а оставшимся въ плѣну позволилъ отправить одного изъ своей среды съ предложеніемъ къ своимъ товарищамъ-полякамъ покинуть самозванца и помириться. Съ недавнею побѣдою москвичей соединилась еще надежда на прибытіе шведскихъ вспомогательныхъ силъ. Все, такимъ образомъ, должно было склонять поляковъ къ уступкамъ. Но попытка царя Василія не удалась. Напрасно плѣнникъ передавалъ имъ угрозы царя, что, въ случаѣ отказа, плѣннымъ будетъ худо. «Намъ жаль нашихъ братій—сказали на это—но мы не отстанемъ отъ нашего предпріятія». Посланцу, по имени Пачановскому, предложили или оставаться въ обозѣ, или воротиться въ плѣнъ. Онъ предпочелъ послѣднее, чтобы не подвергнуть товарищей преслѣдованіямъ. Москвичи оцѣнили это великодушіе и держали его въ плѣну съ большимъ уваженіемъ.

Михайло Скопинъ-Шуйскій стоялъ въ Крестецкомъ Ямѣ, и тамъ получилъ изъ Торжка отъ Чоглокова донесеніе, что на Торжокъ наступаетъ Зборовскій и съ нимъ князь Шаховской съ русскими ворами. Было ихъ три тысячи, двѣ тысячи литовскихъ людей и тысяча русскихъ *). На дорогѣ они напали на городъ Старицу, который только что отложился отъ Тушинскаго царика. Ратныхъ было тамъ мало, и не могли они устоять противъ воровскаго войска. Осадные люди, убѣжавши въ городъ, заперлись въ церквахъ. Поляки не пощадили никого: перебили даже и малолѣтнихъ; хотѣли они навести страхъ и показать, что̀ будетъ со всѣми, кто отпадетъ. Самый городъ Старицу сожгли до тла. Изъ Старицы Зборовскій и Шаховской пришли къ Торжку **). Скопинъ отрядилъ туда Головина, а Делагарди Эдуарда Горна съ 800 конныхъ и 200 пѣшихъ.

---

*) Videk. 73.—Petr. 222.—Piasecki, 262.

**) Филар. 19.

По извѣстію шведскаго историка, всѣхъ съ москвичами было двѣ тысячи человѣкъ [1]). Эта рать подошла къ Торжку, гдѣ едва держался Чоглоковъ. Зборовскій и Шаховской вступили въ битву. Исходъ этой битвы описывается разно. Поляки говорятъ, будто Зборовскій такъ поразилъ шведовъ, что ихъ легло шестьсотъ, досталъ плѣнниковъ, и, узнавши отъ нихъ, что за отрядомъ Горна слѣдуетъ большое войско, самъ ушелъ въ Тверь [2]). Шведскій историкъ, напротивъ, говоритъ, что шведы и московскіе люди разбили Зборовскаго и Шаховскаго, убили у нихъ сто человѣкъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство, да еще рѣдкій убѣжалъ безъ ранъ; а сами шведы потеряли пятнадцать человѣкъ [3]). По русскимъ извѣстіямъ, бой былъ кровопролитный, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей; литовскіе люди наступали на нѣмецкихъ (на шведовъ) тремя разами: двѣ роты были разбиты, а третья прорвалась сквозь шведскіе и русскіе полки; однако изъ города сдѣлали вылазку и прогнали ее.

Но Зборовскій ушелъ къ Твери, вѣроятно разсчитавши, что если онъ предприметъ осаду Торжка, то подойдетъ большое войско со Скопинымъ и Делагарди [4]), и онъ съ ними не сладитъ. Зборовскій, отходя къ Твери, отправилъ гонца въ Тушино просить подкрѣпленія.

Дѣйствительно, Скопинъ и Делагарди спѣшили застать въ Торжкѣ Зборовскаго. Не заставши его, они остановились въ Торжкѣ. Тутъ силы ихъ увеличились новыми ратными людьми: ихъ привели къ нимъ изъ Смоленской земли воеводы князь Яковъ Барятинскій и Семенъ Ододуровъ. Эти воеводы, вышедши изъ Смоленска со смоленскою

---

1) Videk. 73.

2) Мархоцк. 49.—Piasecki. 262.

3) Videk. 73.

4) Филар. 20.

ратью, взяли Дорогобужъ, 2 іюня разбили отрядъ польско-литовско-казацкій подъ начальствомъ Чижа и Запорскаго, 3 іюня разгромили другую враждебную шайку, взяли Вязьму *), потомъ взяли Бѣлую и пришли въ Торжокъ съ тремя тысячами человѣкъ. Послѣ такого подкрѣпленія союзники выступили изъ Торжка къ Твери, и на дорогѣ явился посланецъ отъ Зборовскаго съ письмомъ отъ этого пана къ Делагарди. Онъ покушался отвлечь шведскаго военачальника отъ союза съ Шуйскимъ, извѣщалъ, что поляки защищаютъ дѣло правое, стоятъ за законнаго государя московскаго Димитрія противъ похитителя, и убѣждалъ Делагарди со своими шведами перейти на сторону Димитрія, увѣряя, что шведы обмануты людьми лживыми и злыми. Делагарди отправилъ къ нему отвѣтъ такого содержанія: «Я пришелъ сюда въ Московское государство рѣшать не словами, а оружіемъ, вопросъ: кто справедливъ — поляки, или московитяне. Мое дѣло служить своему королю, устроивать воинскіе ряды, мечемъ рубить и изъ ружья стрѣлять. Впрочемъ, вы, служащіе тому Димитрію, за котораго вышла Марина, вдова прежняго Димитрія, не слыхали развѣ, что ваши соотечественники поляки отняли у шведовъ Пернову?» — Онъ прибавилъ въ письмѣ своемъ нѣсколько язвительныхъ намековъ на счетъ Димитрія и послалъ это письмо уже не съ тѣмъ, кто его принесъ. Послѣдняго посадили на колъ за то, что онъ, пользуясь своимъ приходомъ, сталъ возмущать наемныхъ солдатъ **).

Зборовскій, получивъ этотъ отвѣтъ, не сталъ дожидаться враговъ и рѣшился выйти имъ на встрѣчу. Завидѣли ихъ поляки со стѣнъ тверскаго острога; вышло пестрое войско

---

*) А. И. II, 274.
**) Videk. 75. 81.

Зборовскаго,состоявшее изъ поляковъ, казаковъ и московскихъ людей, въ панцыряхъ; впереди были копейщики, вооруженные короткими копьями. Делагарди двинулъ наемниковъ. На правомъ крылѣ были финны, на лѣвомъ конные французы и шведскіе и нѣмецкіе пѣхотинцы. Позади ихъ стояло русское и шведское войско. Вдругъ сдѣлалась гроза, пошелъ проливной дождь; отсырѣлъ порохъ въ пушкахъ и ружьяхъ. Пользуясь этимъ, конные копейщики бросились отнимать пушки, которыя не могли уже давать отпора выстрѣлами. Французскіе конники оторопѣли, пустились бѣжать и наперли на московскихъ людей; и тѣ смѣшались и побѣжали, и наперли на шведовъ; потомъ и шведы, и финны пришли въ безпорядокъ. Многіе изъ финновъ и нѣмцевъ бросились грабить имущество въ обозѣ шведовъ, когда послѣдніе стали было удерживать непріятеля. Тогда и шведы, увидя, что ихъ грабятъ, обратились назадъ въ обозъ. Делагарди напрасно старался удержать финновъ. У нихъ отняли знамена; много ихъ легло подъ непріятельскими ударами. Самъ Делагарди получилъ тогда три раны. Шведскій историкъ говоритъ, что изъ тѣхъ, которые побѣжали, больше было побитыхъ, чѣмъ изъ тѣхъ, которые оставались на мѣстѣ и храбро рѣшились отражать непріятеля: они остались цѣлы, потому что непріятель пустился бить трусовъ и не трогалъ храбрыхъ. Сраженіе прекратилось. Дождь лилъ цѣлый день. Побѣдители пошли въ Тверь. На другой день была такая же дождливая погода. Ни тѣ, ни другіе не выходили начинать сраженіе. Скопинъ, вѣроятно, разсчиталъ, что поляки, послѣ перваго успѣха, станутъ самонадѣянны, и тутъ-то ихъ можно будетъ разбить. На третій день—13 іюля—за часъ до разсвѣта, когда поляки не ожидали, чтобы союзники затѣяли приступъ, и воображали, что пораженные недавно не сунутся снова на пораженіе,— тутъ-то русскіе и шведы напали на острогъ. Поляки выско-

чили въ переполохѣ изъ острога, но ихъ тотчасъ вогнали туда же, ворвались за ними по слѣдамъ въ острогъ, били ихъ на поваль, отняли у нихъ знамена, пушки, барабаны. Зборовскій и Кернозицкій ушли по дорогѣ въ Волоколамскій монастырь. Союзники преслѣдовали разбитыхъ и бѣгущихъ враговъ на сорока верстахъ. Часть поляковъ засѣла въ тверскомъ кремлѣ. Здѣсь показалъ Михайло Скопинъ-Шуйскій свой истинный военный талантъ. На слѣдующую ночь Делагарди повелъ свое войско на приступъ. Засѣвшіе въ Твери отбивались стойко, и огненныя ядра наносили вредъ осаждающимъ. Шведамъ хотѣлось во что̀ бы то ни стало взять Тверь. Но московскіе люди, ударившись за бѣгущими врагами въ погоню, почти имъ не содѣйствовали. Быть можетъ, у шведовъ было желаніе ограбить Тверь и вознаградить себя за тѣ похищенія, какія во время похода у нихъ дѣлали союзные москвичи и иноземцы ихъ войска.

Скопинъ настаивалъ идти далѣе, съ обыкновеннымъ своимъ невниманіемъ къ маленькимъ городкамъ по дорогѣ: онъ считалъ важнѣе всего достигнуть какъ можно скорѣе столицы и освободить ее отъ осады. Делагарди согласился съ нимъ и оставилъ осаду Твери. Соединенное войско двинулось далѣе. Но едва сдѣлало оно переходъ въ нѣсколько верстъ, какъ въ наемномъ войскѣ Делагарди поднялось возмущеніе. Оно началось сначала въ финскихъ конныхъ и пѣшихъ ротахъ. Финны говорили: «Мы не знали, что насъ поведутъ въ глубину Московскаго государства. Не хотимъ идти на убой въ чужую землю! Намъ обѣщали отъ короля жалованье, и не даютъ. Дома у себя мы оставили женъ и достояніе; кто знаетъ, что̀ теперь съ ними: начальство наше, какъ разбойники, обижаетъ ихъ. Да и какъ намъ идти за московитянъ, когда московитянамъ ни въ чемъ вѣрить нельзя: мы за нихъ сражаемся, а они крадутъ и расхищаютъ наши пожитки въ лагерѣ!» Ропотъ перенесли къ дру-

гимъ отдѣламъ войска: къ французамъ, нѣмцамъ и наконецъ шведамъ. Всѣ стали требовать, чтобъ Делагарди велъ ихъ назадъ и оставилъ дѣло Шуйскаго. Ближайшіе офицеры не могли сладить съ солдатами; послѣдніе схватили знамена и поворотили назадъ. Делагарди сначала думалъ было, что еще найдется довольно такихъ, что останутся съ нимъ и пойдутъ вмѣстѣ съ московскими людьми къ Москвѣ; онъ хотѣлъ покинуть на произволъ судьбы тѣхъ, которые бунтовали. «Попробуютъ — говорилъ онъ — идти по разоренной странѣ безъ вождя. Сами покаются и воротятся». Онъ приказалъ не обращать вниманія на крики, а слѣдовать по предпринятому пути. Но тотчасъ увидѣлъ онъ, что волненіе охватило почти все его войско. Тогда Делагарди послалъ уговорить мятежныхъ солдатъ трехъ начальниковъ—Бойе, Горна и Зоме, который тогда воротился изъ-подъ Пскова. Они приманивали солдатъ обѣщаніями, и стращали, и стыдили,—ничего не помогло. «Посудите сами—говорили начальники—что̀ же подумаютъ о насъ столько московскихъ городовъ и людей, когда увидятъ, что мы пришли сюда будто союзники, а въ самомъ дѣлѣ не на помощь, лишь на раззореніе московской земле?»—«Намъ не платятъ денегъ!—кричали солдаты.—За что̀ же мы будемъ драться? Мы уже видимъ, что̀ за обманщики, вѣроломцы и трусы этотъ народъ московитяне; на нихъ нельзя ни въ чемъ положиться. Когда Делагарди заведетъ насъ въ ихъ землю такъ, что уже трудно будетъ намъ идти назадъ, то тѣ изъ московскихъ людей, что теперь идутъ съ ними, перейдутъ въ непріятельскій обозъ».

Когда посланные офицеры ничего не сдѣлали, самъ Делагарди выѣхалъ къ войску и уже не ограничился увѣщаніями и обѣщаніями, а самъ выхватывалъ изъ рукъ мятежниковъ знамена и отдавалъ ихъ послушнымъ; наконецъ, обнаживъ мечъ, приказалъ тоже сдѣлать всѣмъ

начальникамъ и грозилъ смертною казнію за непослушаніе. Эта смѣлая выходка утишила нѣсколько волненіе. Дѣло солдатъ не было неправымъ — имъ не платили обѣщаннаго жалованья. Самъ Делагарди долженъ былъ разсудить и согласиться, что нельзя же насильно вести воиновъ на смерть за чужое государство, которое не исполняетъ условій, на которыхъ приглашено было иноземное войско. Притомъ же онъ разсчелъ, что будетъ еще хуже, коли онъ теперь поведетъ ихъ, кое-какъ уговоривши и прельстивши обѣщаніями, а они потомъ опять взбунтуются. Онъ рѣшился не возвращаться въ отечество, чего желали особенно мятежные финны, но не слѣдовать и за Скопинымъ, а стать подъ Тверью и требовать отъ московскаго правительства уплаты жалованья и отдачи Корелы по условію. Послѣднее предъявлено было преимущественно для того, чтобы подать своему отступленію видъ, будто оно сдѣлано не ради одного угожденія войску. Делагарди хотѣлъ оффиціально скрыть отъ московскихъ людей, что его не слушаются подчиненные, и показывалъ видъ, будто онъ самъ не хочетъ идти къ Москвѣ, потому что Москва не исполняетъ условій. Онъ расположился лагеремъ подъ Тверью *). Но одинъ изъ шведскихъ военачальниковъ, Христіернъ Зоме, съ отрядомъ въ 250 человѣкъ конницы и 720 пѣхоты **), пошелъ къ Колязину и соединился со Скопинымъ. Тамъ заключенъ былъ особый договоръ, по которому Зоме обязался служить русскому царю вмѣстѣ съ войсками царскими. Это было важно: по крайней мѣрѣ потому, что какъ для русскихъ, такъ и для враговъ не могло казаться, что между Скопинымъ и Делагарди сдѣлалась совершенная размолвка. Делагарди отправилъ пословъ къ своему коро-

---

*) Videk. 81—88.

**) Ibid. 96.

лю за совѣтомъ и съ просьбою надѣлить скорѣе жалованьемъ войска, и къ царю Шуйскому Жака Бурьена и Іоганна Франциска съ изложеніемъ требованія объ уплатѣ жалованья, а къ Скопину онъ послалъ въ тоже время своего секретаря Олафсона для установленія съ нимъ согласія. Делагарди не отказывался въ письмѣ своемъ идти далѣе, и показывалъ видъ, будто остановился подъ Тверью только для того, чтобы дать отдыхъ послѣ упорныхъ битвъ съ поляками; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сваливалъ на своихъ подчиненныхъ, что они ропщутъ за неплатежъ жалованья, и просилъ царя поскорѣе послать къ Скопину слѣдуемыя деньги *). Между тѣмъ наемное войско бунтовало, не хотѣло стоять подъ Тверью и вести осаду, настаивало на возвращеніе въ отечество. Делагарди долженъ былъ снова уступить имъ и обратился по дорогѣ къ Новгороду, но шелъ медленно, дожидаясь, что дѣла поправятся, и сталъ подъ Торжкомъ. Шведскіе солдаты обращались съ русскими поселянами не лучше поляковъ и воровъ; не только хижины и имущества, но жены и дочери бѣдныхъ крестьянъ были въ распоряженіи солдатскаго произвола **).

III.

Дѣла подъ Москвою и подъ Троицею.—Побѣда Скопина подъ Калязинымъ.—Средства удовлетворенія войска.

Дѣла тушинскаго царика шли межъ тѣмъ все хуже и хуже. Іюня 25, сдѣлали вновь нападеніе на Ходынку, и снова москвичи разогнали тушинцевъ, овладѣли знаменами и барабанами, нарядомъ, взяли въ плѣнъ до двухъ сотъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ. Много тушинцевъ пото-

---

*) Ист. смутн. врем. 109.

**) Breret. 37.

нуло въ Москвѣ рѣкѣ, куда загнали ихъ бѣгущихъ побѣдители *). На другой сторонѣ Москвы подъ Коломною тоже проигралось ихъ дѣло. Прокопій Ляпуновъ очистилъ рязанскіе города: Переяславль, Пронскъ отъ воровскихъ шаекъ, подступилъ подъ Коломну—и былъ отбитъ Млоцкимъ. Но это не слишкомъ помогло послѣднему. Млоцкій услышалъ, что съ одной стороны идутъ шведы, а съ другой, какъ носились слухи, наступили Крымскія орды, приглашенныя царемъ Василіемъ, и онъ 17 іюля оставилъ Коломну и перешелъ въ Серпуховъ. Воевода, сидѣвшій въ Коломнѣ, Василій Өедоровичъ Мосальскій, сдѣлалъ вылазку и разбилъ запоздавшихъ **).

Не было воровскому дѣлу удачи и подъ Троицею. Вылазки изъ монастыря стали рѣже; къ ручной оборонѣ мало оставалось годныхъ; народъ умиралъ отъ цынги, но поддаваться не думали. Если кто только захочетъ сдаться, то его тотчасъ убьютъ, говорилъ одинъ перебѣжчикъ. Была попытка зажечь лагерь Лисовскаго; это взялъ было на себя одинъ монахъ. Онъ пошелъ туда и прикинулся, будто пришелъ изъ Москвы служить царю Димитрію, но не съумѣлъ обмануть никого. Узнали его замыселъ и казнили его. Но оставшись цѣлымъ, станъ Лисовскаго все-таки не могъ ничего сдѣлать монастырю. Люди Сапѣги перехватывали гонцовъ, которыхъ посылалъ Шуйскій къ Скопину и въ восточные, и сѣверные города. Это была тогда важнѣйшая услуга называвшему себя царемъ Димитріемъ. Зборовскій послѣ пораженія подъ Тверью прибѣжалъ къ Сапѣгѣ. Положили употребить всѣ силы и во что бы то ни стало взять монастырь прежде, чѣмъ придется отражать шведовъ. Зборовскій, не извѣдавши лично, что значатъ битвы съ этимъ монастыремъ, смѣялся надъ Сапѣгой и Лисовскимъ.

*) А. Э. II, 238.
**) А. Э. II, 243.

и говорилъ: «Чтò это вы стоите безъ дѣла подъ лукошкомъ? Чтò стоитъ его взять и воронъ передавить! Это вы по нерадѣнiю дѣлаете и хотите взять монастырь истомленною чернью; а вы чернь отошлите, да сами идите на приступъ, взявши развѣ только Лисовскаго казаковъ». Попробовали сначала напугать осажденныхъ. Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, прибѣжавшiй сюда изъ Орѣшка, да дьякъ Иванъ Грамотинъ выѣхали предъ монастырь и говорили: «Москва уже покорилась, царь Василiй съ боярами его у насъ въ рукахъ! Ихъ пособники, чтò были съ Өедоромъ Шереметевымъ, теперь здѣсь всѣ: уже нѣтъ вамъ надежды на понизовую силу. А мы узнали истиннаго царя Димитрiя и служимъ ему. Царь Димитрiй послалъ насъ передъ собою впередъ; если вы ему не покоритесь, то онъ придетъ съ литовскими людьми; и князь Михайло Скопинъ и Өедоръ Шереметевъ съ нимъ за одно идутъ и всѣ русскiе люди; тогда уже онъ не приметъ вашего челобитья».

«Красно вы лжете — отвѣчали имъ со стѣнъ монастыря — да никто вамъ вѣры не иметъ! Вотъ еслибъ вы сказали, что князь Михайло подъ Тверью берега поровнялъ тѣлами вашими, а птицы и звѣри насыщаются мертвечиною вашею, такъ мы бы повѣрили; а теперь дѣлайте то, за чѣмъ пришли: возьмемъ оружiе и пронзимъ сердца другъ другу: кого Богъ оправдитъ, тотъ станетъ говорить правду и творить правду!» Ясно было, что осажденные не лишены были сообщенiя и знали, что дѣлается внѣ стѣнъ ихъ.

31 iюля ночью сдѣлали приступъ. Отчаянно бились измученные сидѣльцы, женщины показывали такую же отвагу, какъ и мужчины, въ ночь эту. Осаждающiе отступили съ потерею. «Чтò — сказали тогда (по русскому извѣстiю) Сапѣга и Лисовскiй Зборовскому — взялъ лукошко? Ты такой храбрый, что же не взялъ его *)?»

*) Палиц. 182.

12 августа, они оставили Троицу, и только часть войска берегла обозъ и продолжала осаду, но такъ слабо, что осажденные могли уже имѣть свободное обращеніе за предѣлами монастыря. Послѣ неудачнаго приступа къ Троицѣ, Сапѣга и Лисовскій рѣшились лучше напасть на Скопина подъ Колязинымъ. Къ Сапѣгѣ приходили вѣрныя вѣсти о Скопинѣ, что у него было уже двадцать тысячъ войска, и съ каждымъ днемъ приходятъ новыя силы изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Такъ съ нимъ соединились уже Вышеславцевъ и Жеребцовъ со своими ратьми. И Скопинъ, и царь разсылали повсюду граматы и призывали всѣ отдѣльныя ополченія, составившіяся въ разныхъ мѣстахъ, идти на соединеніе подъ Колязинъ, чтобы освобождать Москву. Пока еще эти войска не знали ратнаго дѣла, Христіернъ Зоме занимался ихъ обученіемъ; онъ нашелъ, что они вооружены были хорошо, но московскіе люди не умѣли ни держаться строя, ни обращать оружія, ни копать валовъ, ни брать ихъ, ни вбивать надолбъ, ни двигать машинъ *). Надобно было полководцамъ вора предупредить и напасть на неучей, прежде чѣмъ шведъ успѣетъ имъ дать приличное образованіе. Сапѣга и Зборовскій собрали двѣнадцать тысячъ войска да сверхъ того неопредѣленное количество казаковъ. Тутъ было много и русскихъ измѣнниковъ. Они отправились подъ Колязинъ, 14 августа остановились при Рябовой пустынѣ, въ верстахъ около двадцати отъ Колязина. Но Скопинъ узналъ объ этомъ движеніи и отправилъ за Волгу отрядъ подъ начальствомъ князя Якова Барятинскаго, Валуева и Жеребцова, а самъ располагалъ двинуться имъ на помощь, когда нужно будетъ.

Врагамъ приходилось переправляться черезъ болотистую

*) Vidck. 96.

рѣчку Жабну недалеко отъ Колязина. Здѣсь слѣдовало вступить въ бой. Скопинъ разсчитывалъ на удачу во время переправы. Тушинцы выступили изъ-подъ Рябовой пустыни и ночью съ 17 на 18 августа дошли до села Пирогова, лежавшаго на Жабнѣ недалеко отъ ея впаденія въ Волгу Московскіе воеводы провѣдали, гдѣ непріятель, и тотчасъ дали знать Скопину. Утромъ тушинцы начали переправу. Только что передовая часть ихъ войска стала переходить рѣку, какъ ударили на нихъ и сбили въ сторону въ болото. Многихъ тогда побили, многихъ переранили. Остальные побѣжали въ село Пирогово, гдѣ стояло остальное войско.

Прежде чѣмъ Сапѣга и Зборовскій собрались, пришелъ самъ Скопинъ съ войскомъ. Съ нимъ былъ и Зоме со шведами. Они переправились черезъ Жабну и сами напали на тушинцевъ. И той, и другой сторонѣ хотѣлось не только удержать поле битвы, но покончить со врагами; отъ этого зависѣлъ дальнѣйшій нравственный перевѣсъ. Тушинцы наконецъ столкнулись съ тѣмъ Скопинымъ, который такъ долго ихъ пугалъ; побѣда надъ нимъ должна была разсѣять обаяніе, окружавшее его личность. Съ другой стороны, Скопинъ зналъ, что отъ побѣды въ этотъ разъ надъ соединенными силами важнѣйшихъ предводителей смуты зависятъ на будущее время его сила и значеніе. Бились цѣлый день. Дымъ былъ такъ густъ, что трудно было распознать, кто съ кѣмъ бьется; а среди грома пищалей, треска ломаемыхъ копій, воплей раненыхъ раздавались безпрестанно крики русскихъ: «преподобный отче Макаріе, моли Бога за насъ! помоги намъ!» «На солнечномъ закатѣ услышалъ Богъ молитвы рабовъ своихъ, говоритъ Палицынъ *), тушинцы подались, потомъ стали отступать и, наконецъ, побѣжали. Русскіе гнали ихъ чуть не до Рябовой

*) Палиц. 93.

пустыни и все продолжали призывать на помощь святаго Макарія Колязинскаго. Не мало значительныхъ лицъ попалось тогда въ плѣнъ, и воротился князь Михайло Скопинъ въ Колязинъ съ побѣдою и одолѣніемъ.

Сапѣга остановился попрежнему у Рябова, думалъ было поправиться и начать снова битву. Но войско его послѣ неудачи не хотѣло биться. Тогда дошелъ до жолнѣровъ слухъ, что польскій король подступаетъ къ Смоленску и хочетъ завоевать для Польши русскія области. «Что жъ это? кричали поляки. Мы развѣ трудимся для короля? Король отниметъ у насъ нашу корысть!» Сапѣга и Зборовскій не могли ихъ утишить и уговорить цѣлыхъ четыре дня. 23 августа они снялись съ лагеря и двинулись къ Переяславлю. Зборовскій отправился въ Тушино. Сапѣга оставилъ въ Переяславлѣ гарнизонъ (250 стрѣльцовъ, двѣ казацкихъ роты и толпу дѣтей боярскихъ), а самъ отправился опять къ Троицѣ, куда прибылъ 3 сентября. Лисовскій двинулся къ Ростову и Борисоглѣбскому монастырю, и сталъ срывать неудачу на беззащитныхъ и еще покорныхъ жителяхъ.

Троицкіе сидѣльцы узнали о побѣдѣ Скопина прежде, чѣмъ воротился подъ Троицу Сапѣга, отъ косаго толмача Яна, который прямо изъ Сапѣгина табора подъ Рябовымъ съ четырьмя пахолками и двумя русскими прибѣжалъ подъ Троицу и передался въ монастырь. Это извѣстіе произвело неописанную радость: зазвонили колокола, начались благодарственныя пѣнія. Ободрились измученные, голодные. Осаждающіе, чтобъ ихъ выманить, пустили въ глазахъ монастыря стадо скота; разсчитывали, что голодные сидѣльцы не утерпятъ и искусятся получить свѣжую говядину: тутъ и побьютъ ихъ. Вышло совсѣмъ не такъ, какъ ожидали. Сидѣльцы сперва долго не трогались, а потомъ, когда ихъ враги потеряли надежду выманить ихъ,

выскочили черезъ Благовѣщенскій оврагъ, напали внезапно на сторожей, побили ихъ, захватили скотъ и погнали къ городу, а тутъ имъ на помощь выскочили другіе изъ Пивнаго двора, и такимъ образомъ въ монастырь вогнали нѣсколько штукъ скота для продовольствія *).

Царь Василій, по требованію Делагарди и Скопина, послалъ изъ Москвы двѣнадцать тысячъ ефимковъ для заплаты иноземцамъ. Болѣе не могъ онъ прислать. Остальное нужно было Скопину достать посредствомъ сбора съ городовъ. Пособилъ въ этомъ случаѣ Новгородъ: тамъ собрали съ гостей и торговыхъ людей три тысячи рублей. Такимъ образомъ, Скопинъ 27 августа, по договору съ секретаремъ Делагарди, далъ на жалованье шведскому вспомогательному войску часть чистыми деньгами, а часть соболями; чистыхъ денегъ онъ послалъ шесть тысячъ рублей, и соболей на пять тысячъ **). За это Олафсонъ обязался отъ имени Делагарди идти всѣмъ войскомъ на помощь Скопину подъ Колязинъ, а потомъ слѣдовать вмѣстѣ съ русскими силами подъ Москву. Тѣмъ же договоромъ обязался Скопинъ отъ имени царя отдать Корелу шведамъ: для этого посланъ былъ Ѳедоръ Чулковъ съ дьякомъ; вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ ѣхать Олафсонъ, и Корела должна быть отдана и принята въ шведское вѣдомство безъ мѣшканья и прекословія по договору ***). Съ своей стороны, царь Василій писалъ къ Делагарди, благодарилъ и просилъ далѣе содѣйствовать Скопину и обнадеживалъ наградами.

Король шведскій, получивъ извѣстіе о томъ, что произошло въ Московскомъ государствѣ, понуждалъ Делагарди продолжать начатое дѣло. Присланныя деньги успокоили

*) Палиц. 195.
**) А. И. II, 345.
***) Ibid. 105.

нѣсколько мятежныхъ наемниковъ. Успокоился Делагарди также и на счетъ Корелы [1]). Въ лагерь Делагарди подъ Торжокъ пріѣхали посланцы отъ Скопина (Өедоръ Данилович Чулковъ и дьякъ Телепневъ) и объявили, что они прибыли съ сотнею стрѣльцовъ для того, чтобъ съ назначенными отъ Делагарди шведами ѣхать въ Корелу и сдать ее въ шведскія руки съ уѣздомъ; но съ условіемъ, чтобы самъ предводитель немедленно отправился на соединеніе со Скопинымъ подъ Колязинъ. Делагарди согласился и сдѣлалъ пересмотръ своему войску. Одни изъ его ратныхъ людей согласились идти далѣе, другіе выходили въ отставку, кто по болѣзни и за ранами, кто просто по нежеланію и недовѣрію. Делагарди первымъ роздалъ жалованье, послѣднихъ отправилъ подъ начальствомъ Андрея Бойе и товарищей [2]), и далъ командирамъ наказъ не допускать дѣлать насилій русскимъ жителямъ на пути своемъ. Вмѣсто выбывшихъ изъ строя сдѣлано распоряженіе о наборѣ свѣжихъ войскъ, и для этого отправленъ былъ въ Нарву и Выборгъ Эдуардъ Горнъ. Такимъ образомъ устроилъ свои дѣла Делагарди и двинулся изъ Торжка. Онъ прибылъ въ Колязинъ 26 сентября. Скопинъ былъ чрезвычайно радъ и со всѣмъ войскомъ русскимъ принималъ его почетно и радушно. Черезъ четыре дня послѣ того Скопинъ роздалъ на четырнадцать тысячъ девятьсотъ семьдесятъ четыре рубля мѣховъ прибывшему иноземному войску [3]). Между тѣмъ, Скопинъ писалъ безпрестанно повсюду и просилъ присылать деньги на жалованье и ратныхъ людей на вспоможенье. Монастыри особенно могли пособить въ этомъ дѣлѣ: у нихъ были деньги;

---

1) Videk. 102.

2) Карлъ Олафсонъ и Іоганнъ Стижартъ; послѣдній отправился съ французами, изъ которыхъ также нѣкоторые пошли въ отставку, отзываясь слабостію здоровья и неспособностію.

3) Videk. 102.

и въ самомъ дѣлѣ, Соловецкій монастырь оказалъ тогда ревность. Онъ вмѣстѣ съ Печенскимъ прислалъ въ два раза Скопину около пяти тысячъ пяти сотъ рублей [1]). Это не было только монастырское достояніе; но, по царскому указу, монастыри должны были отдавать и чужое то, что повѣрялось имъ на храненіе (поклажей) [2]). По другимъ монастырямъ происходили складчины, напримѣръ, въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ собрали съ братіи, кромѣ монастырскихъ денегъ, съ чернецовъ, съ кого рубль, съ кого полтину, а съ кого менѣе, напримѣръ, по деньгѣ, по три алтына и тому подобное, и это отправлено Скопину [3]). Устюжскій и Архангельскій монастырь, кромѣ того, что прежде отправляли на свой счетъ ратныхъ людей въ ополченія, собираемыя въ Ярославлѣ, Галичѣ и Костромѣ, послали Скопину два раза подмогу людьми: одинъ разъ по два человѣка съ сохи, другой по 3 человѣка, и дали имъ найму на три мѣсяца, да сверхъ того дали Скопину въ запросъ десять рублей. Это, по ихъ просьбѣ, царемъ обращено было въ зачетъ данныхъ и оброчныхъ денегъ [4]). Въ пермскую землю Скопинъ въ сентябрѣ послалъ гонца съ граматою, и требовалъ, для покоя христіанскаго, чтобы Московское государство въ конецъ не разорилось, со всей пермской земли дать на наемъ ратныхъ людей денегъ и суконъ, камокъ и тафты, сколько кому можно, да кромѣ того, собрать для заплаты нѣмецкимъ ратнымъ людямъ по пятидесяти рублей съ сохи. Пермичи разослали по своей землѣ памяти земскимъ старостамъ, приглашали всѣхъ содѣйствовать Скопину; но послѣдствія

---

[1]) Еще когда Скопинъ былъ въ Новгородѣ, прислано было ему 2,000 рублей, а въ Колязинскій станъ 3,150 р., да Печенскій монастырь 398 р. 25 алт., что поставлено было въ Соловецкомъ монастырѣ въ видѣ поклоненія да ложка серебряная.

[2]) А. Э. II, 259.

[3]) А. Э. II, 273.

[4]) А. Э. II, 271.

были плохи. Пермичи все-таки отвѣчали Скопину, что у нихъ такихъ товаровъ не сыскивается [1]). На пермичей въ то время постоянно жаловались сосѣди сольвычегодцы, обвиняли ихъ въ нерадѣніи и холодности къ общему дѣлу. Еще въ январѣ 1609 года сольвычегодцы замѣчали устюжанамъ, что они писали три раза къ пермичамъ о присылкѣ ратныхъ людей, но пермичи не присылали вовсе, а писали, будто собрали [2]). Въ Январѣ [3]) и въ мартѣ сольвычегодцы упрекали пермичей за нерадѣніе [4]); въ іюнѣ тѣ же сольвычегодцы выставляли свои услуги на общее дѣло и говорили пермичамъ: «вы Бога не боитесь и государя не слушаете, государевымъ ратнымъ дѣломъ нерадѣете [5])»; въ августѣ также укоряли пермичей устюжане, указывали, что съ нихъ за все время только и службы было, что восемьдесятъ человѣкъ въ Ярославлѣ, тогда какъ другія земли много разъ высылали и деньги, и людей, и даже иноземцы помогаютъ русской землѣ и ея государю. Въ обличеніе пермичей устюжане припоминали имъ, что во времена царя Ивана Васильевича пермская земля выставляла по 1000 человѣкъ [6]). Точно также нерадиво пермичи помогали вятчанамъ, когда послѣдніе просили содѣйствія ихъ къ истребленію мятежническихъ шаекъ, овладѣвшихъ временно Котельничемъ. Эта шайка была составлена изъ волжскихъ казаковъ, стрѣльцовъ разныхъ восточныхъ городовъ [7]), луговой черемисы и сброда русскихъ воровъ; разбойники, взявши этотъ городокъ, оскверняли и разоряли церкви, убивали и мучили лю-

---

[1]) А. Э. II, 256.
[2]) А. И. II, 166.
[3]) А. Э. II, 194.
[4]) Ibid. 214.
[5]) А. Э. II, 228.
[6]) А. Э. II, 250.
[7]) Кузьмодемьянскихъ, Санчурскихъ и Яренскихъ.

дей, позорили женщинъ и дѣвицъ [1]). Но вятчанамъ пришлось самимъ освободить отъ нихъ Котельничъ, и послѣ того они писали къ пермичамъ въ такихъ укорительныхъ выраженіяхъ: «Вы подаете вятскую землю въ разореніе, не присылаете ратныхъ людей, не стоите съ нами на воровъ, вы сами себѣ предатели и погибнете за вашу глупость, вы забыли крестное цѣлованіе государю и радуетесь христіанскому кровопролитію и раззоренію [2])». Тѣмъ не менѣе однако пермичи такъ умѣли отговориться предъ царемъ, что царь Василій, какъ будто въ укоръ Михайлу Скопину, въ декабрѣ снялъ съ нихъ положенный на нихъ Скопинымъ наборъ по 30 чел. съ сохи [3]). Эти противорѣчащія распоряженія царя и Скопина должны были мѣшать успѣшному ходу дѣлъ, подобно какъ сторонѣ тушинской мѣшали противорѣчащія распоряженія царика и Сапѣги: въ то время, когда Скопинъ заправлялъ всѣмъ дѣломъ, выбиралъ средства для веденія войны, царь самъ разрушалъ ихъ. За то въ это время особенно усердны были вологжане и сольвычегодцы. Въ землѣ послѣднихъ жили Строгановы; Петръ Семеновичъ съ братьями нѣсколько разъ давали служилымъ людямъ на жалованье деньги и сверхъ того на свой счетъ снаряжали и отправляли ратныхъ людей; ихъ увѣщаніямъ приписывалось удержаніе въ покорности городовъ поморскихъ, казанскихъ и пермскихъ, и въ слѣдующемъ году царь въ признательность далъ Петру Семеновичу грамату на безпошлинность торговли и на почетное преимущество писаться съ «*вичемъ*» [4]).

Трудно теперь опредѣлить, при отрывочности свѣдѣній, въ какой степени были пермичи виновны; очевидно только,

---

1) А. Э. II, 258.
2) Ibid. 264.
3) Ibid. 267.
4) Собр. гос. гр. II, 387.

что Скопину стоило неимовѣрныхъ усилій собрать жалованье наемнымъ войскамъ, призваннымъ спасать Московское государство; съ большою надсадою послѣднее могло доставлять ему средства.

IV.

Дальнѣйшіе успѣхи Скопина.—Козни тушинцевъ.—Снятіе Троицкой осады.

Делагарди со своимъ войскомъ двинулся въ Переяславль 6 октября; шуринъ Скопина, Семенъ Головинъ, и Григорій Валуевъ, при содѣйствіи иноземнаго отряда Христіерна Зоме уже прежде выгнали оттуда тушинцевъ. Отсюда Скопинъ разослалъ гонцовъ по сосѣднимъ городамъ и просилъ воеводъ собирать деньги *). Распорядившись насчетъ укрѣпленія Переяславля, союзники двинулись къ Александровской слободѣ, выслали впередъ Іоганна Мира и Христіерна Зоме съ отрядомъ шведовъ; при нихъ были московскіе люди. Этотъ отрядъ вступилъ въ бой и побѣдилъ: сто человѣкъ враговъ потонуло въ водѣ, остальные бѣжали. Александровская слобода была взята, побѣдители забрали знамена и барабаны разбитаго отряда **). Вслѣдъ за тѣмъ оба военачальника вступили въ Александровскую слободу и за ними пришло туда все ихъ войско. Взятіе этого города было очень важно, потому что онъ стоялъ на пути доставки провіанта и запасовъ войску Сапѣги. Въ войско московское съ каждымъ днемъ прибывали отряды даточныхъ людей. Къ сожалѣнію Скопина, Делагарди долженъ былъ здѣсь отпустить полезнаго для московитянъ Христіерна Зоме въ отечество: онъ получилъ

*) Ник. 122.
**) Vidck. 103.

рану подъ Слободою и нуждался въ отпускѣ для излѣченія. За то 20 числа прибыли новыя вспомогательныя силы Швеціи.

28 октября, Сапѣга, Зборовскій и самъ Ружинскій пошли на Александровскую слободу съ четырьмя тысячами. Бой былъ жестокій и продолжался цѣлый день,—поляки отступили съ потерею: они утратили до 70 человѣкъ убитыми, много было у нихъ захвачено въ полонъ. Тогда у нихъ между начальниками произошло несогласіе: Сапѣга воротился къ Троицѣ, Ружинскій къ Москвѣ *).

Съ тѣхъ поръ Скопинъ и Делагарди составили планъ, чтобы строить засѣки, стѣснять пути для поляковъ и мало по малу приближаться къ Москвѣ. Это средство было дѣйствительно несносно для противниковъ, какъ они сами сознаются: Сапѣгѣ приходилось тяжело отъ засѣкъ, которыя строилъ Скопинъ, шагъ за шагомъ подходя къ Троицѣ. Уже Семенъ Головинъ сталъ за семь верстъ отъ Троицы. Нападать на московскихъ людей было трудно: какъ только нападутъ на нихъ, они укрѣпятся за свои засѣки, и приходилось добывать каждую приступомъ; а какъ только тушинцы отойдутъ, русскіе шагаютъ далѣе и строютъ новыя засѣки, а главное — такой образъ войны отнималъ у непріятеля подвозъ припасовъ **). Войско Скопина усилилось приходомъ Шереметева, который изъ Владимира 11 ноября явился въ Александровскую слободу со своимъ войскомъ.

Тушинцы чувствовали, что рѣшительная ихъ минута близка; пытались и напрягали силы тѣмъ или другимъ способомъ одолѣть Москву прежде прихода Скопина, и опять на время успѣли было пересѣчь пути сообщенія.

*) Videk. 108.

**) Мархоцк. 64.

Млоцкій, стоя въ Серпуховѣ, не пускалъ съ юга подвозовъ; его отрядъ выбѣгалъ партіями на Коломенскую дорогу: эти партіи перехватывали ѣхавшихъ съ хлѣбомъ рязанскихъ крестьянъ. Явилась ему въ содѣйствіе шайка удалыхъ изъ русскаго народа; атаманомъ у ней былъ хатунскій мужикъ Салковъ. Эта шайка быстро сновала съ коломенской дороги на владимирскую, съ владимирской на коломенскую, и не допускала пропуска продовольствія въ столицу. И третья шайка тревожила Москву: это—князя Петра Урусова съ юртовскими татарами; онъ сновалъ по слободской дорогѣ *). Отъ такихъ налетовъ въ окрестностяхъ не было въ Москву проѣзду; быстро сдѣлалась опять большая дороговизна: цѣна бочки ржи поднялась до четырехъ рублей **). Межъ тѣмъ изъ Тушина подкупили Гороховаго, атамана надъ казаками, служившими царю Василію и стоявшими по-недѣльно въ Красномъ селѣ; онъ склонилъ на измѣну казаковъ, и казаки впустили тушинцевъ въ Красное село. Но въ Красномъ селѣ были не одни казаки,—тамъ были еще и конныя сотни, состоявшія изъ прирожденныхъ людей Московскаго государства. Казаки сговаривались съ тушинцами, намѣреваясь ихъ побить; но тѣ узнали о замыслѣ казаковъ заранѣе, вышли изъ Краснаго села въ Москву и сдѣлали тревогу. Казаки, сдавши Красное село, не могли болѣе ничѣмъ пособить тушинцамъ. Они только зажгли Красное село и сами ушли въ Тушино. Потомъ тушинцы еще подкупили московскихъ измѣнниковъ, и тѣ подрядились имъ сжечь Деревянный городъ и дать возможность овладѣть пространствомъ до самой Бѣлогородской стѣны. Но и это не удалось; они зажгли ночью Деревянный городъ, а москвичи его потушили:

*) Никон. 125.
**) Videk. 107.

сгорѣло стѣны только саженей на сорокъ; москвичи потомъ дружно ее починили и задѣлали. Впрочемъ Василію все-таки было не безопасно. Москвичи колебались; царь дрожалъ поминутно за свой вѣнецъ. Какъ только Москвѣ становилось тѣсно, поднимался ропотъ, собирался бунтъ, и Василій удерживалъ возстаніе безпрестанными обѣщаніями, что вотъ скоро придетъ Скопинъ со шведами. Перебѣжчики изъ Москвы въ Тушино говорили, что Василій назначалъ москвичамъ сроки: такимъ образомъ, первый разъ онъ имъ назначилъ срокъ отъ Вознесенья до Петрова дня.

Все это дѣлалось передъ приходомъ Скопина въ Александровскую слободу. Его удачная расправа съ тушинцами поворотила быстро дѣла и въ Москвѣ. Млоцкій ушелъ изъ Серпухова въ Тушино, потому что въ Тушинѣ почувствовалась необходимость не раздѣлять силъ. Салковъ былъ разбитъ княземъ Димитріемъ Пожарскимъ на владимирской дорогѣ, на рѣкѣ Пехоркѣ, и съ тридцатью удалыми, оставшимися отъ погрома, явился въ Москву къ царю Василію и принесъ повинную. Какъ только южный путь сталъ свободнѣе, цѣна на хлѣбъ упала быстро, — до семидесяти денегъ за бочку. Тутъ и войско Скопина еще усилилось: изъ Москвы прорвался и соединился съ нимъ отрядъ ратныхъ людей подъ начальствомъ князя Бориса Лыкова. Тогда уже въ Москвѣ не боялись уменьшать ратныя силы, а надѣялись на Скопина и хотѣли, чтобъ и у него было побольше силы.

Скопинъ порывался было идти прямо на Москву, но Делагарди останавливалъ его, остерегалъ, что сзади, въ Суздалѣ, стоитъ Лисовскій, города еще заняты войсками вора, и нельзя рѣшиться на смѣлое и рѣшительное дѣло прежде, чѣмъ обезпечатъ тылъ. Только къ Троицѣ, по просьбѣ монаховъ, послалъ Скопинъ Жеребцова съ отря-

домъ; у него было 600 ратныхъ и 300 слугъ. Сапѣга не ожидалъ этой рѣшимости. Жеребцовъ могъ войти въ монастырь безпрепятственно, никѣмъ не замѣченный. Это обстоятельство объясняетъ, почему монастырь такъ долго держался противъ осаждающихъ: очевидно, плохо велась осада; если могло пройти войско, ужъ тѣмъ скорѣе можно было провозить въ монастырь запасы. Сидѣльцы не разъ выскакивали изъ монастыря за ограду, кто для того, чтобъ нарубить дровъ, а кто для того, чтобъ накопать кореньевъ и нарѣзать травы; а иные ради исцѣленія отъ колодезя, которому приписывали чудодѣйственное свойство. Они возвращались благополучно и приписывали свою безопасность чудотворному заступничеству Сергія за свою обитель. Когда Жеребцовъ вошелъ въ монастырь, онъ запретилъ имъ выходы, разсчитывая, что это не безопасно: сидѣльцы выходили небольшими партіями, ихъ легко враги могли захватывать и истреблять. Жеребцовъ видѣлъ въ этихъ выходкахъ безполезную трату людей. Дѣло другое—настоящіе ратные люди; они ратному дѣлу изловчены; имъ можно дѣлать вылазку, и потому самъ Жеребцовъ сдѣлалъ вылазку со своими ратными людьми, но воротился съ урономъ. «Вотъ тебѣ и ратные—говорили ему сидѣльцы—а мы простаки, да насъ святой Сергій милуетъ!» Жеребцову не посчастливилось оттого, что сапѣжинцы, послѣ того какъ черезъ ихъ оплошность вошло въ монастырь свѣжее войско, стали осмотрительнѣе и сосредоточили свои силы; тогда какъ до прихода Жеребцова они уже привыкли не обращать большаго вниманія, выходитъ ли какой нибудь десятокъ изъ монастыря. Простаковъ пасала именно незначительность ихъ числа.

Тѣмъ не менѣе, января 4, вслѣдъ за Жеребцовымъ успѣло пройти другое войско въ монастырь, подъ начальствомъ Григорія Валуева: онъ привелъ съ собой пятьсотъ сорокъ

вооруженныхъ ратныхъ людей. Соединившись съ Жеребцовымъ и со всѣми сидѣльцами, они сдѣлали вылазку. Это былъ послѣдній бой подъ Троицею, и онъ происходилъ главнымъ образомъ на Клементьевскомъ полѣ, на Келаревѣ прудѣ и на горѣ Волкушѣ; были стычки и на другихъ пунктахъ осады. Сапѣга послѣ этого боя почувствовалъ, что ему хуже, чѣмъ непріятелямъ его. Осада въ то время уже до того дурно велась, что Валуевъ такъ же свободно и вышелъ изъ монастыря къ Шуйскому, какъ и прошелъ туда.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, именно 12 января, Сапѣга снялъ таборъ и ушелъ изъ-подъ Троицы къ Дмитрову.

V.

Приготовленія Польши къ войнѣ съ Москвою.—Походъ польскаго короля Сигизмунда подъ Смоленскъ.

Но въ то время, когда Московское государство стряхивало съ себя послѣднее обаяніе Димитрія и готовилось возвратиться къ порядку, съ запада на него поднялась Польша. До сихъ поръ она косвенно, чрезъ частныхъ удальцовъ, вредила Московскому государству; теперь самъ король двинулся съ войскомъ и объявилъ себя противъ Шуйскаго. Перемиріе съ Москвою заключено было по неволѣ. Послы, его постановлявшіе, сознавались, что заключали его притворно. Они, воротившись, разсказывали, что Шуйскаго не терпятъ въ Москвѣ, и если бояре держатся его, то потому только, что не хотятъ отдаться вѣдомому обманщику, самозванцу; но у нихъ есть задушевное желаніе призвать на престолъ польскаго королевича, и этимъ призваніемъ чужеземной царственной крови положить конецъ смутамъ, которымъ иначе не видѣли предѣла. Они увѣряли, что даже братъ царя Василія, Димитрій, присоединилъ свой голосъ

къ другимъ въ этомъ желаніи. Сигизмунду и панамъ была по-сердцу такая вѣсть. Она казалась правдоподобною послѣ того, какъ еще при жизни царствовавшаго подъ именемъ Димитрія Безобразовъ тайно извѣщалъ пановъ о такомъ желаніи бояръ московскихъ. Изъ сенаторовъ одни съ жаромъ и удовольствіемъ хватились за это и совѣтовали Сигизмунду скорѣе пользоваться обстоятельствами; другіе относились къ такому извѣстію похладнокровнѣе. Сигизмундъ обратился за совѣтомъ къ гетману Станиславу Жолкѣвскому черезъ референдарія Короннаго *). Жолкѣвскій былъ тогда при войскѣ на Украинѣ. Референдарій объявилъ ему, что король желалъ бы начать это дѣло до собранія сейма; иначе можно упустить благопріятный случай. Жолкѣвскій отвѣчалъ: «Желательно бы, чтобы это дѣло ведено было съ согласія сейма: впрочемъ, что касается лично до меня, я, какъ воинъ и слуга короля, всегда готовъ исполнять королевскую волю. Но на это дѣло потребуется много издержекъ: есть ли на то въ готовности средства?» Референдарій сказалъ, что у короля найдется нѣсколько тысячъ злотыхъ. Король увидѣлъ, что Жолкѣвскій не очень хватается за это дѣло, послалъ къ нему Витовскаго, бывшаго прежде посломъ въ Москвѣ, и тотъ разсказывалъ гетману, что московскіе бояре расположены отдаться королю. Жолкѣвскій спровадилъ его съ увѣреніями въ своей готовности, но и съ сомнѣніями. Тогда Сигизмундъ разсудилъ, что нельзя безъ воли сейма начать войны, и разослалъ на предварительные сеймики проектъ войны съ Московскимъ государствомъ. Такъ какъ послѣднія событія сильно вооружили поляковъ противъ московскихъ

*) Референдарій (Referendarz) въ Польшѣ назывался сановникъ, котораго обязанность была принимать и докладывать королю подаваемыя верховной особѣ прошенія и разбирать жалобы по управленію королевскими имѣніями.

людей, то на разныхъ сеймикахъ послышались одобрительные отзывы въ пользу предпріятія. Но иное дѣло разсуждать, иное дѣло рѣшиться и подать окончательно голосъ. Когда собрался сеймъ въ Варшавѣ, король не заявилъ предложенія о войнѣ въ посольской избѣ. Проведено было единственно распоряженіе о томъ, что дозволяется отсрочивать явки на позывы къ суду тѣмъ, которые будутъ находиться въ военной службѣ. Этимъ король выигрывалъ только то, что могъ надѣяться привлечь въ войско тѣхъ, которыхъ преслѣдовалъ законъ. Съ сенаторами были совѣщанія о войнѣ прямо. Нѣсколько сенаторовъ заявили себя противъ (три или четыре), остальные отзывались въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, одобрительныхъ для королевскаго желанія. Изъ ревностнѣйшихъ проводниковъ предпріятія былъ канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга: онъ болѣе другихъ вѣрилъ въ возможность овладѣть Московскимъ государствомъ, и его мнѣніе значило много: независимо отъ того, что онъ былъ важное лицо по сану, ему могли довѣрять и потому, что онъ зналъ близко Московское государство: онъ нѣсколько разъ былъ посломъ въ этомъ краѣ въ прежнія времена. Старѳста Велижскій Александръ Гонсѣвскій, сидя на границѣ, наблюдалъ за дѣлами въ Московскомъ государствѣ, писалъ къ королю донесенія и увѣрялъ, что дѣла идутъ какъ нельзя лучше для Польши, что Смоленскъ готовъ отдаться, какъ только король явится подъ этимъ городомъ. Гонсѣвскому очень хотѣлось войны: онъ москвичами былъ чувствительно оскорбленъ, и ему хотѣлось отомстить Шуйскому за свое заточеніе. Жолкѣвскаго еще разъ спрашивали на счетъ Смоленска, и онъ не совѣтовалъ идти на Смоленскъ, представлялъ, что это городъ крѣпкій, а надежды на то, что его сдадутъ безъ боя, еще не вполнѣ достовѣрны. Если воевать, то, по его мнѣнію, надлежитъ идти черезъ Сѣвер-

скую землю, тамъ города деревянные, и легко взять ихъ, притомъ и жители тамошніе скорѣе могли пристать къ польскому королю, чѣмъ смольняне. Увѣренія Гонсѣвскаго взяли, однако, верхъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ Смоленскъ сдался легко, то дѣйствительно разсчетливѣе было идти смоленскою дорогою, потому что этимъ путемъ можно было скорѣе дойти до Москвы; притомъ представлялась надежда, что поляки, помогающіе тушинскому вору, тотчасъ отстанутъ отъ него и пристанутъ къ своему государю, какъ только онъ явится въ предѣлахъ Московскаго государства.

Король приказалъ канцлеру Лубенскому составить манифестъ, гдѣ изложилъ причины, побудившія его къ войнѣ, и послалъ ко двору нѣмецкаго императора и къ римскому папѣ. Вопросъ представлялся такъ, будто короли польскіе имѣютъ древнее право на Русь, которое опиралось на томъ, что нѣкогда польскій король Болеславъ посадилъ на Кіевскомъ столѣ князя Изяслава Ярославича, а впослѣдствіи, польскіе государи, Болеславъ Кривоустый и Болеславъ Кудрявый, укрощали оружіемъ русскихъ. Присоединенія русскихъ земель къ Москвѣ Іоанномъ III изображались несправедливымъ посягновеніемъ на достояніе польскихъ государей. Излагались насилія, оскорбленія и убійства, причиненныя отъ Шуйскаго полякамъ, бывшимъ въ Москвѣ, задержки пословъ, нарушеніе международнаго права; наконецъ, извѣщалось, что многіе московскіе бояре, не терпя тиранніи похитителя Шуйскаго, черезъ освобожденныхъ польскихъ пословъ просили Сигизмунда принять Московскую державу, которая должна перейти послѣ того, когда угасъ родъ ея великихъ князей, къ Сигизмунду, по силѣ его преемничества короны и правъ Ягеллоновъ. Король изъявлялъ опасеніе, что московитяне въ такомъ безвыходномъ положеніи, что, ненавидя Шуйскаго, могутъ отдаться

обманщику, называющему себя Димитріемъ, или же подпасть туркамъ и татарамъ, или же призовутъ къ себѣ какого нибудь принца изъ враждебнаго Рѣчи Посполитой дома. Такимъ образомъ, для предупрежденія опасности, польскій король долженъ взяться за оружіе. Итакъ, цѣли его, какъ объявлялось въ этомъ манифестѣ, были: во-первыхъ, привести въ силу свое будто бы древнее право на русскія земли вообще; во-вторыхъ, присоединить къ великому княжеству Литовскому пріобрѣтенныя въ послѣднія времена области, а главное, не дать въ огромной сѣверной странѣ утвердиться какой нибудь силѣ, враждебной Рѣчи Посполитой и католической религіи *). Поводомъ къ скорѣйшему вмѣшательству выставлялся союзъ Шуйскаго съ врагомъ Сигизмунда, королемъ шведскимъ, и призваніе изъ Швеціи вспомогательнаго войска. О королевичѣ Владиславѣ не говорилось ни слова; напротивъ, Сигизмундъ шелъ не пріобрѣтать сыну корону, а присоединить Московское государство ко владѣніямъ Польши и великаго княжества Литовскаго.

Король выступилъ въ походъ послѣ пасхи въ 1609 году и приказалъ сдѣлать тоже обоимъ гетманамъ, и коронному Жолкѣвскому и литовскому Ходкѣвичу. Жолкѣвскій хотѣлъ избѣгнуть участія въ войнѣ, продолжалъ возражать противъ нея, представлялъ, что она начинается поздно по времени года, и указывалъ на неудобства, которыя неизбѣжны будутъ въ осеннее и зимнее время; по его мнѣнію, и средства къ веденію войны все-таки были недостаточны. Король не поддавался этимъ совѣтамъ, и Жолкѣвскій долженъ былъ повиноваться.

Въ Минскѣ король свидѣлся съ Жолкѣвскимъ, и гетманъ опять показывалъ себя не на сторонѣ предпріятія. «Имѣете

*) Lubienski, 157.

ли, ваше величество — говорилъ онъ — подтвержденіе отъ бояръ, что они дѣйствительно желаютъ нашего прихода, и точно ли Смоленскъ хочетъ сдаться?» Король не могъ ничего представить подобнаго. Но сторонники предпріятія говорили: «Пока король далеко, боярамъ трудно отозваться; а когда услышатъ, что король перешелъ границу, тотчасъ заявятъ свое расположеніе». Тутъ для ободренія короля пришло новое письмо Гонсѣвскаго: онъ настаивалъ, чтобъ поляки шли какъ можно скорѣе, дабы пользоваться обстоятельствами. Писалъ онъ: Скопинъ вывелъ изъ Смоленска войско; въ Смоленскѣ нѣтъ ратной силы, и Смоленскъ покорится [1]). Это укрѣпило короля въ намѣреніи, и онъ двинулся къ Смоленску.

Въ сборахъ войска прошло лѣто. Староста Велижскій безпрестанно побуждалъ короля спѣшить и увѣрялъ, что Смоленскъ покорится, что бояринъ Шеинъ, начальствующій въ городѣ, расположенъ къ Сигизмунду, что онъ сдастся, и тогда путь къ Москвѣ будетъ чистъ. У Сигизмунда было до двѣнадцати тысячъ сброднаго войска, въ томъ числѣ [2]): Станиславъ Стадницкій, староста Перемышльскій, привелъ толпу венгровъ, своевольныхъ людей развратнаго поведенія; много дворовыхъ командъ паны приводили на собственный счетъ [3]); да сверхъ того было нѣмецкой пѣхоты 2,000 и до трехъ тысячъ польской пѣхоты и кромѣ того неизвѣстное число татаръ литовскихъ и тысячъ до десяти запорожскихъ казаковъ конныхъ, вооруженныхъ самопалами и луками, а нѣкоторые имѣли длинные списы (копья) [4]). Но этимъ не ограничивались польскія силы: были еще въ войскѣ охотники, приходившіе и уходившіе

1) Pism Żofkiew. 26.
2) Pam. Mask. 11.
3) Pism. Żolk. 26.
4) Rel. del. acquis. di Smol. 4.

какъ ни попало; было много не принадлежавшихъ къ строю обозныхъ слугъ, годныхъ къ битвѣ. Число осажденныхъ въ Смоленскѣ одни изъ поляковъ простираютъ до 200,000, другіе *) довольствуются болѣе скромнымъ числомъ—70 тысячъ. Изъ нихъ, говорятъ **), тридцать тысячъ было дѣтей боярскихъ и прочихъ служилыхъ; а сорокъ тысячъ разнаго народа, собравшагося туда со всюду. Пойманные московскіе люди показывали ихъ съ двадцать тысячъ слишкомъ, и то большею частью простаго народа. И это послѣднее конечно вѣрнѣе, потому что негдѣ было взять Московскому государству огромныхъ силъ.

Подошедши къ московской границѣ, Сигизмундъ послалъ къ жителямъ Смоленска всѣхъ сословій грамату. Въ ней король указывалъ, что со смертію Өедора, послѣдняго государя изъ царской крови московскаго дома, какъ сдѣлались государями другихъ родовъ люди, то на Московское государство Богъ послалъ несчастія и междоусобія: идетъ братъ на брата, одинъ другаго убиваетъ, а нѣмцы, то-есть шведы, берутъ города и земли съ тѣмъ, чтобы истребить православную вѣру; «и вотъ, говорила грамата, многіе люди Московскаго государства, и большіе и середніе и малые, изъ многихъ городовъ и изъ самой столицы Москвы били намъ челомъ разными тайными присылками, чтобы мы, какъ государъ христіанскій и ближайшій пріятель рускаго государства, вспомнили родство и братство, въ которомъ мы находились отъ прадѣдовъ нашихъ съ великими государями московскими, сжалились надъ разореніемъ и истребленіемъ вѣры христіанской и церквей божіихъ, женъ и дѣтей вашихъ не допустили до конечной гибели. Мы, великій государь христіанскій, сообразно чело-

*) Pam. Mask., 12.—Piasecki, 260.
**) Piasecki, 260.

битью многихъ русскихъ людей, соболѣзнуя о такихъ бѣдствіяхъ и непрестанныхъ кровопролитіяхъ, идемъ къ вамъ своею особою съ великимъ войскомъ не для того, чтобы васъ воевать и кровь вашу проливать, а для того, чтобы, при помощи божіей, молитвами Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ угодниковъ божіихъ, охранить васъ отъ всѣхъ вашихъ враговъ, избавить отъ рабства и конечнаго погубленія, остановить разлитіе христіанской крови, непорушимо утвердить православную русскую вѣру и даровать вамъ всѣмъ спокойствіе и тишину. И вы бы, смольняне, были рады нашей королевской милости, и вышли бы къ намъ съ хлѣбомъ солью, и пожелали бы быть подъ высокою королевскою рукою нашею; а мы, принявши васъ въ охраненіе подъ свое царствованіе, будемъ содержать васъ непорушимо въ свободѣ и во всякой чести, не нарушая русской вѣры вашей; и если захотите ударить челомъ намъ съ панами радою и цѣловать намъ крестъ на всемъ этомъ, то мы утвердимъ все листомъ нашимъ съ королевскою печатью и во всемъ поступимъ съ вами такъ, какъ только вамъ будетъ достойно и наилучше. Если же вы пренебрежете настоящимъ божіимъ милосердіемъ и нашею королевскою милостію, то предадите женъ вашихъ, дѣтей и свои домы на опустошеніе войску нашему.»

Говорилось ясно. Сигизмундъ хотѣлъ царствовать на Руси. Тутъ не было рѣчи о какомъ нибудь Владиславѣ. Отецъ самъ претендовалъ на власть надъ Московскимъ государемъ. Шеинъ оставилъ безъ отвѣта эти приглашенія. Посланцу приказали немедленно удалиться, и его грозили утопить, если онъ станетъ медлить и разговаривать. Поляки, бывшіе съ самозванцемъ, до такой степени раздражили противъ себя тогда русскихъ, что мысль отдаться Сигизмунду соединялась съ ужаснымъ представленіемъ о томъ, чво придутъ поляки и будутъ своевольствовать, что

уже дѣлали во многихъ городахъ. Какъ только приближались поляки, поселяне бросали дома, забирали только скотъ и образа и прятались въ лѣсъ. Полякъ современникъ говоритъ *), что польскіе жолнѣры ходили партіями въ лѣса и тамъ отыскивали ихъ и отымали у нихъ скотъ. Поселяне, оставшись только съ образами, ничего не могли придумать въ своемъ горѣ, какъ въ порывѣ отчаянія повѣсить образа на деревьяхъ внизъ головою и причитывать: «мы вамъ молимся, а вы насъ отъ Литвы не оборонили!» Многіе изъ служилаго сословія Смоленской земли были тогда въ войскѣ Скопина, а ихъ кровные находились въ осадѣ въ Смоленскѣ; поэтому иные, еслибъ и хотѣли сдаться, не смѣли, и притомъ въ то время объ успѣхахъ Скопина носились вѣсти даже преувеличенныя и поддерживали надежду на выручку.

Городъ Смоленскъ былъ тогда не изъ такихъ, которые легко брать. Онъ былъ очень великъ. Окружность стѣны была, поляки полагаютъ, до мили; Жолкѣвскій считаетъ ее въ 8000 локтей; по стѣнамъ было 38 башенъ, изъ которыхъ каждая была въ длину саженей до девяти или до десяти; стѣны, изъ огромныхъ квадратныхъ природныхъ камней, толщиною въ подошвѣ до четырехъ, а къ верху до трехъ саженъ, вышиною же въ тридцать локтей. Иноземцы говорили, что они нигдѣ не видали такихъ огромныхъ стѣнъ **). Самое мѣстоположеніе Смоленска было выгодно для обороны; онъ стоялъ на холмахъ, перерѣзанныхъ оврагами. На другомъ берегу былъ посадъ, обведенный деревянною стѣною, называемый «Деревяннымъ городомъ» ***).

Когда войско приблизилось, смольняне зажгли посадъ и

*) Pam. Mask. 16.
**) Rel. del. acqu. di Smol. 5.
***) Pism. Żołk. 28.—Mask. 13.

ушли въ Каменный городъ. Поляки повторяли предложеніе сдаться нѣсколько разъ. 30 сентября, Жолкѣвскій отправилъ къ смольнянамъ съ убѣжденіемъ какого-то монаха. Смольняне не только не отвѣчали, но и монахъ не воротился. Посланъ былъ какой-то русскій съ убѣжденіями; его повѣсили смольняне за то, что единоземецъ принялъ на себя такое порученіе. Пострѣлявши нѣсколько дней напрасно, 14 октября *) отправили посланцевъ собственно къ купцамъ смоленскимъ. Купцы приняли посланца отъ канцлера литовскаго ласково, но приказывали ему говорить и слушать не иначе, какъ глядя въ землю, чтобъ онъ не могъ разсмотрѣть крѣпости. Онъ объявилъ, что канцлеръ посылаетъ къ нимъ Богдана Величанина на переговоры. «Мы согласны слушать, что намъ скажетъ Богданъ», отвѣчали смольняне. На другой день Богданъ Величанинъ явился съ королевскимъ словомъ и говорилъ: «Король удивляется вашей грубости и упорству, что вы встрѣчаете его не съ благодарностію; онъ, какъ государь христіанскій, жалѣя о кровопролитіи, вознамѣрился прекратить его, и, если вы окажетесь достойны такой божіей милости, принять васъ въ подданство по случаю прекращенія вашего царскаго рода и такой частой перемѣны государей. Король хочетъ сохранить неприкосновенно ваши права, обычаи и русскую вѣру со всѣми обрядами».

Смольняне отвѣчали:

«Мы восхваляемъ короля за то, что онъ хочетъ съ нами поступать по-христіански; но мы боимся литовскихъ людей: на нихъ на всѣхъ нельзя положиться. Еслибъ король и обѣщался за нихъ, они не послушаютъ короля. Чтò они дѣлаютъ подъ Москвою и по инымъ городамъ? говорятъ, будто за насъ воюютъ и будто они друзья намъ, а сами

*) Diar. oblęż. Smol. (Рук. Генер. Штаба)

разоряютъ насъ, дочерей и женъ безчестятъ и позорятъ».

Послѣ убѣжденій Богдана, смольняне просили дать имъ сроку подумать до другаго дня. На другой день, 16 октября, Богданъ подъѣхалъ къ городу; изъ воротъ вышли смольняне, угостили его водкою, а въ заключеніе сказали: «У насъ есть государь царь Василій Ивановичъ Шуйскій, мы ему крестъ цѣловали; пусть король дѣлаетъ, что хочетъ, а мы останемся вѣрны своему государю».

— «Этотъ грубый народъ заставилъ насъ потерять два дня»—говорили поляки.

Опять пострѣляли поляки. Королевское войско увеличилось пришедшими запорожцами, подъ начальствомъ Олевченка. Ихъ было до 30 тысячъ.

Другой отрядъ ихъ, служившій тушинскому царику подъ начальствомъ Наливайка, посланный Рожинскимъ, взялъ Бѣлую, а потомъ отложился отъ самозванца и присталъ къ королевскому войску *). Но мало утѣшительнаго предвидѣлось въ осадѣ Смоленска. Въ концѣ мѣсяца опять послали убѣждать смольнянъ. Выбрали для этого пойманнаго съ письмомъ смольнянина сына боярскаго, но не пустили его въ городъ, а поставили въ шанцахъ и приказали ему говорить: «Покоритесь, а то бѣды не минете, коли станете упрямиться». Смольняне отвѣчали: «Еслибъ ты былъ съ нами въ городѣ, такъ бы ты думалъ, какъ мы думаемъ; а теперь ты говоришь такъ потому, что ты плѣнный».—«Отъ Шуйскаго помощи не дождетесь!—продолжалъ имъ говорить плѣнникъ—у короля людей много; они за ваше упрямство станутъ волости разорять: не губите сами себя и женъ и дѣтей своихъ!»—«Мы не хотимъ губить душъ своихъ!»—отвѣчали ему.

*) Кобѣрж. 102.

Впрочемъ, по свидѣтельству одного современника *), четыре москвитянина, называемые у него воеводами, явились къ королю, послѣ его прихода, били челомъ и говорили: «буди здравъ, великій государь, мы служебники твоей милости будемъ, какъ и поляки, не вели бить насъ по головамъ». Король обошелся съ ними очень ласково.

Въ ноябрѣ, король послалъ депутатовъ къ войску вора подъ Москву съ тѣмъ, чтобъ отвлечь поляковъ и присоединить ихъ къ своему войску (это были Стадницкій, староста Перемышльскій, князь Збаражскій, староста Стадницкій, Людвигъ Вайеръ, писарь литовскій Скуминъ-Тышкевичъ и Домарацкій). Не доѣхавши до Тушина, въ Дорогобужѣ повстрѣчались они со своими соотечественниками, которые ѣхали депутатами отъ тушинскаго войска къ королю. «Съ чѣмъ вы ѣдете?» допрашивали королевскіе послы цариковыхъ. Послѣдніе не открыли имъ.

VI.

Недоразумѣніе польскаго короля съ тушинцами.—Королевскіе коммисары въ тушинскомъ лагерѣ.—Домогательства тушинцевъ.—Волненія въ таборѣ.—Бѣгство вора и Марины изъ табора.—Сапѣга и Марина въ Дмитровѣ.—Уничтоженіе тушинскаго табора.

Вѣсть о прибытіи короля подъ Смоленскъ произвела волненіе въ тушинскомъ войскѣ. Еслибъ шло дѣло только о Смоленскѣ, тогда тушинцы могли бы войти въ сдѣлку и за своего царя отречься отъ Смоленска съ тѣмъ, чтобъ король помогъ ему владѣть остальнымъ на Руси. Но король объявилъ себя прямымъ соперникомъ тушинскаго царика. Король домогался самъ московской короны и власти надъ государствомъ и признавалъ царика обманщикомъ, а слѣ-

*) Pieśń o tyrańśtwie Szujskiego.

довательно не уважалъ правъ и видовъ поляковъ, помогавшихъ Димитрію. Рожинскій собралъ кôло и говорилъ рѣчь. Онъ доказывалъ, что иное дѣло быть вѣрнымъ своему законному государю, иное дѣло служить другому за жалованье и выгоды; они поступили въ службу Димитрію безъ нарушенія вѣрности королю и Рѣчи Посполитой и должны теперь сохранять прежнюю вѣрность государю, но не терять однако плодовъ столькихъ усилій, предпринятыхъ въ пользу Димитрія для своихъ выгодъ, и не лишаться заслуженнаго жалованья. Такой смыслъ рѣчи Рожинскаго показывалъ, что онъ ставилъ главнымъ дѣломъ жалованье войску, а слѣдовательно, по его мнѣнію, полякамъ возможно было и предать своего царика, если бы отъ короля получить такія же выгоды, какихъ надѣялись отъ воцаренія Димитрія. Но слѣдовало помучить короля, вытребовать отъ него для себя, что нужно, и потому слѣдовало показать видъ, что они стоятъ за Димитрія и протестуютъ противъ посягновенія короля на его права. И вотъ, по побужденію Рожинскаго, кôло составило военную конфедерацію, которая должна была тѣснѣе всѣхъ ихъ соединить. Они обязались не покидать Димитрія, пока онъ не достигнетъ престола, не переходить и въ другое войско, хотя бы и королевское, подъ смертною казнію, прекратить всякія несогласія и взаимныя недоразумѣнія, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто сдѣлаетъ въ войскѣ смуту, лишился своего жалованья и имущества. То же наказаніе постигало и тѣхъ, которые самовольно оставятъ службу, и даже тѣхъ, которые отправились прежде въ отпускъ, если не явятся къ пасхѣ и пятидесятницѣ будущаго года. Даже и по воцареніи Димитрія не слѣдовало покидать знаменъ, пока не заплатится все жалованье; если же кто, получа свою часть, выйдетъ изъ войска тогда, когда еще другіе не получили, тотъ подвергается наказанію отъ своихъ товарищей, такъ что его иму-

щество и имѣнія, гдѣ бы они ни были, могли быть разоряемы; наконецъ, настаивали, что всякъ, кто осмѣлится порицать эту конфедерацію словомъ или дѣломъ, подвергается преслѣдованію, какъ непріятель.

Строгій тонъ этой конфедераціи показываетъ, что войско тогда было раздражено сильно противъ своего короля. Выбрали депутатами къ Сигизмунду: Мархоцкаго съ товарищами *); Сапѣга послалъ своимъ посломъ Вилямовскаго отъ войска, стоявшаго подъ Троицею.

Король выслалъ на встрѣчу депутатамъ хоругвь подъ начальствомъ Струся и велѣлъ ихъ почетно проводить въ обозъ. Они явились предъ его лицомъ въ шатрѣ, и Мархоцкій говорилъ рѣчь отъ лица всего рыцарства, служащаго у Димитрія, жаловался, что вступленіе короля есть непріятельскій поступокъ противъ Димитрія, что они черезъ то теряютъ надежды на вознагражденіе своихъ трудовъ, предпринятыхъ на собственныя издержки, что Шуйскій давно старается о томъ, чтобъ оторвать бояръ московской земли отъ Димитрія и до сихъ поръ не успѣвалъ, а теперь король своимъ вступленіемъ поможетъ ему. Между прочимъ, ораторъ выразился рѣшительнѣе такими словами: «Рыцарство черезъ насъ извѣщаетъ ваше королевское величество, что оно не замышляетъ ничего противъ отечества; но если кто пойдетъ противъ царя Димитрія и станетъ препятствовать намъ получать свои выгоды въ московской землѣ, то мы уже не будемъ уважать въ такомъ врагѣ ни отечества, ни государя, ни брата»**). Послѣ аудіенціи у короля, пословъ пригласили къ Жолкѣвскому. Передъ нимъ они доказывали, что ничего не дѣлали противнаго Рѣчи Посполитой, умоляли заступиться за нихъ и не мѣшать имъ возвести

---

*) Съ Вржещемъ, Дудзинскимъ, Рознятовскимъ и Сладковскимъ.

**) Мархоц. 150.—Кобѣрж. 107.

Димитрія на московскій престолъ. Дерзкій тонъ въ рѣчи Мархоцкаго вооружилъ сначала пановъ: они смѣялись депутатамъ въ глаза надъ Димитріемъ, говорили, что Марина вышла замужъ за втораго Димитрія; говорили о нихъ съ негодованіемъ, что они за свою дерзость недостойны быть допущенными предъ лицо короля. Наконецъ, порѣшили на томъ, чтобъ въ сильныхъ выраженіяхъ высказать имъ замѣчанія о неприличіи ихъ поступка, потомъ обойтись съ ними ласково. На третій день послѣ прихода, ихъ призвали снова въ присутствіе короля. Тогда подканцлеръ Феликсъ Крискій сказалъ имъ: «Въ прежнее время королю были бы очень пріятны эти изъявленія вѣрности и подданства, какія вы принесли отъ имени рыцарства вашего; но когда помыслить о словахъ вашихъ, то королю, сенату, и наконецъ всѣмъ, которые слушали и читали ваше посольство, нельзя ни удивляться тому, что вы, говоря о своей вѣрности, осмѣлились обратиться къ величію вашего государя съ такими дерзкими выраженіями. Вы перешли границы свободы. Кто не почитаетъ государя, тотъ оскорбляетъ отечество, и кто не слушаетъ властей, тотъ противится закону. Вы огорчили короля вашимъ посольствомъ отъ войска, къ которому король, по своему милосердію, уже отправилъ своихъ пословъ. А вы примите писанный отвѣтъ, достойный вашего посольства, и передайте вашимъ товарищамъ, чтобъ они уважали его королевское величество, которому Богъ повѣрилъ въ управленіе своихъ людей, чтобъ они чувствовали, что онъ ихъ король и государь».

Послѣ рѣчи Крискаго, Янъ Куцборскій, епископъ Кульмскій, подалъ имъ на письмѣ отвѣтъ, гдѣ послѣ укоровъ за дерзкія выраженія и заявленія, упрекали помощниковъ Лжедимитрія въ нарушеніи правъ и неуваженіи ко властямъ. «Право обоихъ народовъ (польскаго и литовскаго,—сказано было тамъ) запрещаетъ вступать на службу въ иностранныя

государства съ хоругвями, чтобъ не подать повода другимъ нападать на насъ; право обоихъ народовъ запрещаетъ частнымъ лицамъ оружіемъ отплачивать сосѣдямъ за оскорбленія, и даже самому королю не позволяется начинать войны, чтобъ не навлечь опасности на свое государство; а вы безъ дозволенія начальства раздразнили сосѣдняго непріятеля. Теперь король принужденъ вступить войною въ Московское государство, потому что Шуйскій уже вооружилъ на Польшу и Литву съ одной стороны татаръ, съ другой шведовъ; а разсѣявши войско Димитрія, составленное изъ поляковъ, онъ легко могъ бы ворваться въ предѣлы литовскіе. Подробнѣйшее изложеніе всѣхъ поводовъ вступленія и намѣреній короля предоставлено тому посольству, которое отправлено въ тушинскій лагерь». Не смотря на эти суровые отвѣты, посланцовъ Димитріева войска угощали паны одинъ за другимъ съ радушіемъ и честію.

Посланцы Сапѣги изъ-подъ Троицы объяснялись гораздо покорнѣе и воздержнѣе и оказывали склонность повиноваться королю *). Посланцы поѣхали назадъ.

Въ тушинскомъ таборѣ были уже королевскіе коммисары. Прежде торжественнаго, официальнаго своего пріѣзда, они послали туда агентовъ, пана Добку съ товарищами, которые скоро извѣдали, что войско вовсе не такъ ожесточено вступленіемъ Сигизмунда, какъ кажется, и есть возможность поладить съ нимъ. Говорили, будто Рожинскій не терпитъ своего царика, котораго именемъ распоряжался; толковали даже, будто онъ, поставивши Млоцкаго у Коломны, чтобъ не пропускать водою къ Москвѣ запасовъ, скоро потомъ удалилъ его оттуда, когда увидалъ, что Москва, лишенная продовольствія, въ самомъ дѣлѣ готова сдаться; будто Рожинскій мстилъ Шуйскому, но находилъ невозможнымъ возводить вмѣсто Шуйскаго своего бродягу.

*) Кобѣрж. 125.

Жаръ, съ которымъ поляки составили конфедерацію, ослабѣлъ скоро. Рожинскій былъ черезчуръ властолюбивъ: его не терпѣли тѣ, которые считали себя равными ему. Съ Сапѣгою онъ былъ постоянно въ разладѣ; съ Александромъ Зборовскимъ недоразумѣнія у нихъ дошли до того, что они вышли на поединокъ, но ничего другъ другу не повредили своими сабельными ударами, потому что у обоихъ были крѣпкіе панцыри. Такое несогласіе главныхъ вождей подавало много надеждъ на возможность разстроить службу царику въ пользу короля. Большое затрудненіе представлялось удовлетворить войско жалованьемъ; но агенты доносили, что по войсковому приговору придется вознаградить какихъ нибудь три тысячи; это имъ тайно сообщали офицеры. Послѣ такой провѣдки, пріѣхали коммисары въ таборъ тушинскій. На челѣ ихъ былъ Станиславъ Стадницкій, каштелянъ Перемышльскій, родственникъ Мнишковъ.

Когда послы-коммисары приближались къ Тушину, то сдѣлалось волненіе: конфедерація требовала не принимать ихъ, не входить съ ними въ переговоры, а вести впередъ дѣло Димитрія всѣми силами. Но въ войскѣ успѣли присланные агенты разсѣять слухъ, что король привезъ съ собой большую сумму для заплаты войску. Жолнѣрамъ нужно было какъ нибудь получить жалованье за свои труды; отъ Димитрія они не могли получить обѣщанныхъ благъ иначе, какъ послѣ взятія столицы; она же что-то не давалась въ руки. Естественно, что, не смотря на недавнюю взаимную клятву, первая возможность вознагражденія своихъ трудовъ инымъ способомъ измѣняла ихъ прежній духъ. Сапѣга прислалъ изъ-подъ Троицы посланцовъ извѣстить, что онъ съ своей стороны со всѣмъ войскомъ своимъ покоряется королю, и совѣтовалъ не раздражать своего государя и допустить коммисаровъ. Рожинскій и Зборовскій, какъ главные предводители, не хотѣли было разставаться

съ властію; но увидя, что войско склоняется къ этому, согласились принять пословъ.

Коммисары пріѣхали 17 декабря. Ихъ принималъ за лагеремъ Зборовскій съ двухсотеннымъ гусарскимъ отрядомъ. Онъ проговорилъ имъ рѣчь, состоявшую изъ комплиментовъ, и поѣхалъ съ ними. Когда они приблизились къ обозу, навстрѣчу имъ выѣхалъ самъ Рожинскій, въ своей каретѣ; съ нимъ рядомъ сидѣлъ Станиславъ Мнишекъ, староста Саноцкій. Рожинскій извинялся нездоровьемъ, что не могъ встрѣтить ихъ далѣе отъ обоза. Они поѣхали вмѣстѣ, и, при въѣздѣ въ обозъ, на встрѣчу стали передъ ними посланцы царика, Иванъ Плещеевъ и Ѳедоръ Унковскій (Unikovius). Но королевскіе коммиссары замѣтили, что не къ этому царю пріѣхали. Они проѣхали мимо его избы прямо къ помѣщенію Рожинскаго. Царикъ и Марина смотрѣли на нихъ въ окна и чуяли свое горе. Вступили коммисары къ Рожинскому, тамъ ожидалъ ихъ столъ: они пировали со своими соотечественниками прежде, чѣмъ начали говорить о дѣлахъ.

На другой день, коммисары объяснили Рожинскому и панамъ съ нимъ бывшимъ, что должны объявить свое посольство отъ короля войску. Рожинскій сказалъ на это: «У насъ есть царь Димитрій: прежде ему слѣдуетъ представиться. Мы его войско, служимъ подъ его властію и подъ его знаменемъ. А потому мы спросимъ васъ: имѣете ли что нибудь сообщить его величеству царю Димитрію?» Коммисары на это сказали: «Мы на вашъ вопросъ сдѣлаемъ съ своей стороны вопросъ: тотъ ли этотъ Димитрій Ивановичъ, которому вся земля присягнула, крестъ ему цѣловала и вѣнецъ на него возложила? Намъ его величество король приказалъ узнать въ точности и освѣдомиться объ этомъ у вашихъ милостей. Если онъ дѣйствительно тотъ самый, то намъ поручено объявить ему,

что государь нашъ не только не хочетъ ему препятствовать, но еще всѣми силами станетъ ему помогать противъ измѣнниковъ. Если же онъ ложный, то его величество не можетъ посылать своихъ пословъ къ обманщику, онъ не привыкъ давать фальшивыхъ титуловъ, да и вы сами, какъ вѣрные слуги его королевской милости, можете разсудить, можетъ ли король и вся Рѣчь Посполитая, потакая выгодамъ частныхъ лицъ, дѣлать безчестное дѣло и нарушать старинныя права и обычаи?» На это былъ такой отвѣтъ: «Не хотимъ васъ обманывать, господа королевскіе послы; онъ не тотъ, который царствовалъ прежде, и не тотъ, за кого себя выдаетъ, но такъ дѣла требуютъ, и особенно такъ слѣдуетъ поступать ради Москвы, которая смотритъ въ оба глаза на ваше посольство. Если его явно отвергнуть и пренебречь, сдѣлается смута. Предоставьте намъ... для вида... мы лучше знаемъ свойства нашего Димитрія... Мы съумѣемъ сохранить достоинство нашего государя». Рожинскій сообщилъ объ этомъ ротмистрамъ. Нѣкоторые закричали на отрѣзъ: «Мы служимъ Димитрію, и не должны принимать мимо его посольствъ». Но болѣе умѣренные говорили: «Коммисары пріѣхали не къ Димитрію, а къ намъ, полякамъ, людямъ вольнымъ, отъ нашего короля и государя». Послѣ споровъ рѣшили на томъ, чтобы объявить объ этомъ Димитрію и попросить у него дозволенія вступить въ разговоры съ королевскими коммисарами. «Мы скажемъ ему—говорили поляки—пусть будетъ какъ будто по его волѣ; а онъ, разумѣется, противиться не станетъ; знаетъ, что и безъ него будетъ тоже самое». Такъ и случилось. Царикъ не смѣлъ противиться, расчелъ, что будетъ хуже, когда его не послушаютъ. Тогда собралось генеральное кȯло на просторномъ мѣстѣ, образовало кругъ; въ него вошли коммисары и сѣли въ креслахъ. Каштелянъ Перемышльскій Стадницкій говорилъ рѣчь, изла-

галъ причины, которыя побудили короля взять оружіе, припомнилъ убійство поляковъ въ Москвѣ, задержаніе польскихъ пословъ, плѣнъ поляковъ.. «Король и Рѣчь Посполитая — говорилъ онъ — не могли терпѣть долѣе, послѣ того, какъ Шуйскій заключилъ союзъ съ герцогомъ зюдерманландскимъ, врагомъ и похитителемъ наслѣдственнаго престола его величества короля нашего, и призвалъ къ себѣ на помощь его войска; кромѣ того онъ подъущаетъ татаръ на земли Рѣчи Посполитой; Московское государство въ крайнемъ упадкѣ и разореніи; невѣрные турки радуются и конечно скоро воспользовались бы этимъ, чтобы завоевать его себѣ, такъ какъ уже случалось, что они находили на него съ Дону и посылали для разоренія татарскія орды. Намъ нельзя было спокойно дожидаться, тогда бы они вошли и въ наши предѣлы; окончательное подпаденіе Московскаго государства турецкому владычеству было бы ударомъ для древней вѣры и гибелью христіанства. Король не хотѣлъ потерпѣть долѣе такого напраснаго пролитія христіанской крови и погибели государства, съ которымъ предки его величества жили по-сосѣдски, и съ Божіею помощію желаетъ вѣрными средствами его успокоить, а вы не должны этимъ пренебрегать; напротивъ, король надѣется и желаетъ вашего содѣйствія; теперь дѣло идетъ о васъ самихъ, о правахъ, святой вѣрѣ, женахъ и дѣтяхъ, собственности, землѣ, которой вы принадлежите».

Выслушавъ рѣчь, старый полковникъ, по имени Витковскій, сказалъ на нее:

— «Все войско объявляетъ благодарность его величеству королю нашему за честь, которую онъ оказалъ намъ, приславши такихъ знатныхъ и почетныхъ людей; мы готовы принести жизнь нашу и достояніе на службу короля, и просимъ, чтобы намъ удѣлили на письмѣ поводъ къ посольству, зачѣмъ вы пріѣхали».

Коммисары на это согласились. Но тогда отъ имени войска попросили показать также инструкцію, данную имъ отъ короля. Въ этомъ отказали коммисары, и князь Збаражскій сказалъ, что король поручилъ ихъ благоусмотрѣнію сдѣлать войску уступки, какія найдутся нужными.

Въ инструкціи, кромѣ явныхъ пунктовъ, которые гласно объявилъ Стадницкій въ своей рѣчи, были еще скрытныя порученія, которыя обнародовать никакъ нельзя было. Тамъ поручалось коммисарамъ завести тайныя сношенія съ каждымъ изъ пановъ особо, давать имъ различныя надежды, располагать ихъ смотря по ихъ обстоятельствамъ, вообще соблазнять ихъ обѣщаніями выгодъ и представить имъ, что не всегда можетъ быть для нихъ такой счастливый случай: надлежитъ воспользоваться этимъ. Между панами въ таборѣ вора, были такіе, которые тайно отъ своихъ пріятелей переписывались съ другими пріятелями въ Польшѣ, а тѣ, по ихъ просьбѣ, выставляли ихъ передъ королемъ, сенаторами и членами вольнаго сейма людьми, которые стараются о томъ, чтобы обратить тушинскій таборъ на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой. Этимъ лицамъ коммисары должны были сказать, что король всегда будетъ помнить ихъ заслуги, и такъ какъ они первые повели дѣло на пользу короля и Рѣчи Посполитой, то при раздачѣ наградъ не будутъ послѣдними. Однимъ слѣдовало обѣщать староства, другимъ каштелянства, экономіи и проч. Коммисары вообще должны были отвлекать поляковъ отъ вора и представить имъ, что пристать къ королю для нихъ выгоднѣе, чѣмъ оставаться съ воромъ. Но это слѣдовало дѣлать также исподоволь, высматривать и соображать, съ какими требованіями вознагражденій отзовутся тушинскіе поляки, и уступать имъ тогда, когда иначе нельзя. Въ тоже время, коммисары должны были склонять на свою сторону нареченнаго въ Тушинѣ патріархомъ митрополита

Филарета, бояръ и дворянъ, державшихся вора. «Если— сказано въ инструкціи — московскіе люди пожелаютъ отдаться подъ власть короля и не пренебрегутъ его покровительствомъ, то слѣдуетъ имъ объявить, что король ихъ расположеніе приметъ съ величайшею о нихъ заботливостію, сохранитъ имъ вѣру, права, обычаи церковные и судебные, и не только оставитъ неприкосновенными ихъ имѣнія и имущества, но еще по своимъ королевскимъ щедротамъ надѣлитъ новыми тѣхъ, которые къ нему обратятся». Сигизмундъ поручилъ также коммисарамъ тайно послать къ Шуйскому, вступить съ нимъ въ переговоры, и вручилъ королевскую грамату къ нему, которую слѣдовало доставить по назначенію, когда окажется надобность. Король оправдывалъ свое вступленіе въ предѣлы Московскаго государства, приглашалъ прислать изъ Москвы уполномоченныхъ для переговоровъ съ послами, прибывшими въ тушинское войско; такъ какъ Шуйскій разъ уже поступилъ коварно, задержавъ пословъ, то ему болѣе нѣтъ вѣры, и потому переговоры должны происходить не въ столицѣ, а въ полѣ; пусть онъ вышлетъ туда своихъ думныхъ бояръ. Но этотъ нунктъ слѣдовало держать особенно втайнѣ до времени, и когда придетъ пора, то надобно было объявить тушинскимъ полякамъ, что король обращается къ Шуйскому единственно съ предложеніемъ прекратить кровопролитіе и помирить его съ тушинскими поляками на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Къ Димитрію не было никакихъ граматъ; король считалъ унизительнымъ для своего достоинства писать къ вѣдомому обманщику, но къ нему писали сенаторы, просили допустить королевскихъ пословъ къ войску и давали ему титулъ свѣтлѣйшаго (Jaśnie oświecony).

Понятно, что инструкціи этой коммисары не могли объявить по требованію тушинскихъ пословъ, да и сами тѣ,

которые этого домогались, знали, что коммисары не исполнять ихъ желанія. Это заявлено было нарочно, чтобы выдумать предлогъ и не допустить коммисаровъ до ихъ дѣла. Послѣ этого требованія начались споры, и нѣкоторые, въ раздраженіи, наговорили коммисарамъ колкостей. Тогда коммисары сказали: «Послѣ такого обращенія съ нами, намъ ничего больше не остается, какъ уѣзжать и сообщить его величеству и Рѣчи посполитой о томъ уваженіи, какое вы имъ въ настоящее время оказываете». Но болѣе умѣренные стали успокоивать волненіе, и наконецъ порѣшили на томъ, чтобы выбрать изъ всѣхъ ротъ депутатовъ для переговоровъ съ коммисарами отъ цѣлаго тушинскаго войска. Выбрали отъ каждой роты по ротмистру и сверхъ того по два товарища, а когда выборные отдѣлились, то ихъ оказалась большая толпа въ двѣсти человѣкъ. Стали толковать съ коммисарами; стали выпытывать, чего желаетъ король, какія порученія онъ далъ коммисарамъ. Коммисары отговаривались только общими выраженіями и говорили, что король ничего не желаетъ, какъ только успокоить кровопролитіе и обезпечить спокойствіе границъ королевства. «Но съ такимъ большимъ числомъ людей намъ нельзя столковаться — сказали они наконецъ — выберите поменьше». Выборные стали было упрямиться; коммисары стояли на своемъ и твердили, что не находятъ удобнымъ толковать съ двухсотенною толпою. Наконецъ, выборные уступили и выбрали изъ среды себя двадцать шесть человѣкъ. Переговоры назначены на другой день, 21 декабря. Тутъ были и посланцы отъ Сапѣги. Сапѣга особенно побуждалъ Рожинскаго и Зборовскаго вступить въ переговоры съ королевскими коммисарами.

Коммисары сказали:

— «Его величество, нашъ милостивый король, желаетъ, чтобы храброе рыцарство свои труды, подвиги и жертвы

принесло на пользу своему государю и Рѣчи Посполитой, своему отечеству, а не кому нибудь иному. Отечество наградитъ васъ, какъ вѣрныхъ сыновъ своихъ.»

На это былъ такой отвѣтъ:

— «Рыцарство желаетъ всего добраго его королевской милости и отечеству, и хочетъ служить королю, какъ своему государю, но оно связано присягою на вѣрность нынѣшнему государю московскому Димитрію Ивановичу для славы народа своего, и не можетъ поступить противъ совѣсти. Мы можемъ только потребовать отъ царя Димитрія Ивановича, чтобы онъ согласился уступить Польшѣ Сѣверское княжество, а со стороны короля будетъ очень справедливо пособить ему завоевать столицу; мы же отъ его милости короля никакихъ наградъ не требуемъ, и уступаемъ добровольно право своей ассекураціи на полученіе жалованья».

Коммисары поняли дѣло такъ, что это выдумка недобрыхъ людей; «они думаютъ—сказали они шопотомъ другъ другу — что бросаютъ намъ лакомый кусокъ». На заявленіе выборныхъ послѣдовалъ отъ коммисаровъ отвѣтъ въ такихъ выраженіяхъ:

— «Его милость, король, не привыкъ помогать такимъ пріобрѣтать государство, у которыхъ нѣтъ никакихъ правъ на государство. Вотъ изъ этого видно, что вы нерасположены къ королю и Рѣчи Посполитой. Вы сами слуги и подданные его величества, а ведете его къ такому безчестному дѣлу, чтобы онъ, монархъ, помогалъ и служилъ какому-то бродягѣ; видно, что не любите вы отечества, когда вы не за него проливаете кровь, а за того, кто вамъ даетъ то, чего самъ еще не имѣетъ. У Рѣчи Посполитой древнѣе и законнѣе право на то самое, что онъ даритъ. Не то что Сѣверской земли — ни одной деревушки не имѣетъ онъ права раздавать».

Поднялся споръ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ шума, депутаты сказали: «Мы не можемъ осрамить чести польскаго народа и своей совѣсти — нарушить свою присягу; оставить царя намъ нельзя иначе, какъ тогда, когда удовлетворятъ его. Мы привели его на это; онъ согласится на то, что мы захотимъ; но опасно: если мы отступимъ отъ него, то какъ бы не взбунтовалась города и москвитяне, которые при немъ находятся! Мы взяли его подъ свое покровительство и ожидали отъ него наградъ; онъ въ долгу у насъ. Возьмется ли его величество король заплатить намъ все, что слѣдуетъ намъ получить съ Димитрія?»

— «Ваша присяга недѣйствительна — сказали коммисары — потому что дана человѣку, носящему фальшивое имя: вы въ этомъ сами сознались по совѣсти. По какимъ же правамъ можно обманщику давать награды? Но чтобъ не произошло смятенія, король согласенъ наградить и его. Полковники и ротмистры! ступайте къ нему и объявите, что вы служили ему долгое время, но по причинѣ неудачъ его служить ему больше не будете. Припомните, на какой верхъ счастія вы его вовзели; вы собрались во имя его, достояніе свое для него тратили, кровь свою для него проливали. Пусть же онъ теперь отдастся на ваше благоусмотрѣніе и вспомнитъ, что причиною его возвышенія были вы. Пока люди думали, что онъ истинный Димитрій, — къ нему приставали, а теперь узнали, кто онъ такой, и стали отлагаться отъ него, и чтобъ ему не погибнуть, пусть прибѣгнетъ къ его величеству королю, который ему обѣщаетъ вѣрную награду!»

Тогда они сказали: «Пусть король намъ заплатитъ долгъ, который намъ обязанъ выплатить Димитрій; выйдетъ всего на двадцать милліоновъ злотыхъ; изъ нихъ пять милліоновъ пусть намъ уплатится теперь же отъ Рѣчи Посполитой за нашу службу Димитрію, а пятнадцать мы получимъ съ

Московской земли, когда его величество овладѣетъ ею. А если почему нибудь не состоится предпріятіе, то все-таки пусть наша награда не пропадаетъ. Мы проложили королю дорогу въ Московское государство и дали къ нему доступъ.»

Коммисары сказали:

— «Вы, собравшись во имя Димитрія и зная, что онъ обманщикъ,служили ему и творили фальшивое дѣло. Москвитяне думали, что онъ настоящій, и воевали за него съ вами за одно съ успѣхомъ, а какъ узнали, что онъ обманщикъ, то стали отпадать отъ него, особенно послѣ вашихъ грабежей и потерь. Тверская земля совсѣмъ отпала. Города возмутилися противъ васъ прежде, чѣмъ король вступилъ въ Московское государство; еще Сѣверская земля, страшась мести Шуйскаго, за васъ держится, а вовсе не ради вѣры въ вашего царя; частыя сраженія обезсилили васъ; счастье ваше упало; вамъ не только не возможно взять столицы, но еще вы должны будете отступить и показать свою слабость непріятелю. Было время, когда вы держали всю землю въ рукахъ вашего обманщика, и тогда вы не получили себѣ желанной награды; а теперь куда вамъ ее получить, когда вы ослабѣли, а силы вашихъ непріятелей возрасли! Да если бы и вся земля досталась вашему обманщику, онъ все-таки вамъ не могъ бы заплатить этихъ милліоновъ. Легко ему обѣщать и писать обѣщанія—каково-то дать! Хоть бы и Москву вы взяли,—надѣлили бы васъ не равно; одинъ взялъ бы много, другому не досталось бы ничего! Вы вѣрите своему обманщику больше, чѣмъ законному королю! Какіе же вы друзья отечества, когда желаете, чтобы король, безъ согласія чиновъ государства, обязался такимъ огромнымъ долгомъ? Впрочемъ, вѣдь вы и отъ вашего царя не надѣялись такой награды иначе, какъ только тогда, когда Москву возьмете.

Развѣ это можетъ теперь статься? Король не покинетъ этой войны, не отойдетъ домой; не съ тѣмъ онъ сюда пришелъ; если бы онъ ее оставилъ, то непріятель, оправившись, сталъ бы искать короля въ его собственныхъ предѣлахъ, сохрани Богъ! Король лучше съ жизнью разстанется, чѣмъ добрую славу утратитъ. Если король или мечемъ, или договоромъ покоритъ Московское государство, то знайте, что васъ за упрямство ожидаетъ гибель. Не вѣрьте, панове, что вамъ тамъ недобрые люди разсказываютъ о Польшѣ. Правда, есть у насъ разбойники, негодяи, но Богъ простираетъ руку свою надъ нашимъ отечествомъ, и теперь таково его милосердіе, что добрые люди не допустятъ сдѣлаться ничему злому: найдутся такіе, что жизнь свою положатъ за государя и вольность. Домашнія недоразумѣнія не заставятъ короля возвратиться. Что же, что вы служили? Вы проливали нашу кровь за обманщика, забывали своего законнаго государя; отъ тѣхъ, которые изъ васъ пали въ битвѣ, не было никакой пользы отечеству, и ваша служба начнется тогда, когда вы начнете служить ею великому королю и получите отъ него приповѣдные листы. Король своимъ приходомъ вамъ ничѣмъ не помѣшалъ: онъ пришелъ въ ту сторону, гдѣ васъ не было и гдѣ самая сильная сторона Московскаго государства. Король безъ васъ обойдется, а вы безъ короля не обойдетесь. Слабость скоро уничтожитъ васъ, а король хочетъ васъ усилить. Король хочетъ, чтобы вы и награду себѣ, и славу получили. Теперь королю вамъ платить не за что; вы служили Димитрію, и если Димитрій что вамъ обѣщалъ, то обѣщалъ то, чего не имѣлъ; это была ложь, какъ и Димитрій вашъ ложный, а король что обѣщаетъ, то исполнитъ, только вы будьте умѣреннѣе. Есть два способа уплатить вамъ жалованье: первый щедрѣе, да не такъ вѣренъ, хотя и вѣроятенъ; второй скупѣе, за то вѣрнѣе. Пер-

вый — заплатить вамъ изъ московской казны, когда мы овладѣемъ Москвою; второй — дать вамъ ассекурацію въ уплатѣ жалованья по вашей службѣ королю. Если удастся овладѣть Москвою или черезъ договоръ или мечемъ, мы предложимъ москвитянамъ, въ числѣ условій, заплатить вамъ, хоть бы и больше той суммы, какую вы запросили, лишь бы у нихъ казны достало; а если же они не захотятъ мирно покориться, то нужно будетъ войну вести съ ними. Ну, война требуетъ издержекъ и времени! На это обратите вниманіе. То, что издержится на войну, нужно будетъ вознаградить съ той же Московской столицы. Предоставьте лучше его милости королю правильный разсчетъ для ассекураціи вамъ на жалованье. А мы обѣщаемъ вамъ въ эту же зиму, если Богъ поможетъ его милости королю овладѣть Москвою, награду, только въ размѣрѣ справедливомъ. А то вѣдь у насъ нѣтъ перуанскихъ рудниковъ.»

Эти совѣщанія не окончились успѣхомъ: тушинцы пошумѣли и разошлись толковать между собою. Прошло нѣсколько дней. Это время употребили коммисары на то, чтобы обдѣлать дѣло поодиночкѣ. Они воздерживались отъ обѣщанія удовлетворить все войско, это было невозможно, за то они были щедры на обѣщанія начальникамъ и въ короткое время всѣхъ склонили на свою сторону, въ томъ числѣ и Зборовскаго, и самого Рожинскаго: ихъ приманили обѣщаніями старостъ. Между тѣмъ жолнѣры шумѣли; доходило у нихъ до дракъ. Воръ не смѣлъ и не въ силахъ былъ вмѣшиваться. Онъ попробовалъ было спросить Рожинскаго: зачѣмъ пріѣхали королевскіе коммисары? Рожинскій, тогда подпившій, сказалъ ему въ отвѣтъ: «А тебѣ, б.... сынъ, чтò за дѣло? они ко мнѣ, а не къ тебѣ пріѣхали. Чортъ тебя знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы служили тебѣ и проливали кровь, а награды не видимъ!» Какого-то Вишневецкаго, котораго воръ любилъ, не взлю-

билъ Рожинскій и поколотилъ въ присутствіи своего царика, а потомъ прикрикнулъ на самого вора такъ, что тотъ запрятался куда-то. Другой польскій панъ Тышкевичъ обругалъ царика воромъ и мошенникомъ. Съ каждымъ днемъ положеніе его становилось опаснѣе. Но оно стало безвыходнымъ, когда королевскіе коммисары сошлись потомъ съ московскими людьми скорѣе, чѣмъ съ подданными своего государя. Они пригласили на разговоръ знатнѣйшихъ изъ послѣднихъ; на челѣ ихъ былъ Филаретъ Никитичъ, съ нимъ были Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Трубецкой; съ нимъ былъ и атаманъ Заруцкій.

Коммисары имъ говорили:

— «Не страшитесь того, что король вошелъ въ землю вашу съ войскомъ. Онъ не желаетъ вамъ зла, а по христіанскому милосердію и по сосѣдству хочетъ утишить Московское государство, потрясенное смутою отъ безстыднаго вора, и освободить народъ отъ мучителей, которые его утѣсняютъ. Если вы не принебрежете его расположеніемъ и пожелаете, то король не только сохранитъ ваши обычаи, но будетъ оборонять ваши права, вѣру, вольности, женъ и дѣтей и ваши имущества. Вотъ къ королю пришли вѣрные слухи, что поганые турки и татары, пользуясь вашимъ раздѣленіемъ, приступаютъ къ вашимъ границамъ съ тѣмъ, чтобы, пробившись черезъ наши земли, овладѣть вашими. Тогда постигнетъ погибель вашу древнюю вѣру христіанскую. Взирая на это, его величество король пришелъ на помощь государству Московскому, не желая, чтобъ его собственныя земли были окружены невѣрными. За ваше расположеніе къ вѣрнымъ подданнымъ и честному народу обоихъ своихъ государствъ его величество король окажетъ вамъ свою милость: вы узнаете ее не на словахъ, а на дѣлѣ, изъ добраго окончанія этого предпріятія*).

*) March. 159.

Коммисары вручили имъ королевскую грамату. Филаретъ и бояре заплакали отъ такихъ словъ и сказали въ отвѣтъ:

— «Слава высочайшему Господу Богу, что вдохнулъ наилучшему королю желаніе положить конецъ долгимъ нашимъ бѣдамъ и страданіямъ! Мы объ одномъ только просимъ, одного молимъ: чтобъ онъ нашу православную вѣру сохранилъ ненарушимо и наши монастыри и святыню.»

Коммисары отвѣчали: «Именемъ короля мы клянемся вамъ, что все станется по вашему желанію.»

Бояре порѣшили отречься отъ царика, отречься и отъ Шуйскаго, отдаться Сигизмунду и стараться привести ему въ подданство все Московское государство.

Воръ увидѣлъ, что уже ему нѣтъ надежды; поляки поодиночкѣ склонялись на сторону коммисаровъ; московскіе бояре и дворяне были противъ него; онъ боялся, что его не сегодня-завтра свяжутъ. Онъ рѣшился бѣжать. Говорятъ, что онъ пришелъ къ своей женѣ и сказалъ: «Либо мнѣ, либо Рожинскому приходится пропасть! Онъ оскорбляетъ меня! Я недостоинъ буду видѣть твоихъ очей, если не отомщу ему. Онъ заодно съ королемъ своимъ, у нихъ противъ меня злой умыселъ. Оставайся здѣсь ты, а я убѣгу! [1])» По другому извѣстію [2]), Димитрій утаилъ отъ Марины свой замыселъ. Какъ бы то ни было, онъ переодѣлся въ крестьянское платье и вечеромъ убѣжалъ изъ табора. Съ нимъ ушелъ шутъ его Кошелевъ. Онъ убѣжалъ въ Калугу, куда уже прежде отослали его бояре свои семьи [3]), и первымъ его дѣломъ было написать грамату и разослать по городамъ, чтобъ московскіе люди ловили и убивали по-

---

*) Buss. 97.

**) Кобѣржицкій, 152.

***) Marchoc, 62.

ляковъ, а ихъ имущества свозили въ Калугу*). Въ таборѣ нѣсколько времени не знали, куда дѣвался царикъ, и думали, что онъ убитъ**). Такая вѣсть распространилась и въ войскѣ Скопина, и предводитель московскаго войска писалъ въ своей граматѣ за вѣрное, что тушинскаго вора убили польскіе и литовскіе люди.

Въ ту же ночь послѣ бѣгства вора произошелъ страшнѣйшій безпорядокъ въ таборѣ. Пестрое войско, собранное во имя призрачнаго царя, узнавши, что его нѣтъ, металось во всѣ стороны. Толпы напали на Рожинскаго, кричали: «Гдѣ царь? куда ты его дѣвалъ? это ты его спровадилъ!» Рожинскій увѣрялъ и клялся, что онъ невиненъ, не знаетъ, куда убѣжалъ царикъ; но въ тоже время удачно дѣйствовалъ на подчиненныхъ присутствіемъ духа и умѣньемъ сохранять повелительный тонъ. Московскіе люди не только не пожалѣли о ворѣ, но пошли процессіею къ ставкѣ коммисаровъ: впереди шелъ Филаретъ. Они возвѣстили, что радуются и благодарятъ Бога за то, что избавилъ ихъ отъ вора. Коммисары имъ сказали: «До сихъ поръ мы явно не смѣли объявить вамъ наше къ вамъ посольство, бояре, а теперь вручаемъ вамъ грамату его милости короля, и сами готовы положить за васъ жизнь свою». Тутъ они вручили имъ королевское письмо. Утромъ волненіе въ таборѣ усилилось. Поляки побѣжали къ ставкѣ коммисаровъ. «Это вы его прогнали, кричали они: изрубить гетмана! перебить коммисаровъ!»

Тѣ ротмистры, которые хотѣли укротить волненіе, не могли ничего сдѣлать; но такъ какъ бунтовавшіе не вѣрили въ Димитрія, не были привязаны къ нему, а всполошились отъ того, что у нихъ отняли знамя, подъ которымъ они

*) Buss. 48.
**) Buss. ibid.

всѣ надѣялись не потерять того, что заслужили, и получить золотыя горы, то въ концѣ концовъ—они воспользовались тѣмъ, чѣмъ можно было: напали на царскія избы, перетрясли все въ нихъ и захватили изъ нихъ то, что было подороже: серебро, золото, что было тамъ въ сосудахъ и въ деньгахъ — все это въ мигъ разошлось по рукамъ. Къ вечеру волненіе улеглось.

Но на другой или на третій день какой-то Казимирскій распространялъ по обозу вѣсть, будто Димитрій прислалъ письмо къ тушинцамъ. Таборъ взволновался снова. Нѣсколько дней — говорятъ коммисары въ своемъ донесеніи *)— таборъ похожъ былъ на толпу бѣшеныхъ или съумасшедшихъ. Вѣсть оказалась ложною, и Рожинскій приказалъ повѣстить, что впередъ кто будетъ распространять такія вѣсти, тотъ подвергнется наказанію. Волненіе утишили болѣе всего московскіе люди, гласно заявлявшіе расположеніе къ Сигизмунду. Они оказывали готовность не признавать отнюдь ни вора, ни Шуйскаго, и пригласить на Московское государство царемъ сына Сигизмундова, Владислава. Приверженцы вора, какъ поляки, такъ и русскіе, злобились на московскихъ знатныхъ людей, изъявившихъ это желаніе. Но поляки, видя, что ихъ царика нѣтъ болѣе на лицо, а русскіе склоняются къ польскому королю, поставлены были въ такое положеніе, что невольно должны были согласиться съ коммисарами. Невозможно было имъ, подданнымъ короля, идти противъ него и держаться того, кто назывался московскимъ царемъ, когда тѣ, которые считались законными подданными этого царя, отверглись отъ него и обратились къ польскому королю. Коммисары обѣщали имъ жалованье и побуждали послать депутацію къ королю, ободряя надеждами, что посольство ихъ будетъ

*) Bibl. Krasin. B. 1. 6.

успѣшно. И они наконецъ, собравшись въ кѳло, положили отправить депутатовъ къ королю, но такъ, чтобы выторговать у него побольше для себя выгодъ. Но въ тоже время Янушъ Тышкевичъ поѣхалъ въ Калугу къ вору, съ посольствомъ отъ рыцарства.

Московскіе люди за одно съ поляками отправили изъ своей среды посольство къ Сигизмунду.

Коммисары окончили свое дѣло. Собравшись ѣхать къ королю, Стадницкій написалъ къ Маринѣ письмо. Онъ называлъ ее не царицею, даже не великою княгинею, а воеводянкою сендомирскою, и уговаривалъ оставить честолюбивыя намѣренія. Марина отвѣчала ему: «Доброжелательство вашей милости для меня пріятно, какъ отъ лица, связаннаго со мною родствомъ. Я имѣю надежду, что Богъ — мститель неправдамъ, охранитель невинности; онъ не дозволитъ моему врагу Шуйскому пользоваться плодами измѣны и злодѣяній своихъ. Ваша милость должны помнить, что кого Богъ разъ осіялъ блескомъ царственнаго величія, тотъ не потеряетъ этого блеска никогда, такъ какъ солнце не потеряетъ своего блеска отъ того, что иногда закроетъ его скоропроходящее облако». Она подписалась «царицею московскою». Вмѣстѣ съ тѣмъ она написала письмо къ королю, подписанное числомъ 15 января. Въ этомъ письмѣ Марина извѣщала, что, узнавши о вступленіи Сигизмунда, желаетъ успѣха его намѣреніямъ. Она говорила, что находилась до сихъ поръ въ заключеніи, которое мѣшало ей обратиться къ королю. Марина выражалась такъ: «Если чѣмъ нибудь на свѣтѣ играла судьба, то, конечно, мною: изъ шляхетскаго званія она вознесла меня на высоту московскаго престола для того, чтобъ бросить въ ужасное заключеніе: только-что лишь проглянула обманчивая свобода, какъ судьба ввергнула меня въ неволю, повидимому, лучшую, но въ самомъ дѣлѣ еще злополуч-

нѣйшую, такъ что я не могу жить сообразно моему сану. Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московскій престолъ, обезпеченное коронаціею, утвержденное признаніемъ въ званіи царицы и укрѣпленное двойною присягою всѣхъ сословій Московскаго государства. Я увѣрена, что ваше величество по мудрости своей вознаградите съ королевскою щедростію и меня, и фамилію мою, которая достигала этой цѣли съ потерею права и съ большими издержками *)». Марина подписалась «московской царицей».

Партія, склонная къ переходу на сторону короля, опять составила кóло и приговорила послать къ нему депутацію, которая должна была представить ему на письмѣ пункты. Выбрали для этого восемь депутатовъ **). Послы отъ московскихъ людей, находившихся въ лагерѣ, были: Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и сынъ его Иванъ, князь Василій Рубецъ-Мосальскій, Юрій Хворостининъ, князь Ѳедоръ Мещерскій, дьякъ Иванъ Грамотинъ и другіе дворяне и дьяки, числомъ 42 ***).

Прибытіе московскихъ пословъ было истиннымъ праздникомъ для національнаго польскаго самолюбія. Поляки радовались и думали, что завоеваніе Московіи совершено безъ боя. Бояре прибыли въ лагерь подъ Смоленскъ 27 января. Имъ дали отдохнуть, и 31 позвали на аудіенцію къ королю. Король сидѣлъ въ шатрѣ, окруженный сенаторами. По дипломатическимъ обычаямъ, послы произносили

---

*) Кобѣрж. 158.—Ист. См. Вр. 10, пр. II. стр. 6.

**) Хруслинскаго, Стоборовскаго, Яйковскаго, Войтковскаго, Дворжицкаго, Павловскаго и Пепловскаго, отъ Сапѣги — Стравинскаго. (Рукоп. Генер. Штаба).

***) Между ними значатся: Левъ Плещеевъ, Никита Вельяминовъ, Тимоѳей Грязной, Ѳедоръ Андроновъ, Иванъ Чичеринъ, Степанъ Соловецкій, Евдокимъ Витовтовъ и др. (Собр. гос. гр. II, 451.—Карамзинъ, XII, 225).

передъ королемъ рѣчь такимъ образомъ, что одинъ начиналъ и останавливался, продолжалъ другой съ того мѣста, гдѣ остановился первый, а другаго смѣнялъ такимъ же образомъ третій. Сначала приблизился къ королю Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, поцѣловалъ руку и сказалъ привѣтствіе: онъ поздравлялъ короля съ прибытіемъ въ московскую землю, благодарилъ за письмо, присланное королемъ, заявлялъ, что московскій народъ расположенъ къ королю и желаетъ отдаться ему въ покровительство и повѣрить ему судьбу свою. Салтыковъ сказалъ, что нужно теперь войти въ совѣщаніе объ этомъ важномъ дѣлѣ. Михайло Глѣбовичъ остановился; его смѣнилъ сынъ его Иванъ. Онъ объявилъ отъ лица Филарета, котораго назвалъ патріархомъ, отъ всего духовенства и отъ всего народа благодарность за то, что король пожаловалъ въ московскую землю, какъ государь христіанскій и милосердый, соболѣзнуя о всеобщемъ смятеніи всѣхъ людей Московскаго государства, о повсемѣстномъ разореніи и опустошеніи его областей, для того, наконецъ, чтобы своимъ вліяніемъ при Божіей милости водворить въ разоренной странѣ миръ и тишину. Иванъ Салтыковъ перечислилъ русскихъ государей, начиная отъ Рюрика, котораго производилъ отъ Августа Кесаря, дошелъ до Ѳедора Ивановича, сказалъ объ убійствѣ Димитрія и о томъ, что послѣ того московскими государями явились незаконные государи, похитители престола. Ивана Салтыкова смѣнилъ князь Василій Мосальскій и въ пышныхъ выраженіяхъ сравнилъ московскую землю съ бурнымъ моремъ, а потомъ и о королѣ сказалъ, что онъ съ войскомъ пришелъ по Божію указанію для того, чтобъ спасти корабль государства, разбиваемый разъяренными волнами. За княземъ Мосальскимъ держалъ рѣчь дьякъ Иванъ Грамотинъ: ему приходилось сказать самую суть дѣла. Онъ говорилъ: «Такъ какъ самъ Богъ поручилъ королю прекра-

тить кровопролитіе, междоусобіе въ московской землѣ, то патріархъ Филаретъ, духовенство, бояре, окольничьи, дворяне, думные дьяки, стольники, стряпчіе и всякаго званія московскіе люди бьютъ челомъ королю и объявляютъ, что они желаютъ возвести на престолъ Московскаго государства королевича Владислава, съ тѣмъ, чтобъ король сохранилъ неприкосновенно святую вѣру греческаго закона, которую столько вѣковъ свято исповѣдывали московскіе люди». Тогда Михайло Салтыковъ сталъ говорить снова и также изъявилъ желаніе имѣть въ Московскомъ государствѣ царемъ королевича Владислава, если только то согласно съ королевскою волею. Рѣчь Салтыкова на этотъ разъ была коротка,—его замѣнилъ снова дьякъ Грамотинъ и рисовалъ выгоды, какія могутъ послѣдовать отъ соединенія двухъ государствъ, Польши и Россіи. «Мы просимъ— сказалъ Салтыковъ — чтобы немедленно были назначены паны-сенаторы для совѣщанія съ нами объ этомъ важномъ дѣлѣ, ибо мы имѣемъ на то порученіе отъ нашихъ братій, какъ находящихся въ Тушинѣ, такъ и тѣхъ, что находятся въ Москвѣ».

По повелѣнію короля, имъ далъ отвѣтъ по должности канцлера Левъ Сапѣга: «Его величество король очень радъ прибытію такихъ почтенныхъ пословъ отъ чиновъ Московскаго государства, и принимаетъ подъ свое покровительство св. греческую вѣру и храмы, сообразно благочестію христіанскаго государя и вашему расположенію къ его величеству. По важности дѣла, съ которымъ вы прибыли, король черезъ нѣсколько дней назначитъ пановъ-сенаторовъ, которые будутъ съ вами совѣщаться объ этомъ».

Послѣ этого отвѣта пословъ провели въ назначенныя имъ ставки съ большими почестями *).

---

*) Кобѣрж. 165.—Ист. См. Вр. III, прил. 173.

Черезъ полчаса послѣ отпуска московскихъ пословъ, допущены были въ присутствіе польскаго короля послы отъ поляковъ тушинскаго войска. Хруслинскій на челѣ ихъ проговорилъ рѣчь, исполненную покорности и готовности служить королю. Но вслѣдъ за тѣмъ подано было на бумагѣ двѣнадцать пунктовъ такого содержанія:

Они домогались, чтобъ король, овладѣвши Москвою, исполнилъ всѣ обѣщанія, какихъ имъ надавалъ Димитрій, и чтобы придалъ къ этому еще пошлины и общественные доходы. Но такъ какъ всякое счастіе непостоянно, то пусть король обѣщаетъ, въ случаѣ неудачъ, жалованье за двѣ четверти, которое должно быть обезпечено королевскими староствами и имуществами. Сверхъ того, они просили еще за одну четверть на покупку вооруженія, лошадей и лагернаго хозяйства. Независимо отъ этого, они просили, чтобъ король засчиталъ имъ въ службу время отъ праздника Рождества Христова 1609 года наравнѣ съ прочими своими войсками, на томъ основаніи, что они покинули Димитрія. Въ добавокъ они просили, чтобы король обезпечилъ Марину и отдалъ ей въ надѣлъ тѣ города и волости, которыя царь Димитрій ей обѣщалъ предъ бракосочетаніемъ, а для самого Димитрія выговаривали одно изъ большихъ удѣльныхъ княженій русскихъ. Эти требованія не показались пріятными, ни для короля, ни для сенаторовъ.

Переговоры съ московскими людьми происходили въ половинѣ февраля. Мѣсто для совѣщаній назначено у коронпаго подканцлера Крискаго. Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь, гдѣ между прочимъ сказалъ: «У насъ давно было желаніе, чтобы, послѣ прекращенія дома нашихъ старыхъ государей изъ рода Рюрикова, принялъ скипетръ россійской державы родъ польскаго короля Жигимонта». Онъ свидѣтельствовалъ о такомъ общемъ желаніи, какъ членъ боярской думы, которому извѣстны были политиче-

скія побужденія. «Намъ — продолжалъ онъ — мѣшала злоба Годунова, убійцы послѣдняго наслѣдника; потомъ появился ложный Димитрій, низложилъ похитителя Бориса, и захватилъ неправедно царство, и достойно былъ наказанъ. Тогда въ умахъ московскихъ людей было желаніе, чтобы царствовалъ у насъ Владиславъ; но Василій Шуйскій похитилъ престолъ, достигши его убійствомъ поляковъ. Не терпѣла московская земля злодѣя, были смѣлые и безстрашные люди, которые явно говорили, что онъ недостоинъ этого сана; распространилась въ Москвѣ книжечка, гдѣ показано предсказаніе царя Θедора Ивановича, что одному роду короля польскаго придется успокоить царство московское, избавить его отъ бѣдъ и привести въ прежнюю славу. Тимоθей явно обличалъ Шуйскаго за убійство поляковъ и доказывалъ очевидно, что черезъ это онъ подалъ поводъ ко всѣмъ бѣдствіямъ и смутамъ. Тимоθей жизнію заплатилъ за вольныя рѣчи; но бояре все-таки памятовали свой прежній совѣтъ, не хотѣли служить Шуйскому и пристали лучше къ вору, хоть не считали его дѣло справедливымъ, хоть и знали, что онъ права не имѣетъ, но изъ ненависти къ Шуйскому къ нему пристали, ожидая только случая и перемѣны къ лучшему; а какъ услышали о прибытіи короля, то стали сноситься съ тѣми своими братьями, что были въ столицѣ, и положили на томъ, что и другіе вмѣстѣ отрекутся отъ Шуйскаго, какъ и отъ вора, и согласно всею душею и всѣми силами обратятся къ королю и станутъ просить, чтобъ его родъ воцарился въ Московскомъ государствѣ. Когда же послы вашего величества прибыли въ тушинскій лагерь, то патріархъ и всѣ чины тѣмъ охотнѣе изъявили свои задушевныя желанія, чѣмъ долѣе должны были ихъ таить. Теперь мы просимъ короля, чтобы позволилъ намъ выбрать государя изъ его дома, потому что нельзя самому королю управлять Московскимъ

государствомъ чрезъ намѣстниковъ; пусть король соизволитъ намъ дать королевича Владислава. А самъ какъ можетъ скорѣе изволитъ идти къ столицѣ нашей; тогда мы свергнемъ и казнимъ ненавистнаго Шуйскаго, тогда и Смоленскъ, подъ которымъ тратите столько силъ, и всѣ города по примѣру Москвы покорятся».

Сенаторы, назначенные для совѣщанія, отвѣчали московскимъ посламъ любезностями. У короля съ сенаторами происходилъ послѣ того совѣтъ, и тутъ сенаторы стали говорить съ недовѣрчивостію. «Ничего не можетъ быть славнѣе, какъ призвать къ этому великому назначенію царственнаго отрока Владислава, надежду христіанства; но только не надобно забывать, съ какимъ народомъ имѣемъ дѣло: у этого народа такіе же суровые нравы, какъ сурово небо ихъ земли; онъ негостепріименъ, ненавидитъ иноземцевъ, вѣроломенъ, коваренъ; съ нимъ надобно водиться съ большою осторожностію. Надобно извѣдать, что̀ у нихъ на̀ умѣ. Можетъ быть, они только хотятъ избавиться отъ Шуйскаго и поневолѣ къ намъ обращаются. Царствомъ этимъ легко овладѣть, да удержать его будетъ много труда. Но все же не слѣдуетъ пренебрегать случаемъ, такъ какъ небо даетъ намъ въ руки это государство; надобно ласкать ихъ, когда они теперь расположены лучше отдаться чужимъ государямъ, чѣмъ своимъ, и когда нѣтъ въ виду у нихъ претендента, которому бы они приносили законное повиновеніе». Вообще однако сенаторы порѣшили на томъ, что такого важнаго дѣла окончательно рѣшить нельзя безъ согласія всѣхъ чиновъ польскаго королевства и не узнавши дѣйствительнаго расположенія москвитянъ, а потому и невозможно постановить что нибудь прочное. Послѣ этихъ разговоровъ дали отвѣтъ московскимъ посламъ въ такомъ смыслѣ:

«Его величество король, будучи сильно оскорбленъ Шуй-

скимъ, вошелъ въ землю московскую не ради мщенія, а чтобъ успокоить ее и прекратить кровопролитіе. Но такъ какъ всѣ чины Московскаго государства желаютъ избрать государемъ королевича Владислава, то если такова воля Божія, король не отказываетъ дать вамъ своего сына на престолъ московскій, но тогда, когда весь народъ московскій пожелаетъ этого, все успокоится и разойдутся тучи, висящія надъ Московскимъ государствомъ, —только тогда король согласится исполнить желаніе всего московскаго народа. Его величество ожидаетъ, чтобъ всѣ поляки, которые держатся еще обманщика, соединились съ королевскими войсками, тогда (если Богъ дозволитъ) первымъ стараніемъ короля будетъ идти къ Москвѣ и даровать ей спокойствіе *)».

Послѣ того было нѣсколько совѣщаній, которыя на первыхъ порахъ привели къ недоразумѣніямъ. Московскіе послы предложили 18 пунктовъ предварительныхъ условій, на которыхъ они отдаютъ Московское государство въ волю короля. Важнѣйшимъ пунктомъ столкновенія было требованіе русскихъ, чтобъ будущій ихъ царь Владиславъ отрекся отъ римской вѣры, принялъ православную вѣру греческаго закона и вѣнчался отъ московскаго патріарха, и чтобы не впускать католиковъ и лютеранъ въ русскія церкви. Поляки соглашались на вѣнчаніе отъ патріарха, но спорили сильно за прочее. Двѣ недѣли прошло въ этихъ спорахъ. Наконецъ, сенаторы отъ имени короля дали такой отвѣтъ:

«Король не противится, чтобъ не пускать иновѣрцевъ въ русскія церкви, но желаетъ, чтобъ для поляковъ и литвиновъ, когда они будутъ жить въ Москвѣ, построенъ былъ по крайней мѣрѣ хотя одинъ костелъ, и русскій, если захо-

*) Кобѣрж. 177.

четъ войти туда, обязанъ вести себя прилично. Что же касается до обращенія сына въ греческую вѣру, то король ни сына своего, ни кого другаго не станетъ насильно удерживать или обращать въ римскую вѣру; ибо къ вѣрѣ слѣдуетъ склонять убѣжденіями, а не насиліемъ».

Тогда составленъ былъ договоръ изъ осьмнадцати пунктовъ, которые послужили на будущее время основаніемъ при избраніи Владислава всею землею московскою. Однако тогда были постановлены нѣкоторыя правила, не вошедшія въ послѣдующій договоръ, а именно: чтобы учители римской и лютерской вѣры «не учинили разорванія въ церкви». Такимъ образомъ, видно, что московскихъ людей смущалъ уже примѣръ церковной уніи въ польскихъ владѣніяхъ; они хотѣли избавить себя отъ іезуитскихъ козней. Дозволялось входить въ русскую церковь католикамъ, но не въ шапкахъ, не сидѣть въ церкви во время богослуженія, не водить съ собою собакъ и вообще вести себя безъ высокомѣрія, со смиреніемъ; слѣдовало сохранить денежные оброки и помѣстья и вотчины, дозволять изъ Московскаго государства ѣздить учиться въ христіанскіе края, исключая бусурманскихъ, также русскимъ купцамъ ѣздить для торговли, какъ и польскимъ позволять торговать въ Россіи. Въ этомъ видно, что Салтыковъ былъ одинъ изъ совѣтниковъ перваго Димитрія и также, какъ онъ, хотѣлъ введенія западной цивилизаціи въ Россію. Бояре обезпечивали за собою власть надъ холопами. Постановлено было правило, впослѣдствіи выброшенное, что государь не будетъ давать вольности холопамъ боярскимъ *).

Окончательное признаніе Владислава отложено до будущаго времени, и послы, обнадеженные и обласканные, пировали у Сигизмунда, пировали съ панами и были плѣнены

*) Сб. Мух. 178

любезностію, съ какой обращались съ ними поляки. Какъ бы въ подтвержденіе словъ ихъ, что москвитяне желаютъ Владислава, явились воеводы изъ Ржевы-Володимеровой и Зубцова, били челомъ и отдавали управляемую ими землю Сигизмунду. Но Смоленскъ не думалъ имъ послѣдовать. Салтыковъ напрасно заохочивалъ Шеина къ сдачѣ и представлялъ, что черезъ это успокоится вся земля московская, что всего лучше быть въ союзѣ съ Польшею. Шеинъ, съ совѣта архіепископа Сергія, не хотѣлъ слушать предложеній и толковать объ нихъ *).

Послы собирались возвращаться, какъ депутаты отъ войска, которые не получили удовлетворенія отъ короля, обратились къ нимъ съ притязаніями, ссылались на то, что москвитяне въ Тушинѣ обѣщались дѣлиться нераздѣльно съ поляками, и теперь настаивали, чтобъ они взяли на себя посредство и не отдѣляли своего дѣла отъ ихъ дѣла. Король приказалъ призвать посланцовъ отъ войска и въ присутствіи своемъ дать отвѣтъ рѣшительный. Канцлеръ вручилъ имъ этотъ отвѣтъ на письмѣ, гдѣ объяснено было, что король не беретъ на себя того, чего онъ взять не можетъ по правамъ польскимъ безъ согласія чиновъ Рѣчи Посполитой, то есть налагать налоговъ и распоряжаться королевскими имѣніями; но король обѣщалъ имъ вознагражденіе послѣ того, какъ овладѣетъ Московскимъ государствомъ, и опредѣлялъ Сѣверскую и Рязанскую земли на сборъ изъ ихъ доходовъ жалованья войску, сверхъ того, онъ обѣщалъ имъ на поправку особую *донативу*, т. е. въ подарокъ извѣстную сумму. Что касается до Марины, то ей, какъ женѣ бывшаго на престолѣ Димитрія, король изъявлялъ готовность сохранить, сообразно справедливости, часть Московскаго государства, уступленную боярами, и обѣ-

*) Кобѣрж. 190.

щалъ говорить объ этомъ при договорѣ съ московскимъ народомъ, хотя замѣчено было, что поступки Марины не приносятъ пользы ни королю, ни Рѣчи Посполитой; о тогдашнемъ Димитріѣ сказано было, что этотъ человѣкъ, постыдно убѣжавшій отъ рыцарства, безъ всякой причины бросался на людей его королевскаго величества, и королю извѣстно, что онъ на нихъ самихъ зломыслитъ; но, если онъ не будетъ впередъ мѣшать дѣлу короля и Рѣчи Посполитой и не станетъ отвлекать московскаго народа отъ короля, то и ему окажется вниманіе. Канцлеръ объявилъ посламъ, что они могутъ ѣхать къ войску, а вслѣдъ за ними поѣдетъ воевода Брацлавскій Янъ Потоцкій, уполномоченный подробнѣе уладить съ ними ихъ дѣло.

Московскіе послы уѣхали 20 февраля. Польскіе — 1 марта.

Между тѣмъ, въ обозѣ подъ Тушинымъ происходило ужасное волненіе. Посланный къ Димитрію отъ рыцарства Янушъ Тышкевичъ пріѣхалъ назадъ въ Тушино и привезъ письмо отъ царика. Воръ жаловался на коварство польскаго короля, называлъ его виновникомъ своихъ неудачъ, обвинялъ въ измѣнѣ своихъ московскихъ людей и въ предательствѣ служившихъ ему польскихъ пановъ, особенно Рожинскаго и Конаровскаго, убѣждалъ рыцарство ѣхать къ нему на службу въ Калугу и привезти къ нему его супругу; предлагалъ тотчасъ же имъ по 30 злот. на коня, подтверждалъ прежнія свои обѣщанія, которыя должны исполниться по завоеваніи Москвы, припоминалъ, что онъ прежде ничего не дѣлалъ безъ совѣта со старшими въ рыцарствѣ, и впередъ будетъ совѣтоваться съ рыцарствомъ во всемъ; только въ дѣлахъ, касающихся его собственной особы и его государства, онъ предоставляетъ себѣ право совѣтоваться съ своими Московскаго государства боярами. Царикъ требовалъ, чтобы рыцарство казнило Рожинскаго и

другихъ, кто окажется виновнымъ противъ царя, а если ихъ нельзя казнить, то по крайней мѣрѣ не держать ихъ въ войскѣ, и чтобы они были изгнаны изъ Московскаго государства навсегда, а впередъ рыцарство пусть избираетъ себѣ гетмана не иначе, какъ съ царскаго соизволенія. Виновныхъ въ измѣнѣ бояръ и дворянъ, людей Московскаго государства, царикъ требовалъ привезти къ нему въ Калугу на казнь. Съ своей стороны, царикъ обязывался освободить всѣхъ поляковъ, которыхъ задержали въ разныхъ городахъ по его граматамъ *). Это письмо произвело волненіе. Сторонники вора и недоброжелатели короля воспользовались имъ. Марина бѣгала по ставкамъ, умоляла, заклинала рыцарство, обращалась къ знаемымъ, являлась съ распущенными волосами, со слезами на глазахъ; въ ея голосѣ и рѣчахъ было столько увлекательнаго! въ ней была сильная воля, неустрашимость: она, говоритъ современникъ **), не останавливалась ни предъ какими средствами, хотя бы противными женской стыдливости, лишь бы расположить къ себѣ сердца.... въ ея устахъ обѣщанія выгодъ принимали особенную силу.... ея агенты разсѣевали по обозу вѣсти отъ Димитрія. Рѣчи ихъ были таковы: «Неужели всѣ униженія, всѣ труды должны пропадать въ угоду королю? Московское государство было почти въ нашихъ рукахъ, а мы его упускаемъ. Будемъ держаться Димитрія, получимъ больше отъ него; завладѣемъ Москвою, тогда-то заплатятся намъ всѣ наши лишенія и труды». Отъ имени Димитрія нечего было жалѣть обѣщаній. Поджигали воиновъ противъ Стадницкаго, Вайера: «Это они обошли насъ!» Предводители, которые были родомъ познатнѣе, не соблазнялись этимъ.

---

*) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Hist. Pol. IV, № 33.
**) Кобѣрж. 202.

Но Димитрій былъ необходимъ для тѣхъ поляковъ, которые вышли изъ отечества потому, что потеряли собственность, или не имѣли ее и хотѣли пріобрѣсть въ завоеванной московской землѣ; равно и для тѣхъ, которые не думали вовсе о собственности, а хотѣли пожить весело и своевольно. И тѣ и другіе больше надѣялись отъ Димитрія, чѣмъ отъ короля. Притомъ же, вступивши въ королевское войско, нужно было подчиняться дисциплинѣ, а въ войскѣ тушинскаго вора ея не было: тутъ у самого того, кого называли царемъ, не просили милостей, а требовали дерзко, даже съ ругательствами. И такое обращеніе дѣлало для нихъ привлекательнымъ тушинскій таборъ. Жаль было веселаго, своевольнаго житья въ немъ. Болѣе всего несогласны были служить королю донскіе казаки. Поляковъ могли привязывать къ королю хотя отношенія подданныхъ; но донскимъ казакамъ Сигизмундъ совершенно чужой, какъ и Шуйскій, какъ отчасти и сама Москва была имъ также чужою: имъ нуженъ былъ свой государь, царь своеволія. Ихъ атаманъ Заруцкій, раздѣлявшій впослѣдствіи свою участь съ Мариною, тогда еще должно быть не сошелся съ нею; онъ присталъ было къ сторонѣ короля и хотѣлъ своихъ подчиненныхъ вести подъ Смоленскъ. Но донскіе казаки выходили изъ табора и шли къ Димитрію въ Калугу. Заруцкій объявилъ объ этомъ Рожинскому. Поляки говорили: «Можетъ быть, они даже не къ Димитрію пойдутъ, а въ Москву къ Шуйскому. Не слѣдуетъ выпускать ихъ». Только что они вышли, какъ Рожинскій послѣдовалъ за ними и началъ стрѣлять по нимъ изъ пушекъ. Такимъ образомъ положили ихъ тысячи двѣ, другіе успѣли уйти впередъ и пошли къ Калугѣ. Не посчастливилось одному отряду, который успѣлъ уйти отъ Рожинскаго: его разбилъ Млоцкій на дорогѣ. Остальные достигли Калуги. Въ числѣ пришедшихъ съ казаками были: князь Димитрій

Тимоѳеевичъ Трубецкой и Засѣкинъ. Были и такіе изъ донцовъ, что воротились и послушались Заруцкаго *).

Однако, по уходѣ казаковъ, польскій обозъ не успокоился. Тѣ, которые были расположены къ Димитрію, не могли поспѣть на помощь казакамъ, за которыми погнался Рожинскій. Марина приведена была внѣ себя поступкомъ Рожинскаго; сдѣлавшись открытымъ врагомъ донскихъ казаковъ, онъ заявилъ себя и ея врагомъ. Марина рѣшилась бѣжать, и 10 февраля 1610 года оставила у себя въ шатрѣ письмо такого содержанія.

«Безъ родителей и кровныхъ, безъ друзей и покровителей, въ одиночествѣ съ моимъ горемъ, мнѣ остается спасать себя отъ послѣдняго искушенія, что̀ готовятъ мнѣ тѣ, которые должны бы оказывать мнѣ защиту и попеченіе. Горько моему сердцу! Меня держатъ какъ плѣнницу; негодные ругаются надъ моею честью, въ своихъ пьяныхъ бесѣдахъ приравниваютъ меня къ распутницамъ и строятъ противъ меня измѣны и заговоры. За меня торгуются, замышляютъ отдать меня въ руки того, кто не имѣетъ никакого права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, я свидѣтельствуюсь Богомъ, что вѣчно буду стоять за свою честь и достоинство. Разъ бывши государыней столькихъ народовъ, царицею московскою, я не могу возвратиться въ званіе польской шляхтянки и никогда не захочу. Поручаю честь свою и охраненіе храброму рыцарству польскому; надѣюсь, что это благородное рыцарство будетъ помнить свою присягу и тѣ дары, которыхъ отъ меня ожидаетъ» **).

Ночью съ 16 на 17, убѣжала Марина изъ лагеря, переодѣтая въ мужское платье. Ее провожала дѣвочка служанка и нѣсколько казаковъ. Путь ея лежалъ въ Калугу къ

*) Мархоцк. 64.
**) Кобѣрж. 205.—Нѣмцев. II, 282.

мужу; но она сбилась съ дороги и попала въ Дмитровъ, гдѣ былъ отрядъ Сапѣги *). По другимъ **) извѣстіямъ, она напередъ условилась съ Сапѣгою и убѣжала прямо подъ его защиту.

Когда не оставалось болѣе въ лагерѣ ни царика, ни жены его, нужно было или приставать къ Сигизмунду, или убѣгать изъ-подъ Москвы. Негодованіе противъ Рожинскаго возрастало болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Буйныя толпы жолнѣровъ сходились и кричали: «Негодяй, Рожинскій! ты своимъ высокомѣріемъ прогналъ Димитрія, и бѣдная супруга его отъ тебя убѣгать должна была! Гдѣ наши выгоды? Подъ чье предводительство пойдемъ теперь? гдѣ вѣрность твоя, Рожинскій? Зачѣмъ черезъ тебя мы теряемъ наше жалованье и награды? Нѣтъ, ты намъ болѣе не гетманъ, Рожинскій! ты бѣглецъ, негодный измѣнникъ! Отдай намъ царя нашего, и если ты задумалъ выдать его непріятельскому мечу, то знай, что самъ прежде ляжешь подъ нимъ ***)!»

Рожинскій убѣждалъ ихъ имѣть терпѣніе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока возратятся отправленные къ королю послы, а между тѣмъ писалъ къ королю: «войско волнуется; если на положенный срокъ оно не получитъ удовлетворенія, то трудно будетъ удержать его отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ».

Московскіе люди, оставшіеся въ лагерѣ вмѣстѣ съ Филаретомъ, котораго все-таки продолжали величать патріархомъ, также роптали, что не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о расположеніи короля, и жаловались, что запорожскіе казаки, подданные Сигизмунда, безчинствуютъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, не смотря на то, что этотъ уѣздъ весь передался Сигиз-

*) Ист. См. Вр. III, пр. VII, стр. 27.
**) March. 62.
**) Кобѣрж. 207.

мунду *). Наконецъ, прибыли послы въ лагерь и прочитали отвѣтъ короля, изъ котораго увидали, что тамъ одни обѣщанія. Многіе тогда же оказали недовѣріе и волновались сильнѣе. Требовали немедленно денегъ. Рожинскій скорѣе отправилъ къ королю Коморовскаго и Оболковскаго. «Войско, доносилъ онъ, готово идти къ Димитрію снова, уже и посланцовъ къ нему назначаетъ; если жалованье ему не будетъ какъ можно скорѣе заплачено, то оно уйдетъ. Если воевода Брацлавскій пріѣдетъ безъ денегъ, — его выгонятъ; а когда онъ окажетъ сопротивленіе, то и оружіе на него поднимутъ». Млоцкій доносилъ, что Димитрій изъ Калуги обѣщаетъ имъ жалованье, говорилъ, что у него есть 80,000 злотыхъ; войско пойдетъ за нимъ, и тогда королю станетъ большая помѣха. Присылка ста тысячъ злотыхъ дѣйствительно могла бы водворить порядокъ. Денегъ не дождались. Самъ воевода Брацлавскій интриговалъ и медлилъ съ умысломъ; ему не хотѣлось оставлять Смоленска. Волненіе дошло до высшей степени 10 марта (20 нов. стил.). Составилось кòло. Собрались на него съ тѣмъ, чтобы порѣшить, что дѣлать. Мѣсто собранія выбрано было не далеко отъ ставки Рожинскаго. Тѣ, которые сошлись дѣйствительно съ цѣлію совѣщанія, пришли пѣшкомъ съ одними саблями. Но были такіе, которые замыслили дурное: тѣ явились на лошадяхъ, съ ружьями, въ доспѣхахъ. Ихъ было человѣкъ со сто. Они стали поодаль. Въ кòлѣ стали разбирать такой вопросъ: что дѣлать имъ, идти ли за Димитріемъ, или слушаться короля?

— «Нужно снова поднять Димитрія, говорили одни. Если мы будемъ держаться за Димитрія, то принесемъ противъ своей воли королю пользу, а насъ за то благодарить не

---

*) Ист. См. Вр. III, прилож. № VII, письмо Рожинскаго.

станутъ; Москва ненавидитъ Димитрія и тѣмъ болѣе будетъ расположена отдаться королю».

— «Будемъ вести переговоры съ Шуйскимъ!» откликнулись иные.

— «Шуйскій не такой себѣ простачокъ, чтобы сталъ у васъ миръ покупать, когда съ королемъ ведетъ войну безъ насъ!» отвѣчали имъ.

— «Отойдемъ за Волгу, говорили нѣкоторые, мы откроемъ бокъ королевскій: пусть его стѣснитъ непріятель!»

На это возразили: «И этимъ способомъ мы будемъ противъ воли приносить пользу королю; и король намъ за то не будетъ обязанъ; Москва, увидя насъ въ землѣ своей, должна будетъ раздѣлить свои силы».

— «Пойдемъ, когда такъ, въ Польшу!» крикнули иные.

— «Нечего намъ требовать отъ Польши! возразили имъ. Хоть бы мы и разъѣхались, король не оставитъ войны; мы же не обойдемся безъ службы: такъ много потерявши заслуженнаго, должны будемъ служить за новое жалованье».

Тутъ тѣ, что сидѣли на лошадяхъ, дали сигналъ къ смятенію. Коноводомъ у нихъ былъ тогда Тышкевичъ, лютый недругъ Рожинскаго. Пристали къ нимъ сторонники Димитрія. Обнажили оружіе, разогнали ко́ло, кричали, чтобъ шли въ другое ко́ло, кто не хочетъ измѣнять Димитрію. Добрались до Рожинскаго и стали стрѣлять въ него изъ ружей. Его сторонники успѣли увести его въ шатеръ и дали нѣсколько обратныхъ выстрѣловъ.

Прогнавши Рожинскаго, недовольные кричали: «Честные люди, за нами! за нами!» Къ нимъ пристала толпа: собрались за таборомъ. Тутъ сперва большинство рѣшило за походъ въ Калугу къ Димитрію; противники упорствовали. Тогда благоразумная партія возвысила такой голосъ:

«Если мы станемъ отсюда расходиться, то непріятель

услышитъ о нашемъ намѣреніи и нападетъ на насъ, и одолѣетъ насъ. Лучше мы будемъ здѣсь пока въ согласіи, подождемъ, пока услышимъ отъ короля какія нибудь условія. По крайней мѣрѣ, если уходить, то станемъ за нѣсколько миль отъ обоза, и оттуда пускай себѣ идетъ, кто куда хочетъ!»

На томъ порѣшили и всѣ дали другъ другу въ кóлѣ шляхетное слово не убѣгать изъ обоза *).

Когда въ тушинскомъ обозѣ все разлагалось, Сапѣга въ Дмитровѣ съ Мариною выдержалъ напоръ Скопинова войска. Изъ-подъ Троицы Скопинъ отправилъ отрядъ подъ начальствомъ князя Ив. Сем. Куракина; съ нимъ были иноземцы, посланные Делагарди. Было ихъ тысячъ до четырехъ. Сапѣга сначала далъ бой за городомъ. Оказалось, что онъ былъ не подъ стать такому непріятелю. Поляки на коняхъ и въ тяжелыхъ вооруженіяхъ не могли ловко поворачиваться, тогда какъ русскіе и шведы (урожевцы сѣверныхъ странъ) быстро бѣгали по снѣгамъ и льдамъ, на деревянныхъ лыжахъ, загнутыхъ внутрь, легкихъ, длиною въ пять, а шириною въ одинъ футъ. Русскіе и шведы сразу побили многихъ сапѣжинцевъ. Сапѣга долженъ былъ запереться въ городѣ. Всего войска съ нимъ было тысяча пять сотъ человѣкъ. Значительная часть его отряда разбрелась за Волгу. У него недоставало съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Онъ отправилъ гонца къ Рожинскому просить скорѣе подмоги. Но то было время сильной разладицы въ обозѣ, и Рожинскій, втайнѣ недоброжелатель Сапѣги, не слишкомъ усердно принялся помогать своему сопернику. Мархоцкій разсказываетъ, что насилу упросили его послать двое саней съ боевыми запасами; насилу нашлось двадцать чело-

---

*) Мархоцк. 67. Большая часть подробностей о послѣднихъ событіяхъ въ тушинскомъ таборѣ взята изъ рукописей Библ. Красинскихъ, В. 1, 6; В. 3.

вѣкъ, которые согласились везти ихъ. Въ зимнюю ночь, пользуясь темнотою, они пробились въ Дмитровъ, обманувши русскихъ, которымъ показалось, что идетъ большая сила. Потомъ московскіе люди начали сильный приступъ къ Дмитрову, такъ что осаждавшіе стали терять духъ; тогда Марина взошла на стѣны въ виду непріятеля и кричала воинамъ: «Смотрите и стыдитесь! Я женщина, а не теряю мужества»! Но московское войско не могло долго тѣснить Сапѣгу: у него самого не было подъ Дмитровымъ запасовъ. Сперва стали уходить подъ Троицу шведы, а потомъ и русскіе. Оставили подъ Дмитровымъ однихъ лыжниковъ.

Марина рѣшилась ѣхать въ Калугу къ своему Димитрію. Сначала Сапѣга ее удерживалъ. «Не безопаснѣе ли вамъ, говорилъ онъ, воротиться въ Польшу, къ отцу и матери, а то вы попадете въ руки Скопина и Делагарди».—«Я царица всея Руси, отвѣчала Марина, лучше исчезну здѣсь, чѣмъ со срамомъ ворочусь къ моимъ ближнимъ въ Польшу». Сапѣга хотѣлъ ее удержать противъ ея воли. Она сказала: «Никогда этого не будетъ, чтобы ты мною торговалъ. Если ты меня не пустишь, то я тебѣ дамъ битву. У меня есть триста пятьдесятъ казаковъ». Тогда Сапѣга не сталъ ее останавливать. Она надѣла польскій мужской бархатный кафтанъ, краснаго цвѣта, сапоги со шпорами, вооружилась саблею и пистолетомъ, и отправилась въ дорогу. До Калуги ѣхала она то верхомъ, то въ саняхъ *). Отрядъ охочихъ казаковъ провожалъ ее. Ея братъ, староста Саноцкій, не захотѣлъ долѣе раздѣлять странническую судьбу сестры и уѣхалъ къ королю **). Сапѣга, избѣгая новаго нападенія отъ Скопи[illegible], отошелъ къ Волоку. Онъ разсчитывалъ, что на помо[illegible] полякамъ противъ Скопина дол-

*) Buss. 100.—March. 73.
**) Videk. 192.—March. 71.

жно придти королевское войско, которое, какъ слышно было, Сигизмундъ посылаетъ подъ начальствомъ Яна Потоцкаго.

Въ это время въ Тушинѣ волненіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Рожинскій разсудилъ, что при такой неурядицѣ, если нападетъ на таборъ Скопинъ, да еще къ тому ударятъ изъ Москвы, то будетъ плохо. Рожинскій объявилъ: кому куда угодно, туда пусть всякій и идетъ. 15 марта (25 н. с.) онъ зажегъ таборъ со всѣми въ немъ строеніями и ушелъ къ Волоку. Часть казаковъ пошла въ Калугу къ Димитрію, другая, тысячъ до трехъ, пошла за Рожинскимъ. Стали подъ Іосифовымъ монастыремъ. Тамъ войско взволновалось, и на Рожинскаго въ шумной сходкѣ подняли оружіе. Его приверженцы стали защищать его и увели изъ толпы. Въ день этой суматохи онъ упалъ на каменную лѣстницу (монастыря) и повредилъ себѣ бокъ, гдѣ уже была старая рана отъ пули. Ушибъ подѣйствовалъ на нее зловредно при томъ раздраженіи, въ какомъ Рожинскій находился постоянно въ послѣднее время. Съ нимъ сдѣлалась горячка. Проболѣвши недолго, 4 апрѣля онъ умеръ. Его тѣло отвезли въ королевскій станъ, а оттуда повезли на погребеніе въ Кіевъ.

Послѣ суматохи подъ монастыремъ, Зборовскій, Вилямовскій, Ландскоронскій, Мархоцкій, Русецкій, Вильковскій, Млоцкій, Копыцинскій, Бобовскій съ своими (у иныхъ неполными) отрядами объявили, что служатъ одному королю. Зборовскій самъ лично отправился къ королю.

1 апрѣля, прибылъ подъ Смоленскъ Зборовскій. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ поклониться польскому королю касимовскій царь. Ихъ приняли отлично. Касимовскій царь говорилъ Сигизмунду: «Я холопъ твой; служить хочу твоему величеству, дай мнѣ людей!» Сигизмундъ въ знакъ уваженія къ его царскому титулу посадилъ его на первомъ

мѣстѣ, выше всѣхъ своихъ радныхъ пановъ. Зборовскій, отъ лица всего рыцарства, вѣрнаго королю, стоявшаго подъ Іосифовымъ монастыремъ, просилъ пособія для поправки недостатковъ и нуждъ въ войскѣ. Сто тысячъ злотыхъ просили заплатить войску за двѣ четверти назадъ, кромѣ платы съ настоящаго времени, когда оно поступило на дѣйствительную службу короля, и, сверхъ того, требовали обѣщанія заплатить ему то, что обѣщалъ называющій себя царемъ Димитріемъ. Просили, чтобы эти долги были обезпечены имѣніями королевскими. Подканцлеръ далъ Зборовскому отвѣтъ, что король принимаетъ его посольство милостиво, а о способахъ вознагражденія войску будетъ военное совѣщаніе, и о томъ, что постановится, сообщится войску. Зборовскій уѣхалъ 12 апрѣля и сталъ въ Липцахъ, недалеко отъ Іосифова монастыря. Того же числа посланъ былъ обѣщанный отвѣтъ войску. Король хвалилъ храбрость и доблести войска, указывалъ на возможность полученія наградъ тогда, когда удастся пріобрѣсть Московское государство, но отказывалъ дать ассекурацію (обезпеченіе) долга королевскими имѣніями, потому что этого невозможно было сдѣлать безъ воли сейма; обѣщалъ за то имъ сто тысячъ на поправку *), но денегъ въ наличности прислано не было. Это не могло поправиться рыцарству, которое нуждалось не только въ обѣщаніяхъ, но и въ наличныхъ деньгахъ. Оттого многіе ушли къ вору подъ начальствомъ Хруслинскаго и Янковскаго, а потомъ Каминскаго и Быховца **), и стали въ Прудкахъ. Другіе остались со Зборовскимъ и его товарищами, потому что не разсчитывали, чтобы дѣло вора могло при тогдашнихъ обстоятельствахъ быть выиграно. Черезъ мѣсяцъ рыцарство, оставшееся на сторонѣ короля, опять отправило къ нему

*) Bibl. Kras. B. 3.—Рукоп. Имп. Публ. Библ. Pol. Hist. IV, 33.
**) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Pol. Hist. IV, 33.

посольство, и опять вмѣсто денегъ получило отвѣтъ, что король готовъ заплатить ему обѣщанное, что, кромѣ того, на сеймѣ будетъ сдѣлано распоряженіе, а если король овладѣетъ Московскимъ государствомъ, то они прежде всѣхъ получатъ вознагражденіе *). Съѣздилъ къ королю Сапѣга и поклонился ему, а отъ него поѣхалъ служить вору. Говорятъ **), что это сдѣлалъ онъ съ тайнаго согласія короля. Такъ какъ столица теперь освободилась отъ тушинскаго войска, то Шуйскій могъ сосредоточить всѣ силы противъ одного королевскаго войска; напротивъ, царю будетъ труднѣе, когда, кромѣ короля, съ другой стороны его станетъ безпокоить воръ. Рыцарство, служившее вору, избрало Сапѣгу гетманомъ. Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ, Сапѣга, служа вору и желая сохранить хорошія отношенія съ королемъ, употребилъ передъ послѣднимъ такой благовидный предлогъ; но кажется, что на самомъ дѣлѣ на умѣ у него было другое, и главное — ему хотѣлось быть первымъ и независимымъ, а этого не достигъ бы онъ, служа королю. Войско, приставшее къ королю, стояло подъ Іосифовымъ монастыремъ.

VII.

Прибытіе въ Москву Скопина. — Его смерть.

Москва освободилась отъ тушинскаго войска; ея положеніе облегчилось. Хлѣбъ, продававшійся недавно еще по 5 р. за четверть, упалъ въ цѣнѣ. Отовсюду повезли припасы къ столицѣ. Скопинъ съ Делагарди отправились къ Москвѣ и 12 марта въѣхали въ нее. Рядомъ съ московскимъ бояриномъ Михайломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ

*) Рукоп. генер. штаба: Diar. oblężenia Smoleńska.

**) Кобѣржицкій, 219.

ѣхалъ Делагарди. Толпа народа обоего пола ожидала ихъ за воротами; бояре встрѣтили ихъ почестно и поднесли хлѣбъ-соль. Скопинъ слышалъ, какъ его величали освободителемъ земли, избавителемъ. Царь Василій со слезами благодарилъ, величалъ его, обнималъ, цѣловалъ въ присутствіи бояръ. Послѣ горькихъ лѣтъ тѣсноты и униженія, Москва наконецъ, отправляла давно невиданное празднество. Начались пиры. Царь Василій угощалъ шведовъ, дарилъ имъ лошадей, сосуды, ожерелья. Всѣ москвичи наперерывъ приглашали ихъ къ себѣ въ домы и старались показать имъ расположеніе и признательность *). У Скопина былъ тогда планъ отдохнуть до просухи и потомъ съ весною идти со всѣми силами противъ Сигизмунда. На счастіе Шуйскаго, Можайскъ, находившійся уже нѣсколько мѣсяцевъ въ рукахъ поляковъ, достался ему безъ боя. Тамошній воевода съ польской стороны, Михайло Вильчекъ, сдалъ городъ и самъ уѣхалъ въ Москву, за что отъ царя Василія получилъ сто рублей**).

Недолго пришлось Москвѣ порадоваться. Народъ величалъ Скопина, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастало въ народѣ презрѣніе къ царю Василію и ближнимъ его. Повсюду о томъ поговаривали, что было бы пристойнѣе избрать на царство всею землею боярина, который доказалъ уже передъ цѣлымъ свѣтомъ свою способность и заслужилъ эту честь подвигами и трудами на пользу и избавленіе всей землѣ, чѣмъ оставить на престолѣ Василія, который сѣлъ на этотъ престолъ неправильно и ничего не сдѣлалъ для земли, кромѣ зла и бѣдъ. Еще когда Михайло Васильевичъ былъ въ Слободѣ, Прокопій Ляпуновъ присылалъ къ нему станицу отъ всей рязанской земли, объявлялъ, что вся земля хо-

---

*) Videk. 133.

**) Кобѣржицкій, 240.—Diar. oblęż. Sm. рукоп. генер. штаба.

четъ, чтобы онъ былъ избранъ въ цари, и признаетъ, что никто, кромѣ его, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Михайло Васильевичъ не вошелъ объ этомъ въ разсужденіе, удалилъ отъ себя искусительное посольство, но не казнилъ никого за него, не разбиралъ этого дѣла, да въ добавокъ и царя о немъ не извѣстилъ. Василій узналъ обо всемъ не отъ него. Понятно стало Василію, что если Михайло Васильевичъ самъ и не подъискивается подъ нимъ, а все таки не прочь принять тотъ вѣнецъ, который хотятъ отнять у Василія. Царю Василію Скопинъ невольно стоялъ костью въ горлѣ. Торжественныя встрѣчи, безпрерывные знаки народнаго расположенія показывали Василію, что съ каждымъ днемъ народъ болѣе и болѣе хочетъ Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго выбрать царемъ, а это могло быть только съ низверженіемъ Василія. Василій рѣшился объясниться съ нимъ прямо, и изъявилъ ему свои опасенія. Князь Михайло Васильевичъ увѣрялъ его, что ему въ голову никогда не приходило ничего подобнаго. Василія этимъ нельзя было увѣрить: Василій помнилъ, что онъ самъ когда-то въ подобныхъ случаяхъ говорилъ Борису и Димитрію. Василій возненавидѣлъ Михайла Васильевича*). Онъ вспоминалъ, что гадатели пророчили ему, что послѣ него сядетъ на престолѣ царь Михаилъ, и соображалъ, что это — Скопинъ его соперникъ**). Но еще болѣе злобился на Михайла братъ царя, Димитрій Ивановичъ Шуйскій. Онъ не могъ сдержать своей непріязни и среди всеобщихъ восторженныхъ похвалъ, которыми осыпали князя Михайла Васильевича всѣ московскіе люди, подалъ царю на Михайла Васильевича извѣтъ въ томъ, что князь Михайло самовольно отдалъ шведскому королю Корѣлу съ областію. Василій

*) Рукоп. Филарета 25.—Авраам. Палиц. 230.
**) Milton. 63.

Ивановичъ лучше умѣлъ себя сдерживать, чѣмъ его братъ, и не только оправдалъ Скопина, но даже замахнулся палкою на брата, а къ Скопину отнесся съ уваженіемъ, хвалилъ его и благодарилъ за всѣ его распоряженія. Делагарди, однако, совѣтовалъ Михайлу Васильевичу поскорѣе выбираться изъ Москвы въ поле, и замѣчалъ, что ему грозитъ дурное. Вездѣ говорили, что царь готовитъ Михайлу Васильевичу тайное зло, всѣ на него смотрѣли какъ на соперника царскаго. Переметчики изъ Москвы и плѣнные сообщали даже полякамъ, что Скопинъ, будучи во враждѣ съ царемъ, втайнѣ доброжелательствуетъ польскому королю, и если королевское войско поспѣшитъ къ столицѣ, оно найдетъ въ немъ союзника.

23 апрѣля, князя Михайла Васильевича позвали крестить къ князю Ивану Воротынскому. Кумою была Екатерина, жена Димитрія Шуйскаго, дочь извѣстнаго своими злодѣяніями въ царствованіе Грознаго Малюты Скуратова. На этомъ пирѣ ему сдѣлалось дурно. Его отвезли домой. У него открылось кровотеченіе изъ носа. Делагарди прислалъ къ нему медика: ничто не помогло. Михайло Васильевичъ скончался черезъ нѣсколько дней на рукахъ своей матери и жены. Всеобщая молва тотчасъ же сказалась, что его отравила кума Екатерина Шуйская въ чашѣ на переиваньѣ. Народъ уже прежде боялся, чтобы тайное недоброжелательство Шуйскихъ не сдѣлало чего нибудь дурнаго его избавителю, и теперь взволновался до того, что чуть не разорилъ всего двора Димитрія Шуйскаго. Насилу царь Василій охранилъ его военною силою отъ ярости толпы. Иностранцы современники увѣряютъ, что Скопинъ былъ отравленъ по приказанію царя Василія *). Въ народѣ со-

*) Procul dubio jussu Suischii, cui ob excellentem virtutem invisus erat, clam veneno sublatus interiit. (Videk. 139). Въ хроникѣ Буссова говорится: Suiski demselben ein Gift beybringen und ihn damit ertöd-

хранилось полное убѣжденіе, что онъ былъ отравленъ, и такъ перешло это событіе въ народную поэзію. Таково же было мнѣніе Делагарди и вообще всѣхъ шведовъ. Когда тѣло Михайла Васильевича лежало приготовленное къ погребенію, пріѣхалъ Делагарди; москвичи не хотѣли было дозволить ему прикоснуться къ мертвецу, потому что Делагарди былъ не православный, но шведскій военачальникъ сказалъ, что онъ имѣетъ на это право, какъ его другъ и товарищъ; взглянулъ на мертваго, прослезился и сказалъ; «московскіе люди, не только на вашей Руси, но и въ королевскихъ земляхъ государя моего не видать мнѣ такого человѣка *)!»

Толпа народа провожала его останки. Гробъ его несли его сослуживцы и пѣли надгробныя пѣсни; ихъ окружала толпа женщинъ; тутъ были вдовы, сестры и дочери убитыхъ въ бою служилыхъ; онѣ поддерживали мать и жену усопшаго, которыя отъ тоски лишались памяти и чувства. Разливался слезами и вопилъ царь Василій, но ему не вѣрили; всѣ понимали, что онъ плачетъ надъ трупомъ того, который можетъ быть черезъ нѣсколько дней заступилъ бы его мѣсто. Михайлу Васильевичу не удалось быть на московскомъ престолѣ; за то гробъ его поставили между гробами царей и великихъ князей Московскаго государства въ Архангельскомъ соборѣ.

VIII.

Волненіе въ Московскомъ государствѣ.—Успѣхи поляковъ. — Побѣда русскихъ подъ Іосифовымъ монастыремъ.

Разнеслась вѣсть по русской землѣ, что не стало единаго лучшаго воеводы, спасителя русской земли. Прокопій Ля-

ten liess. Изъ русскихъ источниковъ псковская лѣтопись приписываетъ смерть Скопина положительно царю Василію.

*) Повѣсть о Мих. Скоп.-Шуйскомъ въ рукоп. Рум. музея.

пуновъ, почитатель Скопина, давній ненавистникъ царя Василія, думавшій постоянно, какъ бы свести его съ престола и посадить достойнаго Михайла Васильевича, разослалъ по городамъ граматы, обвинялъ Василія и его брата и приглашалъ возстать единодушно, низложить недостойнаго царя, неправильно захватившаго престолъ и такъ ужасно награждающаго тѣхъ, которые трудятся для русской земли. Онъ послалъ въ Зарайскъ своего племянника Ѳедора Ляпунова къ воеводѣ Димитрію Михайловичу Пожарскому приглашать его на соумышленіе. Пожарскій отвергъ предложеніе и далъ знать царю, чтобы онъ присылалъ къ нему скорѣе людей. Лѣтописецъ говоритъ *), что Ляпуновъ начиналъ даже ссылаться съ воромъ, находившимся въ Калугѣ; но подлинно неизвѣстно, съ какою цѣлью и какимъ способомъ. Быть можетъ, Ляпуновъ начиналъ сношенія собственно не съ воромъ, а съ окружавшими его русскими, чтобы соединить ихъ на совмѣстное дѣло противъ Шуйскаго. Онъ перенялъ помощь, присланную Шуйскимъ подъ Шацкъ воеводѣ Василію Мосальскому, который осаждалъ воровскаго воеводу Димитрія Майстрюковича Черкасскаго. Это-то и бросило на Ляпунова подозрѣніе, что онъ благопріятствовалъ самому вору. Но въ самой Москвѣ нашелся у Ляпунова сильный сотрудникъ, Василій Васильевичъ Голицынъ. Хитрый и лукавый бояринъ, прежде пособникъ перваго претендента на званіе Димитрія, потомъ соучастникъ убійства его вмѣстѣ съ Василіемъ Шуйскимъ, онъ былъ тайнымъ врагомъ и соперникомъ послѣдняго. Ему самому представлялся престолъ; онъ присталъ къ Ляпунову мстителемъ Скопина, но для своихъ цѣлей. Ненависть къ Шуйскому усиливалась быстро. Рязанская земля по призыву

---

*) Никон. 134.

Ляпунова стала въ открытую вражду съ царемъ и не хотѣла болѣе посылать въ его войско ратныхъ людей.

Между тѣмъ на Москву находили вновь тучи. Ей не угрожалъ болѣе воръ, но онъ не потерялъ еще вовсе значенія и могъ опять быть опаснымъ. Страшнѣе его были поляки. Когда самъ король стоялъ подъ Смоленскомъ и ничего не могъ сдѣлать съ этимъ городомъ, отряды его успѣшно воевали въ другихъ мѣстахъ, и люди Московскаго государства поневолѣ готовы были изъявлять желаніе, чтобы на престолъ былъ избранъ польскій королевичъ Владиславъ. Еще въ мартѣ запорожцы подъ начальствомъ атамана Йскорки взяли и сожгли Стародубъ. Московскіе люди защищались геройски въ этомъ городѣ и бросались въ пламя, не сдаваясь польскому королю. Воевода ихъ Андрей Хованскій, взятый въ плѣнъ, былъ представленъ Сигизмунду съ нѣсколькими другими чиновными плѣнниками. Потомъ другой отрядъ запорожцевъ, подъ начальствомъ служившаго нѣкогда первому Димитрію Запорскаго, взялъ Почепъ. Здѣсь московскіе люди защищались также упорно, какъ и стародубцы, съ утра до вечера, пока казаки не успѣли зажечь стѣну. Дѣться было некуда. Двое воеводъ первые стали просить милости и выслали священника съ готовностію покориться на имя королевича Владислава. Бой въ Почепѣ былъ такъ жестокъ, что убитыхъ московскихъ людей было до четырехъ тысячъ человѣкъ, какъ говорятъ. Въ концѣ марта, кіевскій подкоморій Горностай взялъ Черниговъ. И городъ, и посадъ были разграблены. Сигизмундъ казался недоволенъ жестокостію своего войска при взятіи городовъ и издалъ универсалъ, чтобы впередъ въ подобныхъ случаяхъ поступали кротко. Въ апрѣлѣ, Новгородъ-Сѣверскій былъ взятъ безъ кровопролитія. Запорожскіе начальники, Богушевскій и Ганченко, условились съ новгородъ-сѣверскими дворянами, дѣтьми бояр-

скими и посадскими людьми на томъ, что послѣдніе признаютъ государемъ королевича Владислава и пошлютъ королю посольство. Вслѣдъ затѣмъ тамошній воевода Карповъ поѣхалъ подъ Смоленскъ. 13 апрѣля, Александръ Гонсѣвскій взялъ голодомъ Бѣлую. Уже болѣе полугода запорожскіе казаки осаждали этотъ городъ. Ратные люди, сидѣвшіе тамъ, покорились Гонсѣвскому на имя королевича Владислава. 17 апрѣля, сдался Рославль, принужденный къ этому внезапнымъ налетомъ королевскихъ пахолковъ. Рославльскій воевода пріѣхалъ подъ Смоленскъ и цѣловалъ крестъ отъ всѣхъ жителей своего города *). Между тѣмъ поляки, служившіе тушинскому вору, овладѣли Волокомъ и Іосифовымъ монастыремъ.

По смерти Скопина, Василій назначилъ главнымъ воеводою своего брата и постарался поладить съ Делагарди и его шведскимъ войскомъ. Было много поводовъ къ неудовольствію. Корѣла, вопреки договору, не была сдана; жители не поддавались шведамъ и упорно отбивались отъ шведской рати. Жалованье не было выплачено, да и надежды на сборъ его съ Московскаго государства были плохи; когда распространилась вѣсть объ убійствѣ Скопина, вездѣ исчезали послѣдніе остатки уваженія и повиновенія Василію. Въ добавокъ шведы, увѣренные, что Скопинъ умерщвленъ по тайному приказанію Василія, не охотно шли на новый бой за него. Они уважали Михайла Васильевича и презирали Шуйскихъ, особенно Димитрія, и притомъ считали его совершенно неспособнымъ. Самъ Делагарди питалъ къ нему омерзѣніе. Только выгоды Швеціи заставляли его преодолѣвать свое чувство. Сигизмундъ бралъ верхъ. Нужно было такъ или иначе, а дѣйствовать противъ поляковъ, подавать помощь Московскому государ-

*) Diar. oblęż. Smol. рукоп. генер. штаба.

ству. Куда бы ни привели запутанныя обстоятельства, во всякомъ случаѣ нужно было наблюдать, чтобы Швеція не вышла изъ этого союза безъ всякой для себя пользы. Василій подтвердилъ Выборгскій договоръ, обѣщалъ сдать Корѣлу къ Иванову дню (24 іюня) и приказалъ перелить въ монету, для уплаты иноземцамъ, серебро и золото, бывшія у него въ сосудахъ, шейныхъ цѣпяхъ и другихъ украшеніяхъ. Тогда Василій не побоялся навлечь на себя нерасположеніе Троицкаго монастыря, такъ высоко стоявшаго во всеобщемъ уваженіи, и послалъ дьяка Семенка въ монастырь требовать вспомоществованія. Архимандритъ Іосифъ тотчасъ далъ знать въ Москву келарю Авраамію, чтобы онъ упросилъ царя не трогать монастырскаго достоянія. Авраамій представлялъ царю, что обитель выдержала тяжелую осаду, теперь находится въ скудости и нужно поправить пострадавшія отъ приступовъ стѣны; кельи и службы стояли безъ кровлей; мельницы, дворы, села, волости — все разграблено. Но царь не послушалъ келаря и велѣлъ насильно брать изъ монастыря драгоцѣнности. Тогда — говоритъ троицкій историкъ *) — и у монаховъ, и у сидѣльцевъ (т. е. находившихся въ осадѣ и тамъ оставившихъ свое достояніе) побрали все, до послѣдняго платка, которымъ они могли бы утирать свои горькія слезы. Взяли тогда и вклады прежнихъ царей и великихъ князей и бояръ — золотые и серебряные сосуды; оставляли монастырю что похуже. Этимъ поступкомъ, на который Василій былъ вынужденъ крайнею бѣдою всей земли, онъ умножилъ число враговъ себѣ, когда ихъ у него и безъ того было черезчуръ много.

Делагарди, презирая Димитрія Шуйскаго, долженъ былъ однако рѣшиться идти вмѣстѣ съ нимъ, еще и оттого, что,

---

*) Авр. Палиц. 227.

будучи знатнѣйшею послѣ царя особою, Димитрій, находясь въ войскѣ, служилъ ему какъ бы заложникомъ *). Положили идти противъ Сигизмунда, съ тѣмъ, чтобы принудить его оставить осаду Смоленска. Прежде чѣмъ Делагарди вышелъ противъ королевскаго войска, съ другой стороны оказана была помощь московскому дѣлу. Эдуардъ Горнъ, посланный въ Швецію для набора свѣжихъ силъ, воротился въ Московское государство и привелъ около четырехъ тысячъ сброднаго войска; тутъ были англичане и шотландцы, подъ начальствомъ капитановъ Кальвина и Коброна, французы подъ начальствомъ Пьера де-ла-Вилля, голландцы и нѣмцы подъ начальствомъ полковника Таубе. Этотъ сбродъ, прошедши черезъ Финляндію, зимовалъ въ Выборгѣ, много перенесъ отъ непривычки къ суровому климату, и съ раннею весною прибылъ въ русскіе края. Немилыми были эти новые гости для народа; вездѣ, гдѣ они проходили, народъ покидалъ дома свои и прятался въ лѣса отъ ихъ своеволія. Они выгнали польскія шайки изъ Старой Русы, изъ Осташкова, побились съ поляками подъ Ржевою, прогнали ихъ, и много поляковъ тогда утонуло въ Волгѣ. За это поляки въ виду прибылыхъ пособниковъ московскаго дѣла зажгли за Волгою посадъ и варварски рѣзали и мучили русскихъ—и старыхъ, и малыхъ, не щадили и грудныхъ младенцевъ. Простоявши недѣли двѣ во Ржевѣ, Пьеръ де-ла-Вилль занялъ Погорѣлое Городище, гдѣ перебили всѣхъ находившихся тамъ поляковъ и самого начальника отряда, взятаго въ плѣнъ **). Поляки и здѣсь въ виду пришельцевъ свирѣпствовали надъ русскими жителями. 24 апрѣля, самъ Горнъ взялъ Зубцовъ. Тамошній польскій отрядъ въ пять сотъ человѣкъ окопался валомъ

*) Vid. 142.
**) Brerét. 43.

въ трехъ верстахъ отъ Зубцова, но триста человѣкъ изъ него пали въ битвѣ, остальные бѣжали и взяты были въ плѣнъ [1]). Отсюда Эдуардъ Горнъ послалъ французовъ съ ихъ командиромъ де-ла-Виллемъ на помощь Григорію Валуеву, который передъ тѣмъ удачно отнялъ у поляковъ Волокъ и теперь приступалъ къ Іосифову монастырю. Въ монастырѣ сидѣло тысячъ до двухъ поляковъ тушинскаго войска, подъ начальствомъ Руцкаго, и отрядъ украинскихъ казаковъ, да еще въ ихъ распоряженіи былъ отрядъ донцовъ; но они не довѣряли честности этого народа и не дозволяли имъ находиться вмѣстѣ съ собою, а помѣстили въ особомъ деревянномъ острогѣ, недалеко отъ монастыря. У де-ла-Вилля, по извѣстію шведскаго историка, было до пяти сотъ [2]), а по извѣстію поляка [3]) до девяти сотъ человѣкъ, у Валуева же до двухъ тысячъ. Монастырь защищала каменная ограда, да сверхъ того онъ былъ окруженъ внѣшнимъ деревяннымъ острогомъ. Русскіе и французы ночью притащили большую мѣдную пушку къ воротамъ деревяннаго острога, разбили ихъ и ворвались въ острогъ [4]). Поляки увидѣли себя запертыми со всѣхъ сторонъ въ каменной оградѣ монастыря. Задніяворота, куда еще казалось можно было до поры до времени уйти, были завалены. Поляки дѣлали вылазки, успѣли зажечь острожныя стѣны, которыя теперь, находясь въ рукахъ непріятеля, были имъ вредны, но это не помогало дѣлу; русскіе и французы могли заморить ихъ голодомъ. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ поляки попытались сойтись съ французами и отвлечь ихъ отъ московскихъ людей. Де-ла-Вилль предложилъ размѣнъ плѣнныхъ. Пользуясь этимъ, поляки напи-

1) Vid. 146.
2) Vid. 147.
3) Marchock. 73.
4) Vid. 147

сали де-ла-Виллю письмо и приглашали его вмѣсто того, чтобы драться съ ними, вступить въ службу къ польскому королю, у котораго довольно всякихъ иноземцевъ на службѣ. «Не вѣрьте Москвѣ, писали поляки, у нихъ такой обычай, что кого изъ иноземцевъ заманятъ къ себѣ на службу, тѣхъ по окончаніи войны приневолятъ жить въ землѣ своей; оттого въ Московскомъ государствѣ много всякаго народа; они къ себѣ послѣ замиренія съ королемъ Стефаномъ пригласили три тысячи нашихъ противъ татаръ, а потомъ и не выпустили ихъ изъ своей земли». Съ такимъ посланіемъ отправленъ къ французамъ монахъ, который думалъ именемъ католической вѣры склонить французовъ. Отвѣтъ принесъ имъ французъ Жакъ Беринжье, съ двумя товарищами; французы просили поляковъ уволить ихъ отъ такихъ предложеній и изъявили желаніе толковать объ однихъ плѣнникахъ. «Вы, французы (говорили поляки посланцамъ), люди одной съ нами вѣры, и гдѣ въ чужихъ земляхъ наши братья поляки съ вашими людьми встрѣчались, всегда обращались по пріятельски между собою. Праведнѣе было бы вамъ за одно съ нами воевать противъ Москвы». — «Мы люди военные, ищемъ славы (отвѣчали французы), а чтобъ это была за слава намъ, если бы мы стали воевать противъ московскаго народа, грубаго, вмѣстѣ съ вами, народомъ самымъ доблестнымъ, которому подобнаго нѣтъ въ подсолнечной? А вотъ бы намъ была слава, когда бы мы съ этимъ народомъ да вашъ народъ завоевали!» Казаки, бывшіе вмѣстѣ съ поляками въ осадѣ, услыхали объ этихъ переговорахъ съ французами и заволновались. «Это паны поляки», кричали они, «себѣ хотятъ выговорить свободный выходъ, а насъ оставить на убой!» Поляки должны были прекратить сношенія съ непріятелемъ. Еще нѣсколько дней продержались они и послали гонца къ Зборовскому просить

помощи; но этому гонцу, вѣроятно, не удалось добраться до Зборовскаго. Недостатокъ съѣстнаго одолѣвалъ ихъ. Прорваться было трудно. Валуевъ стоялъ на лѣвой, французы на правой сторонѣ монастыря: между ними и своею ставкою Валуевъ наскоро состроилъ острогъ, гдѣ засѣло болѣе тысячи человѣкъ. Казаки прежде поляковъ потеряли терпѣніе, и въ день Вознесенія отвалили колоды отъ заднихъ воротъ и отворили ихъ. Тогда полякамъ ничего не оставалось, какъ уходить. На ихъ счастіе, осаждавшіе не обратили было на нихъ большаго вниманія: ихъ путь лежалъ между острожкомъ и французами. Но двое измѣнниковъ — одинъ изъ нихъ назывался Забржицкій — побѣжали къ Валуеву и дали знать, что поляки намѣрены уходить; а Валуевъ немедленно отправилъ въ засаду до пяти сотъ пѣшихъ человѣкъ къ плотинѣ на болотистой рѣкѣ Ламѣ, черезъ которую надобно было переходить непріятелю. Поляки стали выходить на закатѣ солнца. Московскіе люди ихъ нарочно пропустили, а когда уже смерклось, съ крикомъ ударили на ихъ заднюю сторожу. Поляки остановились, готовые принять бой — московскіе люди отступили. Поляки пошли далѣе; опять на нихъ ударили, и опять отступили, когда поляки хотѣли обороняться. Утромъ дошли они до рѣки Ламы, а тутъ выскочили на нихъ засады спереди и сзади, ударили на нихъ всѣми силами и поразили ихъ такъ, что, по извѣстію Мархоцкаго, бывшаго тогда въ дѣлѣ, изъ полуторы тысячи едва въ живыхъ осталось и успѣло убѣжать триста человѣкъ: знамена, орудія, всѣ возы достались побѣдителямъ. Если бы не донскіе казаки, — говоритъ Мархоцкій, — которые проводили поляковъ и вездѣ по дорогѣ передъ крестьянами называли себя людьми Шуйскаго, то ни одинъ бы не спасся, и трудно было бы узнать, что̀ сталось съ нашимъ войскомъ. Тогда московскіе люди отгромили и своихъ зем-

ляковъ, которые держались прежде вора, а потомъ пристали къ полякамъ: на челѣ ихъ былъ ростовскій митрополитъ Филаретъ; его отвезли въ Москву *). Бѣглецы достигли смоленскаго стана. Валуевъ шелъ по слѣдамъ ихъ и остановился подъ Царевымъ-Займищемъ; тамъ онъ окопался и сострoилъ острожекъ. Горнъ съ двумя тысячами англичанъ и французовъ соединился съ четырьмя тысячами московскаго войска подъ начальствомъ князя Барятинскаго. Они пошли на Бѣлую, гдѣ заперся Александръ Гонсѣвскій. По дорогѣ къ Бѣлой крестьяне охотно подвозили продовольствіе войску и не боялись иноземцевъ, какъ на сѣверѣ, а изъ Бѣлой русскіе увѣдомили тайно своихъ начальныхъ людей, что жители города зажгутъ стѣны во время приступа, чтобы пособить землякамъ. Но перебѣжчики изъ французскаго отряда сообщили Гонсѣвскому объ умыслѣ жителей Бѣлой, и Гонсѣвскій взялъ подъ стражу подозрительныхъ людей и этимъ предупредилъ злой противъ него умыселъ. Горнъ и Барятинскій подошли къ Бѣлой 26 мая; поляки вышли изъ города, побились съ ними и опять ушли въ городъ. Горнъ предлагалъ Гонсѣвскому выступить въ открытый бой, а Гонсѣвскій уговаривалъ Горна отступиться отъ Шуйскаго и перейти на службу къ польскому королю. Горнъ отвѣчалъ, что онъ служитъ шведскому королю, своему государю. Переговоры эти прервались, когда разнесся слухъ, что на выручку Гонсѣвскаго идетъ отъ Смоленска польское войско. Горнъ отступилъ къ Зубцову **).

---

*) Vid. 149.— Marchocki, 84.
**) Vid. 155.

IX.

Битва подъ Царевымъ-Займищемъ. — Битва подъ Клушинымъ.— Пораженіе московскаго войска.— Сдача Царева-Займища и Можайска.

Давно уже въ станѣ Сигизмунда шли толки о томъ, чтобы отправить отрядъ, присоединить къ нему бывшее тушинское войско и идти на Шуйскаго. Это дѣло возлагалъ Сигизмундъ на брацлавскаго воеводу Яна Потоцкаго. Но этотъ панъ хоть не отказывался отъ порученія, за то медлилъ и собирался долго. Онъ хотѣлъ избѣжать трудной обязанности умиротворить окончательно буйное тушинское войско. Это было слишкомъ нелегко. Сигизмундъ, продолжая ограничиваться обѣщаніями, не имѣлъ возможности хотя въ половину сдержать ихъ и выплатить войску деньги, которыхъ оно ожидало и вправѣ было ожидать. Кромѣ того, Потоцкій былъ соперникомъ Жолкѣвскаго: ему было досадно, что безъ него возьмутъ Смоленскъ. Овладѣть сильной крѣпостью считалось великимъ подвигомъ; онъ полагалъ, что это было возможно, и, напротивъ, мало вѣрилъ въ успѣхъ подъ Москвой, особенно когда надежды на склоненіе тушинскаго войска было не много. Сигизмундъ предложилъ это порученіе Жолкѣвскому, не смотря на то, что это былъ человѣкъ неодобрявшій самой войны въ началѣ. Жолкѣвскій не сталъ противорѣчить и принялъ порученіе. Онъ взялъ съ собою двѣ тысячи конницы и тысячу пѣхоты, да еще присталъ къ нему отрядъ вольныхъ казаковъ въ три тысячи, подъ начальствомъ полковниковъ Пясковскаго и Ивашины. Жолкѣвскій двинулся на встрѣчу Гонсѣвскаго къ Бѣлой, но услышалъ, что русскіе отошли оттуда, и поворотилъ къ Цареву-Займищу. Говорятъ, что часть иноземцевъ, находившихся подъ Бѣлой, прислала изъ среды

себя восемнадцать человѣкъ, но когда они были еще въ дорогѣ, роты Ляндскоронскаго и Млоцкаго и двѣ тысячи запорожскихъ казаковъ напали на нихъ. Они бросили оружіе, просили пощады, кричали, что служатъ польскому королю; ихъ не слушали и били; они спаслись только бѣгствомъ.

Схваченные въ плѣнъ московскіе люди пророчили Жолкѣвскому успѣхъ; они открыли ему, что народъ не терпитъ царя Василія, что его считаютъ убійцею Скопина, не хотятъ видѣть его на престолѣ; увѣряли, что русскіе хотятъ лучше покориться Сигизмунду и получить отъ него въ цари сына Владислава. Съ такими добрыми свѣдѣніями Жолкѣвскій дошелъ до Царева-Займища. Оттуда не подалеку стояли полки Зборовскаго и Казановскаго, остатки тушинскаго полчища; съ ними хотѣлъ уладить дѣло Жолкѣвскій, поѣхалъ къ нимъ и вызывалъ на разговоръ Зборовскаго. Зборовскій выѣхалъ, но первое его слово было, чтобъ Жолкѣвскій уѣхалъ прочь и прислалъ вмѣсто себя переговорщика. Жолкѣвскій послалъ къ нему пана Гербурта. Зборовскій и Казановскій увѣряли, что вѣрны королю, но собрали военное кòло, — а на немъ поднялся такой крикъ: «Мы не хотимъ знать гетмана, не хотимъ быть у него подъ командою, пока намъ не выплатятъ жалованья». Гербуртъ увѣрялъ ихъ, что если имъ не успѣли до сихъ поръ выплатить, то этому причиною дурныя дороги. Но этимъ нельзя было обольстить буйную шайку. Она шумѣла. Она хороша знала, что не та причина. «Давайте намъ сто тысячъ злотыхъ, которые обѣщалъ король, кричала шляхта, тогда мы пойдемъ служить и покоримся ему, а не заплатятъ — будемъ стоять, сконфедеровавшись, до субботы, а если и тогда не дождемся обѣщанной донативы, такъ найдемъ себѣ другой путь». Жолкѣвскій, когда донесли ему объ упорствѣ жолнѣровъ, разсудилъ, что не слѣдуетъ

болѣе настаивать и принуждать. «Мы накажемъ ихъ презрѣніемъ, говорилъ онъ, и они скорѣе опомнятся *).» Онъ двинулся къ Цареву-Займищу.

Войско Шуйскаго тысячъ въ тридцать двигалось къ Можайску, подъ начальствомъ Димитрія Шуйскаго; къ нему шли Делагарди и Горнъ съ ихъ разноязычною ратью. Де-ла-Вилль находился еще во Ржевѣ. Часть московскаго войска въ шесть тысячъ **), а по другимъ въ 10,000 ***) подъ начальствомъ князя Елецкаго, отправлена впередъ къ Валуеву въ Царево-Займище. Въ Царевѣ-Займищѣ была широкая плотина, устроенная царемъ Борисомъ. Она находилась впереди острожка, который недавно построилъ Валуевъ. Извѣдавъ, что Жолкѣвскій долженъ будетъ переходить черезъ эту плотину, московскіе военачальники устроили засаду; посадили нѣсколько сотъ стрѣльцовъ въ водомойные рвы, которые были по краямъ этой плотины, и въ густой заросли около нея, такъ что посаженные люди не могли быть видимы, когда сидѣли неподвижно. Подобный способъ разъ удался Валуеву подъ Іосифовымъ монастыремъ; думали, что тоже и въ другой разъ удастся здѣсь. Но Жолкѣвскій узналъ объ этой засадѣ въ пору, и 14 іюня, дошедши до мѣста засады, остановился, запретилъ приближаться къ плотинѣ и показывалъ непріятелю видъ, что не думаетъ переходить рѣки, а хочетъ съ войскомъ ночевать на мѣстѣ. Московскіе люди ожидали, что имъ придется употребить въ дѣло свою засаду только на другой день, и стали безпечны: тѣ, которые сидѣли во рвахъ и кустахъ, отъ скуки стали перебѣгать одни къ другимъ и вести разговоры, такъ что поляки это видѣли и говорили: «они пренебрегаютъ нами; думаютъ, что мы хотя и видимъ ихъ, а

*) Bibl. Krasinsk. B. 1. 8.
**) Videk. 157.
***) Żolkiwski 43.

напасть на нихъ не смѣемъ». Жолкѣвскій воспользовался тѣмъ, что вода, черезъ которую лежала плотина, была спущена, и отрядилъ одну часть пѣхоты и спѣшенныхъ казаковъ по обѣ стороны плотины, а другую часть пѣхоты двинулъ прямо на плотину; тѣ, которые пошли по сторонамъ отъ плотины, вскочили на нее внезапно въ то время, когда на московскихъ людей напирали прямо по плотинѣ, и стали ихъ съ трехъ сторонъ стрѣлять и рубить. Московскіе люди оробѣли и пустились въ разсыпную по кустамъ. Тутъ Валуевъ увидѣлъ, что поставленную имъ засаду гонятъ непріятели, вмѣсто того, чтобы этой засадѣ гнать непріятелей, и послалъ бѣгущимъ подкрѣпленіе изъ острожка, до трехъ тысячъ. Польской и казацкой пѣхотѣ также могло быть теперь плохо, потому что черезъ болото нельзя было подать имъ помощи лошадьми. Валуевъ заранѣе приказалъ разобрать мостикъ на плотинѣ; но Жолкѣвскій велѣлъ, какъ можно скорѣе, наводить новый; онъ былъ наведенъ въ мигъ. Жолкѣвскій двинулъ черезъ него конницу, и скоро до тысячи человѣкъ конницы очутилось на другой сторонѣ. Завязалась битва. Московскіе ратные люди были отбиты и ушли—одни въ острожекъ, а другіе въ страхѣ бѣжали мимо острожка. Жолкѣвскій одержалъ побѣду, которая показывала его военный талантъ; ловкимъ распоряженіемъ онъ не только избѣжалъ приготовленныхъ ему затрудненій, но еще изъ того самаго, что ему должно было вредить, устроилъ вредъ врагу своему. Побѣда однако стоила польскому войску начальника пѣхоты Мартина Вайера, убитаго пулею. Это былъ военачальникъ опытный и даровитый *).

Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій подступилъ къ Цареву-Займищу; тогда Зборовскій уговорилъ свое упрямое войско

*) Bibl. Kras. B. 1. 8.—Pisma St. Żołkiewsk. 46.—Dz. pan. Zygm. III. II. Прилож. 2.—Vid. 157.

и присталъ къ Жолкѣвскому. Его рыцарское кôло согласилось служить въ предстоящей войнѣ, только съ условіемъ, если черезъ недѣлю будетъ выплачена обѣщанная донатива. Добывать приступомъ Валуева и Елецкаго было трудно. Жолкѣвскій нашелъ, что удобнѣе будетъ осадить ихъ и отрѣзать имъ подвозъ продовольствія; съ этой цѣлью онъ построилъ вокругъ острога, гдѣ сидѣло московское войско, небольшіе острожки, окопалъ ихъ рвами, поставилъ между ними, гдѣ нужно оказалось, надолбы, и въ каждомъ острожкѣ помѣстилъ пѣхоту и казаковъ, сколько было достаточно, чтобы держать московское войско въ заперти. Валуеву однако, не смотря на это, удалось послать нѣсколько гонцовъ одного за другимъ черезъ лѣсъ, къ Димитрію Шуйскому; онъ извѣщалъ, что его осадили, лишили продовольствія, и просилъ поспѣшить къ нему на выручку.

Димитрій Шуйскій и прибывшій Делагарди стояли тогда на дорогѣ между Москвою и Можайскомъ. Иноземцы роптали. Срокъ платежа подходилъ. Жалованья не присылали. «Пусть — кричали они — намъ даютъ скорѣе жалованье, а не то — мы служить не станемъ». Делагарди ихъ успокоивалъ, уговаривалъ. Они не слушали, но все болѣе и болѣе волновались. Выбившись съ ними изъ силъ, полководецъ написалъ къ царю Василію: «Если будетъ прислано жалованье, которое могло бы удовлетворить солдатъ моихъ — то я надѣюсь еще разъ повести храброе войско подъ непріятельствіе мечи и съ Божіею помощію побѣдить. Если нѣтъ — пусть тогда царь самому себѣ припишетъ несчастный исходъ войны, и на меня да не падетъ конечная гибель и разрушеніе Московскаго государства». Царь совѣтовался съ боярами. Поспѣшили написать къ Делагарди, что жалованье будетъ выплачено тканями и мѣхами, какъ только войско дойдетъ до Можайска. Тогда Делагарди

двинулся далѣе и написалъ Горну, ставшему подъ Зубцовымъ, чтобъ онъ скорѣе сходился съ нимъ. У Горна тогда смятеніе было хуже, чѣмъ у Делагарди. Двое ротмистровъ, Николай Пинартъ и Кольвиль, были заводчиками смутъ. По ихъ подущенію убѣжало восемьдесятъ англичанъ въ непріятельскій станъ; на другой день, Горнъ казнилъ возмутителей и тѣмъ только остановилъ на время измѣну. По требованію Делагарди онъ повелъ свой отрядъ къ Можайску и сошелся съ Делагарди у деревни Масловой, верстахъ въ двадцати пяти отъ Можайска. Послѣ этого соединенія, 21 іюня прислано было изъ Москвы тканей и мѣховъ для уплаты наемному войску, но когда дошло до раздачи, то поднялись недоразумѣнія: Делагарди нехотѣлъ платить, какъ требовали начальники отрядовъ, по первоначальной росписи, потому что многіе были убиты, другіе выбыли, а считалъ справедливымъ раздѣлить присланное жалованье по числу наличныхъ. По этому поводу нужно было нѣсколько дней, чтобы дѣлать счетъ наличному войску, а тутъ прибѣжали гонцы отъ Валуева, и Димитрій Шуйскій умолялъ поскорѣе идти на выручку осажденнымъ въ Царевѣ-Займищѣ. Успѣли раздать жалованье только новоприбывшимъ, остальныхъ Делагарди понуждалъ идти на дѣло и обѣщалъ ихъ удовлетворить послѣ. Съ досадою и ропотомъ услышали воины эти слова своего военачальника. Конница кипкгольмская забунтовала-было и поджигала другихъ къ неповиновенію; но Делагарди схватилъ и предалъ войсковой казни зачинщика смуты: остальные покорились. Однако всѣ были очень недовольны и шли вовсе безъ желанія жертвовать жизнью за Московское государство, которое имъ худо платитъ за труды.

Димитрій Шуйскій держалъ у себя военный совѣтъ; съ нимъ были: князья Андрей Голицынъ, Яковъ Барятинскій, Данило Мыщецкій, Василій Бутрулинъ. Они разсудили, что

слѣдуетъ обойти непріятельскій обозъ и ударить на него съ боку. Съ этою цѣлью они двинули войско на деревню Клушино.

Гетманъ Жолкѣвскій тотчасъ же узналъ отъ перебѣжчиковъ, что̀ дѣлается въ непріятельскомъ станѣ, что̀ замышляется, куда войско направляется, узналъ онъ также и о томъ, что помогающіе Московскому государству иноземцы жалуются на неуплату жалованья и готовы передаться туда, гдѣ имъ будутъ получше платить. Перебѣжчики говорили: «Если бы только къ нимъ гетманъ написалъ, передалось бы къ нему и больше!» тогда Жолкѣвскій вручилъ одному французу такого содержанія воззваніе на латинскомъ языкѣ къ французамъ и шотландцамъ, находившимся въ иноземномъ войскѣ, помогавшемъ Московскому государству:

«Между нашими народами не было вражды. Короли наши жили и до сихъ поръ живутъ въ дружбѣ. Хорошо ли это, что вы, не будучи отъ насъ ничѣмъ оскорблены, помогаете прирожденнымъ нашимъ врачамъ московитянамъ? Хотите быть нашими друзьями или врагами? Выбирайте. Мы же и на то, и на другое готовы. Прощайте». Французъ, которому вручено это посланіе, попалъ въ руки Горна и былъ повѣшенъ.

Отправивши это посланіе, 23 іюня, гетманъ собралъ къ себѣ военный совѣтъ и сообщилъ, что непріятель недалеко.

Иные были того мнѣнія, что надо продолжать осаду и ожидать непріятеля, другіе, напротивъ, совѣтовали выйти ему на встрѣчу и не допустить до Царева-Займища. Послѣднихъ было меньше.

Противъ нихъ поднимались голоса: «Развѣ вамъ жизнь надоѣла? Безразсудно съ такимъ малымъ числомъ выходить самимъ въ бой противъ многочисленнаго неріятеля;

какъ только мы снимемся, тѣ, что сидятъ въ острогѣ, ударятъ на оставленную для осады малую часть войска».

— «Нѣтъ—говорили противники—если мы непріятеля допустимъ близко сюда, то онъ начнетъ насъ стѣснять острожками и лишитъ насъ продовольствія. Москвитяне такъ уже дѣлали съ нашими у Троицы и у Дмитрова».

Гетманъ Жолкѣвскій, повидимому, не склонялся ни на ту, ни на другою сторону, и велѣлъ только всѣмъ быть готовыми къ выступленію, когда прикажутъ; а той части войска, которая сидѣла въ острожкахъ, не велѣлъ двигаться съ мѣста и приказалъ оставаться въ прежнемъ положеніи, чтобы не дать осажденнымъ замѣтить у себя какой-нибудь перемѣны. Жолкѣвскій скрывалъ отъ всѣхъ, что̀ онъ задумалъ и на что рѣшился, чтобы не сдѣлалось у него того, что дѣлалось у непріятелей, и перебѣжчики не принесли бы въ непріятельскій станъ свѣдѣній. За два часа до вечера Жолкѣвскій разослалъ полковникамъ письменные приказы немедленно выступать въ походъ, но не велѣлъ ни трубить въ трубы, ни бить въ барабаны, чтобы осажденные ничего такого не услышали, что̀ бы могло ихъ встревожить. Осаду подъ Царевымъ-Займищемъ Жолкѣвскій повѣрилъ Бобовскому: у него была королевская пѣхота, семьсотъ конныхъ и нѣсколько сотъ казаковъ *). Съ наступленіемъ сумерекъ, войско было уже въ дорогѣ по направленію къ Клушину, гдѣ, какъ сообщили гетману перебѣжчики, онъ долженъ былъ найти непріятельское войско. Ночь была свѣтлая. Войско шло по болотистой почвѣ, посреди зарослей, и дошло до Клушина еще до разсвѣта.

---

*) По извѣстію Маскевича оставлено было двѣ роты Калиновскаго и Бобовскаго, въ которыхъ оказалось 700 всадниковъ, 200 чел. пѣхоты и 4,000 запорожцевъ. Число взятыхъ гетманомъ съ собою Маскевичъ уменьшаетъ до 2,500 конныхъ и 200 пѣшихъ, съ 2 полевыми орудіями.

Русскіе и иноземцы стояли обозомъ въ удобномъ мѣстѣ; сзади ихъ былъ лѣсъ; передъ ними поле, по которому московскіе люди заплели плетень для обороны своего обоза. Впереди плетня стояли двѣ деревушки. Русскіе спали. Наканунѣ у предводителей былъ пиръ. Делагарди, вспоминая свои прежнія военныя дѣла, сказалъ: «Я былъ въ плѣну у Жолкѣвскаго: онъ мнѣ подарилъ куныо шубу; теперь, когда я его возьму въ плѣнъ, то подарю соболью».

Жолкѣвскій подошелъ близко къ стану такъ тихо, что никто въ непріязненномъ станѣ не слышалъ. Гетманъ тотчасъ приказалъ зажечь деревушки, чтобы не дать московскимъ людямъ засѣсть въ нихъ и стрѣлять оттуда, а вслѣдъ затѣмъ приказалъ громко затрубить въ трубы и ударить въ барабаны. Пожаръ и военная музыка всполошили русскій станъ. Съ крикомъ бросились всѣ къ оружію; полякъ очевидецъ говоритъ съ насмѣшкою объ ихъ безпорядкѣ: «Это значитъ: сѣдлай порты, надѣвай коня!»

Правую сторону польскаго войска занималъ полкъ Александра Зборовскаго — прежніе тушинцы; лѣвую, — полкъ Николая Струся, каменецкаго старосты; по бокамъ и въ резервѣ, на правой сторонѣ полки Мартина Казановскаго и Людовика Вайера, на лѣво гетманскій полкъ подъ начальствомъ князя Януша Корецкаго. За лѣвою стороною были кусты; въ нихъ разсѣялось четыреста украинскихъ казаковъ: они назывались погребыщане, потому что были изъ погребыщанской волости, принадлежавшей князьямъ Збаражскимъ. Въ противоположномъ войскѣ, лѣвую сторону занималъ Димитрій Шуйскій съ московскою конницею, которую сзади закрывала стоявшая въ кустахъ пѣхота, готовая броситься въ бой, когда конница раздвинется. Иноземцы стояли на правой сторонѣ. По извѣстію Жолкѣвскаго, московскихъ людей въ этомъ войскѣ считалось до сорока тысячъ, а иноземцевъ десять тысячъ, но въ наличности послѣднихъ

было тамъ не болѣе восьми, а по другимъ ихъ было только пять тысячъ.

Поляки начали битву нападеніемъ на плетень, который стоялъ впереди обоза. Делагарди выслалъ къ нему иноземную пѣхоту; она храбро и стойко защищала его. Плетень не былъ сплошной, но прерывался и возобновлялся и сильный бой былъ на прогалинахъ. Но въ то время, когда у плетня происходила битва съ равными силами, на правой сторонѣ Зборовскій съ своими бывшими тушинцами ударилъ на московскую конницу. Московскіе ратные люди были плохіе воины: бывалые бойцы или были побиты въ прежнихъ бояхъ, или лежали по домамъ раненные; въ войскѣ подъ Клушинымъ были все новобранцы, въ первый разъ увидавшіе бой и смерть, да въ добавокъ и охоты было мало охранять державу царя Василія, и предводитель Димитрій Шуйскій не могъ ихъ привязать къ себѣ своею личностію. Отъ этихъ причинъ, какъ только Зборовскій ударилъ съ своимъ полкомъ на московскую конницу, такъ она и пустилась бѣжать, и смѣшала пѣхоту, которая должна была ей подавать помощь. Побѣжала и пѣхота. Димитрій Шуйскій съ пятью тысячами заперся въ сдѣланномъ наскоро острогѣ.

Не смотря на это бѣгство, иноземцы на лѣвой сторонѣ продолжали защищать плетень. «Часовъ пять бились мы— говоритъ участникъ Маскевичъ — каждому изъ насъ по восьми и по десяти разъ приходилось схватываться съ непріятелемъ. Гетманъ стоялъ на возвышеніи, какъ Моисей, поднималъ руки вверхъ и призывалъ небесную помощь». Но тутъ прибыла на мѣсто битвы гетманская хоругвь и привезла съ собою два фальконета, единственныя орудія, какія взялъ съ собою Жолкѣвскій въ дѣло: они замедлили по причинѣ дурной дороги. Какъ ударили пушкари изъ фальконетовъ, прорвали и повалили плетень; пѣхота Струся бросилась по немъ на иноземцевъ, тѣ подались и побѣжали

въ лѣсъ. Тутъ Делагарди двинулъ на нихъ конницу. Битва опять возобновилась. Но случилось, что когда передовой отрядъ, давши залпъ по полякамъ, оборотился назадъ, чтобы зарядить ружья, поляки воспользовались этимъ, ударили на него въ тылъ; этотъ отрядъ наперъ на другой, стоявшій позади, а тотъ поворотился назадъ и уперся на московское войско, стоявшее позади его, а московскіе люди пустились въ разсыпную. Поляки за ними ворвались въ непріятельскій обозъ. Димитрій Шуйскій, стоявшій въ острожкѣ, не подалъ имъ помощи. Тогда нѣмцы и французы стали передаваться полякамъ, сначала по одному и по два, кидали оружіе и вступали въ разговоры съ непріятелемъ, а потомъ ротмистры Конрадъ Линкъ и Вильгельмъ Таубе съ цѣлыми своими отрядами послали просить у Жолкѣвскаго свободнаго пропуска на родину изъ московской земли. Гетманъ послалъ къ нимъ своего племянника Адама, человѣка ловкаго и знавшаго иноземные языки и обычаи. Они съ нимъ условились о сдачѣ. Положили, что иноземцы, служившіе Московскому государству, откажутся отъ этой службы и за то получатъ отъ поляковъ свободное право удалиться въ отечество, а кто захочетъ, тотъ будетъ принятъ въ польскую службу. О Линкѣ шведскій историкъ замѣчаетъ, что этотъ нѣмецъ передъ тѣмъ только получилъ нѣсколько тысячъ рублей отъ Димитрія Шуйскаго. За нѣмцами вслѣдъ и другіе иноземцы стали сдаваться. Делагарди сначала вмѣстѣ съ Горномъ увлеченъ былъ общимъ движеніемъ и убѣжалъ въ лѣсъ, а потомъ воротился и сталъ уговаривать свое разноязычное войско, чтобы оно не срамило военной чести, что дѣло еще не проиграно; не помогали ни увѣщанія, ни угрозы. Присылалъ къ нимъ Димитрій Шуйскій, сулилъ, какъ говорится, золотыя горы; но обѣщаніямъ Шуйскихъ не вѣрили. Иноземцы, съ своей стороны, стали грозить Делагарди и при-

нуждать его пристать къ договору, заключенному съ Адамомъ Жолкѣвскимъ. Делагарди съ презрѣніемъ отказался. Разсерженные иноземцы бросились на него. Онъ убѣжалъ отъ нихъ, а потомъ вмѣстѣ съ Горномъ и своими природными шведами поспѣшилъ отступить. Тогда иноземцы стали во множествѣ передаваться полякамъ и вмѣстѣ съ ними бросились грабить московскій обозъ. Начальники московскаго войска, Димитрій Шуйскій, Голицынъ, Мезецкій, какъ увидали, что Делагарди ничего не сдѣлаетъ съ иноземцами, и самъ съ своими шведами убѣгаетъ съ поля битвы, то покинули свой острожекъ и побѣжали въ лѣсъ. Всѣ московскіе люди по ихъ примѣру бѣжали. Каждый думалъ только о спасеніи одной жизни и все добро кидалъ нарочно, въ надеждѣ, авось преслѣдующіе враги наткнутся на брошенное, а тѣмъ временемъ можно уйти. Полякамъ достались: карета Шуйскаго, его шатеръ, сабля, булава, его княжеское знамя, вышитое золотомъ по адамашкѣ, и на двадцать тысячъ рублей собольихъ мѣховъ: это онъ только-что получилъ изъ Москвы и не успѣлъ раздать иноземцамъ. Теперь пришлось такъ, что иные изъ тѣхъ, кому слѣдовало раздать, сами взяли. Московскіе люди покинули такъ много вещей—серебра, одеждъ, а въ особенности мѣховъ, что казалось, говоритъ польскій историкъ Кобѣржицкій, какъ будто они ихъ для продажи разложили. Стояли возы совсѣмъ запряженные. Полякамъ оставалось накладывать на нихъ, что лежало на землѣ, и везти. «Мы, говоритъ современникъ полякъ, какъ шли на непріятеля, такъ всѣхъ возовъ было только-что подъ пушечками, да гетманская карета, а назадъ возвращались, такъ возовъ у насъ было больше насъ самихъ». Пушки и знамена остались побидителямъ. Часть польскаго войска еще долго гналась за бѣглецами по лѣсамъ. Князь Яковъ Барятинскій былъ убитъ. Василія Бутурлина и дьяка Демидова, кото-

рый изъ Москвы соболей привезъ, поймали. Самъ Димитрій Шуйскій бѣжалъ такъ, что загналъ въ болотѣ коня, принужденъ былъ спасаться пѣшкомъ и оставилъ въ трясинѣ сапоги; потомъ уже досталъ деревенскую клячу и на ней благополучно добрался до Можайскаго монастыря. Тамъ осыпали его вопросами, а онъ говорилъ: «просите милости и милосердія у поляковъ!» Изъ Можайска вмѣстѣ съ Голицынымъ онъ уѣхалъ въ Москву съ постыдною вѣстью о своемъ роковомъ пораженіи *). По извѣстіямъ польскимъ, эта побѣда стоила полякамъ только 220 конныхъ товарищей и пахолковъ, пѣхоты до 200 человѣкъ и множество лошадей, а противная имъ сторона потеряла иноземцевъ до 1,200, по другимъ же извѣстіямъ до 800; число же убитыхъ московскихъ людей неизвѣстно. Салтыковы и другіе русскіе, приглашавшіе Владислава въ цари, находились въ польскомъ войскѣ во время битвы съ ихъ единоземцами.

Жолкѣвскій не оставилъ Делагарди и послалъ къ нему Петра Борковскаго съ однимъ изъ передавшихся французскихъ ротмистровъ приглашать его приступить къ договору, заключенному на полѣ сраженія Линкомъ. Делагарди отвѣчалъ: «Я не знаю договора Линка и знать его не хочу». Но оставшіеся съ нимъ ротмистры стали совѣтовать помириться съ Жолкѣвскимъ; силы ихъ были малы, и нельзя было, да и не для чего было болѣе биться, когда бѣжали тѣ, за которыхъ бились. Делагарди согласился повидаться лично съ Жолкѣвскимъ. Польскій гетманъ пріѣхалъ въ лагерь Делагарди съ небольшимъ отрядомъ конницы. Делагарди выѣхалъ къ нему на встрѣчу. «Я не только надѣюсь, сказалъ онъ, но увѣренъ, что вы панъ гетманъ, мой про-

---

*) Pisma Żołkiewsk. 49—60, 198—204. Bibl. Krasińsk. B. I. 8. Kobierz. 270—279. Piasecki. 265. Vid. 162—173. Нѣмцев. Dzieje panow. прил. къ 3 т. 398—402. Marchocki. Hist. Wojny Mosk. 83. Maskiew. 4—29.

тивникъ, по великодушію своему, согласитесь со мною и припишете мою неудачу не упадку и недостатку доблести и крѣпости, по неспособности русскихъ и вѣроломству моихъ наемныхъ воиновъ. Въ этомъ вы увѣритесь, когда вспомните, что̀ дѣлали мы прежде въ союзѣ съ тѣми же русскими, когда ими начальствовалъ достойный Скопинъ; но его извели, и счастье москвитянъ измѣнилось. Мое войско, утомленное долгою службою, не получая въ пору жалованья, дало вамъ достаточный образецъ измѣнчивости душъ человѣческихъ, когда для пользы непріятеля увеличило значительно его силу перебѣгомъ; теперь съ остальными, которыхъ я удержалъ въ вѣрности долгу, я надѣюсь, что сообразно народному праву вы согласитесь заключить слѣдующія условія: мы свободно уйдемъ въ очечество съ распущенными знаменами и со всѣми военными орудіями и запасами; никто не будетъ принуждаемъ къ насильному поступленію въ польскую службу, если самъ не захочетъ, и, наконецъ, мнѣ не будетъ препятствія, пока мы не выйдемъ изъ предѣловъ Московскаго государства, собрать должное жалованье, сколько можно и угодно будетъ».

Жолкѣвскій согласился, но прибавилъ къ этому, чтобы Делагарди далъ обѣщаніе не помогать болѣе Василію Шуйскому, и похвалилъ храбрость и мужество Делагарди и его шведовъ. Делагарди не сразу поддался на требованіе Жолкѣвскаго, но, такъ какъ гетманъ былъ настойчивъ, а силы шведскаго полководца до того умалились, что не было возможности рѣшиться на сопротивленіе, то онъ наконецъ согласился. Составили и подписали съ обѣихъ сторонъ договоръ въ такомъ смыслѣ.

Заключивши этотъ договоръ, Делагарди воротился въ свой лагерь и засталъ въ немъ большую перемѣну: взбунтовались девятнадцать конныхъ и двѣнадцать пѣшихъ хоругвей и собрались переходить въ польскій лагерь. Напра-

сно Делагарди увѣрялъ ихъ, что они еще могутъ получить жалованье, и если имъ не дадутъ добровольно, то можно самимъ собрать на дорогѣ, какъ это и дозволялось по договору, заключенному съ Жолкѣвскимъ. Ратныхъ поджигалъ Линкъ. Они зашумѣли, стали бранить полководца, порывались грабить весь обозъ. Делагарди и Горнъ хотѣли было стрѣлять въ мятежниковъ, но другіе отговорили и совѣтовали оставить имъ волю. Ратные ограбили лагерь и ушли; съ предводителями осталось человѣкъ четыреста шведовъ и финновъ. Съ ними Делагарди и Горнъ ушли къ Погорѣлому Городищу, гдѣ стоялъ Пьеръ де-ла-Вилль съ двумя отрядами конницы.

Полководцы пришли туда вечеромъ, а ночью распространилась вѣсть о ихъ приходѣ между остававшимися тамъ французами. Утромъ они стали требовать жалованья; имъ отказали; они бросились грабить обозъ, ограбили самихъ предводителей и ушли. Делагарди съ Горномъ и де-ла-Виллемъ двинулись въ Торжокъ *).

Послѣ своей побѣды Жолкѣвскій подошелъ къ Цареву-Займищу. Елецкій и Валуевъ не видѣли болѣе возможности защищаться, разсудили, что дѣло Василія Шуйскаго проиграно, царство его миновалось. Они послали къ Жолкѣвскому сказать, что желаютъ цѣловать крестъ королевичу Владиславу на томъ цѣлованіи, какое уже произнесли тушинскіе бояре. Съ своей стороны Жолкѣвскій далъ имъ цѣловальную запись (объ ней впослѣдствіи онъ говорилъ, что не знаетъ самъ и не помнитъ, что̀ въ ней было). Онъ тогда обѣщалъ за себя и за все войско, излагалъ условія, на которыхъ Владиславъ будетъ государемъ: охранять вѣру, не строить костеловъ, не посылать на воеводства польскихъ и литовскихъ людей, не отдавать въ староства городовъ, не

*) Vid. 174.

лишать московскихъ служилыхъ людей ихъ жалованья, не отнимать имуществъ, взятыхъ съ боя у литовскихъ людей въ прежнее время, не высылать въ Польшу и Литву плѣнныхъ и выпустить всѣхъ, какіе теперь найдутся, назадъ съ женами и дѣтьми, идти польскимъ войскамъ противъ вора и очищать отъ него города, а королю отступить отъ Смоленска и оставить этотъ городъ по прежнему при Московскомъ государствѣ, наравнѣ съ другими городами, какъ скоро смольняне поцѣлуютъ крестъ королевичу Владиславу. Послѣ этого Елецкій и Валуевъ вышли изъ острога и присоединились къ польскому войску съ своимъ отрядомъ, гдѣ было тысячъ пять. Гетманъ отправилъ Елецкаго, какъ старѣйшаго, къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, а Валуева, котораго считалъ умнѣе, оставилъ при себѣ, и 25 іюня двинулся къ Можайску. Этотъ городъ сдался ему безъ сопротивленія. За нимъ вслѣдъ покорились сами собою Волокъ, Ржевъ, Погорѣлое Городище, Іосифовъ монастырь*).

X.

Козни Жолкѣвскаго.—Приходъ вора къ Москвѣ.—Заговоръ.—Низложеніе и постриженіе царя Василія.

Гетману послѣ этого оставалось идти прямо на Москву: она была беззащитна, и невозможно было Василію устоять противъ поляковъ, но Жолкѣвскій разсчелъ, что можно взять ее вовсе безъ боя. Такъ совѣтовалъ ему Валуевъ и другіе русскіе, на челѣ которыхъ былъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ. По ихъ совѣту Жолкѣвскій послалъ изъ передавшихся русскихъ въ Москву агентовъ, чтобы расположить московскихъ жителей свергнуть Шуйскаго и избрать

*) Сборн. Мух. 179.

Владислава. Въ числѣ такихъ былъ Ѳедоръ Суселинъ съ товарищами. Онъ отправился къ смольнянамъ и брянчанамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ склонять ихъ на сторону королевича *). Другіе **) повезли письма къ разнымъ лицамъ. Жолкѣвскій писалъ, что Московское государство страдаетъ подъ правленіемъ Шуйскаго, дѣла идутъ дурно, кровь безпрестанно льется, и обѣщалъ тишину и благоденствіе подъ правленіемъ Владислава, если Москва приметъ его къ себѣ въ цари. Такія возбудительныя граматы переписывались, ходили по рукамъ, и разбрасывались по улицамъ. Царь Василій не въ силахъ былъ останавливать волненія. Никто уже не боялся его. Смоленскіе дворяне безпрепятственно собрали свою братью дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ на сходку. Тамъ открыто читалась грамата Жолкѣвскаго и толковалось о принятіи въ цари королевича Владислава. Всѣ на сходкѣ сказали, что это дѣло хорошее, но въ записи не написано, что Владиславъ крестится въ православную вѣру. Выбрали одиннадцать человѣкъ, изъ которыхъ десять было смольнянъ, и отправили къ Жолкѣвскому. Это число смольнянъ показываетъ, что дѣло это велось одною партіею, настроенною поляками; смольняне хлопотали о воцареніи Владислава потому, что думали этимъ освободить свой городъ отъ осады и свой край отъ военнаго разоренія. Посольство это прибыло въ Можайскъ 5 іюля, и на другой день Жолкѣвскій послалъ въ Москву двухъ смольнянъ съ новою граматою ко всѣмъ московскимъ служилымъ людямъ, которые захотятъ служить Владиславу, величалъ ихъ пріятелями, но о важномъ вопросѣ крещенія будущаго царя отдѣлался такою уверткою: «крещеніе есть дѣло духовное; вольно патріарху со

---

*) Сбор. Мух. 179.
**) Pisma Żołkiewsk. 69.

всѣмъ освященнымъ соборомъ совѣщаться съ наияснѣйшимъ королемъ». Московскіе жители подумали, что, дѣйствительно, теперь объ этомъ спорить много нечего, дѣло состоится впослѣдствіи, и притомъ Жолкѣвскій не подавалъ имъ опасенія, чтобы оно не состоялось; а между тѣмъ новыя несчастныя для царя Василія обстоятельства располагали ихъ къ скорѣйшей уступкѣ польскому военачальнику.

Вѣсть о пораженіи подъ Клушинымъ дошла до Калуги, и тамъ нашли, что будетъ кстати двинуться къ Москвѣ; такимъ образомъ Москва съ двухъ сторонъ увидитъ подлѣ себя непріятелей, и Шуйскій, какъ разсчитывали, не въ состояніи будетъ удержаться и полетитъ съ престола. Дѣлами царика руководилъ Сапѣга, и ему стала входить мысль самому сдѣлаться царемъ во всеобщей суматохѣ. Полчище Калужское двинулось къ Серпухову.

На царя Василія отовсюду находили бѣды, а помощи не было ни откуда. Ратные люди, бывшіе съ Димитріемъ Шуйскимъ, разъѣхались самовольно по домамъ. Если коекакое войско и оставалось въ Москвѣ, то было не надежно. Клушинская битва отнимала надежду на возможность биться съ поляками; притомъ нужно было раздѣлить рать: одну половину посылать на поляковъ, другую на калужскаго вора. Делагарди изъ Торжка писалъ къ Димитрію Шуйскому письмо; обвинялъ московскихъ людей, что они были причиною клушинскаго пораженія, но вмѣстѣ утѣшалъ, увѣрялъ, что дѣло поправимо, и обѣщалъ свѣжія силы изъ Швеціи, если только будетъ немедленно отдана Корѣла съ уѣздомъ. Въ отвѣтъ на это письмо Шуйскій послалъ къ нему гонца съ переводчикомъ, и умолялъ поспѣшить на выручку Москвы отъ калужскаго вора, но гонецъ не засталъ его въ Торжкѣ. Делагарди считалъ опаснымъ долго оставаться такъ близко къ Жолкѣвскому, которому

далъ обѣщаніе не помогать Шуйскому. Онъ двинулся къ Новгороду. Новгородцы, такъ недавно принимавшіе его, какъ будто онъ къ нимъ съ неба спалъ, по выраженію современнаго шведскаго историка, теперь затворили передъ нимъ ворота и отказали ему въ продовольствіи. Тутъ-то ему привезли грамату отъ Шуйскаго, но въ тоже время, какъ говорятъ, Шуйскій писалъ въ Новгородъ и ко всѣмъ пограничнымъ воеводамъ, чтобы они не сдавали городовъ Делагарди. Впрочемъ, Делагарди, если бы и хотѣлъ, не въ состояніи былъ помочь дѣлу Шуйскаго; царь Василій никакъ не могъ удержаться на престолѣ.

Все еще собирая послѣднія силы, царь Василій однако отправилъ изъ Москвы войско; начальниками были царскій своякъ Иванъ Михайловичъ Воротынскій, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ. Они сошлись съ крымцами, которые стояли въ Серпуховскомъ уѣздѣ: ханъ прислалъ ихъ по просьбѣ московскаго государя па помощь. Но московскіе воеводы, вмѣсто того, чтобы идти противъ вора, сами остались въ Серпуховскомъ уѣздѣ, а выслали на войну союзныхъ крымцевъ. Послѣдніе побились немного съ калужскимъ войскомъ, воротились и перешли Оку назадъ. «Нельзя больше биться, насъ голодъ одолѣваетъ», говорили они. Послѣ этого выслашные воеводы отправились себѣ въ Москву *).

Воръ напалъ по слѣдамъ ихъ на монастырь Пафнутія Боровскаго. Тамъ укрѣпленія были хороши; но двое воеводъ, Яковъ Змѣевъ и Афанасій Челищевъ измѣнили царю Василію и впустили враговъ. Третій воевода, Михайло Волконскій, не былъ съ ними въ совѣтѣ. Воры нежданно вошли въ отворенныя для нихъ ворота, начали бить людей, стол-

*) Никон. 136.

пившихся въ осадѣ, погнались за ними въ церковь. Волконскій оборонялъ церковныя двери, былъ раненъ, въ изнеможеніи побѣжалъ къ клиросу, и тамъ изрубили его воры. Кровь его брызнула на камень, и послѣ,—сколько ни скребли, сколько ни смывали эту кровь, не могли уничтожить кровавыхъ пятенъ на камнѣ. Воры ограбили монастырь и пошли далѣе къ Москвѣ. Объ этомъ событіи осталось такое преданіе: когда тѣла убитыхъ сложили въ могилу и стали пѣть надъ ними панихиду, изъ могилы наверхъ выступила кровь, и потомъ долго, сколько разъ ни служили надъ могилою панихиды, только-что запоютъ вѣчную память, кровь и выступитъ на могилѣ *).

Воровское войско дошло до Николы на Угрѣшѣ. Города сдавались ему. Коломна прельстилась и цѣловала Димитрію крестъ: не послушали коломенцы своего владыки Іосифа, который ихъ останавливалъ, а еще послали въ Каширу и Зарайскъ граматы съ убѣжденіемъ цѣловать крестъ царю Димитрію Ивановичу. Кашира повиновалась. Тамошній воевода князь Григорій Петровичъ Ромодановскій сначала уговаривалъ жителей не дѣлать этого, но его чуть не убили и онъ покорился общей волѣ. Въ Зарайскѣ воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій не поддался цѣлому посаду; его хотѣли убить; онъ заперся въ каменномъ городѣ съ немногими людьми, которые, какъ и онъ, не хотѣли сотворить худаго дѣла; протопопъ зарайскій Димитрій благословилъ и укрѣпилъ его стоять и умирать за правду. Въ городѣ съ Пожарскимъ были имущества тѣхъ, которые отложились отъ царя Василія и хотѣли принудить Пожарскаго признать Димитрія; они поэтому поневолѣ должны были предложить мировую. Согласились цѣловать крестъ тому, кто на Москвѣ будетъ царемъ; будетъ Москва вѣрна

---

*) Ник. 137.

Василію, —ему служить; а поставятъ въ Москвѣ иного—и тотъ будетъ всѣмъ царемъ. По примѣру Зарайска, Коломна отложилась отъ вора, такъ недавно ею признаннаго, и постановила цѣловать крестъ тому, кого Москва царемъ признаетъ *).

Воръ оставилъ жену свою въ монастырѣ Николы на Угрѣшѣ, а самъ съ войскомъ сталъ 11 іюля подъ Москвою въ селѣ Коломенскомъ. Москва всполошилась. Москвѣ памятно было ея положеніе, когда подъ тѣмъ же знаменемъ полчище стояло въ Тушинѣ. Тогда съ большимъ трудомъ избавились отъ него, и то съ помощью иноземцевъ, да тогда Скопинъ былъ у Московскаго государства. Теперь Москвѣ могло быть хуже. Тутъ воръ наступаетъ, а тамъ поляки. Трудно защищаться противъ двухъ; было опасеніе, какъ бы оба за одно не стали. Одно средство оставалось—свести Шуйскаго и поладить съ какою нибудь стороною

Въ это время Прокопій Ляпуновъ, отъ имени покорной ему рязанской земли, послалъ Алексѣя Пѣшкова въ Москву къ брату своему Захару и также написалъ письмо къ боярину Василію Васильевичу Голицыну о необходимости скорѣе свести Шуйскаго. При его содѣйствіи, Захаръ Ляпуновъ 17 іюля собралъ дворянъ и дѣтей боярскихъ за Арбатскими воротами на совѣщаніе. Тамъ говорилось:

«Московское государство доходитъ до конечнаго раззоренія и расхищенія. Тутъ пришли на него поляки и литва, а тамъ калужскій воръ: съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. Украинскихъ городовъ люди не любятъ давно царя Василію и не служатъ ему; льется христіанская кровь; отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца. Василій Ивановичъ не по правдѣ сѣлъ на царство и несчастенъ па царствѣ. Будемъ

*) Никон. 138.

бить ему челомъ, чтобъ оставилъ престолъ, и къ калужскимъ людямъ пошлемъ: пусть они своего вора оставятъ, и мы съобща выберемъ всею землею новаго царя и станемъ тогда единомысленно на всякаго врага.»

Послали въ Коломенское, къ русскимъ, находившимся при ворѣ. «Сведите Шуйскаго,—сказали калужане —а мы своего Димитрія тотчасъ свяжемъ и приведемъ въ Москву».

Послѣ такого отвѣта толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ отправилась въ Кремль просить царя Василія, чтобъ онъ о тавилъ престолъ. Выступилъ впередъ Захаръ Ляпуновъ, дюжій, плечистый дѣтина, и сталъ говорить царю Василію:

— «Долго ли за тебя кровь христіанская литься будетъ? Ничего добраго въ царствѣ твоемъ не дѣлается. Земля наша черезъ тебя раздѣлилась, раззорена и опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; ты погубилъ многихъ невинныхъ, братья твои государя нашего, оборонителя и заступника, окормили отравою. Сжалься надъ умоленіемъ нашимъ. Положи посохъ свой! Сойди съ царства, а мы посовѣтуемъ о себѣ иными мѣрами».

Василій вышелъ изъ себя, выхватилъ большой ножъ, который, по тогдашнему обычаю, носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ: «Какъ ты (тутъ онъ ввернулъ крѣпкое московское слово) смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ этого не говорятъ!»

Ляпуновъ погрозилъ ему своею мускулистою рукою и сказалъ:

— «Василій Ивановичъ! Не бросайся на меня, а не то— я какъ возьму тебя въ руки, такъ вотъ тутъ и изотру!»

— «Пойдемъ! пойдемъ! сказали бывшіе въ толпѣ Иванъ Никитичъ Салтыковъ и дворянинъ Хомутовъ, объявимъ народу!»

Они вышли изъ Кремля на Красную площадь. Ударили въ колокола. Захаръ Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ взошли на высокое лобное мѣсто и стали приглашать бояръ, патріарха, духовныхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и весь православный народъ на всенародное собраніе за Серпуховскими воротами. Хоть Красная площадь была не мала, но полагали, что народа будетъ такъ много, что онъ на ней не помѣстится; хотѣли, чтобы какъ можно поболѣе русскаго народа приняло участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Народъ отовсюду повалилъ за Серпуховскіе ворота. Съѣхались туда бояре. Прибылъ и патріархъ. Тамъ говорили:

«Наше Московское государство дошло до конечнаго раззоренія. Мы — словно овчарня, когда на нее волки нападутъ. Бѣдныхъ православныхъ христіанъ душатъ безъ милости, и никто не обороняетъ насъ, никто не хочетъ помочь намъ. Вотъ три года, четвертый на царствѣ сидитъ Василій Шуйскій; неправдой онъ на царство сѣлъ, не по выбору всей земли, и оттого нѣтъ на немъ божія благословенія, нѣтъ счастья землѣ. Сотни тысячъ душъ погибло напрасно. Какъ только братья его пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся въ осадѣ, а ратные люди разбѣгаются. Православные христіане! Тѣ наши земляки, что въ Коломенскомъ съ воромъ, согласны своего вора оставить и быть съ нами въ соединеніи, если мы Шуйскаго отставимъ. Собирайтесь на совѣтъ, какъ бы намъ Шуйскаго отставить, а вмѣсто его выбрать всею землею государемъ того, кого Богъ намъ укажетъ!»

Тогда было такъ мало охотниковъ стоять за Шуйскаго, что въ собраніи не произошло смятенія и большаго разногласія. Объ избраніи Владислава, кажется, въ то время и не заикнулись, во-первыхъ потому, что простой народъ боял-

ся поляковъ; во-вторыхъ потому, что тогда еще, уничтоживши вора, можно будетъ соединить русскую землю и дать полякамъ отпоръ. Потачка польскимъ замысламъ только тогда стала неизбѣжна, когда со сторонниками вора сойтись было нельзя. Патріархъ, вообще не любившій Шуйскаго, удерживалъ нѣсколько толпу: его призваніе, какъ первопрестольника русской церкви, побуждало его сохранять существующую власть, но и онъ не слишкомъ настаивалъ. Порѣшили идти къ царю и бить ему челомъ, отъ всего міра, чтобы оставилъ царство. Патріархъ уѣхалъ изъ собранія. Бояре отправились къ царю. Впередъ выступилъ свойкъ царя Василія, Иванъ Воротынскій, и говорилъ:

«Вся земля бьетъ тебѣ челомъ, царь Василій Ивановичъ, оставь свое государство ради междоусобной брани, чтобы тѣ, которые тебя, государь, не любятъ и служить тебѣ не хотятъ и боятся твоей опалы, не отстали отъ Московскаго государства, а были бы съ нами въ соединеніи и стояли бы за православную вѣру всѣ за одно».

Царю Василію теперь ничего не оставалось, какъ повиноваться. Та же сила, которая его возвела на царство, теперь объявляетъ ему, что не хочетъ видѣть его на царствѣ. Онъ положилъ свой посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжескій домъ. Вѣнецъ, бармы, скипетръ, всѣ принадлежности царскаго чина взяли въ казну. Временное правительство поручено, по обычному порядку, боярской думѣ, где предсѣдательствовалъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, старшій по роду между боярами.

На другой день, 18 іюля утромъ, москвичи толпою вышли къ Данилову монастырю и отправили посольство въ коломенскій станъ. «Мы своего Шуйскаго свели съ престола — говорили послы; — мы клятвенное слово свое совершили; теперь ведите къ намъ въ Москву своего вора».

Русскіе сторонники вора расхохотались и сказали: Дурно, что вы не помните крестнаго цѣлованія вашему государю, а мы за своего помереть рады».

Москва заволновалась, когда принесли туда такой отвѣтъ. Москвичамъ стало стыдно, что ихъ такъ одурачили и посрамили. Многіе стали жалѣть о Шуйскомъ. Прежде надѣялись, что если его не будетъ, то и вора не будетъ, а теперь вышло, что царя въ Москвѣ нѣтъ, а воръ продолжаетъ съ прежними силами стоять подъ столицею. Дошло это до сверженнаго царя. Онъ тотчасъ послалъ денегъ раздавать стрѣльцамъ, которыхъ въ Москвѣ было тысячъ до восьми, чтобы съ ихъ помощью захватить престолъ.

Тогда ясно показалось, что, за невозможностію уничтожить вора, приходится склониться къ полякамъ; а чтобъ Шуйскій не мѣшалъ и не творилъ смуты, надобно было съ нимъ раздѣлаться.

19 іюля, Захаръ Ляпуновъ подобралъ себѣ товарищей; въ числѣ ихъ были: Иванъ Никитичъ Салтыковъ, Петръ Засѣкинъ, князь Туренинъ, князь Василій Тюфякинъ, князь Ѳедоръ Меринъ-Волконскій; подговорили іеромонаховъ изъ Чудова монастыря, пришли въ домъ Шуйскаго, разлучили его съ женой, ее увели въ Вознесенскій монастырь, а ему объявили, что слѣдуетъ постричься. «Люди московскіе! — говорилъ онъ — что̀ я вамъ такое сдѣлалъ? какую обиду учинилъ? Развѣ за то, что воздалъ месть тѣмъ, которые содѣявали возмущеніе на святую нашу православную вѣру и тщились разорить домъ Божій, развѣ за то, что мы не покорились Гришкѣ Разстригѣ и его богомерзкимъ совѣтникамъ?» Рѣчь его не разжалобила никого. Ему повторили, что онъ долженъ постричься. Василій наотрѣзъ сказалъ, что не хочетъ. Тогда приказано было іеромонахамъ совершать обрядъ постриженія. Когда по обряду спрашивали постригаемаго, желаетъ ли онъ? Василій громко кричалъ, что не

хочетъ, а стоявшій близь него князь Тюфякинъ, а по другимъ лѣтописнымъ сказаніямъ князь Туренинъ, произносилъ за него обѣщаніе, Ляпуновъ же крѣпко держалъ Василія Шуйскаго за руки, чтобъ онъ не отмахивался. Его насильно одѣли въ иноческое платье и отвезли въ Чудовъ монастырь, въ закрытомъ каптанѣ. Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ постригли супругу его, царицу Марью Петровну.

Патріархъ не признавалъ Василія въ иноческомъ званіи: онъ говорилъ, что теперь инокомъ сталъ тотъ, кто за царя Василія отрекался отъ міра и изъявилъ желаніе принять иночество.

Такъ окончилось царствованіе Василія *). Тогда вспомнили московскіе люди о видѣніи, которое нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было, какъ говорили, въ Архангельскомъ соборѣ. Ровно въ полночь съ четверга на пятницу, въ той церкви, гдѣ покоились московскіе великіе князья и цари, слышанъ былъ плачъ великій, и чтеніе 118 псалма, и пѣніе вѣчной памяти. Плачемъ началось, съ плачемъ затихло. Этотъ плачъ въ царской усыпальницѣ предвѣщалъ низверженіе Шуйскаго и грядущія за тѣмъ бѣдствія, постигшія русскую землю въ эпоху, которую русскій народъ удачно прозвалъ «московскимъ разореньемъ».

---

*) Pisma Żołkiewsk. 65—68.—Хроногр. Арх. Ком. рук.—Рукоп. Имп. публ. библ. Hist. Pol. № 31.—Diar. oblęż. Smol. рук. ген. шт.—Diar. Sapichy рук. Никон. лѣт. 138.—Врем. XVI. 112. Повѣств. о Рос. Арцыб. 242.—Buss. 133.—Bibl. Kras. B. 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

